

БИБЛИОТЕКА
ОН
«ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

Сурен Агабабян
Ануар Алимжанов
Сергей Баруздин
Альгимантас Бучис
Константин Воронков
Леонид Грачев
Анатолий Жигулин
Игорь Захорошко
Имант Зиедонис
Мирза Ибрагимов
Алим Кешоков
Григорий Корабельников
Леонард Лавлинский
Георгий Ломидзе
Михаил Луконин
Андрей Лупан
Юстинас Марцинкявичюс
Рафаэль Мустафин
Леонид Новиченко
Александр Овчаренко
Александр Руденко-Десняк
Инна Сергеева
Леонид Теракопян
Бронислав Холопов
Иван Шамякин
Людмила Шиловцева
Камил Яшен

Б И Б Л И О Т Е К А « Д Р У Ж Б Ы Н А Р О Д О В »

АДЫЛ
ЯКУБОВ

ПТИЦА ЖИВА КРЫЛЬЯМИ

НЕЛЕГКО СТАТЬ МУЖЧИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ» ● МОСКВА ● 1973

С (узб.) 2
Я 49

Художник С. ХАЛИЗОВ

7-3-3
40-74

ПТИЦА ЖИВА КРЫЛЬЯМИ

ПОВЕСТЬ

Перевод с узбекского В. ТЕНДРЯКОВА

Акрам вошел в комнату и тотчас на письменном столе, под мраморным чернильным прибором, заметил записку:

«Мама и гости уехали на вокзал. Вас не дождалось, боялись, что опоздают к поезду. Я в институте. Дома буду поздно. Сегодня после лекций на факультете Убайджана интересный диспут, что-то о современной семье и о любви. Вас пригласить не решаюсь, знаю, с какой иронией вы относитесь к разговорам на эти темы. После диспута, наверное, зайду к своим. Саяра».

Акрам отошел к окну и задумался. Ветер перебирал яркую листву молодого дерева, росшего перед балконом, и в его густой зелени, как китайские фонарики, уже зажглись первые огоньки зреющего урюка. Скоро все дерево вспыхнет оранжевым костром.

Как нескладно все получилось. Мать-то ладно, она простит. Но жена брата и другие гости из кишлака... Что они подумают о нем? Сколько времени собирались побывать у него в городе, и, когда наконец приехали, он не смог принять их по-человечески. Надеялся, что сможет провести с ними весь день — с утра возьмет такси, поез-

дит по городу, купит всем подарки и сам проводит к поезду...

Еще утром, выходя из дому, он был уверен, что только покажется в институте и тут же возвратится назад. Но все вышло иначе. Неожиданно вызвал к себе директор института, Султан Касымов, и попросил текст доклада, с которым Акрам выступал на техсовете еще весной. Речь шла о новом проекте главного архитектора института Зафара Бабаева. Смело, даже дерзко, он предлагал план полной перестройки одного из самых больших кишлаков Зеравшанской долины. Старый кишлак должен был превратиться в хорошо благоустроенное, современное село. В глубине души Акрам считал, что именно он лучше других знает и понимает, чем живет кишлак, что в первую очередь нужно его людям. Поэтому план Зафара, с его ультрамодными архитектурными решениями, казался Акраму красивым, даже талантливым, но совершенно лишенным реальной почвы. Тогда, на техсовете, Акрам резко выступил против проекта Зафара Бабаева. Он отчетливо помнил, как директор института молча соглашался с ним, одобрительно кивал головой, но открыто не принял его стороны, видно колебался.

Зачем же именно теперь Касымову понадобился доклад Акрама? Узнать бы, что он задумал. Перед тем как отдать доклад, Акрам вновь внимательно просмотрел его, кое-что уточнил, кое-что переписал вновь.

День пролетел незаметно. Теперь уж кайся не кайся — не поможет. Гости уехали. Акрам вздохнул, не торопясь, прошелся по комнате, и тут взгляд его вновь упал на записку Саяры.

«...Дома буду поздно... Вас пригласить не решаюсь... знаю, с какой иронией...» Конечно, Акрам не питал особой симпатии к подобным диспутам. Но сейчас ему почему-то захотелось разыскать Саяру, побыть с ней рядом.

Молодой поэт Убайджан был дальним родственником его жены. Он учился на филологическом факультете.

Интересно, зачем Саяре, будущему врачу, понадобился этот диспут? Тем более что государственные экзамены не за горами? К чему эта пустая трата времени?

Акрам взглянул на часы, накинул на плечи пиджак и вышел из дома.

С трудом пробившись сквозь плотную стену студентов, стоявших у входа в зал, Акрам остановился. Зал был переполнен. Судя по гулу голосов, диспут был в разгаре. Со всех сторон Акрама окружали возбужденные лица, отовсюду слышались выкрики. Кто-то безуспешно пытался навести порядок. На сцене, на кафедре, обитой зеленым сукном, стоял полный, не в меру раскрасневшийся человек с пышной шевелюрой. По-видимому, это был преподаватель. Его голос, густой и напряженный, гулко отдавался во всех уголках зала. Упершись руками в кафедру, он горячо доказывал:

— Есть русская культура, есть немецкая, французская, испанская... Есть наша национальная культура — узбекская. Кто станет отрицать это? Наверное, никто! Народ донес ее из глубины веков... Я готов широко открыть двери перед западной культурой: «Добро пожаловать, Шекспир! Гёте! Лев Толстой! Милости просим в наши самые дальние кишлаки». Но к этой ли культуре тянется наша молодежь? Увы! С горечью я должен сказать, что наши парни и девушки хватаются за самое наносное, что есть в западной культуре, — внешний лоск. Они стыдятся обычаев отцов...

Взгляд Акрама упорно скользил по рядам, отыскивая Саяру. Наконёц он нашёл ее.

Человек с кафедры продолжал доказывать что-то свое, но Акрам уже не слышал его.

Саяра сидела около больших светлых окон, выходящих на улицу, окруженная друзьями. Акрам узнал почти всех. С одной стороны от Саяры сидела девушка с высокой копной красновато-рыжих волос — Нилуфар. С другой стороны — Убайджан, рядом с ним — изящная, похожая на подростка девушка с коротко подстриженными волосами. К своему удивлению, Акрам обнаружил, что это Шахиста, дочь самого уважаемого человека из их кишлака.

Шахиста тоже училась в мединституте. Наверное, и ее Убайджан пригласил на этот диспут. Впереди вполоборота к ним сидел рослый загорелый парень. Длинные вьющиеся волосы, рыжеватая бородка, красиво обрам-

ляющая узкое, нервное лицо. Акрам видел его впервые. Не обращая внимания на оратора, бородач оживленно рассказывал что-то девушкам, вероятно очень смешное, потому что они с трудом сдерживали смех.

Акрам нахмурился и отвел от них взгляд. Шум зала снова привлек его внимание. Кто-то настойчиво требовал:

— Конкретнее говорите, конкретнее!

— Конкретнее? — Докладчик поднял руку. — Вы стесняетесь носить национальные одежды и сторонитесь старика в халате. Вместе с паранджой вы отмечаете учти-вость и скромность, стыдливость...

Зал взорвался веселым гулом голосов:

— Путааете Льва Толстого с узкими брюками! Большую культуру — с малой!

— Это вы путаете, дорогой! Узкие брюки принимаете за культуру! А традиционные привычки — за невежество! Запомните, дорогой, настоящую культуру воспринять, наверное, так же трудно, как и сохранить свою, национальную...

— Дело говорит, не перебивайте!..

— Слышали мы эти благонамеренные советы...

Высокий девичий голос с молодым задором выкрикнул:

— Чем мы перед вами провинились, уважаемый домулла? Почему вы утверждаете, что у современных девушек-узбечек нет скромности? Чем мы вам не любимы?

— Несправедливо! Нам достается, а ребята вновь сухими из воды выйдут. Да у доброй половины из них замашки настоящих баев!

Выступавший обернулся в ту сторону, откуда неслись голоса. Помолчал и неожиданно заговорил тихо и грустно:

— Мне по сердцу современные девушки-узбечки, но я не могу закрывать глаза, чтобы не видеть правду. Мне больно, когда я вижу развязность и легкость правов, солдатские стрижки вместо тяжелых кос, когда в речах я слышу дерзость вместо почтительного внимания... Не знаю, возможно, мы, старики, отстали от жизни...

— Спасибо за признание!

— Неправда! Учитель в тысячу раз лучше, моложе душой всех наших феодалычиков в джинсах!

Докладчик устало махнул рукой и, сутулясь, сошел с кафедры.

— Слово Шавкатджану! Дайте слово кинорежиссеру Шавкату Ходжаеву!

Акрам узнал голос жены. Невольно поморщившись, он посмотрел в сторону веселой компании. Громко скандируя, компания настойчиво выкрикивала:

— Слово Шавкатджану!

Парень с бородкой, что сидел впереди, добродушно отнекивался.

Неожиданно молодой преподаватель, который вел этот диспут, объявил:

— Слово нашему молодому поэту Убайджану Джуманиязову!

Под аплодисменты и одобрительные возгласы Убай поднялся на трибуну.

Немного нескладный, длинный и сутуловатый, Убайджан смущенно оглядел зал и неожиданно улыбнулся, будто вспомнил что-то смешное и давно забытое. Эта открытая улыбка так не гармонировала с первым впечатлением хмурости и суровости его широкого, скуластого лица, что в зале в ответ тоже заулыбались. И тогда Убай, видно совсем успокоившись, заговорил:

— Уважаемый докладчик, разумеется, прав! Но вот беда, начинаешь побаиваться самого себя: взглянешь на запад — и тебя тут же обвинят в низкопоклонстве, повернешься лицом к востоку — и угодишь в консерваторы... Слушал я уважаемого домуллу, его добрые советы и вспомнил одну историю. Заранее прошу извинить, если она покажется вам слишком длинной, но я все же хочу рассказать... В нашем кишлаке жили две сестры. Обе они были точно такими, как говорил наш домулла, — благовоспитанными, целомудренными и скромными девушками. И собой они были, что греха таить, очень хороши. Ну, и мы все; кишлачные парни... как бы вам объяснить...

— Чего тут объяснять? Все ясно, влюблен был по уши!

Убайджан ответил широкой белозубой улыбкой.

«Да, видно, он славный парень», — подумал Акрам. Он встречался с Убайджаном у родителей Саяры, не раз видел его мельком вместе с Шахистой, но только поговорить с ним как-то не приходилось.

«О ком это он? Уж не про Шахисту ли с Хамидой?» Но тут же Акрам понял, что речь идет о других.

— Шло время, сестры вышли замуж. Не могу сказать, чтоб им повезло. Парни попались неотесанные, свое нравные, деспотичные. Словом, не в двадцатом веке им место. Старшая сестра терпела, терпела грубость да издевательства, а потом и решила: хватит. Развелась с ним и уехала учиться. А младшая покорно сносила все. Из последних сил выбивалась, всю работу на свои плечи взвалила — и по дому и в колхозе... Не было в кишлаке человека, который не хвалил бы ее. Насколько старшую сестру не миловали, настолько младшую возносили... А теперь слушайте, что было дальше. В прошлом году старшая сестра вернулась в кишлак. Она стала зубным врачом, вышла замуж за парня, который вместе с ней учился в институте. И сама она помолодела, похорошела, так что младшая сестра выглядела перед ней просто старухой.

— Выходит, наш поэт-то в старшую был влюблен!..

Это было сказано настолько невпопад, что все возмущенно зашикали:

— Шут гороховый!

— Помолчи!

— Тиш-ше, вы!

Убай благодарно кивнул и, мягко улыбнувшись, продолжал:

— Словом, конец у этой сказочки таков: теперь весь кишлак с уважением говорит о старшей сестре, а о младшей — никто не вспоминает... Вот я и хочу спросить уважаемого домуллу: кто из этих девушек более достоин уважения? Старшая, что отстояла свое человеческое достоинство, или младшая, которая, боясь сплетен и пересудов, покорилась невежественному мужу и стала его рабыней?

Вихрь восторга пронесся по залу. Особенно бурно ликовали в той стороне, где сидела Саяра. Девушки, приложив ко рту ладони, кричали: «Молодец, Убайджан! Молодец!» Одна Шахиста сидела молча, низко

склонив голову над книгой и нервно перелистывая страницы.

Акрам еще раз взглянул на Саяру, она так разошлась, что начала стучать об пол ногами. С нарастающим раздражением подумал: «До каких пор она будет вести себя, как семнадцатилетняя девчонка?»

Акрам решил, наконец, подойти к жене, но в это время заметил докладчика, который шел по проходу к дверям. Он шел не спеша, высоко вскинув голову, выставив вперед уже заметно округлившийся живот, и в его массивной фигуре было что-то смешное и жалкое, хотя он всем своим видом показывал, что не считает себя побежденным.

Уже у дверей навстречу ему поднялся высокий молодой человек и, смущенно поклонившись, пошел за ним следом. Это был Зафар Бабаев.

«Он еще что тут делает?.. Ах да, здесь же Нилуфар! Выходит, домулла — будущий тесть Зафара! — подумал Акрам и усмехнулся:— Похоже, Зафар немного сконфужен».

Увидев Акрама, Зафар остановился и весело подмигнул приятелю:

— И ты, значит, приполз, старик? Караулишь свою Саяру? Ну как тебе нравится наша молодежь? Палец в рот не клади! А Нилуфар-то, уже отец ей — не указ... Ну и молодежь!

— Ничего... повзрослеют...

— Я говорил домулле, чтоб не выступал, так нет, не послушался. Вот и получил... Кстати, зайди в институт. Там у директора на твое имя пришла телеграмма. Не забудь...

Не договорив, Зафар знаком показал, что больше не может задерживать домуллу, и скрылся за дверью. Акрам так толком ничего и не понял.

Колокольчик председателя настойчиво требовал тишины.

...— Слово нашему гостю, молодому кинорежиссеру Шавкатджану Ходжаеву!

Шавкат встал и, поглаживая свою рыжеватую бородку, не торопясь, уверенным шагом направился к трибуне. Акрам проводил его взглядом и поднялся с места. Почему ему неприятен этот молодой человек? По-

чему ему вдруг стало неинтересно все, что происходит в зале?

Телеграмма? Нет, дело не в ней. Он поймал себя на мысли, что ему просто неприятно смотреть, как неестественно возбуждена его Саяра.

Интересно, что еще за телеграмма? От кого?

Телеграмма была из кишлака.

«Двадцать восьмого мая состоится торжественное открытие дворца. Возникла необходимость внесения некоторых уточнений проекте кишлака. Просим командировать Акрама Халикова сроком неделю. Председатель колхоза Тураб Икрамов».

Акрам придвинул телеграмму к Султану Касымову.

— Что скажешь?

— Раз нужно, конечно, поезжай. Какой может быть разговор! Да не забудь от меня лично передать привет райсу¹. Занятный человек этот председатель колхоза! Помнишь, как он тогда на техсовете разошелся? Горяч парень! Проект нашего Зафара с голой женщиной сравнил! Как тебе это нравится? — Директор рассмеялся, хлопая своими густыми, как у девушки, ресницами.

— Для красного словца было сказано.— Акрам нахмурился.— Ты же отлично понимаешь, что это несерьезно.

— Seriously или несерьезно, но согласишься, что в этой шутке есть и доля правды.— Директор перестал смеяться и, вытирая слезы, добавил уже другим тоном:— Да, кстати, я распорядился, чтобы один экземпляр твоего доклада отправили в министерство, а другой в Госкомитет по строительству.

— Что за спешка?

На гладком, распаренном лице Султана, который, казалось, только что вышел из парикмахерской, появилось выражение усталости, веселые искорки в глазах потухли.

— Знаешь, ты оказался прав, тысячу раз прав. Проект Зафара ничего общего не имеет с теми нуждами, которые сегодня испытывает кишлак!

«А ты только теперь это понял?» — подумал про себя Акрам, но смолчал. Грустно покачивая головой, Султан продолжал:

¹ Райс — председатель.

— О том, что ему нелегко будет работать в нашем институте, я знал давно. Во всяком случае, догадывался, хотя у человека столичное образование... А потом, не кажется ли тебе, что мы все несколько переоценили его способности?

— Почему? В том, что Зафар талантливый архитектор, я не...

— Талантливый, талантливый! Нашли себе разменную монету! Уж больно легко вы раздаете эпитеты!—

перебил Султан с неожиданным раздражением.— Не знаю, талантлив он или нет, но вот вирус карьеризма в нем прекрасно прижился, это я хорошо вижу! Тут я его раскусил!

«Вот тебе и на! Метили в верблюда, а попали в осла!» — подумал Акрам, взглянув на покрывшееся красными пятнами лицо Султана.

— Что случилось, дорогой? Что за черная кошка между вами пробежала?

— Тут дело не в наших отношениях, а в принципе!

Султан поднялся с кресла и, нервно теребя воротник своего костюма, принялся ходить из угла в угол по просторному, покрытому ярким бухарским ковром кабинету.

— Знаешь ли ты, что Зафар самовольно, без нашего согласия, отнес свой проект в Госкомитет? Да, да, именно тот проект, который был раскритикован на техсовете. Мало того, он выставил его на обсуждение молодых в Союзе архитекторов. Черт знает что! — Султан брезгливо поморщился.— А ты говоришь — талант! Не знаю, как ты, но я не мыслю себе талант без душевной доброты, честности, искренности. Вот что я ценю в первую очередь. А твой талант ведет себя так, как будто все мы тут, кроме него, сплошные тупицы и кретины! — Султан распаялся все больше, его жесты становились размашистей, а лицо возбужденнее. Казалось, он старался убедить не только Акрама, но и самого себя.— Все члены техсовета, особенно ты, говорили очень дельные вещи. А этот мальчишка...

— Мда...— Акрам взглянул на возбужденное лицо Султана и отвел глаза.— Положим, Зафар поступил нехорошо. Но, извини меня, я хочу задать тебе один вопрос.

С видом обиженной добродетели Султан смолк.

— Ну?

— Раз ты так активно против его проекта, почему же тогда, на техсовете, ты не высказал определенно своего отношения? Выходит, если бы не история с Госкомитетом и Союзом архитекторов, все бы оставалось по-прежнему?

— Вот тебе на! — Султан театрально раскинул руки и, смущенно пряча глаза, рассмеялся.— Понимаешь, все

моя проклятая деликатность подводит. А потом подумай сам, дорогой: ведь Зафар не просто архитектор и даже не руководитель мастерской, ведь он — главный архитектор института! Что же мне оставалось делать?.. Не пристало нам, двум руководителям, на техсовете грызться меж собой, как собакам...

— А для чего же тогда техсовет? Чтоб комплименты друг другу отпускать? Или говорить о принципиальных вещах? Ведь разговор шел об одном из узловых проектов института.— Акрам едва мог скрыть свое раздражение.

— Вот теперь и будем говорить принципиально. Согласен? — спросил Султан примирительно.— Сдаюсь. Конечно, ты прав. Что греха таить — смалодушничал, нужно было тебя поддержать! — круглое лицо директора излучало добродушие.— Вообще я понял, что недостаточно ценил тебя, твою прямоту!.. Да, да...

Акрам не ожидал такого оборота в разговоре и насторожился.

— Благодарю за комплимент.

Но тут распахнулась дверь — и в комнату буквально влетели две девушки. Раскрасневшиеся и возбужденные, они изо всех сил старались казаться спокойными, но им трудно было скрыть переполнявшую их радость.

— Извините нас, Султан Касымович. Мы пришли...— начали хором они и, запнувшись, смолкли.

Касымов стоял, скрестив на груди руки и исподлобья наблюдал за ними.

— В чем дело?

Девушка с прической, напоминавшей падающий минарет, сделала шаг вперед и выпалила на одном дыхании:

— Наш проект, вернее проект Зафара Бабаевича, получил премию на республиканском конкурсе! — Лицо ее расплылось в улыбке.

— Проект получил вторую премию,— добавила вторая, скромно потупившись.

Акрам взглянул на Султана. Тот стоял в какой-то странной растерянности. Однако секунду спустя он овладел собой и, подмигнув Акраму, шагнул навстречу девушкам.

— Поздравляю вас! Кто сообщил вам об этом?

— Только что позвонили из Союза архитекторов,— ответила девушка с высокой прической.— Мы еле отыскали Зафара Бабаевича. И теперь, Султан Касымович... надо отметить... такое событие...— Сбившись, девушка поправила челку и рассмеялась.— Пойдемте все вместе в кабинет Зафара Бабаевича, и вы, Акрам Халикович... По бокалу шампанского... Такая радость...

Не успела она договорить, как вновь открылась дверь и на пороге появился уже сам Зафар с бутылками шампанского в руках.

— Кто тут еще нас не ценит? Признавайтесь?! — растягивая слова, выкрикивал Зафар, со стуком расставляя на столе бутылки.— Мы — мастера на все руки. И авторитет института поднимаем, и сами себя угощаем! Пользуйтесь нашей добротой. Себя не похвалишь — от вас не дождешься!

Султан засмеялся.

— Ишь, разошелся, расхвастался! Смотри, чтоб вместо благодарности я тебе выговор не влепил! За самодеятельность. Чтоб в следующий раз плановой институтской работой занимался, а не изобретал индивидуальные проекты.

— Ага, что я вам говорил? Нас здесь не поняли. Нет пророка в своем отечестве. Покинем сей негостеприимный кров. Будем пить сами! — Подмигнув девушкам, Зафар схватил бутылки.

— Нет, нет, я пошутил! Я рад, очень рад за тебя! — Султан обнял Зафара, и они расцеловались.

Акрам невольно отвел взгляд в сторону. Конечно, это большой успех. Споры спорами, а Зафар безусловно способный архитектор. Акрам искренне пожал руку товарища. Но тот в порыве радости притянул его к себе.

— Не сторонись, не сторонись, раз ты не хочешь, я тебя сам обниму... Ты знаешь, я люблю тебя, люблю за твою... горячность и прямоту!

Акрам постарался скорее высвободиться из объятий Зафара.

Пробка от бутылки шампанского ударила в потолок. Поздравления, звон бокалов — все слилось в один радостный, беспорядочный гул.

День отшумел. На город, с его многоэтажными домами, густолиственными чинарами, нежными акациями и серебристыми тополями, выстроившимися вдоль улиц, медленно опускался прозрачный летний вечер. Жара спала, повеяло прохладой. С каждым мгновением сумерки становились все гуще, тени длиннее. Затаившись, природа ждала ночи.

Акраму не хотелось идти домой. Ему нравилось так бездумно бродить по улицам, вслушиваясь в голоса вечернего города. Его подхватил людской поток, подчинявшийся своим, только ему ведомым законам. Открытые лица, сплетенные пальцы, сияющие глаза — все дышало молодостью и красотой. Казалось, сам воздух был напоен любовью. Повинуясь общему течению, Акрам незаметно для себя свернул в городской парк и очутился у входа в молодежное кафе.

Оббитое снаружи виноградом и сине-розовыми цветами повилики, залитое внутри неоновым светом, стеклянное кафе напоминало аквариум, а пестрые пары, плывущие в такт музыке, казались диковинными рыбами. Акраму не хотелось заходить внутрь, он знал, что в кафе душно и тесно, и, решив не нарушать иллюзии, свернул к столикам, стоящим на открытом воздухе. Проходя под навесом виноградных листьев, он невольно остановился. В самом дальнем, слабоосвещенном углу, укрывшись за виноградной лозой, стоял земляк Акрама, младший брат председателя колхоза Турабджана Икрамова. Напряженно, не отрываясь, смотрел он сквозь прозрачную стену кафе.

— Мурадджан? Ты что здесь делаешь?

— Да так...— Мурадджан затравленно оглянулся и, как-то странно дернув длинной тонкой шеей, попытался прошмыгнуть мимо Акрама.

— Подожди, что с тобой?

— Вам-то что за дело? Запрещается, что ли, бывать в кафе? — с вызовом ответил Мурадджан и кинулся в темную аллею.

Акрам с недоумением посмотрел ему вслед, затем перевел взгляд туда, куда только что смотрел Мурадджан, и все понял. В кафе недалеко от дверей в полном составе сидела недавняя институтская компания. И на самом видном месте — Убай и Шахиста!

Сразу припомнились слова Турабджана: «Мой братишка совсем потерял голову от сестренки твоей первой любви Хамидахон. Боюсь, что он ее проворонит, как ты старшую. Уж больно вы с девками мягки. Таким часто от ворот поворот дают!»

Акраму было жаль парня. Но тут же он увидел свою жену и сразу забыл о Турабджане. Рыжеволосый режиссер, поклонившись Саяре, пригласил ее на танец. Саяра охотно поднялась и вошла следом за ним в круг танцующих.

Акраму вдруг очень захотелось повернуться и уйти. Он понимал, что это мальчишество, глупость, но ничего не мог с собой поделать. Ему стоило большого труда пересилить себя и войти в кафе. Саяра увидела его, что-то сказала Шавкатджану и, радостно улыбаясь, бросилась навстречу мужу.

Парни, сидевшие за столиком, поднялись, приветствуя Акрама, и освободили ему место рядом с женой.

Шавкат встретил Акрама, как старого знакомого:

— Вот кого можно назвать современным мужчиной! Красавица супруга до полночи развлекается с друзьями в ресторане, а Акрам-ака спокоен и невозмутим. Bravo! Равнение на Акрама-ака, товарищи мужчины!

Акрам не сразу нашелся, что ответить. Его опередила Саяра:

— Просто жена ведет себя так безупречно, что нет никаких оснований для ревности. Супруга Цезаря вне подозрений!

Все дружно рассмеялись.

Саяра усадила Акрама рядом, сама наполнила его бокал вином и была так заботлива и нежна, что у Акрама потеплело на душе. Первый тост подняли за вновь прибывшего. Все держали себя весело и непринужденно.

«И чего я к ним придираюсь? — подумал Акрам. — Люди отдыхают, а мне все видится в мрачном свете. Наверное, после диспута не хотелось расходиться, решили посидеть все вместе в кафе... А я...»

Шавкат и Нилуфар соревновались в остроумии. Убай снисходительно посмеивался, выпуская колечками синеватый дым сигареты, а изредка, когда накал веселья, казалось, иссякал, подкидывал шуточные реплики.

Одна Шахиста сидела смущенная и тихая. Короткая стрижка «под мальчишку» очень шла к ее смуглому удлиненному лицу. Легкая и миниатюрная, она была похожа на кинозвезду с обложки журнала «Экран». Акраму было занятно наблюдать, как заливались краской лицо и шея девушки от шуток не в меру расходившегося Шавкатджана. А тот, видимо, тоже наслаждаясь смущением Шахисты, адресовал ей все свои шутки и комплименты. Подражая докладчику, он деланно вздыхал о потерянных «сорока косичках», так украшавших узбекских женщин. При этом театральным жестом он показывал на словно выточенную головку Шахисты. Весело подмигивая, он горевал об утраченном целомудрии и о былом послушании и покорности. Саяра и Нилуфар, казалось, совсем обессилели от смеха. А Шахиста только ниже и ниже склоняла голову.

Акрама стала раздражать легкость, с которой Шавкат высмеивал то, что действительно было ему дорого. А потом Нилуфар. Ведь выступал ее отец! Шавкат открыто подтрунивает над ним, а ее буйной радости не видно конца.

Убай первым понял, что Шавкат хватил через край. Стараясь унять не в меру расходившегося друга, он попытался перевести разговор на другое.

— Учителя можно понять, — начал Убай примиряюще. — Для доброй половины тех, кто сидел на диспуте, культура действительно представляется чем-то в виде сверхузенских брюк и экстравагантных фильмов. А это столь же мало имеет отношение к новаторству, как и сорок косичек к консерватизму. Вы со мной согласны, Акрам-ака?

— На мой взгляд, пустое времяпрепровождение — самый злостный консерватизм! — угрюмо отозвался Акрам.

— Внимание! Слово представителю среднего поколения! К барьеру, Акрам-ака! — шутливо воскликнул Шавкат.

Акрам почувствовал на своем колене легкую и предостерегающую руку Саяры.

— Диспут отменяется! Поищите себе другого представителя «среднего поколения». Вы обратились не по адресу, — быстро отпарировала Саяра. В ее глазах, об-

ращенных к Акраму, была немая просьба: «Не ввязывайтесь в спор, мне это неприятно». — Какие вы все несносные спорщики, — продолжала она капризным тоном. — Неужели мы пришли в кафе для того, чтобы говорить о докладе и консерватизме!

«Кажется, я действительно «представитель среднего поколения», — подумал про себя Акрам. — И этой беззаботной молодежи кажусь добрым папой Карло. Похоже, что собственная жена боится, чтоб я не выглядел смешным. Незавидное положение!»

За столом наступила неловкая пауза. Саяра сидела выпрямившись, как натянутая струна. Убай возился с очередной сигаретой. Акрам вдруг почувствовал, что в кафе душно, что он устал и давно хочет домой. Все молчали, только одна Нилуфар проговорила с апломбом:

— Саяра права, надоели эти диспуты. И вообще — о чем спорить? Надо открыто сказать, что мы просто не желаем жить по дедовским законам. Как там поется в песне? «Молодым везде у нас дорога» — вот и потеснитесь, товарищи старички, уступите нам эту дорогу. А то иногда просто забываешь, в каком веке живешь. Посмотрите, что творится утром в троллейбусах и трамваях. Со стыда сгореть можно. Лезут с хурджунами, толкаются, скандалят... Особенно эти, из кишлаков. Ну до чего неотесанный народ. Невольно начинаешь краснеть за нашу отсталость.

Акрам старался смотреть в сторону и сердито думал: «Что ты, милая барышня, знаешь об этом неотесанном народе? Тебе бы хоть часть его забот». Он вновь почувствовал на своем колене ладонь Саяры и больно сжал ее. Неожиданно для себя Акрам перебил Нилуфар:

— Не слишком ли вы суровы к нашим старикам, Нилуфар? Я что-то не возьму в толк, о чем вы так горячо болеете — о нашей отсталости или о порядках в троллейбусах?

Нилуфар вспыхнула:

— Вы отлично знаете, Акрам-ака, о чем я говорю. Вам, как моему отцу, не терпится оборвать нас, сбить с толку. — Нилуфар резко повернулась к Акраму. Глаза ее сузились, недобро сверкнули. — А если хотите знать правду, в вас говорит обычный мужской эгоизм. Вам просто

не нравится, что мы сидим здесь, в кафе, а не дома, что нам тут приятно и весело. Больше того, вас возмущает, что мы пытаемся судить о вещах, недоступных для нашего женского ума. Сознайтесь, разве я не права?

Нилуфар смотрела на Акрама с вызовом.

«Неужели она все-таки втянет меня в этот бессмысленный и ненужный спор? Сколько еще воды утечет, пока эти ребята поймут, что, собственно, такое земля, на которой ты родился, и что такое вековые привычки, которые сейчас их отпугивают, как огонь шакала. Здесь ли выкладывать свои взгляды на жизнь, перед ними ли их отстаивать?..» Пауза слишком затянулась. Акрам почувствовал, что Саяра тоже с напряжением ждет ответа.

— Милая Нилуфар,— сказал он примиряюще,— вам возражать опасно. Сразу попадешь в разряд врагов женской эмансипации. И пойдешь потом замаливай свои грехи — доказывай, что ты не верблюд.

Все засмеялись, радуясь наступившей разрядке. Нилуфар удовлетворенно закивала Акраму, снисходительно принимая его капитуляцию. Уже более спокойно, но столь же назойливо она продолжала:

— Согласитесь, Акрам-ака, что жизнь сейчас предъявляет совершенно иные требования. Например, возьмем литературу. Могут ли писатели старшего поколения рассказать о нас? Разве они нас понимают? Так что напрасно вы обиделись за старичков, волей-неволей им придется уступить дорогу.

— Увольте,— буркнул Акрам, внутренне досадуя, что его никак не хотят оставить в покое.— Не берусь судить о вещах, в которых мало разбираюсь.

— Пусть скажет Убайджан...— настаивала на своем Нилуфар.

— Хватит, хватит, ради бога,— замахала руками Саяра.— Я вас сейчас всех примирю. Я ведь ясновидящая. Разве вы не знали? — Саяра вскочила со стула, подошла к Убайджану, положила ему руки на плечо и заговорила нараспев, чуть изменив голос:— Знайте, люди, что у этого отрока большое будущее, он создаст великую поэму и прославит узбекскую литературу. Столь же славен ваш второй собеседник,— она указала на Шавката,—

о его фильмах вскоре заговорят во всех уголках нашей планеты!

Убай и Шавкат шутливо преклонили колени, принимая благословение Саяры. Впервые за вечер весело и залиристо рассмеялась Шахиста.

— Только с одним условием,— задорно воскликнул Шавкатджан.— Вы, Саяра, должны осчастливить мир исполнением главной роли в моем фильме.

Саяра густо покраснела:

— Где уж мне, старухе, быть актрисой. Возьмите лучше Нилуфархон и Шахисту!

— Обязательно. И для Нилуфархон в сценарии есть очень интересная роль. Как раз по ее темпераменту. А о Шахисте я могу только мечтать, да боюсь грозного Убая!

Не успел он окончить фразы, как заиграл джаз, и огромный стеклянный аквариум стоном отозвался на этот звуковой шквал. Откуда-то сбоку к столу подскочил маленький лысый человек и поклонился Нилуфар. Следом за ними встал Шавкатджан и поклонился Шахисте. Та бросила испуганный взгляд на Убая. Он притянул ее к себе и полушутя-полусерьезно произнес:

— Не доверяю кинорежиссерам!

— Ну вот,— Шавкат театральным жестом раскинул руки, как бы призывая всех в свидетели.— Что я говорил? Саяра, выручайте.

— Не знаю, разрешит ли мой повелитель? — в тон ему ответила Саяра.

Взгляд Акрама встретился со смеющимся взглядом жены.

— Ваше смирение заслуживает награды,— невольно включаясь в общую игру, сказал Акрам.

Но когда Саяра и Шавкат, взявшись за руки и покачиваясь в такт музыке, начали наступать друг на друга и в глазах жены он увидел радость, даже азарт, в груди что-то сжалось. Он понимал, что глупо, смешно поддаваться слепой ревности, но ничего не мог с собой поделаться. Для него сейчас все казалось оскорбительным: и эта режущая ухо музыка, и этот ненужный танец. Нестерпимо вдруг захотелось встать, крикнуть что-то обидное и злое, пнуть этот заставленный тарелками столик — уйти прочь.

Очнуться его заставил голос Зафара:

— Вот так удача! Я вижу, вся компания в сборе!

Зафар с девушками, которых Акрам оставил в кабинете у Султана Касымова, и с другими, уже изрядно «подогретыми» сослуживцами стояли в дверях кафе. Директора с ними не было. Не теряя ни минуты, Зафар принялся командовать:

— За работу, друзья, за работу! Раз-два, взялись! Дружно! Этот стол двигайте на меня! Второй стол рядом. Так. Теперь стулья.

Вокруг Акрама началась оживленная и дружная возня. Один из приятелей Зафара, не дожидаясь прихода официантки, побежал к буфету, девушка с прической, напоминающей падающий минарет, что-то оживленно шептала на ухо Нилуфар. Та сначала разыграла сцену обиды — почему Зафар не ей первой сообщил о таком важном событии, — потом милостиво простила, потянулась к Зафару. Они расцеловались, и Нилуфар приняла на себя роль хозяйки стола.

Один Акрам был в стороне от общего веселья. Видимо, почувствовав его настроение, Зафар спросил:

— Что так мрачен, старина? Брось! Лучше оглянись вокруг, посмотри, сколько красивых молодых лиц. Поверь мне, жизнь хороша. И я искренне рад, что ты здесь. Мы ведь друзья, правда? Давай выпьем! — Зафар обнял Акрама. — За твои успехи, коллега!

Акрам понял, что Зафар сейчас счастлив, окрылен успехом, что ему хочется со всеми поделиться своей радостью, быть щедрым и великодушным. Акрам поднял рюмку. Ему тоже захотелось сказать Зафару какие-то теплые и искренние слова. Но тот уже приглашал танцевать Саяру.

— Сегодня я ни от кого не хочу слышать отказа. Саяра-хон, окажите честь вашему верноподданному.

— Тебе с удовольствием окажет эту честь Нилуфар-хон! — произнес Акрам и тут же поморщился. «Да что со мной сегодня, в конце концов, происходит?»

Саяра, побледнев, поднялась и подала руку Зафару. Настроение у Акрама окончательно испортилось. Все танцевали. За общим столом оказались только Убай и Акрам. Даже Шахисту, несмотря на ее отчаянное сопротивление, вытолкнули в круг.

Поэт пересел ближе к Акраму.

— Вы сегодня не в духе, Акрам-ака?

— Устал,— односложно ответил Акрам.

— Не принимайте все так близко к сердцу, Акрам-ака. Простите, что я вмешиваюсь, но поверьте, ничего плохого здесь не происходит. Наши девушки молоды, хороши собой, и, наверное, нам надо только радоваться этому.

Акрам молчал. В глубине души он чувствовал, что этот сдержанный парень прав. Но ему было неприятно, что молодой Убай заметил его слабость и разговаривает с ним, как с равным, а может быть, и с долей превосходства.

«Нужно уйти!» — сказал он себе и встал, увидев, что Зафар подводит Саяру к столу.

— Пора домой.

— Посидим еще немного, мне здесь так приятно.— Саяра вскинула брови.

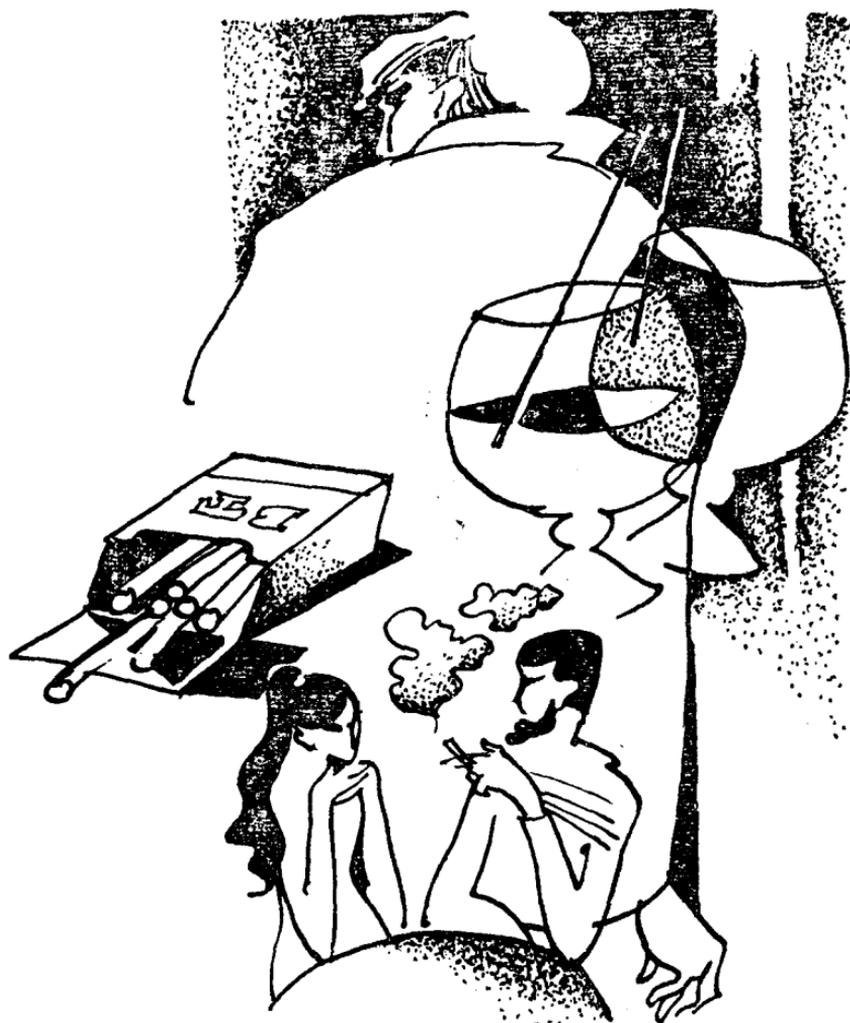
— Какая муха тебя укусила? Веселье только начинается. Давай не будем портить себе и другим настроение. Увести сейчас очаровательную Саяру — значит обокрасть нас.— Зафар заговорщически подмигнул Саяре.— Не бойтесь, Саяра, мы за вас будем стоять насмерть.

Саяра беспомощно улыбнулась и взглянула на мужа просительно и предостерегающе.

— В таком случае счастливо оставаться, я пойду,— бросил Акрам и решительно направился к выходу.

«Господи, я веду себя хуже мальчишки! Я же старше их всех! Зачем я обидел Саяру? Зачем испортил людям вечер?» Досадуя на себя, Акрам чуть ли не бежал по аллеям парка.

Народу стало заметно меньше, только на скамейках, в тени деревьев, тесно прижавшись друг к другу, сидели влюбленные. Теплый вечерний воздух был напоен крепким ароматом цветущего миндаля. Акраму этот запах был знаком с детства. Тут же вспомнился далекий горный кишлак, где он бегал босоногим мальчишкой. Весенний ветер с гор почему-то всегда отдавал этим терпким ароматом. Акрам вздохнул всей грудью и пошел медленнее. Ветерок приятно освежал лицо, возбуждение постепенно улеглось, и Акраму, который еще совсем

недавно был обижен, раздражен, считал, что Саяра предала его, сейчас совсем не хотелось возвращаться домой без нее.

И так каждый раз: сначала расшумится, как ребенок, а потом ходит точно в воду опущенный, мучается, не знает, как помириться. Когда он, наконец, избавится от своей детской вспыльчивости? Давно пора научиться владеть собой. Если тебе Саяра не по нраву, то почему

в свое время не женился на той, которую тебе сватала мать? Она бы исправно готовила тебе обед, нянчила детей, охраняла бы твой покой и уют. Неужели Нилуфар права и в тебе говорит просто мужское самолюбие?

Дойдя до чинары, растущей в конце аллеи, Акрам невольно остановился. Здесь он впервые встретился с Саярой. Был такой же теплый летний вечер. Нет, кажется, это было немного раньше. Урюк еще только начинал цвести. В белом коротком платье и туфлях на высоких каблуках, с нежной веткой урюка в пышных волосах, она шла к нему по этой дорожке. Лицо Саяры светилось, и сама она вся была похожа на только что распустившийся прекрасный цветок. Она шла все быстрее и быстрее и наконец, не выдержав, отбросила назад длинную толстую косу и побежала к нему.

Чувствуя бешеный стук сердца, Акрам шагнул ей навстречу. Тогда все деревья в парке и даже эта старая чинара — все вокруг, казалось, было объято весенним цветением.

А познакомился он с Саярой чуть раньше, на пятидесятилетнем юбилее ее отца — профессора Абида Юнусовича. В черном парадном костюме, торжественный и взволнованный от поднятых в его честь тостов, Абид Юнусович сам подвел Акрама к стайке девушек, среди которых была его Саяра:

— Прошу любить и жаловать любимого моего ученика — Акрамджана Халикова. Надеюсь, он не зазнается, если я скажу, что его ждет блестящее будущее. По крайней мере я в это верю. Так что, девушки, делайте выводы,— добавил он шутливо.

Саяра сама пригласила Акрама на танец, а он, обычно робкий и застенчивый, был в тот памятный вечер в ударе. Ему все давалось легко и просто. Он шутил, смеялся, заражая своим весельем окружающих. Помнится, Саяра не отходила от него, ее не смущали даже шутки подруг: «А Саяра, кажется, уже сделала для себя выводы».

В тот вечер, когда, обняв гибкую талию девушки, он кружился по залу и ее милое лицо было так близко, что он невольно касался губами нежных прядей волос, ему казалось, что никогда до этого он не любил, что не было

в его жизни Хамиды и только сейчас впервые он узнал, что такое любить, быть счастливым!

Стоило Акраму подумать про Абида Юнусовича, как на душе стало легче. Захотелось тут же, немедленно повидаться со славным стариком. Не теряя времени, он свернул к дому тестя.

...Калитку открыла мать Саяры, Мавджуда-апа, чуть слышно произнесла: «Проходите»,— и ушла в дом.

«Какой комар укусил ее?»

Проходя по коридору, Акрам заметил в ярко освещенной гостиной знакомого профессора. Он сидел у окна, на самом почетном месте, и что-то возбужденно показывал Абиду Юнусовичу. Тот стоял, опустив голову, и внимательно слушал гостя. До Акрама донеслось:

— Нет, никак, Абид Юнусович, не могу согласиться с вашим мнением, увольте — не могу... Не ожидал встретить в вас противника.

— Вот, кстати, появился молодой человек, которому, кажется, небезынтересно вас послушать, так что напрасно вы сетуете на молодых,— произнес Абид Юнусович вместо приветствия Акраму и, усмехнувшись, вышел из комнаты.

Впервые Акрам услышал от тестя такую колкость и удивленно посмотрел ему вслед.

Профессор, засунув руки в карманы брюк, стал раскачивать из конца в конец комнаты. Акрам невольно поймал себя на том, что не отрываясь следит, как в такт шагам мерно раскачивается уже достаточно округлившийся животик гостя.

— Так вот, речь идет о диспуте, который проходил сегодня у нас в институте,— начал тот, остановившись посреди комнаты и скрестив руки на груди.— Мне помнится, вы тоже там были. Насколько я знаю, вы человек серьезный, поэтому мне, ука, особенно ценно узнать ваше мнение о диспуте.

Акрам пожал плечами. Странно, хотя он сочувствовал профессору, его слова, манера держаться, его размеренный голос — все сейчас вызывало в нем раздражение.

— Откровенно насмеяться над пожилым человеком, который двадцать лет проработал в этом институте! Как

вам. это нравится? Какое неуважение! Так мы далеко уйдем... Только вы не подумайте, что во мне говорит оскорбленное самолюбие. Нет, дело не в моей персоне, ука... Я опечален теми сдвигами, которые необратимо происходят в нашей молодежи!

Полные щеки профессора вздрагивали, карие, обычно добрые глаза сузились от негодования.

— Удивляюсь вашей терпимости, ука! В наше время комсомол был не таким инертным. Мы не боялись называть вещи своими именами. Не знаю, если так дальше пойдет, то что станет с нашими нравственными принципами? Надо, чтоб комсомол...

Акрам невольно улыбнулся:

— Простите, домулла. Но мне уже за тридцать... И вообще, что, собственно, произошло? Не очень ли вы сгущаете краски? Может, молодежь потому и не поняла вас, даже ваша дочь... Нилуфар....

Профессор, будто споткнувшись о слова Акрама, остановился.

— Неужели вы думаете, что, печалась за других, я стану выгораживать свою дочь? — Горестно покачав головой, он продолжал: — Если хотите знать, самую острую боль мне причиняют моя родная дочь и мой будущий зять. Больше всего я страдаю от поведения своих детей, да!

Акрам отвел взгляд в сторону. Ему казалось, что в профессоре он увидел свое отражение. Не был ли он похож на этого достойного представителя «армии спасения» там, в кафе? Ему стало не по себе. К счастью, в это время в гостиную вошел Абид Юнусович, и гость, не дожидаясь ответа Акрама, взялся за шляпу.

— Вижу, что в этой семье у меня нет единомышленников, — сказал он с наигранной веселостью. — И этот молодой человек на вашей стороне, так что у меня нет другого выхода, кроме как удалиться.

— Полная капитуляция! — рассмеялся Абид Юнусович.

— Никак нет. На языке политики такое временное отступление, да будет вам это известно, называется тактикой! — Профессор церемонно раскланялся.

Абид Юнусович вышел проводить гостя, затем вер-

нулся в комнату, устало опустил в свое старое глубокое кресло и задумался.

— Странные мы люди, — начал он, помолчав. — Столько пережили на своем веку, а все никак не можем научиться философски смотреть на жизнь. Часто забываем, что жизнь — это не застойное болото, а стремительно несущаяся река. Как еще мы боимся ее крутых поворотов и быстрин!

Абид Юнусович резко поднял голову и, сощурившись, пристально посмотрел на Акрама.

— Подумать только! Профессор пришел всерьез жаловаться мне на молодежь. Послушаешь его, можно подумать, что мир перевернулся. Никак не могу понять, почему наша молодежь должна брать себе за образец этого человека? Почему она должна исповедовать обязательно его взгляды... придерживаться его мыслей? Сегодня в институте был какой-то диспут...

— Я был на нем, — сказал Акрам.

— Что там такое случилось? Почему мой коллега поднял такую панику? Поверь ему, так добрую половину студентов надо выгнать из института!

Лицо Акрама залилось краской. Ему казалось, что разговор идет не о профессоре, а о нем самом.

— Как вам сказать? Конечно, поднимать панику не из-за чего. Правда, наших ребят никак не упрекнешь в избытке такта! Сгоряча они иной раз такое загнут!..

— Знаю! — сказал Абид Юнусович. — Холодная голова — удел стариков, и видит аллах, какую высокую цену мы за это платим. А молодой скакун тем и хорош, что горяч и поровист. Не подавлять, а развивать мы должны в нашей молодежи самостоятельность, обостренное чувство справедливости, правдолюбие, непримиримость к рутине и карьеризму! У нас растет замечательная смена. Поделом ему, старому ворчуну, сегодня досталось. Радоваться надо, а не греть.

— Послушайте меня, Акрамджан, — неожиданно переменял тему разговора Абид Юнусович. — Я не хочу вмешиваться в ваши семейные дела. Однако... Саяра сейчас пришла вся в слезах. На расспросы ничего не отвечает. Что случилось?

Акрам проглотил комок, невольно ставший в горле.

Что он мог ответить тестю? Что Саяра плохо вела себя в кафе, что она шутила и смеялась с друзьями, что она танцевала?

— Кажется, я немного понервничал...— начал Акрам сбивчиво.

Абид Юнусович грустно покачал головой, вздохнул.

— Молодежь, молодежь... Хочу предостеречь вас от своих ошибок. Ведь и я тоже был молод, и не все в жизни делалось так, как хотелось бы мне сейчас. Нужно быть помягче, Акрамджан. Во всяком случае... я хотел бы, чтобы вы с Саярой нашли общий язык. Берегитесь, чтобы мелкие стычки не превратились в большую ссору. Поговорите с ней... Легче тушить маленький огонь. Не советую ждать, пока разгорится большой пожар.

Саяра лежала на диване в кабинете отца лицом к стене. Чай, принесенный матерью, давно уже остыл на столе.

Демонстративно, на глазах у всех, бросить ее в кафе! И какое у него было нехорошее, злое лицо! Еще минута — и она бы разревелась от унижения и обиды. Наверное, кое-кто ждал этого. С какой жалостью и сочувствием все смотрели на нее. Только еще не доставало, чтоб ее жалели. Едва сдерживаясь, она выскочила из-за стола. Поднялись все, но Зафар остановил их:

— Сидите, сидите. Я отвезу Саярахон и быстро вернусь.

Голубая «Волга» Зафара стояла у ворот парка. Зафар открыл дверцу машины, засмеялся:

— Приедете домой раньше Акрама и покажете ему, что в наше время с женами шутки плохи.

— Если можно, отвезите меня к родителям,— попросила она.

Легко, без напряжения ведя «Волгу» в потоке мчащихся машин, Зафар, как показалось Саяре, заговорил фальшиво и неискренне:

— В жизни все бывает, Саярахон. Акрам хороший парень, прямой, честный.

— Спасибо,— холодно ответила Саяра.— Это я давно знаю.

— Хотя...— Зафар тихо рассмеялся,— он из тех, кто

вчерашний плов любит больше свежего. Я думал, что это у него только в архитектуре. Вы представляете наше ремесло... Не знаю даже, как назвать. Наука?.. Нет! Искусство?.. Так вот. Сейчас мне кажется, что наше дело приближается к революционному скачку. Скоро, да, да, очень скоро не только здания в городе будут выглядеть не так, как сейчас, но и сами города совсем преобразятся. Акрам не хочет понять этого.

— Чтобы понять это, человеку, наверное, многое нужно! — тихо произнесла Саяра.

Зафар, чуть-чуть скосив глаза, спокойно ответил:

— В студенческие годы Акрам считался у нас одним из самых способных. Не знаю, почему он отказался поехать в Москву. Что бы я сейчас делал, если бы тогда поступил так же, как Акрам? Москва есть Москва, и тут ничего не попишешь!

Саяра усмехнулась:

— Как он мог поехать, когда я повисла на его шее!

— Вы повисли на его шее или он на вашей? — спросил Зафар, сморщившись в улыбке.— Вы знаете, все мы, молодые аспиранты, были влюблены в вас!

— Спасибо, хотя и не верю этому,— сказала Саяра и тут же покраснела. Как бы Зафар не подумал, что она кокетничает, напрашивается на комплименты.

Зафар рассмеялся.

— Я бы доказал верность своих слов, но, к сожалению, мы уже приехали.

Саяра постояла у ворот, пока красные огоньки машины не растворились в темноте, и нехотя вошла во двор. Слова Зафара ее так растревожили, что она даже не приласкала дочку, с радостным криком выбежавшую ей навстречу. Молча прошла в кабинет отца, бросилась на диван и дала волю слезам.

Когда она поступила в институт, Зафар, молодой аспирант, был похож на мальчика, только что окончившего школу, а Акрам уже отслужил в армии. Он был высокий, по-военному подтянутый. Лицо открытое, скуластое. Ее подруги считали его неотесанным и угловатым. А Саяре все в нем нравилось — молчаливость, его

простодушные, и она тайком от всех мечтала стать Лейли этого странного Меджнуна.

Нет, Саяра не жалеет о своей первой любви. Зачем зачеркивать то светлое и радостное, что было между ними! Она не может себе простить лишь того, что так рано вышла замуж. Надо было оглядеться, подождать год или два. В сущности, у нее, кроме Акрама, не было ни одного знакомого парня. Уже в конце первого курса она вынуждена была бросить институт — родилась дочь. Потом снова поступала. Ей уже не хотелось в медицинский, но еще труднее было бы начинать все сначала. Вот уже семь лет она заботится о муже, о ребенке. Неужели молодость позади? А что она успела повидать? Чудаковатый муж творит свои чудачества! Такие, как Зафар, шутя сразу защитили диссертации, а Акрам — с превеликим трудом — лишь через пять лет. Не нашел общего языка на кафедре — перешел в проектный институт. И здесь все на точке замерзания. Почему? Бездарен? Чересчур принципиален? Зафар, который учился вместе с Акрамом, вернулся из Москвы кандидатом, сразу стал главным архитектором проектного института. У него уже много работ, за свои проекты он получает премии, он в почете, у него собственная машина... А ее скромный муж всего лишь руководитель мастерской... Без коня, но с седла не слезает! Гнет свое. Всем режет правду матку в глаза. А кому это понравится? Обо всех говорит с издевкой, смеется над ее друзьями. Как он не видит, не замечает, что сам смешон, что во многом молодежь уже обогнала его. Он и о Зафаре не очень-то лестно отзывается, считает, что тот пошел работать в институт сельского проектирования только из-за высокой должности, а жизни кишлака совсем не знает.

Как она раньше была наивна! Верила всему этому! Сегодня, наконец, у нее раскрылись глаза! Если молодой ученый предлагает смелые, необычные решения, — значит, он отрывается от жизни? Если пытается наладить работу в институте, который долгие годы топтался на одном месте, — непременно карьерист? Если он не ханжа, если не на словах, а в действительности смотрит на женщину как на равную, — женский угодник? Зато годами корпеть над диссертацией, с молодыми держать себя стариком, ревновать жену и с опаской смотреть на новый

фасон платья, новую прическу — дозволено и даже похвально. Почему она должна преклоняться перед таким человеком? Почему должна его уважать? Только потому, что он ее муж?..

Саяре стало казаться, что до сегодняшнего дня она жила в душных потемках и не догадывалась об этом, не знала, что где-то рядом есть другие люди, легкие, остроумные, естественные в обращении. Ироничный Шавкатджан, мягкий Зафар — как они не похожи на прямолинейного, тяжеловесного Акрама! Она выносила грубую ревность Акрама потому, что думала: ведь любит. А любит ли? Любящий человек не может так поступить. Бросил одну, выставил на посмешище! Лучше бы силой вытаскил из кафе! Пусть бы показал свой необузданный характер. Все лучше того, что произошло...

Вновь вспомнив, как он, ни разу не обернувшись, демонстративно вышел из кафе, Саяра судорожно всхлипла.

— Саяра, послушай меня... Саяра...— услышала она тихий, нерешительный голос.

Она резко села на диване. Акрам стоял перед ней, немного наклонившись и вытянув руки. Темное скуластое лицо, решительная знакомая складка в уголках губ.

Саяра, сжавшись в комочек, испуганно отодвинулась к стене, обхватив руками колени.

Акрам болезненно и виновато улыбнулся.

— Саяра...— едва выговорил он.— Прости меня. Не будем ссориться...

И Саяра чуть не застонала от обиды. Не за себя — за него. Вот тебе и цельная натура! Она ниже опустила голову и плотнее прижалась к спинке дивана.

— Саяра...

— Уходи!

— Саяра, нам надо поговорить. Видишь, я к тебе первый...

— Первый?..— она взглянула на него и вдруг нервно засмеялась.— Ты первый?! Да, да! Там, где не нужно проявлять свою волю, самостоятельность, наконец, просто силу,— там ты первый! Ты первый там, где косность, самодовольство... Ты...

Она глядела в упор и говорила, говорила обо всем, что передумала сейчас, что давно наболело на душе: о его самовлюбленности, самоуверенности. Она бросала в лицо Акрама упреки один больше другого. У него судорогой свело скулы...

Саяра забыла все, забыла даже обиду, нанесенную Акрамом, она упивалась своим голосом, наслаждалась растерянностью Акрама, его унижением. Ее несло, как щепку в горном потоке... Нисколько он не талантлив! Он тряпка, тугодум, за его внушительной внешностью ровным счетом ничего не кроется...

Акрам, замерев, смотрел на свою жену: пылающие щеки, кривящийся рот, черные горящие зрачки. Акрам смотрел и чувствовал, что все трещит и рушится: любовь, семья, дочь, институт. Любви, значит, не было... Не могло быть, если скопилось столько разрушающей ненависти. Дочь? Если пока еще не ненавидит, то будет, мать научит... Все трещит и ломается, летит в пропасть. Кому нужны его сомнения, его поиски, его работа? Она и их не щадит, она и их ненавидит!

— Ты мне напоминаешь брошенную мечеть. Снаружи купола, арки, видимость величия, а внутри — паутина и мрак...

— Саяра, опомнись...

— Знал бы ты, как жалок в сравнении с другими. Оглянись на Зафара, на тех, кто был сегодня со мной...

И вдруг Акрам почувствовал, что ее лицо утратило обычные размеры, расплылось, вот-вот растворится в широко раскрытых глазах. В нем проснулся дикий и безудержный гнев мужчины, вспомнившего, что он глава и господин дома и этой женщины. Он размахнулся и ударил Саяру по щеке. Она дернулась назад, стукнулась затылком о ковер и замолчала, цепenea, заливаясь бледностью.

— Ты...— она приложила к щеке руку.— Ты...— И вдруг рванулась на него грудью.— Мало тебе? Бей еще!

Вторая пощечина отбросила ее навзничь на диван. Саяра вскрикнула.

Дверь раскрылась, на пороге показалась Мавджуда-апа. Неверной рукой она оперлась о косяк двери, выдох-

нула: «Ой, отец...» — и в следующее мгновение стала медленно опускаться на пол. Показавшийся в дверях Абид Юнусович неловко подхватил жену.

Акрам смотрел то на сотрясающуюся в плаче Саяру, то на свою руку, то снова на Саяру.

Выводя из комнаты пошатывающуюся жену, Абид Юнусович обернулся.

— Уходите из моего дома, и немедленно! А еще... — Он гневно махнул рукой. — Слышите? Уходите!

● ГЛАВА ВТОРАЯ

На слабо освещенном перроне Акрама встретил его брат Нартаджи. Он был молод, высок ростом, но уже заметно начал полнеть. Немного робея, Нартаджи почтительно поздоровался с Акрамом, словно это был не его родной брат, а важный гость из столицы.

— Председатель сам хотел встретить вас, но его неожиданно вызвали в обком. Хорошо, что вы приехали. Торжества ожидаются большие.

— С чего бы это? — несколько удивился Акрам.

— Как с чего? Во всей области нет такого замечательного дворца.

У вокзала их ждала новая грузовая машина. Шофер открыл дверцу, но Акрам, заметив в кузове женщину с ребенком, уговорил ее перебраться в кабину, а сам залез в кузов и прилег на сухое сено. Нартаджи пристроился рядом. Машина тронулась, и небо, полное звезд, качнувшись, стало медленно вращаться, как в большом планетарии.

Акрам подложил руки под голову. В детстве он любил лежать на дворе и, укрывшись теплым одеялом, вот так же, не мигая, смотреть на звезды.

Молчание нарушил Нартаджи.

— Хорошая у вас, брат, специальность. Дворец получился великолепный. Спереди сад, сбоку озеро — такая картина, что просто ахнешь. Огромное дело вы сделали, брат! Огромное!

Акрам улыбнулся. Нартаджи с детства любил выражаться восторженно и несколько высокопарно. Акрам попытался представить себе Бака-Булак, дворец рядом с озером, и на душе посветлело.

Это озеро питали десятка два родниковых ключей, поэтому вода в нем была холодная и чистая, как слеза. Озеро было окружено крупным карагачем и зарослями джиды. Посредине — на островке — возвышалась огромная чинара. Когда-то молния расколола ее на две части, из них одна росла прямо, а другая накренилась к воде. Мальчишки постарше вскарабкивались на пологую часть ствола и прыгали в воду вниз головой или прятались среди ветвей платья девочек, поднимавших визг на весь кишлак. А те, кто помоложе, барахтались в воде с девочками в чем мать родила, нисколько не стесняясь друг друга.

Теперь на берегу этого озера по проекту Акрама был сооружен Дворец культуры.

Улыбаясь в темноте, Акрам попытался представить себе дворец, но мысли его опять прервал Нартаджи.

— Сказать правду, мы очень вами гордимся, брат. Часто вас вспоминаем... Только вот...— Нартаджи замялся.

— Что ты хотел сказать? — насторожился Акрам.

— Нет, ничего,— смутился Нартаджи.— Это пустяки.

— А все же?

— Да вот говорят, что гостей из кишлака вы принимаете не очень охотно.

«Невестка пожаловалась»,— догадался Акрам.

— Я не говорю про наших,— словно прочитав его мысли, сказал Нартаджи.— Наши и словом не обмолвятся, другим виду не подадут. А вот ваши друзья...

Акрам глубоко вздохнул, но ничего не ответил. Он и сам знал то, о чем говорил младший брат. И это его часто мучило. Каждый раз, когда Акрам приезжал в кишлак, земляки чуть ли не носили его на руках. А он в своей городской квартире никогда не мог ответить им тем же. Из-за этого он часто ссорился с Саярой. Но если сказать правду, дело не только в Саяре. Сами односельчане, стоило им войти в его двухкомнатную квартиру с хорошо натертыми паркетными полами, загромажденную полированной импортной мебелью, растерянно топтались у порога, не решаясь ступить на разостланный по полу ярко-красный ковер. Приходят в гости, а потом пользуеться

ются первой возможностью, чтобы улизнуть. Нартаджи себе этого не представляет. Несмотря на свой возраст, он хорошо знает все обычаи старины и пользуется среди односельчан авторитетом, как почтенный старец. Многие обращаются к нему за советами. Ни свадьбы, ни похороны не обходятся без Нартаджи. Акрам сам всегда прислушивался к словам младшего брата. Но сейчас Нартаджи задел его за живое.

— Это нелегкий вопрос, брат,— сказал он, невольно морщась.

— Знаю, ака. Чужому человеку я бы этого не сказал. Но вы мой брат. Я знаю, что в городе вас уважают, да и наши аксакалы тоже относятся к вам хорошо. Но мне хочется, чтобы ваш авторитет был еще выше. И тут, мне кажется, наша невестка...— Он замаялся, пытаясь подобрать слово поделикатнее,— мне кажется, что вы позволяете ей немножко больше, чем нужно.

Разговор этот становился для Акрама все более неприятным, тем более что в словах Нартаджи было много правды.

— Ладно, брат,— отмахнулся Акрам,— об этом после.

Ему стало вдруг душно. Он приподнялся на локте и расстегнул ворот рубахи.

Город давно остался позади, его огни рассеянно мерцали вдали на отдаляющемся горизонте. Далеко впереди темнели очертания невысоких холмов.

В последний год войны Акраму было тринадцать лет. Он работал погонщиком в «ишак-караване».

Каждое утро на рассвете несколько мальчишек, навьючив на ишаков по мешку зерна, отправлялись в дальний путь. Они шли каждый за своим ишаком по степному бездорожью, густо усеянному мелкими острыми камешками и заросшему верблюжьими колючками. Миновав холмы и лощины, маленькие погонщики приходили в город после полудня, сдавали зерно на заготпункт и в сумерках возвращались обратно в кишлак. В дороге они так изматывались, что не оставалось сил даже на то, чтобы выпить касу¹ ячменной похлебки. Попадав на

¹ К а с а — сосуд, похожий на большую пиалу, им пользуются вместо тарелки.

раскаленную за день и твердую как камень землю, они тут же засыпали, чтобы на рассвете снова подняться и снова тащиться в город — каждый за своим ишаком.

Когда Акраму было шестнадцать лет, он ездил по этой же дороге на арбе, запряженной парой лошадей. Летом возил зерно, осенью — хлопок.

С тех пор много воды утекло. Акрам отслужил в армии, окончил институт, защитил диссертацию и женился на девушке редкой красоты. И все-таки ему часто казалось, что самым счастливым в его жизни было то трудное время, когда он жил здесь, в кишлаке, был влюблен в соседскую девушку Хамиду и от зари до зари колесил на арбе по этим бесконечным пыльным дорогам, распевая грустные песни. Иногда он даже думал, что, пожалуй, сменил бы свою нынешнюю жизнь на те нелегкие годы юности, когда вместе с теперешним председателем колхоза Турабджаном Икрамовым они лазили в колхозный сад, воровали персики и виноград, а потом угощали своих подружек Хамиду и Малохат.

Каждый раз на рассвете, когда они с Турабджаном отправлялись в далекий путь, Хамида и Малохат встречали их у арыка, разворачивали цветастые платки и угощали вкусными лепешками или самсой из тыквы. После этого и дорога казалась не такой дальней, и степь не такой пыльной, и солнце не таким жгучим.

Он так любил Хамиду и столько раз оставался с ней наедине... Но ни разу не решился даже коснуться ее руки. За один лишь нежный взгляд, за одно ее ласковое слово он готов был тогда отдать свою жизнь...

Если бы его потом не забрали в армию... Когда он вернулся, Хамида была уже замужем.

Потом он встретил Хамиду лишь однажды, в год своей свадьбы. Вместе с Саярой он шел по главной улице кишлака в сторону озера. Неожиданно из боковой узенькой улочки показалась Хамида. Она шла со своим мужем и с маленькой дочуркой, у которой были такие же большие темные глаза, как у матери.

Муж Хамиды, Садыквой, загорелый до черноты, высокий и ладный парень, шел чуть впереди в распахнутой рубашке, сдвинутой набекрень тюбетейке и калошах на босу ногу. Он замедлил шаг, чтобы поздороваться с Ак-

рамом, и, не оглядываясь, пошел дальше. Но, видно, не зря говорили, что Садыквой очень ревнив — Хамида прошла мимо, даже не подняв головы. Поравнявшись с Акрамом и Саярой, она чуть слышно поздоровалась и дернула за руку дочку, которая все оборачивалась и пялила глаза на «тетю из города».

Хамида почти не изменилась. Точеный прямой нос, длинные, чуть загнутые ресницы, стройная фигура. Акрам старался скрыть волнение, охватившее его при встрече с Хамидой, но Саяра все поняла и сказала с усмешкой:

— Насколько я понимаю, это твоя бывшая любовь? Напрасно ты ее упустил. Сейчас бы ты тоже мог расхаживать по кишлаку в тубетейке набекрень и в калошах на босу ногу.

Видно, кто-то уже успел посвятить Саяру в подробности его прошлой жизни. Акрам промолчал. Саяра продолжала язвить:

— Скрытный ты человек, Акрам. Хотя очень хорошо прикидываешься простачком. Но я про тебя знаю гораздо больше, чем ты думаешь...

Опять мысли Акрама вернулись к Саяре, и сразу в памяти всплыла та ужасная сцена: его разрушающий все на своем пути гнев, занесенная для удара рука, полные слез глаза Саяры...

Акраму стало не по себе. Обида с новой силой проснулась в нем. «Что ж,— думал он, оправдываясь перед самим собой,— в конце концов она сама во всем виновата».

Машина нырнула в густые темные сады. В лицо ударил нежный аромат спелого урюка. За густыми ветвями замелькал неяркий огонек.

— Вот и приехали,— сказал Нартаджи.

На следующий день Акрам проснулся рано. В саду еще было тенисто и прохладно, и лишь верхушки высоких тополей, росших вдоль арыка, нежно золотились на солнце.

Жена Нартаджи в длинном красном платье и яркой цветастой косынке прошла мимо сури, шлепая калошами,— донить корову. Махира-хола, мать Акрама, боясь

разбудить сына, тихо возилась у тандыра. Начинался день.

Акрам встал, набросил на плечо полотенце и, миновав сад, спустился в лощину.

И лощина и раскинувшиеся вдоль нее сады тоже были еще погружены в тень, но видневшиеся вдаль могучие чинары и карагачи уже купались в лучах солнца. Солнце осветило большое трехэтажное здание, окруженное деревьями. Это и был Дворец культуры, детище Акрама, предмет его долгих размышлений и споров. Первое, с чего началась перестройка кишлака по его, Акрама, генплану. Сейчас, в утреннем сиянии, дворец показался Акраму особенно красивым, величественным, будто парящим в облаках. Насыщенные синие, багряные, голубые краски в лучах солнца принимали какие-то причудливые, сказочные оттенки.

Полюбовавшись дворцом, Акрам спустился с крутого обрыва к роднику. Ледяная прозрачная вода пахла мятой и камышом. Акрам черпал ее пригоршнями и плескался до тех пор, пока не начало сводить пальцы.

Вот так же тем летом, когда они с Саярой только что поженились, он приходил по утрам умыться к этому роднику. Через минуту с ведром в руках появлялась Саяра — как будто за водой. В просторном платье из яркого хан-атласа, в лакированных калошках и накинутом на голову белом платке, она ничем не отличалась от простой кишлачной девушки и нравилась Акраму еще больше, чем в модных городских платьях.

Акрам опять поймал себя на том, что думает о Саяре, и рассердился: в конце концов, почему он все время вспоминает ее? Приехал к себе домой, в родной кишлак, где прошло все детство и юность, — разве нет здесь у него других воспоминаний? Почему он все время упорно возвращается к одному и тому же: вот они с Саярой идут по кишлаку, вот Саяра у родника набирает воду, Саяра разговаривает с его матерью, Саяра, Саяра... Он приехал к себе домой, при чем здесь Саяра?

Акрам решительно встал и направился к дому.

А она наверняка и не думает о нем. Да она никогда его не любила, теперь это совершенно ясно! Избалованная профессорская дочь! Думала, что станет женой заслуженного деятеля искусств, будет разъезжать на соб-

ственной «Волге», а стала женой скромного архитектора. Зачем ей это?

Акрам чувствовал, что несправедлив к ней, но уже не мог остановиться.

— Кого вижу! Неужели Акрам?

Акрам поднял голову. Наверху, у самого обрыва, с большим кетменем за плечами стоял старик сосед, отец его первой любви Хамиды, Дядя, как его звали все в кишлаке. Младшая дочь старика, Шахиста, училась вместе с Саярой в Ташкенте.

Акрам поднялся наверх, поздоровался с соседом. Расспросив о Шахисте, о ташкентской жизни, Дядя подозрительно посмотрел на Акрама:

— А что это ты такой грустный?

— Да так, вспомнилось детство.

— Должен тебе сказать, в те времена ты выглядел значительно веселее. И поседел! Я и то моложе выгляжу, мать Шахисты, как ты считаешь? — обратился он к своей жене, которая, увидев Акрама, подошла к ним. В глазах «матери Шахисты», невысокой, молодой женщины, вспыхнули озорные искорки.

— О, вы еще в самом соку, отец Шахисты! Самая пора взять, как в старину, молодую жену. Она будет ухаживать за вами, а я, старшая жена, буду отдыхать и повелевать ей!

— Ну, если ты настанваешь, чтобы я женился на молодой, — и женюсь. Только за теперешних девиц нельзя ручаться: то ли ты будешь сидеть на почетном месте и повелевать молодой, то ли она тобой начнет командовать!

— Что же, отец Шахисты, для меня счастье служить не только вам, но даже вашей молодой жене!

— Вот молодчина, мать Шахисты! — восхитился старик. — Положила джигита на обе лопатки!

Дядя поднял кетмень на плечо.

— Ну, я пошел, Акрамджан, а ты, если и правда хочешь вспомнить детство, сними свою модную рубашку, падень что-нибудь попроще, возьми кетмень и приходи ко мне на поле. Обязательно приходи!

Акрам с грустью посмотрел вслед «джигиту»: за последнее время старик заметно сдал. Сильнее сгорби-

лись плечи, поседела голова... А все-таки молодец! Держится как ни в чем не бывало, сколько бодрости, неподдельного веселья,— правда, настоящий джигит!

Весь день дом Акрама был полон гостей. Приходили родственники, приходили друзья и однокашники, приходили учителя. К вечеру нагрянул сам председатель.

Со времени их последней встречи Турабджан еще больше пополнил и раздался, но благодаря своему высокому росту и сейчас не казался толстым. Крепкий, загорелый, в белой нейлоновой рубашке, он скорее был похож на преуспевающего горожанина, чем на председателя колхоза.

Акрам услышал его голос еще из сада.

— И это называется архитектор, художник! Его творение, можно сказать, великое произведение искусства, давно готово, а он сидит себе в своем Ташкенте и в ус не дует! Да ты должен был на крыльях сюда прилететь! Не можешь на крыльях — лети на самолете.— Он шумно расцеловался с Акрамом.

На чай и разговор со стариками ушло ровно столько времени, сколько требовал этикет. Видно было, что Турабу не терпелось остаться с Акрамом наедине, поговорить, показать строительство.

В лощине, у обрыва, их ждала «Волга» председателя. Палван¹, шофер Турабджана, прозванный так, очевидно, за маленький рост и отнюдь не богатырское сложение, радостно встретил Акрама:

— Сколько лет, сколько зим, Акрам-ака! Да будет благословен день, когда вы приехали!

Тураб открыл дверцу машины, пропустил Акрама вперед.

— Едем смотреть дворец,— сказал он торжественно.— Завтра будет его открытие. Приедут представители райкома, обкома, все председатели колхозов! Собрание, банкет, все как полагается! Пусть почувствуют размах Тураба Икрамова! — Председатель шутливо поднял руку.— Ну, что скажешь?.. Да,— Тураб сразу посерьез-

¹ П а л в а н — богатырь.

нел,— возможно, придется кое-что изменить в генплане поселка, начальство требует. Ну, об этом потом. Видишь,— опять оживился он,— все сровняли, можно и здесь начинать строительство.

Машина подъехала к старому кишлаку.

Акрам вышел из нее и не поверил своим глазам. Перед ним расстилался пустырь. Ни высокой глинобитной стены, окружавшей старый кишлак, ни узких извилистых улочек, осторожно пробирающихся между низкими дувалами, ни домов, ни лавочек — ничего не осталось. Не осталось даже самого холма, на котором располагался старый кишлак. Все было снесено, сровнялось с землей. Лишь одна мечеть с высоким, крытым белым железом куполом одиноко возвышалась слева от пустыря.

По генеральному плану четыре улицы, разбивающие поселок на четыре части, должны были соединиться здесь, на месте снесенного старого кишлака. Тут же планировалась большая площадь с фонтаном, цветами, красивыми аллеями, а Дворец культуры, с которого началось строительство, был как бы завершением всего этого комплекса.

Акрам опять огляделся. Странно... На генплане идея такой перестройки казалась интересной, оригинальной. А теперь, когда он увидел этот пустырь вместо старого кишлака, к которому так привык с детства, у него в душе что-то сжалось. Почему-то не хватало этих маленьких, узких улочек, старинных ворот, окованных железом, высокой глинобитной стены. Так не хватало, что у Акрама защемило сердце.

Неужели Зафар был прав? Тогда, на обсуждении генплана в институте, Зафар предложил другую идею. Он предложил оставить холм и старый кишлак, а дворец построить рядом, разбив вокруг него сад. Дворец, по предложению Зафара, должен был быть решен в современном стиле: из стекла и бетона, без старомодных украшений, тогда старый кишлак и дворец будут выглядеть контрастно, будут дополнять и подчеркивать стиль друг друга. Зафар тогда только вернулся из Москвы и был воодушевлен размахом строительства, теми интересными и смелыми архитектурными решениями, которые он там видел. На всех обсуждениях в институте он критико-

вал проекты за несовременность, за излишнюю тягу к роскоши, за выбор дорогостоящих материалов — майолики, резьбы по ганчу¹. Но к его выступлениям относились несерьезно, даже слегка посмеивались: одно дело — московский Калининский проспект и гостиница «Россия» на фоне Кремля и Василия Блаженного, другое — далекий от Москвы узбекский кишлак! Так получилось и на этот раз. Ни Акрам, ни другие члены техсовета не поддерживали Зафара, а Турабджан, участвовавший в обсуждении, даже обиделся.

— Сейчас карманы дехкан не такие пустые, как раньше. Зачем это нам воздух и стекло? Мы можем себе позволить построить настоящий дворец, такой, чтобы всем на зависть! А то, что вы говорите, воздух и стекло, — это просто смешно, это похоже на голую женщину! Нам это не подходит, у нас все ходят одетые, и хорошо одетые!

Тогда все смеялись над выступлением Тураба, смеялись, но соглашались...

Так неужели Зафар в чем-то был прав?

Нет, все-таки прав был он, Акрам, а не Зафар.

Зафар предлагал застроить улицы кишлака двух- и трехэтажными домами. Акрам вырос в кишлаке и знает, что дехканам нужны одноэтажные дома. Тогда он стоял на своем и сейчас радовался этому. Улица, по которой они только что ехали, главная улица кишлака, уже заасфальтированная и почти вся застроенная новыми одноэтажными домами, была подтверждением его правоты. Акрам уже знал, как довольны новоселы этими красивыми, удобными домами, и сейчас, придиричиво рассматривая их, не мог ни в чем себя упрекнуть. Дома действительно были отличные.

Так, то придираясь к себе, то защищаясь от собственных нападок, Акрам не заметил, как они дошли до озера Бака-Булак. Только когда перед ним заблестела зеркальная гладь воды, он поднял глаза и увидел дворец, ослепительный, сияющий свежими красками. Его Дворец культуры. Светлые, тонкие тона порталов подчеркивали роскошь черного мрамора, темных каменных плит, из которых дворец был построен, и Акрам опять, уже

¹ Г а н ч — облицовочный материал.

вблизи, удивился величественности, торжественности здания.

На площади перед дворцом всюду кипела работа. Выравнивая землю, нутужно ревел бульдозер, приминя горячий, дымящийся асфальт, шли катки. Несколько стариков высаживали цветы вокруг фонтана, другие обкладывали дерном края арыков и аллей, все суетились, спешили, торопили друг друга.

Лишь один человек не вписывался в эту картину радостного оживления. Не обращая никакого внимания на происходящее, он лежал на ступеньке клуба, подстелив под себя чапан и прямо, не мигая, глядя перед собой. Его лицо, испещренное морщинами, с двумя-тремя волосинками на подбородке, выражало полное равнодушие. Это выражение не изменилось и тогда, когда председатель и Акрам, поздоровавшись со стариками, подошли к нему.

— Ну что, куса¹, — обратился к нему Турабджан, — все лежим себе и поплеываем? Не пыльная работенка!

Куса прищурил хитрые глазки и погладил два волоска своей бороды:

— А что мне делать, как не лежать? Или кто утащит эти ворота Ходжи Насреддина?

Акрам невольно улыбнулся, вспомнив анекдот о том, как Ходжа Насреддин соорудил ворота еще до того, как у него были дом и забор. Но председателю шутка не понравилась.

— Тебе все равно, что Дворец культуры, что ворота! Тебе бы только валяться на боку, бездельник!

Обойдя высокую восьмигранную колонну, Акрам не без труда открыл тяжелую, украшенную резьбой дверь.

Внутри дворец выглядел не менее роскошно, чем снаружи. Колонны из мрамора поддерживали высокий свод просторного фойе. Такие же колонны стояли по краям зрительного зала, по обе стороны высокой сцены. Двери и окна были завешаны зелеными бархатными занавесями.

¹ К у с а — безбородый.

Акрам растерянно огляделся. То же неуловимое ощущение, появившееся еще на пустыре, на месте снесенного старого кишлака, опять пришло к нему. Что же это? Неужели он опять сомневается в своем проекте?

Акрам подошел к колонне, погладил холодный мрамор. Странно, когда Акрам приезжал смотреть строительство, они не казались ему такими тяжелыми, давящими. И весь зал представлялся ему более легким, изящным, радостным.

Турабджан нажал кнопку в стене. Вспыхнула дорогая позолоченная люстра, и зал наполнился светом.

— Ну как? — гордо спросил председатель. — Не стыдно будет завтра перед гостями? Чем хуже дворца Хамракула Турсункулова?

Акрам ничего не ответил. Он еще раз прошелся по залу и фойе, заглянул в боковые рабочие комнаты и кабинеты. Да, он не ошибался: здание было роскошным, даже величественным, по каким-то тяжелым, холодным, даже мрачным.

Акрам знал, что между проектом и его практическим воплощением существует некоторая разница. Он, конечно, знал об этом. Но он никогда не думал, что разница может быть столь разительна.

Смутное, неясное раздражение росло в душе Акрама. Как же это могло получиться? Ведь он мечтал подарить односельчанам радость, красоту, а не подавлять тяжелой роскошью. Хотел, чтобы они чувствовали себя во дворце легко, свободно, не стесненно!

Неужели Зафар хоть в чем-то был прав?

Одно понравилось ему безусловно: украшения из ганча на стенах фойе и зала, выполненные мастерами-резчиками. Легкие, ажурные, они поражали изяществом и строгостью линий, красотой рисунка. Стены и потолки читального зала на втором этаже тоже были украшены ганчевой резьбой. Но там, на втором этаже, еще шла уборка.

— Недаром говорят, даже мать свою не показывай отцу без украшений! Посмотришь завтра. — Турабджан испытующе посмотрел на Акрама. — Что нахмурился? Или не нравится?

— Нет, дело не в этом, — ответил Акрам, не зная, что сказать.

— Может, это тебя развеселит? — Турабджан взял Акрама за руку и подвел к стене, завешенной белой шелковой занавесью.— Внимание! — Он торжественно поднял руку и резко приподнял край шелка. Под ней оказалась белая мраморная плита с выгравированной золотом надписью:

«Это здание сооружено по проекту славного сына кишлака Бака-Булак, кандидата наук, архитектора Акрама Халикова».

Сразу вспомнились слова Нартаджи: «Огромное дело вы сделали, брат, огромное!»

— Ну зачем все это?

Турабджан обнял Акрама.

— Вот за эту скромность я тебя и люблю, дорогой! Ну что ж, пойдем, что ли?

— Куда?

— Ко мне, куда же. Малохатхон готовит такую шурпу, какой ты еще не пробовал, ручаюсь! Посидим, поговорим, отведем душу!

Акраму не хотелось сейчас ничего — ни шурпы, ни вина, ни шумного застольного веселья. Хотелось остаться одному, разобраться в своих впечатлениях.

— А если мы сделаем так,— предложил он.— Сейчас ты отвезешь меня к Гор-тепа. А когда шурпа будет готова, ты крикнешь, и я спущусь прямо оттуда.

Акрам сам не знал, почему сказал это. Захотелось ли ему забраться на вершину самого высокого холма и оттуда еще раз взглянуть на кишлак, еще раз представить свой проект осуществленным? Или просто потянуло к любимой скамейке под старой полувысохшей чинарой у могилы святого, месту, где хорошо посидеть одному, подумать, почувствовать тишину и покой сельского кладбища?

— Если тебе захотелось принести жертвоприношение святому, лучше отдай мне,— пошутил Турабджан.— Да что с тобой поделаешь? Раз тебе уж так необходимо взобраться на Гор-тепа,— так поехали!

Только сейчас он, кажется, почувствовал тревожное состояние Акрама и забеспокоился:

— Послушай, что с тобой случилось? Может, заболел? Или поругался с женой?

— Да нет...

— А если и поругался, нечего расстраиваться! Милые бранятся, только тешатся. Да, кстати,— Турабджан снова оживился,— говорят, около сестренки Хамиды в Ташкенте вертится какой-то поэт? Это правда?

— Да, как будто.

— Кто он такой?

— Я его не очень хорошо знаю. Кажется, славный парень. И дальний родственник моего тестя.

— Ну нет,— возмутился Турабджан,— хоть он и родственник твоего тестя, Шахисту мы ему не отдадим!

Акрам вспомнил сцену около кафе, Мурадджана, его жалкое лицо, плаксивый голос и улыбнулся.

— Я-то здесь при чем? Не хочешь — не отдавай, только посоветуй это прежде всего своему брату!

— Моему брату нечего советовать! Он слишком скромный, слишком тих для нашего времени. Сейчас такие не в моде. Особенно у вас, в Ташкенте. Надо же, до чего дошли,— вырывают добычу прямо изо рта!

— Ну, если можно назвать Шахисту добычей... Все-таки для порядка, наверное, можно и ее спросить,— рассмеялся Акрам. Ему все казалось, что Турабджан шутит.

— Дело не в Шахисте! У них все шло хорошо. А сбילה ее с толку старшая сестрица — Хамидахон! Но ты запомни,— голос председателя задрожал, и рука резко разорубила воздух,— ты запомни: дураков здесь нет! Если я не женю на ней своего брата, пусть меня больше не зовут Турабджаном!

Акрам удивленно посмотрел на друга. Нет, Турабджан не шутил. Акрам не верил своим глазам. Да тот ли это Турабджан, справедливый, прямой парень, лучший друг его юности? Трудно было узнать его в этом заносчивом, властном человеке.

— Ну, чего ты раскрыл рот? — уже остывая, сказал председатель.— Я говорю правду, вот и все. Дураков теперь нет, все стали умные. И Шахисту мы никому не отдадим.

Акрам хотел было возразить, но в это время машина подъехала к подножию холма и остановилась перед высоким забором кладбища.

Поднимаясь по узкой, извилистой тропинке, поросшей мелкой колючкой, на вершину Гор-тепа, Акрам вспомнил полузабытую сказку, которую любила рассказывать бабушка.

Давно из-за далеких гор в кишлак прилетел огромный, страшный дракон. Сорок дней и сорок ночей провел он в кишлаке и каждую ночь требовал от жителей кишлака дань — красивую девушку. И вот не осталось там ни одной девушки, кроме прекрасной дочери хакана — властителя кишлака. И тогда обратился хакан к людям: «Кто убьет дракона, за того я отдам свою дочь!» Сорок лучших джигитов всей округи в течение сорока дней дрались с драконом. Дракон победил тридцать девять джигитов и проглотил их. И только последний джигит, простой пастух, на сороковой день зарубил его саблей. Зарубил и зарыл под кладбищем Гор-тепа. Так простой пастух женился на красавице, дочери хакана, и сорок дней и сорок ночей праздновали свадьбу в кишлаке.

В детстве, рассказывая сказку, бабушка каждый раз говорила:

— Дракон еще до сих пор лежит под Гор-тепа, и, если ты сделаешь какое-нибудь нехорошее дело, дракон оживет и случится несчастье.

И по ночам маленький Акрам часто просыпался и прислушивался: не ожил ли еще дракон оттого, что он, Акрам, набрал тубетейку персиков в чужом саду или подрался с соседским мальчишкой? Неужели из-за такой безделицы оживет страшный дракон и с кишлаком случится несчастье?

И Акрам давал себе клятву, что это последнее нехорошее дело в его жизни.

От этих воспоминаний на душе потеплело. А сколько еще их, смешных детских историй, связано со старым кладбищем!

Как и все кладбища на свете, Гор-тепа имело своих святых и своих сумасшедших. Вот маленький Акрам со своими сверстниками везет в кишлак дыни. Летом жители кишлака сажали дыни вон в той стороне, в степи за холмами, а ребяташки на ишаках привозили поспевшие дыни в кишлак. Жарко, ребята устали, но главное препятствие впереди — сумасшедший Хашим, страшный,

обросший волосами до самых глаз. И жутко, и все-таки хочется его встретить, увидеть, как неуклюже будет он бегать за мальчишками, выпучив безумные глаза, ругаясь и грозя им. «Все-таки он заколдованный,— думает Акрам,— точно, заколдованный. Как бы его расколдовать?»

...Наконец Акрам увидел свою любимую чинару и скамейку под ней. Отсюда как на ладони был виден весь кишлак, расположенный по обе стороны лощины, утопающий в садах.

Когда Акрам работал над генпланом, он часто поднимался сюда. Именно здесь родилась идея разбить кишлак на четыре главные улицы и подвести их к площади с выстроенным на ней новым Дворцом культуры. Акрам пытался глазами среди густых садов центральную улицу. Потом нашел пустырь, где находился старый кишлак. Пустырь напомнил сейчас высохшее дно огромного водоема, а дворец, расположенный рядом с озером, отсюда казался причудливой скалой.

Вспоминалась мраморная доска:

«Это здание сооружено по проекту славного сына кишлака Бака-Булак, кандидата наук, архитектора Акрама Халикова». Акрам усмехнулся. Весьма скромное заявление. Так что же все-таки получается? Если он сам уже сейчас почувствовал несовременность здания, на которое потрачено столько сил, то что же спустя десять лет скажут другие? Не получится ли так, что его собственная дочка Назира, увидев эту надпись на стене, будет стыдиться своего отца? Выходит, он все-таки отстал от времени? Значит, прав Зафар? Но так ли это? Прав ли? И насколько прав?

Вот дом дехканина: впереди айван — терраса, по обе стороны передней — две большие комнаты, без окон на улицу. Почему? Зафар ответит: чтобы женщины никогда не видели мужского лица! И станет доказывать необходимость другого планирования. Но ведь Акрам знает, что объяснение совсем другое. В такой жаркой, щедрой на солнце стране, как Узбекистан, у домов должно быть как можно меньше окон — так легче сохранить прохладу. А их спор о количестве комнат? Для многодетного узбекского дехканина гораздо удобнее две большие комнаты,

чем четыре клетушки городского типа, большой семье нужен простор.

Практика доказала, что и в этом вопросе прав он, а не Зафар. Но он неправ в чем-то другом, тоже очень важном.

Не случайно, видно, в их споре Султан Касымов вдруг встал на его сторону!

Сначала вызвал Зафара из Москвы, добился его назначения главным архитектором института, а теперь пишет на него докладные записки в министерство...

«Я уважаю тебя за принципиальность, прямоту», — вспомнил Акрам слова Зафара.

Нет... Пора во всем разобраться! Если в нем действительно есть хоть немного принципиальности и прямоты, он должен честно признать свои ошибки и немедленно поднять вопрос о переработке генплана. Пока еще не поздно. Надо обдумать все еще раз, придираясь к проекту даже в мелочах. Он обязан это сделать, чего бы это ему ни стоило. Или так, или действительно, как говорил Дядя, вернуться в кишлак и взяться за кетмень.

Акрам тяжело поднялся с места и побрел вниз.

Признать ошибки. Легко сказать! Но где-то в глубине души он знал, что решение уже принято...

У ворот кладбища, в карагачевой роще, он увидел арбу на высоких колесах. Около арбы стояли несколько женщин в белых платках и маленький, сгорбленный старичок. Старичок стащил с арбы большого черного барана и поволок его по тропинке по направлению к мазару. Увидев Акрама, он остановился, подозрительно посмотрел на него и свернул на соседнюю тропинку. Женщины тоже пошли за стариком, лишь одна из них, видно самая религиозная, стала в тень карагача и отвернулась.

Поравнявшись с ней, Акрам невольно вздрогнул: женщина, стоявшая в тени карагача, была... Хамида! Ее большие глаза горели, лицо было бледно...

— Хамида! — Акрам и не думал, что встреча с Хамидой может так его взволновать.

— Нет, нет, идите, идите...

Акрам послушно отступил на тропинку, но успел заметить, как Хамида кивнула в сторону дома председа-

теля и прошептала: «Малохат». Или это показалось Акраму?

Когда Акрам пришел к Турабджану, Малохат во дворе, под высокими подпорками виноградника, разжигала самовар. Каждый раз, встречаясь с ней, Акрам удивлялся тому, как мало ее меняют годы: черные, без единого седого волоска волосы, яркое атласное платье, насурмленные брови и ресницы, да и манера держаться ничуть не изменилась с юности. Кокетливо подав маленькую пухлую ручку, Малохат шепнула:

— Видели Хамиду? — И, не дожидаясь ответа, сунула ему в руку записку. — Спрячьте. Она, бедная, так хочет увидиться с вами... — Помолчав, добавила не то в шутку, не то всерьез: — Или, быть может, совсем забыли о старой любви?

— Кто же забывает старую любовь? — в тон ей ответил Акрам, с трудом скрывая растерянность.

— Ну, слава богу!

— Эй, послушайте, товарищ кандидат! Какое вы имеете право шептаться с чужой женой? Это вам не городской парк, а кишлак Бака-Булак! Будь вы не только кандидат, а даже профессор, я за это могу повесить вас за ноги на тал!

В полосатом шелковом халате, не закрывающем волосатую грудь, в лихо надетой тюбетейке, Турабджан стоял посреди двора, оперев руки в бока, и хохотал, довольный своей шуткой.

— Я укоряю Акрама-ака. В кои-то веки собрался к нам и не захватил с собой молодую жену, — почти-тельно обратилась к мужу Малохат.

— Все они такие, эти интеллигенты. Чуть что, нас, бедных кетменщиков, называют феодалами, а сами своих жен держат в четырех стенах.

— Поэтому и говорят в народе: делай то, что говорит домулла, но не делай так, как он делает, — поддержала мужа Малохат.

— Молодец, жена, всыпь ему как следует! Ну, пойдем, дорогой, гости заждались.

— Сейчас, я тебя догоню...

Акрам отошел к арыку, присел на корточки, умылся. Не вставая, раскрыл записку.

«Акрам-ака! Мне необходимо с вами увидеться. Это очень и очень важно. Назначьте время и место. Хамида».

Так, значит, это не шутка Малохат? Хамида действительно просит его о встрече. Акрам перевернул записку и быстро написал ответ:

«Хамидахон! Мы можем встретиться на берегу лощины у знакомой вам джидовой рощи. Сообщите Малохат удобное вам время. Акрам».

Малохат ждала его под виноградным навесом. Она взяла записку и заговорщически рассмеялась. Акрам тоже улыбнулся, но на душе у него было невесело. Зачем все эти мучения? Не лучше ли простая, беззаботная жизнь в кишлаке, труд кетменщика и преданная Хамида? К чему вся эта погоня за призрачной Синей птицей, которая все время ускользает из рук?

● ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Последние дни Саяра совершенно не выходила из дому. Ей казалось, что о ее ссоре с Акрамом знает весь город и стоит ей появиться на людях, как все знакомые кинутся расспрашивать о том, что случилось, и утешать.

Чтобы избежать всех этих сочувственных разговоров, вздохов и взглядов, Саяра решила вовсе никуда не выходить и, обложившись учебниками, дни и ночи готовилась к государственному экзамену, тем более что времени оставалось в обрез.

Но в конце недели рано утром позвонил Убай. Он защищал диплом и просил Саяру прийти на защиту. Ссылаясь на близость экзаменов, Саяра пыталась отказаться. Но Убай был настойчив:

— Я вас очень прошу, Саяра. Вы же знаете, какой шум подняли вокруг моей дипломной работы. Если бы не Абид Юнусович, меня, возможно, не допустили бы к защите. Приходите, я думаю, вам будет интересно.

До Саяры доходили слухи, что Убая обвиняли в оригинальничанье и еще в каких-то «смертных грехах».

— Прямо не знаю, как быть...— колебалась Саяра.

— Если вы не придете,— бросил последний козырь Убай,— не придет и Шахиста. Вы же знаете ее...

— Хорошо, я постараюсь.

Первыми, кого увидела Саяра, придя в институт, были Шахиста и Нилуфар. Они прогуливались под ручку во дворе института. Саяра тут же пожалела, что согласилась на уговоры Убая. У нее даже мелькнула мысль, не скрыться ли, но Нилуфар уже заметила ее и бежала навстречу.

— Бедная Саяра! — едва успев поздороваться, зататорила она.— Неужели это все правда? Кто бы мог подумать! Я всегда знала, что Акрам человек со странностями, но дойти до такой низости... А еще считает себя интеллигентом!

Широко раскрытые, с накрашенными ресницами глаза Нилуфар выражали неподдельный ужас и сочувствие.

— Не огорчайтесь, Саярахон. Этот человек не стоит ваших слез! Если бы Зафар-ака поступил со мной так, как Акрам с вами, я не знаю, что бы я сделала...

Почему-то именно эти слова задели Саяру больше всего. Пожалуй, стоило повернуться и молча уйти. Именно так она бы и поступила, если бы не Шахиста.

— Я вас прошу, Нилуфар, не беспокоиться,— сказала Саяра холодно,— мы с Акрамом сами разберемся в своих делах.

Большой зал филологического факультета на третьем этаже был переполнен. Даже длинный узкий коридор был битком набит студентами младших курсов. По тому оживлению, которое здесь царило, было ясно, что к сегодняшней защите многие проявляют особенный интерес.

Винючник торжества в сером костюме стоял в конце коридора, окруженный плотным кольцом друзей. Ему, видно, было лестно и боязно, что на его защиту собралось столько народу, и скуластое лицо его то расплывалось в широкой улыбке, то хмурилось.

Заметив Саяру, он поспешно пошел ей навстречу.

— А я боялся, что вы не придете,— сказал он, улыбаясь и подавая ей руку.

— Как же я могу не прийти, Убайджан,— улыбнулась в ответ Саяра,— когда вы защищаете диплом?

— Спасибо,— сказал Убай.— Не знаю, удастся ли мне вообще защитить.— При этом он бросил многозначительный взгляд на Нилуфар. Нилуфар засмеялась.

— Вы совершенно напрасно опасаетесь отца. Я его вчера весь вечер обрабатывала. Думаю, сегодня он будет как шелковый.

— Вай! — вдруг вскрикнула Шахиста и проворно спряталась за Саяру.— Я говорила, что он придет.

Все оглянулись.

— А,— протянул Убай,— это наш красавец Мурадджан пришел поделиться своими соображениями по проблемам любви и брака. Да, кстати...— Убай отвел в сторону Саяру и спросил шепотом: — Я понимаю, это вопрос, конечно, очень деликатный, но сегодня я хотел бы сказать о вас и о вашем муже.

— Что вы! Что вы! — замахала руками Саяра.

— Я не собираюсь называть фамилию. Просто приведу как пример.

— Нет, нет, ни в коем случае!

— Боитесь? — Убай насмешливо посмотрел ей в глаза.

— Боюсь,— честно призналась Саяра.

— Ну что ж, дело ваше...

Прозвенел звонок. В другом конце коридора показались преподаватели.

— Садитесь рядом с Шахистой,— торопливо сказал Убай.— Если растеряюсь, буду смотреть на вас и искать у вас поддержки. Как Антей у земли,— улыбнулся он.

— Хорошо,— поспешно кивнула Саяра.— И не забывайте, что случилось с Антеем, когда его оторвали от земли! — крикнула она уже вдогонку.

Убай поднялся на трибуну, раскрыл свою толстую папку, разложил перед собой бумаги. Саяра отыскала Шахисту и села рядом. Та даже не глянула в ее сторону. Она так волновалась, как будто не Убаю, а ей самой предстояло выдержать трудное испытание.

Саяра сжала ее руку:

— Все будет хорошо, вот увидишь!

Впрочем, она и сама волновалась. Но как только она услышала уверенный голос Убая, на душе стало легче. Облегченно вздохнула и Шахиста и, посмотрев на Саяру, улыбнулась.

«Вот видишь,— сказала глазами Саяра.— Я же тебе говорила, все будет хорошо».— «Спасибо»,— глазами ответила Шахиста.

Убай говорил о теме любви в узбекской литературе последних лет. Саяра хотя и слышала о разговорах, поднятых вокруг диплома Убая, но не знала, из-за чего разгорелся сыр-бор. И теперь, глядя на раскрасневшееся, скуластое лицо Убая, слушая его ровный глуховатый голос, она недоумевала: в чем же он неправ?

Убай говорил остроумно. В зале часто раздавались аплодисменты.

То, о чем он говорил, было близко Саяре, отвечало ее мыслям. Он подчеркивал, что многие молодые герои современной литературы по уровню мышления и по взглядам на жизнь напоминают скорее людей прошлых веков, чем ту молодежь, которая встречается нам в жизни сегодня. И хотя многие из книг, которые упоминал Убай, Саяра не читала, то, что он говорил, было убедительно, и она ему верила.

— Если внимательно прочесть некоторые произведения наших писателей,— говорил Убай,— мы увидим, что из одной книги в другую кочует некий бритоголовый, неуклюжий, застенчивый парень, который постоянно краснеет, прячет от других свои мозолистые руки, а свои чувства к любимой девушке выражает непременно в письменном виде. Девушка, которой застенчивый парень пишет застенчивые письма, тоже застенчива, не решается взглянуть на других парней и не промолвит лишнего слова в их присутствии. При этом она, конечно, хороша собой и носит за плечами сорок мелких косичек. Правда, в некоторых рассказах попадаются отклонения от этой схемы. Стыдливая и целомудренная девушка с сорока косичками вначале ошибается и, недооценив бритоголового застенчивого парня, отдает свои симпатии стилинге в узких брюках и с усиками, конечно длинноволосому и не застенчивому. Но вскоре она разочаровывается в нем и возвращается к своему бритоголовому идеалу, у которого чистое и благородное сердце...

Чем больше говорил Убай об усатых стилигах и бритоголовых героях, тем больше оживлялись сидевшие в зале, нередко слышался смех.

Саяра, поддаваясь этому веселью, невольно поглядывала туда, где сидели преподаватели. Некоторые из них тоже смеялись. Абид Юнусович мягко улыбался, время от времени поглаживая ладонью лысину. Только отец Нилуфар глядел в зал исподлобья и нервно барабанил пальцами по столу. Его круглое, благообразное, похужее на спелую дыню лицо лоснилось от пота.

Убай уверенно продолжал свою тему — о примитивности характеров некоторых литературных героев — и еще не раз заставил смеяться аудиторию.

— Недавно я прочел рассказ одного молодого прозаика, — говорил Убай. — Герой этого рассказа, человек с точки зрения автора вполне положительный, придя домой, видит, что жена его вместо того, чтобы готовить обед, наводит красоту. Это настолько возмущает героя, что он устраивает шумный скандал и вспоминает свою первую жену, которая хотя и не была такой красивой, как вторая, но постоянно заботилась о нем и, когда он приходил с работы, бежала к нему навстречу, неся медный кувшин с водой, чтобы он вымыл руки. И герой, разочаровавшись в своей второй жене, возвращается к первой, которая все эти годы терпеливо ждала его с кувшином в руке.

Убай снова подождал, пока стихнет смех.

— Разумеется, в жизни встречаются, и довольно часто, люди, которые разводятся с женами из-за остывшего чая или из-за того, что жена не вовремя вытерла пыль с его сапог. Вся беда в том, что автор рассказа, вместо того чтобы посмеяться над этим героем, обливается горючими слезами вместе с ним.

Убай еще не кончил говорить, как из зала раздался резкий голос Мурадджана:

— А ты бы хотел, чтобы все писатели в своих книгах проповедовали свободную любовь?

В зале наступила тишина. Взоры всех сидящих устремились на Убая. Он отыскал взглядом Шахисту, видно ожидая поддержки, но она сидела, низко опустив голову.

Убай пожал плечами.

— Вообще-то вопрос не по теме. Я говорил об уважении к женщине, а не о свободной любви. Но все же постараюсь ответить. Многие великие люди не только на Западе, но и на Востоке называли женщин лучшей частью человечества. И мне кажется странным стремление некоторых наших писателей и их поклонников запереть женщину в четырех стенах и завернуть ее в вытасценную из музейного хлама паранджу. Вот о чем шел разговор, уважаемый товарищ.

Под гром аплодисментов Убай сошел с трибуны и сел рядом с Шахистой. Саяра хотела пожать ему руку, но Нилуфар опередила ее. Она шепотом поздравляла Убая, говорила лестные слова и смеялась.

Уже по реакции зала было ясно, что защита прошла успешно. Саяре сразу стало скучно, как бывает на спектакле, когда знаешь конец. Она рассеянно слушала оппонентов и думала о своем. Но когда слово взял отец, она насторожилась. И не напрасно. Абид Юнусович говорил о высоком смысле любви, об опасности обесценения этого прекрасного чувства и об ответственности человека не только перед обществом, но и перед семьей, перед своими детьми.

Саяра невесело усмехнулась. Конечно, отец имел в виду ее разрыв с Акрамом. Есть поговорка: «Говорю тебе, дочь, а пусть слушает невестка». Сейчас он говорил залу, чтобы слушала дочь. «Напрасно, отец,— думала Саяра.— Совершенно напрасна ваша очевидная хитрость. Того, что произошло, я Акраму простить не смогу. Никогда!»

Абида Юнусовича на трибуне сменил отец Нилуфар.

— Дорогой Абид Юнусович,— сказал он, сияя довольной улыбкой.— Вы сказали то, что лежало у меня вот здесь.— Он приложил руку к груди.— Честь и слава вам, домулла, что не побоялись показаться ретроградом и честно высказали все, что посчитали нужным. Действительно, сегодняшний доклад является достаточно красноречивым сигналом опасности. Эта опасность состоит в том, что среди нашей молодежи распространяются весьма сомнительные представления о нравственности, какая-то, я бы сказал, нечеткость позиции по отношению к проблемам морали.

— Я хотел сказать не совсем то, что вы говорите,— с места поправил Абид Юнусович.

— Понимаю,— поспешно кивнул головой отец Нилуфар.— Я говорю в общих чертах. Я думаю, присутствующие со мной согласятся, что в наше время не найдется ни одного сторонника паранджи, и обвинять своих оппонентов в этом грехе просто нелепо. За паранджу не будет ратовать никто ни из старшего поколения, ни из младшего. Но при этом совершенно не обязательно сваливать в одну кучу все обычаи прошлого, ибо среди них есть и не такие уж плохие, как может показаться с первого...

Встретившись с пристальным взглядом дочери, он смешался.

— То есть вообще я хочу сказать, что в докладе есть много правильных мыслей. И безусловно, мы должны помнить о равенстве женщины с мужчиной не только на словах, а на деле. Только в некоторых вопросах морали...

Но тут он опять встретил умоляющий взгляд дочери и, окончательно сбившись, торопливо закончил:

— В общем, я оцениваю доклад положительно.

Как только окончилась защита, все кинулись к Убаю, наперебой поздравляли и обнимали его. В кружке поздравлявших стояла и Саяра. Она рассеянно слушала комплименты, щедро сыпавшиеся по адресу Убая, когда кто-то тронул ее за плечо. Она вздрогнула и обернулась. Рядом стоял отец.

— Дочка,— сказал он, мягко улыбаясь,— если ты собираешься куда-нибудь сегодня пойти, ну, скажем, отметить успешную защиту... постарайся особенно не задерживаться. Несмотря на свои сверхсовременные представления о женской свободе. Да-с.

Саяре не хотелось идти на эту вечеринку. И все же она пошла, чтобы не обидеть Убая.

Собирались в кафе напротив института. Убай на радостях заказал пломбир, минеральную воду и разные соки.

— Жалко, здесь нет вина, а то я бы вам устроил массовое купанье в шампанском. Впрочем, шампанское от нас не уйдет.— Убай был в хорошем настроении.

Первыми пришли несколько молодых поэтов и журналистов, по словам Убая, «будущие звезды на небосклоне узбекской литературы». Потом появился Шавкатджан с маленькой, элегантно одетой женщиной. Увидев Саяру, он издала помахал ей рукой, а потом, воспользовавшись первым случаем, распрощался со своей спутницей и подошел к их столику.

Шавкатджан похудел, осунулся и загорел. Мягкая рыжеватая борода немного отросла и выгорела на солнце.

— Что с вами, Шавкатджан? — ахнула Саяра. — Вас не узнать!

— А что, плохо выгляжу?

— Нет, наоборот. — Саяра вдруг смутилась от невольно сказанного комплимента. — Вы похожи на путешественника.

— А я и есть путешественник. Выбирал натуру, ездил по республике, мало мылся, редко брился — и вот результат.

Он говорил в той бойкой манере, в которой и полагается разговаривать начинающему кинодеятелю.

— У меня к вам серьезное предложение. — Шавкат, прищуриив глаза, долго изучающе смотрел на Саяру. — Но прежде я хотел задать вам один нескромный вопрос: почему вы такая грустная?

— Я грустная? С чего вы взяли?

— Мне показалось. Но если хотите, не отвечайте. Можем перейти сразу к делу. — Шавкатджан положил свою твердую ладонь на руку Саяры. — Только прошу вас не отказываться, прежде чем вы не обдумаете все хорошенько.

Саяра забеспокоилась, почувствовав, как Шавкат многозначительно сжал ее руку.

— Вот вы смеялись в тот вечер, когда я уговаривал вас стать киноактрисой. Вероятно, вы думали, что я шучу. Теперь у меня более конкретное предложение. Я действительно хочу предложить вам главную роль в моем фильме.

— А я же вам говорила в прошлый раз: дайте главную роль Шахисте. Она молода и красива. — Саяра была польщена предложением и в то же время отнеслась к нему недоверчиво.

— Эта роль Шахисте не подходит. Она для нее слишком молода. Ну, а что касается красоты... Не буду говорить банальностей... В общем, вы словно рождены для моего будущего фильма.

Саяра, зардевшись от смущения, попыталась обратиться разговор в шутку:

— Дорогой Шавкатджан, ну подумайте сами, какая из меня артистка? Не хотите взять Шахисту, возьмите Нилуфар. Она спит и видит себя в кино.

— Именно это меня в ней и не устраивает, — засмеялся Шавкат. — Но если вы никак не можете обойтись без Нилуфархон, я найду и ей какую-нибудь роль. Обещаю. Ну, согласны?

— Право, не знаю, — все еще колебалась Саяра. — Для того чтобы сниматься в кино, нужны особые способности, а у меня...

— У вас они есть, — нетерпеливо перебил Шавкат. — Я в этом совершенно уверен. Кроме того, в вас есть искренность и настоящая чистота — качества, которые присущи далеко не каждой профессиональной актрисе. Саярахон, я вас умоляю.

Если бы все это говорил кто-нибудь другой, Саяра, возможно, приняла бы эти слова за обычное ухаживание. Но Шавкат говорил так просто и убедительно.

— Но ведь у меня скоро государственные экзамены.

— Сдавайте себе спокойно экзамены. У нас пока еще достаточно других дел. А через две недели начнем пробу актеров. Желающих много, а выбрать надо самых подходящих. Фильм должен получиться интересный. Действие происходит в небольшом горном кишлаке...

— Может, вы дадите сначала прочитать сценарий? — спросила Саяра.

— Вот это уже деловой разговор! — обрадовался Шавкат. — Сценарий получите завтра же. В нем идет речь о молодой женщине из кишлака... Впрочем, прочтите — сами увидите. Я убежден, что сценарий вам понравится. Снимитесь, станете знаменитой на всю страну.

— Ну уж так прямо? — недоверчиво протянула Саяра.

— Вот посмотрите. — Шавкат встал и хотел предло-

жить Саяре руку, но в это время в кафе вошел Зафар. Он заехал за Нилуфар. Вместе они должны были ехать на свадьбу своих друзей.

— Очень хорошо,— сказала Саяра.— По дороге подбросите меня домой.

— Вот тебе на! — огорчился Убай.— Что же мы будем делать без женского общества? Зафар, вы, может быть, отвезете сперва Саяру, а Нилуфархон побудет пока здесь!

— Нет, мы торопимся,— хмуро сказал Зафар.

— Он просто не хочет оставлять ее с нами,— сказал кто-то.

— В самом деле, Зафар, ты отвези Саяру, а я пока побуду еще тут,— сказала Нилуфар.

В конце концов Зафар поддался общим уговорам, но за рулем был хмур и полдороги проехал молча. Когда подъезжали к дому Саяры, он первый раз разжал губы и спросил, нет ли каких вестей от Акрама.

Саяра пожала плечами, как бы говоря: «Этот человек меня совершенно не интересует».

— Простите меня, Саярахон,— неуверенно сказал Зафар,— может, не следует вмешиваться. Я не собираюсь оправдывать Акрама. И все-таки я считаю, что он человек очень хороший и честный.

Хороший? Хорошие не пускают в ход кулаки. Честный? Конечно. Он просил прощения, но что это может изменить? Да мало ли хороших и честных! Убай хороший и честный. Шавкат хороший и честный. Режиссер предлагает ей главную роль в своем фильме... А что сделал для нее Акрам?

— Нет, Зафар-ака,— покачала она головой,— вы не знаете этого человека.

— Знаю, Саярахон,— упрямо повторил Зафар.— Очень хорошо знаю. В эти дни я много думал о наших спорах и понял, что во многом Акрам прав. В нем есть некоторая прямолинейность и грубоватость, он может вспылить... и все же...

К счастью, они уже приехали, и Саяра была рада, что не надо продолжать этот неприятный для нее разговор.

— Благодарю вас, Зафар-ака,— холодно сказала она, выходя из машины.— За то, что довезли, за совет. Только вряд ли я смогу им воспользоваться.

И дома, не давая утихнуть обиде, она еще долго мысленно спорила с Зафаром.

Хороший? Честный? Разве может хороший человек, мужчина, позволить себе такую низость?

Она подошла к зеркалу поправить волосы и задержалась перед ним. Что ж, Шавкат говорил ей комплименты не без основания. Она действительно... А почему бы ей не стать киноактрисой?

● ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Удивительное все же существо человек!

Казалось бы, все просто. Ты сделал большую работу, и она нравится тем, для кого ты ее делаешь. Будь же доволен собой и своей работой.

Акрам не был доволен. Чем больше он смотрел на дворец, чем больше думал о нем бессонными ночами, тем меньше нравилось ему это сооружение. И разве только дворец?

Правление колхоза и новая гостиница только начали строиться, но уже было ясно, что и они будут отличаться той же помпезностью. Если бы начать все сначала... И воображение Акрама рисовало легкие, простые и удобные конструкции.

Если бы начать все сначала...

Но когда начались торжества по поводу открытия дворца, Акрам несколько приободрился. Еще бы! Имя его было у всех на устах. Представитель обкома взял его под руку, вывел на сцену и усадил в президиуме рядом с собой. А когда Турабджан, открывая вечер, объявил, что здесь, в президиуме, находится автор проекта, уважаемый односельчанин, ныне известный ученый и архитектор Акрам Халиков, жители кишлака поднялись и минут десять, не меньше, все как один стоя рукоплескали ему. И Акрам невольно подумал, что все-таки, наверное, неплохое он сделал дело. И после собрания, во время банкета в колхозном саду, об Акраме было сказано столько лестных слов, поднято столько тостов, что под конец он порядочно захмелел, чего с ним почти никогда не бывало.

На банкете же в самый разгар веселья к нему подседа Малохат и с заговорщической улыбкой незаметно суну-

ла сложенный вчетверо листок. Это был ответ Хамиды. Акрам прочел записку, стараясь не обращать на себя внимания соседей. В записке было всего несколько слов: «Акрам-ака! Завтра, как только стемнеет, я жду вас в джидовой роще на обрыве у мельницы. Хамида».

Несколько слов, написанных торопливым почерком на клочке бумаги, так взволновали Акрама, что весь следующий день он бесцельно слонялся по дому или валялся в саду, пытаясь понять, зачем он понадобился Хамиде.

Теперь, протрезвев после вчерашнего, он думал, что на банкете его, конечно, перехвалили. Хотя, с другой стороны, зачем односельчанам кривить душой? И если они говорят, что дворец им нравится, значит, он действительно нравится. Пусть он не нравится утонченным специалистам вроде Зафара, важно, чтобы дворец пришелся по вкусу тем, для кого он строился. «Возможно, людям будущих поколений мои проекты покажутся устаревшими. Но кто знает, что примут будущие поколения! Кто может сейчас гарантировать, что не устаревает творчество Зафара или других, пусть даже самых расталантливых, архитекторов. Из тысячи произведений искусства история оставляет лишь единицы. А если это так, то зачем мучиться и думать о том, что свершится в далеком будущем? Геннев мало, каждый в меру своих сил должен делать то, что он может».

Акрам вспомнил слова Турабджана, сказанные на банкете. Правда, Турабджан был уже сильно под хмельком, но предложение его (так во всяком случае показалось Акраму) было вполне серьезным.

— Послушай,— сказал Турабджан, положив руку на колено Акрама.— Ты, конечно, человек большой и ученый, все это правильно. Но мне твоя жизнь непонятна. Разве это жизнь? Как ты мог сменить такой кишлак на городскую клетушку, в которой могут жить только куры? Сам видишь, дела в нашем колхозе идут хорошо. Я тебе построю большую мастерскую и зарплату дам ту же, что в городе. Жена твоя кончит институт, и ей найдется работа. У нас тут работает врач. Спит и видит, как бы укатить обратно в свой Саратов. Скатертью дорога. Возьмем Саярагон. Поработает месяц-другой, обвыкнет, сделаем главным врачом. Вдвоем будете получать рублей четырехста — пятьсот в месяц. Глядишь, через полтора года бу-

дете разъезжать на собственной «Волге», не будь я Турабджан Икрамов!

Вспоминая сегодня слова Турабджана, он пытался, но не мог представить свою жизнь в кишлаке. Конечно, это было бы всё́м неплохо — сидеть здесь, вдали от городской суеты, от бессмысленных встреч и пустых телефонных звонков, и работать, работать как тебе хочется. Но вряд ли из этого может что-нибудь выйти. Он уж слишком отравлен той жизнью, чтобы вернуться к этой.

Несколько раз Акрам доставал из кармана записку Хамиды, перечитывал и волновался все больше. Не дождавшись сумерек, он вышел из дому и, чтобы растянуть время, не торопясь спустился к лощине. Сады на одном краю ее были уже погружены в тень, другой склон еще купался в красноватых лучах предвечернего солнца. Острый и влажный запах мяты, поднимавшийся со дна лощины, тонкий и грустный аромат базилики и персиков-скороспелок, шум детворы, ожидающей стада, блеяние овец в окрестных садах, горький привкус синего кизячного дыма, тянувшегося от очагов,— все это чувствовалось сейчас особенно остро, тревожило душу.

Наконец солнце зашло, и вечерняя тень легла между деревьями. Мальчишки с веселым гиканьем погнали своих овец по улочкам кишлака, в густой листве замелькали первые огоньки.

Чем ближе подходил Акрам к мельнице, тем сильнее его охватывало волнение. Что все-таки заставило Хамиду назначить это свидание? Память о прошлом или что-то другое? Но если что-то другое, то зачем назначать свидание именно в джидовой роще? А если она вспомнит прошлое, что он сможет ответить ей? У каждого из них сейчас своя судьба, и многое их теперь разделяет. Юность не вернешь...

Пока Акрам дошел до рощи, уже совсем стемнело. На небе зажглись первые звезды. Между листьями тополей над мельницей вынырнул тонкий молодой месяц.

Было тихо. Глухо шумела вода, стекающая по желобу, и бормотали что-то невнятное лопасти колеса старой мельницы. Временами легкий ветерок пробегал по ветвям джиды, еще хранившей медовый аромат недавнего бурного цветения.

Где-то вверху послышались приглушенные голоса женщин и тихий смех. Вглядевшись, Акрам увидел два силуэта, темневших в лунном свете, и вышел из-за скрывавшей его джиды.

— Это, кажется, он, — сказала одна из женщин, и Акрам по голосу узнал Малохат.

То, что Хамида пришла не одна, несомненно означало, что Акрама ждет не любовное объяснение. Поняв это, Акрам почувствовал облегчение.

Выйдя навстречу женщинам, он поздоровался сперва с Малохат, потом с Хамидой. Лицо Хамиды казалось усталым и исхудавшим. Рука была большая, огрубевшая, видно привыкшая к тяжелой физической работе. Словно почувствовав, какое впечатление она произвела на Акрама, Хамида торопливо вырвала руку и опустила голову.

Малохат засмеялась.

— Ну, вот, все как прежде. Только вы на этот раз почему-то пришли на свидание без своего друга.

— Ты имеешь в виду Турабджана? — усмехнулся Акрам. — Видимо, он нашел себе другую.

— О, этот Турабджан! Он стал таким большим человеком, что может взять себе вторую жену, — мрачно пошутила Малохат. — Однако мне пора. Не буду мешать вашему разговору.

Хамида испуганно схватила ее за руку:

— Подожди, поговорим вместе.

— А у тебя что, нет языка? — насмешливо спросила Малохат. — Хватит, что я твои записки носила, теперь справляйся сама.

Она вырвала из рук Хамиды свою руку и стала медленно взбираться вверх по тропинке.

— Акрамджан! — прокричала она уже откуда-то сверху. — Верьте всему, что скажет вам Хамида!

Акрам уже полностью овладел собой. Теперь ему казалось даже странным и смешным, что весь день он воображал себе невесть что.

— Я слушаю вас, Хамидахон, — сказал он, своим обращением на «вы» как бы подчеркивая тот факт, что встретились чужие, ничем не связанные между собой люди.

Хамида искоса бросила быстрый взгляд на Акрама.

Потом опустила голову и, теребя пуговицу кофточки, надетой поверх атласного платья, тихо сказала:

— Вы, наверное, были очень удивлены, когда получили мою записку...

Ее печальный взгляд, ее грустный голос вдруг так напомнили прежнюю юную Хамиду, что сердце Акрама сжалось от боли. Он взял руку Хамиды и быстро заговорил:

— Да, конечно... Я был удивлен, но я был рад. Мне самому хочется с тобой поговорить. Расскажи мне, как ты живешь.

Хамида хоть и не резко, но настойчиво отняла руку.

— Акрамджан, я пришла вовсе не для того, чтобы жаловаться вам на свою жизнь. Хотя, если сказать правду, хорошего мало. Садыквой очень ревнив. Сколько времени прошло; а он все попрекает тем, что было и чего не было...— Голос ее задрожал, казалось, Хамида вот-вот не выдержит и расплачется.

Акрам молчал, не зная, что сказать. Почему-то опять вспомнилась Саяра, ее широко открытые, полные ужаса глаза, ее отчаянный крик: «Мало тебе!»

Хамида вытерла слезы и грустно улыбнулась.

— Ну вот. Сказала, что пришла не для того, чтобы жаловаться, а сама жалуюсь. У меня к вам, Акрам-ака, просьба есть.

— Я слушаю,— наклонил голову Акрам.

— Может, вы слышали, до недавнего времени я работала завклубом и библиотекарем. Мне эта работа нравилась, я к ней привыкла, но меня уволили.

— Кто?

— Кто же еще может уволить, как не председатель!

— Но почему?

— Я думаю, что он давно хотел меня уволить. Все началось с того, что мой муж, никого не спросив, обещал выдать мою сестру Шахисту за его брата. А я была против, потому что Шахиста Мурадджана не любит. Кроме того, я однажды выступила на собрании с критикой Тураба-ака.

— Неужели ты думаешь, что Турабджан мог тебя уволить за критику или за то, что твоя сестра не выходит замуж за его брата?

— Выходит, так,— вздохнула Хамида.— Особенно ему, конечно, не понравилась моя критика. Понимаете, наш колхоз живет по поговорке: на брюхе шелк, а в брюхе щелк. Воздвигаем всякие дворцы, а приличного помещения под детский сад нет. О яслях и говорить нечего. Пойдите в бригады, увидите: все тутовые деревья увешаны люльками. Матери прямо тут же кормят детей грудью. Конечно, в таких условиях дети болеют, у кого дизентерия, у кого рахит...

Хамида взглянула в лицо Акрама, как бы пытаясь понять, какое впечатление произвели на него ее слова, но Акрам хотел дослушать ее до конца.

— Нет, вы не думайте,— сказала Хамида,— я вовсе не против того, чтобы строить дворцы и гостиницы, просто я хотела сказать, нельзя ли начать с другого конца— построить детский сад и ясли, а потом уже можно и все остальное.

— А почему ты не обратилась в правление или в партбюро?

— В партбюро? — переспросила Хамида.— Там у нас совсем зеленый парень, только недавно на этой должности. Он боится слово поперек сказать. Вы знаете, Тураб всех держит в кулаке. Каждый год колхоз перевыполняет план заготовок хлопка, имеет хорошую прибыль. Председатель он, что и говорить, толковый. Только слишком уж рвется к славе и почестям. Газету получит — первым делом ищет свою фамилию, а не найдет — полдня ходит мрачный. Обожает принимать иностранные делегации, хочет, чтобы и за границей знали, что есть такой человек — Турабджан Икрамов.

Акрам был взволнован.

— Скажи, пожалуйста, Хамидахон,— начал он, медленно подбирая слова,— что же, по-твоему, случилось с Турабом?

— Откуда мне знать? — вздохнула Хамида.— Слава и не таким, как наш Тураб, голову туманила. До последнего времени я его считала своим человеком, думала, что он такой, каким был тогда, когда мы вместе...— Она смутилась.— В общем, вы меня понимаете. Я обратилась к вам, потому что ваше слово для Турабджана — закон. Он не посмеет ослушаться вас.

Акрам долго молчал, поглядывая на склоненную го-

лову Хамиды. Вот зачем она его позвала. А он-то думал... Не смешно ли? Весенний тюльпан дважды не расцветает. Лепестки, засушенные между страницами книги, могут только напомнить весну, но не повторить ее.

Акраму хотелось обнять Хамиду и успокоить, как сестру, как ребенка.

Хамида по-своему истолковала его молчание.

— Может быть, я сказала что-то не так. Может быть, вам не хочется портить отношения с председателем. Простите...

— Хамида! — Акрам посмотрел ей прямо в глаза. — Как тебе не стыдно!

Хамида закрыла лицо руками. Акраму послышались странные звуки. И в ту же секунду он понял, что Хамида плачет.

— Что с тобой? — кинулся он к Хамиде, схватив ее за руки, пытаясь заглянуть в лицо.

— Нет! Нет! — Хамида вырвалась и отскочила. — Простите меня, Акрам-ака, за то, что я плохо о вас подумала. Вы знаете, я за последнее время разуверилась в людях. Простите и спасибо вам, спасибо за все.

Хамида повернулась и побежала вверх по тропинке.

Неужели Турабджан мог дойти до такого? Неужели мог уволить с работы честного человека? Неужели это тот самый Турабджан, который в шестнадцать лет среди своих ровесников слыл не только самым горячим, но и самым справедливым парнем? Как жизнь меняет людей!

Теперь все поведение Турабджана и все слова, сказанные им в эти дни, приобрели для Акрама иное значение.

Если бы Хамида рассказала о ком-нибудь другом, вероятно, Акрам не удивился бы. Не каждый человек может выдержать испытание властью. Многим она вскружила голову, многих сломила. Но Турабджан... Тот самый, с которым они когда-то разъезжали на арбе... Несмотря на молодость, а может быть, благодаря ей, Турабджан тогда смело выступал против малейшей несправедливости. А как доставалось от него тогдашнему председателю! В конце концов, тому пришлось все же уйти из колхоза. А теперь прошло много лет, и сам Турабджан наступает на горло людям, которые не желают петь с его голоса. Акрам долго и беспощадно ругал Турабджана. И вдруг его поразила мысль, что и он не последняя пешка во

всем этом деле! В том, что в кишлаке строительство детского сада и яслей запланировано в последнюю очередь, виноват не столько Тураб, сколько он, Акрам. Именно Акрам и никто другой подсказал Турабджану, с чего надо начинать строительство. А теперь пытается свалить всю вину на друга детства.

Подойдя к своему саду, Акрам остановился. Домой идти не хотелось, и он, решив еще прогуляться, направился к хлопковому полю. Оно начиналось сразу за садами. Давным-давно, когда Акрам был еще маленьким, оно засеивалось клевером, и это было любимым местом перепелок. Мальчишки и старики-беданабазы¹ всегда ставили здесь силки. Потом на поле стали сеять пшеницу, и дети гремели медными тазами и бросали камни, отгоняя прожорливых воробьев. Теперь поле отдали под хлопок.

Акрам постоял над арыком, питающим хлопковое поле. Тихо журчала вода. Сады и бахча по левому краю лощины слились в одну темную полосу. Залитые лунным светом серебристые тополя были похожи на всадников с пиками, которые скачут неизвестно куда. Все дышало покоем. И даже кладбище на вершине Гор-тена, окруженное могучими карагачами, не вызывало сейчас мрачных мыслей.

Когда-то в этой лощине Акрам с Турабджаном, стреножив лошадей, засыпали мертвым сном, подложив под голову по охапке сена. Сюда же по висячему мостику иногда приходили Хамида и Малохат. Мог ли Акрам представить себе тогда, что у него будет другая жена, а Хамида выйдет замуж за другого мужчину?

«Старею, что ли? — рассердился вдруг на себя Акрам. — Говорят, чем человек ближе к старости, тем чаще ему вспоминается юность. А мне еще, кажется, рано жить воспоминаниями».

Идя вдоль широкого арыка, Акрам вскоре увидел заросли тутовника с обрубленными верхушками, услышал хлюпанье воды и тут же заметил неясные очертания двух женских фигур.

¹ Б е д а н а б а з ы — любители разводить перепелок.

— Вай! — неожиданно вскрикнула одна из женщин и, спотыкаясь, побежала по грядке.

— Вай! — завизжала вторая и кинулась следом за первой.

— Что там случилось? — донесся из темноты знакомый спокойный голос. Это был голос Дяди.

— Там... там... — испуганно заговорила одна из женщин. — Там кто-то идет.

— Ну и что? — сказал Дядя. — Зачем панику подняли? Может, бригадир или председатель проверяют, не затопило ли грядки. — Он прислушался. — Кто там?

— Это я, Дядя, — успокоил Акрам.

— А, Акрам! — обрадовался Дядя. — Что это ты по ночам бродишь, людей пугаешь?

— Да так, решил прогуляться.

— Прогуляться? А я подумал, что ты нам помочь собираешься. Доченьки, — крикнул он в темноту, — примите помощника?

В темноте раздался тихий смех, но девушки не вышли, продолжая прятаться в тутовнике.

Акрам удивленно спросил:

— Неужели до сих пор девушки работают поливальщицами?

— А почему бы и нет?

— Я помню, во время войны женщины тоже этим занимались, но тогда было все же другое дело. Есть же мужчины...

— Есть, да не очень, — сказал Дядя. — Мужчины нынче ищут, чтоб работа была не пыльная и денежная, а у нас такой нет. Правда, говорят, что цену на хлопок должны повысить. Тогда, может быть, вернутся к нам и мужчины. А пока... — Дядя хитро посмотрел на Акрама. — Сидеть у себя в кабинете и перебирать бумажки приятней, чем махать кетменем или пасти овец.

Акрам улыбнулся.

— Ну что ж, Дядя, ты меня почти убедил. Бросаю свою архитектуру и перехожу в пастухи. Могу и кетменем поработать. Есть лишний?

— Зачем лишний? Могу тебе свой одолжить. Обойди грядки с той стороны, укрепи дерн, чтобы вода не снесла. Да возьми мой чапан, — добавил он насмешливо, — а то как бы не замарался.

Акрам снял туфли, подвернул брюки выше колен, а поверх рубашки надел старый, пропитанный потом Дядин чапан. Ступил в арык. Ледяная вода словно иглами пронизала босые ноги. Захотелось немедленно выскочить из нее, но Акрам удержался и пошел дальше.

— Эй, гляди, насморк не схвати! — крикнул вслед ему Дядя.

— Ничего,— отозвался Акрам,— будет повод полежать в больнице.

Вода была искусно распределена по грядкам, дерн уложен аккуратно, только в двух местах его немного подмыло. Акрам подправил его и пошел обратно, чувствуя дрожь во всем теле. Дядя за это время успел обойти поле и теперь мыл руки в арыке.

— Ну, как дела, поливальщик? — встретил он Акрама веселым вопросом.

— Дела идут, контора пишет,— попробовал отшутиться Акрам.

— Да у тебя, я смотрю, зуб на зуб не попадает,— удивился Дядя.— Потомственный дехканин, а выглядишь, как мокрая курица. Вот что, дорогой, беги скорей домой, к тандыру, и обогрейся. А то, не дай бог, что случится, скажут, что я загубил большого ученого.

В Акраме заговорило самолюбие.

— Нет, Дядя, пожалуй, я не уйду. Переночую здесь с вами, а утром потягаемся и посмотрим, кто из нас лучший поливальщик.

— Значит, заговорила в жилах дехканская кровь,— удовлетворенно отметил Дядя.— В таком случае вон под шелковицей ватное одеяло и сено. Будь как дома. Себе я постелю овчину и укроюсь чапаном. Если хочешь есть, там в платке лепешки, а в арыке горшок с супом. А я, пожалуй, уж лягу. Был у меня к тебе большой разговор, да ладно, в другой раз. Ты к нам надолго?

— Пару дней еще побуду,— сказал Акрам.

— Недолгий гость. А почему бы тебе не побыть недельку-другую? Посетил бы родственников, помянул умерших. Родными местами не брезгуй, они тебе еще пригодятся. Не зря говорится: куда бы конь ни удрал, все равно к своему стойлу вернется.

В темноте Дядя нашарил овчину, расстелил ее и завернулся в чапан. «Слава тебе, аллах, ниспославший нам

этот спокойный день!» — послышалось его бормотанье.

Когда Акрам, умывшись в арыке, вернулся, Дядя уже мирно посапывал. Акрам нашел в узелке две лепешки, принес из арыка горшок с супом и, как в детстве, предвкушая удовольствие, поднес его к пересохшим губам. Но есть не смог — от супа с айраном шел неприятный запах, наверное, он прокис, а лепешки были тверды, как камень.

Акрам расправил сено, лег и накрылся одеялом. И опять почувствовал, как сильно отвык от этой жизни. В юности он засыпал мгновенно, стоило только упасть на землю, а сейчас сон не приходил. Акрам лежал на спине и широко открытыми глазами глядел в небо, полное мерцающих звезд. В тишине торопливо журчала вода в арыке и изредка доносилось от плотины кваканье лягушек.

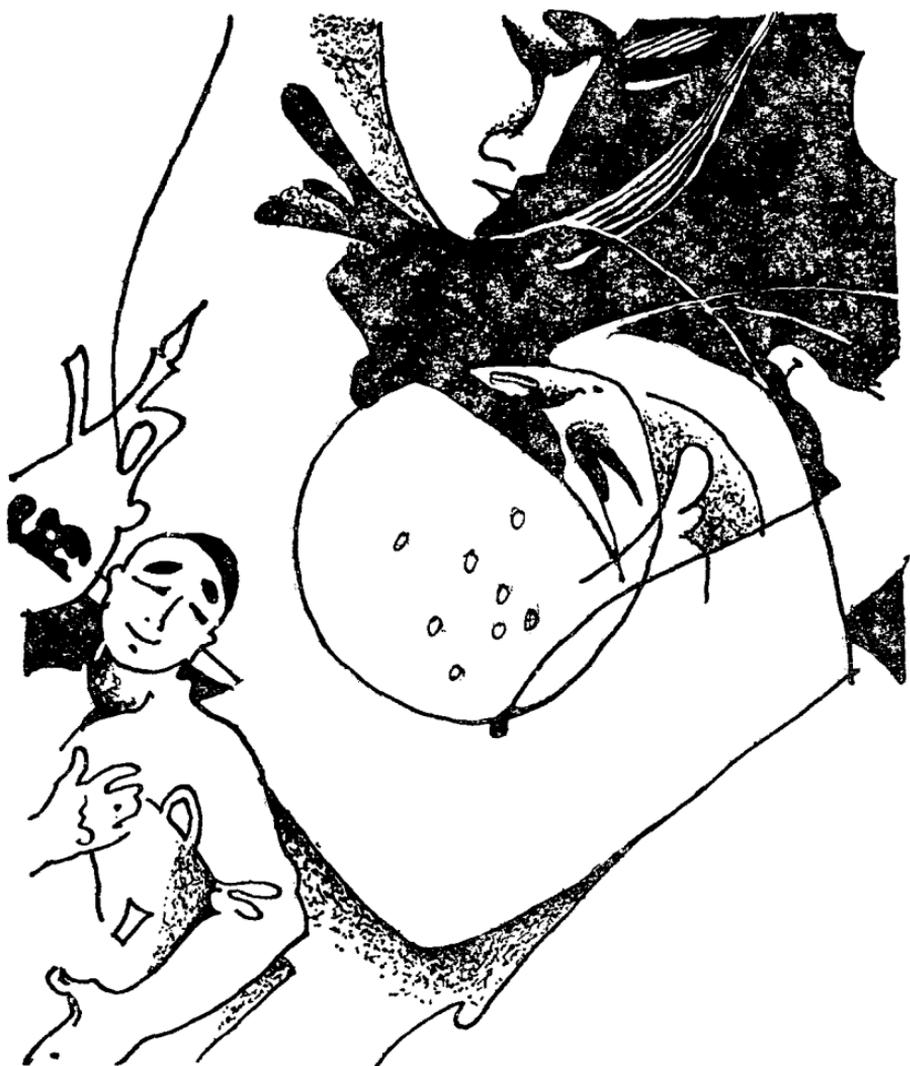
Было жестко, мешали неровности земли под сеном, затекла рука, потом казалось, что кусаются блохи.

Чуть в стороне безмятежно посапывал Дядя. Счастливый человек! Разменял седьмой десяток, а до сих пор бодр, полон сил. И отчего бы ему стареть? Никаких ненужных забот, никаких мучительных мыслей, которые так терзают душу. Было бы что есть и на чем спать, и он доволен.

Акрам вспомнил недавний спор в молодежном кафе. Для многих, в том числе и для него самого, как бы ни улучшалась жизнь, казалось все мало. А вот рядом с ним спит человек, который довольствуется самым необходимым. Кто прав? Какой из этих двух взглядов на жизнь вернее? Справедливо ли заставлять всех жить так, как живет Дядя? Справедливо ли идеализировать его жизнь? И вообще, можно ли навязывать людям жизнь, им совершенно чуждую?

Акрам плотно закутался в одеяло и повернулся на другой бок.

В ту ночь Акрам видел странный сон. Будто в лошине возле плотины кто-то справляет свадьбу. Народу видимо-невидимо. Гремит дойра, режут карнаи. Певцы во весь голос распевают веселые песни, и отовсюду доносятся крики: «Яшанг!», «Улманг!», «Дод!». Кто-то разжег ог-

ромный костер. Его пламя слепит глаза. Жара такая, что нечем дышать. Акрам пытается отойти в сторону, как вдруг откуда-то появляется Саяра. Она ведет за руку Назиру. Назира кричит: «Папочка! Папочка! Где же ты, я хочу к тебе!» Она вырывается из рук матери, бежит навстречу Акраму. У Саяры искажено злобой лицо: «Не смей называть его папочкой!» И, размахнувшись, она

бьет Назиру по щеке. Акрам бросается к ним, но Саяра с дочерью вдруг исчезают за плотиной.

Акрам проснулся в поту. Солнце уже поднялось над тополями, и его горячие лучи били прямо в глаза, обжигали лицо и руки. Где-то недалеко слышался детский плач.

Акрам отбросил одеяло и приподнялся на локте. Несмотря на рассказ Хамиды, картина, которую он увидел, изумила его: ветки тутовника были увешаны детскими люльками, как новогодняя елка игрушками. Дети кричали на все голоса. «Вот они, карнаи, которые мне снились», — догадался Акрам и встал.

Смуглая до черноты, сухощавая старуха не спеша разжигала огонь под большим баком с водой. Неподалеку от нее трое-четверо женщин, прикрывшись платками, кормили грудью детей.

Заметив, что Акрам проснулся, старуха оставила бак, подошла к люлькам и стала их раскачивать по очереди. Некоторые женщины отвернулись, некоторые прикрыли лица ладонями, но Акрам видел, что они тайком продолжают за ним наблюдать.

Он подошел к старухе.

— Скажите, а нельзя ли перенести эти люльки на левой стан? — вежливо спросил он.

Даже не взглянув на него, старуха зло проворчала:

— А с какой стати? Здесь удобнее, и матери поближе.

Акрам посмотрел на женщин, но только одна из них, самая молодая, дерзко встретила его взгляд. В ее глазах Акрам прочитал явную насмешку. «Много вас таких тут было, — говорили ее глаза, — а как вешали люльки на деревья, так вешают и до сих пор».

— Где ваш бригадир?

— Известно где! — усмехнулась молодая женщина. — Лежит, наверное, на летней террасе, несчастный, мучается. Мухи заели, а отогнать некому.

Женщины засмеялись. Акрам не ответил на шутку и пошел к полевому стану.

Позади себя он услышал голос молодой женщины. Видимо считая, что Акрам отошел достаточно далеко и не слышит ее, она сказала какой-то из своих подруг:

— Еще один проверяльщик на наши головы. Выспал-

ся под ватным одеялом, теперь ходит в скрипучих ботинках и шелковой рубаше, бригадира ищет.

— Наверное, какой-нибудь уполномоченный из района,— отозвалась другая.

— Какой там уполномоченный! Это же сын тети Махиры. Говорят, большой ученый.

— Много теперь ученых развелось!

Акрам усмехнулся. Если они не хотят, чтобы он их слышал, могли бы говорить потише.

Он был уже совсем близко от полевого стана, когда оттуда вышел Дядя с кетменем через плечо. За ним показался высокий мужчина со смуглым лицом и тонкими усиками. Одет он был не по-рабочему: пестрая шелковая рубаша, соломенная шляпа и блестящие хромовые сапоги. Только пройдя еще несколько шагов, Акрам узнал Садыквою. Увидев Акрама, Садыквой прищурил свои и без того маленькие глазки, нахмурился, но тут же взял себя в руки и, изобразив на лице приветливую улыбку, приподнял шляпу:

— Рад видеть вас, уважаемый.

Дядя весело рассмеялся:

— Ну как, ученый, отогрелся после вчерашнего? Больше нет желания поливать хлопок?

— Отчего же? — улыбнулся Акрам.— Я вчера собирался потягаться с тобой и от своих слов не отказываюсь.

Он пожал руку сперва Дяде, потом Садыквою. Рука у Садыквой была большая и сильная, он сжал пальцы Акрама, словно тисками, и еще раз повторил:

— Рад видеть вас, спасибо, что осчастливили своим приходом.

Акрам ответил ему в тон:

— Для того и пришел, чтобы осчастливить.

Садыквой рассмеялся:

— А вам, дорогой гость, палец в рот не клади.

Садыквой пригласил Акрама осмотреть полевой стан. Акрам согласился. Они шли рядом. В тени тутовника, у арыка, протекавшего посреди небольшого зеленого сада, двое поваров варили в казане шурпу. Здесь же кипели огромные, в рост человека, самовары.

— Кок-чаю! — небрежно бросил на ходу Садыквой и прошел мимо.

В конце сада стоял небольшой домик. Садыквой толкнул одну из дверей и посторонился, пропуская Акрама вперед. Акрам вошел и остановился пораженный. Большая просторная комната вся была убрана коврами. На полу поверх яркого ковра лежали атласные одеяла, а маленький столик, хан-тахта, стоявший посредине, ломился от фруктов. Казалось, здесь давно ожидали каких-то очень важных гостей.

Садыквой не спеша повесил шляпу на вешалку и распахнул окно. Свежий ветерок качнул шелковые занавески.

— Проходите, пожалуйста, садитесь на почетное место.— Приглаживая густые, черные как смоль волосы, Садыквой присел на корточки и, посмотрев сквозь раскрытую дверь в садик, кивнул кому-то головой.

В комнату вошел Дядя, а за ним повар с грудой пышущих жаром лепешек.

— Чтоб шурпа была как шурпа,— сказал Садыквой, беря лепешки из рук повара.— Не ударь в грязь лицом перед почетным гостем. Понял?

— Понял,— кивнул повар.

Акрам посмотрел в окно, увидел хлопковое поле, женщин, мерно взмахивающих кетменями, люльки, развешанные на ветвях тутовника. Ему не хотелось сейчас обострять отношения с Садыквоем, но, увидев люльки, он не сдержался.

— Разве нельзя перенести эти люльки сюда, к полемому стану?

— О каких люльках вы говорите? — Садыквой сделал удивленное лицо.— Ах, об этих.— Он улыбнулся.— А зачем их, собственно говоря, переносить? Там тенисто и прохладно.

— Не прохладнее, чем здесь,— холодно ответил Акрам.

На губах Садыквой мелькнула ироническая усмешка.

— Все же там им лучше,— настойчиво сказал он, как бы давая понять Акраму, что он хотя и почетный, но все-таки гость, а хозяин здесь Садыквой.— Кроме того, так удобнее матерям.

— Почему же?

— Кормящие женщины избавлены от необходимости бегать. Заплачет ребенок — мать тут как тут. Накормит

его и снова продолжает работу. Да и сами женщины так привыкли. Попробуйте перенести люльки. Тут же начнут жаловаться.

Акрам взорвался:

— Вы сначала освободите для детей эти комнаты, а потом посмотрим, будут ли женщины писать жалобы.

— Оказывается, вы очень любите детей,— прищурился Садыквой. Он еще пытался сохранить на своем лице выражение почтения, но глаза уже говорили другое.

— Дорогой Акрамджан,— неожиданно вмешался в разговор Дядя,— ты говоришь вещи правильные. Женщинам тяжело. Но для того чтобы им было легче, надо не только люльки переносить с места на место, а вообще освободить женщин от кетменя.

— Ах, отец, отец,— покачал головой Садыквой,— лишнее говорите. Если бы не ваш почтенный возраст, я бы вам ответил.

— А ты не стесняйся, отвечай. Я не обидчивый.

— Ну что ж...— Глаза Садыквая недобро блеснули.— В последнее время вы что-то разговорились... О женщинах, о правах... Не по возрасту горячитесь... Смотрите, так и до беды недалеко...

— Неужели? — прищурился старик.— Уж не подскажешь ли, откуда ждать беды?

Старик встал и вышел из комнаты. Садыквой вежливо улыбнулся ему вслед, но тут же стер с лица улыбку.

— Острый язык у нашего почтенного односельчанина,— сказал он.— Но одним языком жизнь не поправишь. Собирается освободить женщин от кетменя и не замечает, что происходит с родной дочерью, Шахистой.

— Что же с ней происходит? — поинтересовался Акрам.

— Вы, ака, знаете это не хуже меня. Мое мнение: женщину нужно держать твердой рукой.

— Как вы Хамиду! — неожиданно вырвалось у Акрама.

Потом он себя много раз ругал за эти слова. Но сейчас...

Садыквой потемнел лицом.

— Вот что, дорогой гость,— сказал он, медленно выговаривая слова.— Вы, конечно, человек ученый и

живете по другим законам, но, будь вы хоть трижды ученым и трижды мудрым, я не позволю вам вмешиваться в мои семейные дела. Наведите порядок у себя в семье, а потом поучайте других. Ваши советы для нас не подходят, ака. В прошлом году мы с председателем приезжали к вам и имели удовольствие наблюдать, как некоторые мужчины распускают своих жен. Если на то пошло, я бы на вашем месте...

— Хватит! — резко оборвал Акрам.

Он стремительно встал и, пинком отворив дверь, вышел наружу.

Весь этот день Акрама одолевали противоречивые мысли и чувства. Он опять побывал во Дворце культуры и сходил на площадку, где строились здания правления и гостиницы. Потом долго сидел в председательском кабинете перед макетом генплана и картой кишлака. Он твердо решил поговорить с Турабджаном и убедить его приостановить строительство правления и гостиницы, построить вместо них детский сад и ясли. И вообще пересмотреть весь генплан. Но Турабджана не было, он с утра уехал в район. Не дождавшись его, Акрам вышел на улицу и, повинаясь какому-то неуловимому внутреннему чувству, снова пошел к Гөр-тепа.

Акрам не находил себе места, ему хотелось тут же уехать, увидеться с Саярой и поговорить с ней обо всем. Если бы не было столько дел по проекту, он бы уехал отсюда немедленно.

От того приподнятого настроения, которое было у него в день открытия дворца, не осталось и следа. В самом деле, взялся за строительство роскошных зданий, забыв о том, что люди в первую очередь нуждаются в самом необходимом. К чему здесь это великолепие? Зафар, видимо, все-таки прав. Надо строить здания простые и светлые. Они дешевле, удобнее и красивее. И это не мода, а требование времени. Уже сейчас во многих колхозах поддерживают проекты Зафара. А какое будущее ждет проект Акрама? Объективно получилось, что он равнялся на вкус таких, как Садыквой.

Мысли его прервало тарахтенье мотора. Справа, из-за карагачей, выскочил мотоцикл и, обдав Акрама запахом

бензиновой гари, на бешеной скорости понесся вниз, к лощине. Позади парня, державшего руль, обхватив его руками за плечи, сидела девушка и громко хохотала. Ветер развеивал ее волосы и раздувал короткое платье. Увидев Акрама, девушка хотела поправить подол, но чуть не свалилась и, снова вцепившись в парня двумя руками, еще громче захохотала. Они, как два черта, появились перед Акрамом и тут же исчезли, оставив за собой облако пыли и медленно исчезающий запах дыма.

«Вот уже и такое можно увидеть возле Гор-тепа», — невольно подумал Акрам.

Лет пятнадцать назад такая картина была бы немислима в здешних местах. И не только в здешних. В начале пятидесятых годов, когда Акрам поступил в институт, на их курсе было всего лишь две девушки-узбечки. По тем временам их поступление в институт казалось довольно смелым поступком, хотя вели они себя очень скромно, сторонились ребят и обычно не участвовали в общих разговорах. Да, в те времена далеко не каждая девушка могла решиться пойти в ресторан, пить вино, веселиться и танцевать в компании мужчин. Пятнадцать лет не такой уж большой срок, а многое изменилось. И, пожалуй, ему Акраму, надо теперь подумать, как жить дальше.

Вновь и вновь он мысленно возвращался к своему проекту. Если бы он мог начать все сызнова! Неужели были напрасны все его бессонные ночи? Отказаться от проекта — значит перечеркнуть какую-то часть своей жизни, признать свое поражение. Допустим, он даже на это решится. Но какой шум подымет в институте! Ведь поймет его далеко не каждый. Будь он рядовым архитектором, еще так-сяк. Но он руководитель большой мастерской. У него есть подчиненные, ученики и последователи — его школа. Значит, ему надо перечеркнуть не только свою работу. А поймут ли они, согласятся ли? Наверняка найдутся такие, которые назовут его ренегатом. Только вчера выступал против Зафара, а сегодня идет к нему же на поклон. И поверит ли Зафар искренности своего недавнего противника?

«Глупости! — прервал он себя сердито. — Не с того конца начинаю узел распутывать. Почему меня так заботит, кто что подумает? В первую очередь я должен все решить для себя».

Кишлак теперь был далеко внизу. На вершине Гортепа сады не жились в лучах нежаркого горного солнца, и густые ряды джиды казались окутанными тончайшими белыми кружевами. В воздухе стоял крепкий запах кисловатых горных яблок и маленьких дынь-скороспелок. Акрам долго разглядывал эти сады, бахчи, хлопковое поле и грядки, которые отсюда, сверху, были похожи на стеганный ватник. А на душе опять скребли кошки, и вечерняя тоска поднималась с новой силой и затопляла все его существо. Он думал о том, что пошел по неверному пути, цеплялся за него и сам осложнил свою жизнь. Может быть, он просто взялся не за свое дело? В таком случае не лучше ли быть простым арбакешем или работать с Дядей на поливке хлопка? Да, у него есть работа, довольно заметное положение в обществе, хорошая зарплата и красавица жена. Но сейчас Акраму казалось, что он может, не колеблясь, сменить все это на трудную, но простую, без суеты, жизнь своих земляков. Ведь это так достижимо. Вон зеркально блестит та самая плотина. Как в детстве. Вон, возле мельницы, стоит тот же белый тополь. Как в детстве. Вон та самая джидовая роща, где они с Турабджаном стреножили лошадей. Как в детстве. Все как будто на месте, и, однако же, все не то. И Акрам понял, что он пытается обмануть самого себя, что свою теперешнюю жизнь он уже никогда не обменяет на эту. В один миг он понял, что его воспоминания о прошлом навеяны сожалением об ушедшей молодости, но не об этой жизни. Ему выпала иная дорога, и, как бы ни было трудно, надо идти по ней дальше. Возврата к прошлому нет и не может быть.

Турабджан встретил Акрама несколько преувеличенными упреками:

— А мы уж здесь объявили всесоюзный розыск и подняли на ноги всю милицию. Куда запропал? Или отыскал какую-нибудь молодую вдову? — Довольный своей шуткой, Турабджан засмеялся.

Акрам тоже улыбнулся.

— Голодной курице просо снится. Я слышал, что здесь есть более опытные специалисты по молодым вдовам.

— Один-ноль в пользу «Пахтакора»,— засмеялся Турабджан.— Ладно, шутки в сторону. Собирайся, поедем в гости.

— К кому? — удивился Акрам.

— К одному приятелю.— Турабджан стал убирать со стола бумаги и укладывать их в ящик.— Устал как собака. Был в районе. Опять бюро, опять взбучка. Надоело до чертиков. Поедем, немножко развеемся. Не бойся, не пожалеешь. Отличное местечко.

— У вдовушки?

— О аллах, спаси и помилуй заблудшего раба твоего! Спаси меня, боже, от моих друзей, а от врагов я и сам отобьюсь.

— При этом главное — не перепутать, где враги, где друзья,— улыбнулся Акрам.— Погоди. К вдовушке мы успеем, а пока поговорим немного о деле.

— О деле потом. Завтра на правлении будем обсуждать генплан, там самое место говорить о деле.

— Нет, я хотел бы поговорить сейчас,— стоял на своем Акрам.

— Ну, если ты настаиваешь...— Турабджан закрыл ящик стола и подсел к Акраму.— Для начала советую тебе подумать вот о чем. Как ни печально, придется, видно, приостановить строительство правления и гостиницы и строить детский сад и ясли. Я буду говорить об этом завтра на правлении. Чтоб для тебя это не было неожиданностью. Что годилось вчера, не годится сегодня. Еще два года назад люди требовали в первую очередь строить клубы, гостиницы и магазины, а сегодня они требуют строить ясли и сад. Вот и пойми их! Хотя в общем-то они правы. Тяжелая работа у наших женщин. Они заслуживают того, чтобы им были созданы приличные условия. Я подумал об этом и решил, что с гостиницей и зданием правления можно подождать.

Акрам удивился:

— Сам решил или это и есть результат взбучки?

— Сам решил... в результате взбучки. Словом, придется тебе немного потрудиться.

— Ну что ж, за эти поправки я возьмусь с радостью,— сказал Акрам.— Только ответь мне по возможности откровенно.

— О чем ты?

— Почему, когда эти же очевидные вещи тебе говорила Хамида, ты был против?

Слово «Хамида» действовало на Турабджана, как удар кнута. Он вскочил с места и, сжав плотно губы, нервно зашагал по кабинету.

— Значит, не зря говорят — старая любовь не ржавеет, — колко заметил он.

— Перестаны! — резко сказал Акрам. — Я говорю тебе об этом как другу.

— И я тебе скажу как другу: очень жаль, что я до сих пор не выгнал твою Хамиду из колхоза.

— Она не моя.

— Все равно. Твоя или не твоя, она только тем и занимается, что мутит воду. И вообще это бабье...

— Ого, уже бабье! Ты же только что говорил, что женщинам надо помочь.

— Во всяком случае, не тем, у кого язык длиннее ума. Пускай она думает обо мне все, что угодно, это ее личное дело. Но скажи мне, зачем она на каждом перекрестке кричит, что председатель твердолобый истукан и консерватор?

— А что же, председателя и покритиковать нельзя?

— Критикуют, и еще как! — выкрикнул Турабджан. — У меня эта критика уже вот где сидит. — Он похлопал себя по затылку. — Председатель стал для всех козлом отпущения. Все валят на председателя. Выдалось засушливое лето — виноват председатель. Выдалось дождливое — опять виноват председатель. В газете, чтобы публику посмешить фельетоном, пишут о ком? О председателе. Комедии сочиняют — о председателе. Председатель и консерватор, и бюрократ, и зажимщик критики... Поработай пару дней на моем месте, узнаешь, что такое председатель.

Акрам сдвинул брови.

— Занимать твое место не собираюсь, знаю, что работа у тебя не из легких, но при этом вовсе не обязательно вымещать зло на других.

— Да что я такого сделал? — никак не мог понять Турабджан.

— Я тебе скажу, что ты сделал. Ты из-за того, что тебя покритиковали, и не так уж несправедливо, уволил

с работы женщину... Подожди, не перебивай. Мне тоже не сладко живется. Я многое напутал в жизни. Но ты... Помнишь, во время войны был у нас председатель... за- был фамилию...

— Ну и что?

— Ничего, мне просто вспомнился один случай. Старушка после жатвы собирала колоски. Делала она это не от хорошей жизни. А мимо ехал председатель верхом. И замахнулся на старушку плетью. И тогда один мальчишка бросился под председательского коня и выхватил плеть. Мальчишку этого звали Турабджан Икрамов.

Турабджан нахмурился.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать: как странно меняются люди. Если бы тот Турабджан встретил нынешнего, пожалуй, им трудно было бы понять друг друга. Отчего ты так загордился, нынешний Турабджан? Оттого, что поднял колхоз? Но разве ты один его поднимал? Почему же ты топчешь людей, которые вместе с тобой делили все твои трудности?

— Если ты имсешь в виду свою бывшую любовь, пусть поменьше треплет языком.

— Ах, Турабджан,— покачал головой Акрам,— ты забыл поговорку, что друг бранит, а недруг льстит. Видно, успех слишком вскружил тебе голову.

Турабджан опустился на диван и сжал ладонями виски.

— Ты многого не знаешь,— тихо сказал он.— Ты ничего не знаешь, Акрам.

— Может быть, я ничего не знаю, но многое вижу,— возразил Акрам.

— Перестань, я тебя прошу! — Турабджан морщился, как от зубной боли.— Есть хочу как собака. С утра не было во рту ни крошки. Да еще в райкоме устроили сегодня такую головомойку, что пронеси и помилуй. И теперь ты бьешь лежачего. Если у тебя еще есть ко мне претензии, поедем туда, куда я тебя зову, а там уж добьешь на месте.

Акрам посмотрел на его усталое лицо, на ввалившиеся глаза и кивнул головой:

— Ладно, поехали.

● ГЛАВА ПЯТАЯ

Сквозь сон Саяра чувствовала, что чья-то рука гладит ее лицо и тихо кончиками пальцев проводит по прядям волос. Рука была маленькой, нежной и ласковой. Саяре показалось, что это ее дочь, и она рассмеялась. Ей захотелось обнять и поцеловать Назиру. Она открыла глаза и тут же зажмурилась: из открытого окна прямо в лицо били шелковые, теплые лучи солнца.

Никого! Какой приятный сон! Ей не хотелось вставать, и она долго лежала, потягиваясь на мягкой постели. Она имела на это право: вчера был сдан последний государственный экзамен. Теперь она была свободна, совершенно свободна!

Закрыв глаза, лежала Саяра на постели и улыбалась. Как хорошо быть молодой, здоровой и сильной, как хорошо знать, что окончено огромное дело и впереди — отдых и только те дела, которые она сама выберет!

Сейчас она пойдет на киностудию, а вечером, если пожелает, на вечеринку однокурсников. Какое счастье быть свободной, распоряжаться собой и своим временем! Пусть семейная жизнь не получилась! И не надо! Хватит, она сыта по горло. Семь лет бесконечных хлопот по хозяйству, семь лет возни на кухне. Постоянные заботы о дочери и о большом ребенке Акраме, сцены ревности и регулярные стычки из-за мелких неурядиц в быту.

Мысли Саяры прервал голос отца, донесшийся со двора. Абид Юнусович, должно быть, умывал Назиру, потому что слышно было его добродушное ворчанье:

— Не шали, Назира, стой смирно, а то вся обольешься. Шалунья ты этакая, долго еще будешь издеваться над дедом?

Саяра встала и подошла к зеркалу. Волосы ее были не убраны и свободно падали до самого пояса. Получилась самая модная прическа. Саяра повернула голову вправо, потом влево. Сделала обиженное лицо. Улыбнулась. Приняла высокомерное выражение. Протянула руку для поцелуя. Из зеркала на Саяру смотрела очаровательная молодая девушка. Настоящая актриса. Недаром такой талантливый режиссер, как Шавкатджан, пригласил ее на главную роль! Недаром предпочел ее

даже профессиональным актрисам! Как жаль, что в юности Саяра не знала цену своей красоте! Вот результат этой глупости — брак с человеком, который не может оценить ее по заслугам, ребенок, который будет расти без отца...

Ну да ладно! Зачем столько переживать из-за прошлых ошибок? Лучше подумать о будущем, тем более что сейчас оно, кажется, улыбается ей. Диплом врача. С ним доступно многое. Можно остаться ординатором в институте, можно пойти в любую больницу. А что касается мужа, бог с ним. Не так уж велика потеря.

Саяра еще раз улыбнулась своему отражению в зеркале и вышла из комнаты.

На столе под виноградным навесом кипел самовар. Мать Саяры, Мавджуда-хола, кормила внучку с ложечки, а отец, в пижаме, просматривал свежие газеты.

Назира вырвалась из рук бабушки, кинулась к матери и повисла у нее на шее.

— Мама,— сказала она,— а правда, что люди, которые не едят вареную тыкву, навсегда остаются маленькими?

— Правда, правда,— рассеянно улыбнулась Саяра и, поцеловав дочь, снова водворила ее на бабушкины колени.

Абид Юнусович кивнул дочери и подвинулся.

— А мы уже позавтракали,— сказал он.— Решили тебя не дожидаться.

Он перевернул газету, пробежал глазами спортивные заметки, несколько дольше задержался на программе телевидения и прогнозе погоды. Потом отложил газету в сторону, встал и внимательно посмотрел на Саяру.

— Дочка, я ухожу. Мама передаст сейчас тебе одно письмо. Как ты к нему отнесешься, дело твое. Я ни на чем не настаиваю, но прошу тебя об одном: прежде чем принять то или иное решение, подумай.

Отец ушел. Мать, подождав немного, вынула из-под скатерти конверт и протянула Саяре.

— От Акрамджана,— сказала она значительно.

— Акрамджан! Акрамджан! — захлопала в ладоши Назира.— Мой папа — Акрамджан!

— Не болтай за столом,— сказала Саяра, вскрывая конверт.

— Акрамджан — мой папа, мамин муж и бабушкин дедушка, — не унималась Назира и сама засмеялась, довольная собственной сообразительностью.

— Сиди смирно! — прикрикнула на нее Саяра.

«Саяра! — увидела она крупные, так знакомо падающие влево буквы, что невольно сжалось сердце. — Саяра! Вот уже неделя, как я вернулся из кишлака. Там, в кишлаке, я много думал о нашей с тобой жизни. Я перед тобой виноват. Очень виноват. Я часто бывал к тебе несправедлив, слишком мало уделял тебе внимания. Особенно тяжело вспоминать нашу ссору. В письме всего не напишешь, поэтому прошу тебя: давай встретимся, поговорим по душам, как это бывало раньше, когда мы ссорились. Время и место встречи зависят от тебя. Я бы пришел сам, но неловко перед отцом. Жду ответа. Акрам».

Саяра представила лицо Акрама, на минуту даже услышала его глуховатый голос. «Я виноват перед тобой... Особенно тяжело вспоминать нашу ссору». Каждый раз после семейных размолвок, стоило Саяре увидеть по-детски беспомощные глаза мужа, какую-то беззащитность в его лице, и она забывала все свои обиды и готова была броситься в его объятия. Но сейчас почему-то вспомнилась безобразная сцена в кафе, пощечина... здесь, в присутствии отца. Нет, так больше жить нельзя, примирение невозможно.

Саяра свернула письмо и встала.

— У меня сегодня много дел, мама, я уйду.

Мать вопросительно посмотрела на дочь:

— А что пишет твой муж?

— Что он может написать, — сдержанно улыбнулась Саяра. — Кажется, спохватился.

— А ты?

— Я? — поморщилась Саяра. — А что я?

— Я просто хотела поинтересоваться, что ты собираешься ответить ему, — мягко сказала мать.

— Ах, мама, — раздраженно отмахнулась Саяра, — у меня сейчас нет ни времени, ни желания думать обо всем этом.

Мавджуа-хола печально взглянула на дочь и тяжело вздохнула. Она очень переживала разлад Саяры с мужем. Когда-то она была против этого брака, считая

свою дочь достойной более интересной партии. Ей не нравились в Акраме его простота, кажущаяся ей неотесанностью, его вспыльчивость, резкость. Но сейчас, когда дело зашло так далеко, она испугалась. Кто знает, сумеет ли Саяра устроить свою жизнь, найти человека по душе? А потом ребенок, Назира...

— А что я скажу отцу, доченька? — схитрила мать.

— С папой я поговорю сама,— решительно сказала Саяра. И, как бы давая понять, что разговор окончен, отодвинула недопитый чай и пошла в дом одеваться.

Саяре всегда казалось, что работа в кино — это не работа в истинном значении этого слова, а интересная, увлекательная игра. Первое знакомство с кинематографистами не изменило ее представлений.

Утром, придя к проходной, она увидела автобус, на котором было написано: «Киностудия». В автобусе сидели Шавкатджан, Нилуфар и еще с десятков девушек и молодых людей. Все они были модно одеты: девушки в брюках и темных очках, парни — в белоснежных рубашках и почему-то все как один бородатые. В подражание своему режиссеру, что ли? Саяру встретили, как старую знакомую, приветливыми улыбками, шутками, остротами. Шавкатджан усадил ее рядом с собой и крикнул шоферу:

— Поехали!

Шофер включил скорость. За автобусом двинулись две странные машины с не менее странными названиями «Тонваген» и «Лихтваген», — как объяснили Саяре, машины для звукозаписи и освещения. Саяре казалось, что она стала вдруг центром всеобщего внимания: прохожие, умирая от любопытства, вытягивали шеи, чтобы разглядеть ее получше, то же делали и шоферы встречных и попутных машин, но уже с некоторым риском для жизни. Поставые отдавали ей честь. Саяре стало весело.

Автобус выехал из города и полетел по гладкому шоссе. Не отставали от него и «Тонваген» и «Лихтваген». Так на полной скорости и влетели они в горный кишлак, где должна была происходить первая съемка. Сидевшие на задних местах музыканты спохватились и, выставив в окна карнаи и сурнаи, грянули веселую

песню. Из ворот домов, из-за глиняных дувалов высыпали жители кишлака. Ребятишки бежали рядом с автобусом, размахивая руками и что-то выкрикивая.

Машина остановилась около конторы. Приехавших встретили директор картины и председатель колхоза. Председатель пригласил дорогих гостей в колхозный сад. В саду, у водоема, их ждало угощение: в огромном казане, распространяя вокруг божественный запах, варился плов, шумно кипели самовары. Именно в этом саду Шавкатджан и предполагал снять сегодняшний эпизод: сбор яблок и встречу влюбленных.

Гости выпили только по пнале чаю. Остальное, не смотря на уговоры председателя, перенесли на вечер.

— Мы сюда приехали не отдыхать, а работать,— сказал Шавкатджан.— Тем более сейчас самый хороший свет.

Пока операторы налаживали свою аппаратуру, подошли местные девушки, которые должны были участвовать в массовке. Шавкатджан позвал к себе Саяру и Нилуфар:

— Посмотрите-ка на этих девушек. Вы должны выглядеть точно так же. Идите к гримерам, пусть они вам помогут.

Шавкатджан не ошибся в своем выборе: превратить Саяру в молодую девушку из кишлака оказалось совсем нетрудно. Парикмахер сплел ее мягкие каштановые волосы в две длинные косы, гримеры подкрасили брови, подвели сурьмой глаза, набросили на голову белый шелковый платок, и произошло чудо. Городской девушки, профессорской дочки Саяры не стало. Из зеркала на Саяру смотрела миловидная, похожая на нее, но совершенно другая женщина. Шавкатджан был вне себя от восторга.

— Ну, что я вам говорил? — Он чуть не прыгал от радости.— Я же говорил, что это ваша роль! И я был прав. Советую вам всегда слушаться старших. А теперь за дело. Возьмите сценарий и повторите вашу роль в сегодняшней сцене.

Сценарий понравился Саяре с первого же чтения. Тема его была близка ей, особенно в теперешнем ее состоянии. Молодая женщина, героиня фильма, подавлена обстановкой в своей семье. Муж ее ревнив, груб, деспо-

тичен. В собственном доме она чувствует себя одиноко. В героиню влюбляется молодой инженер, приехавший в кишлак. Постепенно и она начинает понимать, что любит его, хотя до последней минуты страшится этого чувства, не признается в нем даже себе самой. Наконец, поборов все сомнения, она решается порвать со старой жизнью. На ее пути встают непреодолимые препятствия: муж, родня, нравы и обычаи, оказывающиеся сильнее ее. У героини не хватает сил для борьбы.

Многое в сценарии напоминало Саяре ее собственную судьбу. «Вот это про меня,— думала Саяра, читая сценарий,— и это тоже у нас было. Эта женщина — я, а ее своеобразный муж — Акрам».

Сегодня в колхозном саду предстояли съемки очень ответственной сцены — первого свидания героев. Инженера должен был играть молодой грузинский актер, не очень, правда, похожий на узбека, но зато, как говорили, очень талантливый. Красивый, высокий, статный — такой, каким и должен быть киногогерой, — исполнитель главной роли прогуливался сейчас в глубине сада с Нилуфар. Саяра уже несколько раз перехватывала его внимательный, изучающий взгляд. Никто до сих пор не догадался их познакомить, и им оставалось только рассматривать друг друга издали.

Наконец все приготовления были закончены. Шавкатджан, с рупором в руках расхаживающий по площадке, пригласил Саяру и грузинского актера в виноградник. Знакомя их, режиссер пошутил:

— Смотрите, не переиграйте и не влюбитесь по-настоящему. Любовь мешает работе.

Началась репетиция. Пока актеры репетировали свои роли, а операторы налаживали технику, выплывшие из-за гор облака заслонили солнце. Снимать при таком освещении было невозможно — пришлось ждать. Ждали солнце до вечера, но не дождалось и, похвалив хозяйский плов, отправились обратно.

На съемку этого короткого эпизода ушла целая неделя, а Саяре казалось, что его можно снять за несколько часов. Порой ей надоедало, стоя перед камерой под ослепляющим светом прожекторов, неустанно повторять одно и то же. Но все-таки ей здесь нравилось. Нравилась роль, нравились (что греха таить!) восторженные

взгляды мужчин, одобрение Шавкатджана, ежедневно просматривавшего отснятые кадры.

Однажды на съемки приехал Зафар. Целый день ходил по съемочной площадке, рассматривал, расспрашивал, шутил с актерами и Шавкатджаном, но Саяра видела, что веселье его несколько нарочито, что на самом деле ему невесело и тревожно. Прощаясь с Нилуфар и Саярой, Зафар пошутил:

— Завидую вам. Может, и мне податься в артисты? Прямо не жизнь, а малина!

— Малина? — обиделась Нилуфар.

— Напрасно вы на меня нападаете, Нилуфархон! — Зафар покраснел и, быстро попрощавшись, сел в машину.

— Все они такие, эти мужчины, — презрительно скривила губы Нилуфар. — Я вижу его насквозь. Он думает, работа в кино испортит нас. Наверное, уже обвиняет нас во всех смертных грехах.

Саяра усмехнулась. Можно себе представить, как отнесся к ее съемкам Акрам!

Это произошло в тот день, когда съемка первого эпизода была, наконец, закончена. Автобус довез Саяру до самого дома. Улица сразу наполнилась шумом, смехом. Веселая компания никак не могла с ней распрощаться — кто-то кричал ей вдогонку, кто-то выводил на карнае печальную мелодию. А когда автобус, заслонявший дом, отъехал, Саяра увидела, что у ворот стоят отец и Акрам. Кровь бросилась ей в лицо, ноги сразу отяжелели, но через секунду она уже овладела собой и быстро прошла мимо них в ворота.

На веранде она столкнулась с матерью.

— Ты видела Акрама? — спросила Мавджуда-хола.

— Видела, — неохотно ответила Саяра.

— Как похудел, как плохо выглядит! А Назира? Повисла у него на шее и так плакала, что еле оторвали!

Мать явно вызывала ее на разговор, но Саяра молча прошла в гостиную.

Минуту спустя на пороге появился Абид Юнусович. Саяра взяла полотенце и хотела выйти, но отец неожиданно резко сказал:

— Сядь, поговорим!

Саяра с полотенцем в руке подошла к окну. Не решаясь взглянуть на отца, она смотрела на цветник перед домом, смотрела не отрываясь, боясь повернуть голову и встретиться с отцом взглядом.

Абид Юнусович нервно ходил по комнате из угла в угол.

— Ты решила, что скажешь Акраму? — нарушил он, наконец, молчанье.

— А что мне решать? Вы же знаете...

— Да, я знаю! — перебил он. — Но, во-первых, он понял свою вину, мучается, места себе не находит, а во-вторых, насколько мне известно, у него сейчас неприятности на работе. Как же можно в трудную минуту...

— У него всегда трудные минуты, вся его жизнь состоит из трудных минут! — Саяра посмотрела на отца, но, встретив его строгий, неприязненный взгляд, опустила голову.

— Сколько тебе лет, дочка? — вдруг спросил Абид Юнусович.

«Началось воспитание!» — подумала Саяра с тоской.

— Вы говорите так, будто сами не знаете, сколько мне лет!

— Я спрашиваю потому, что ты ведешь себя, как взбалмошная девчонка, а не как взрослая женщина, мать шестилетней дочери.

— Вы имеете в виду кино?

— Да, и кино тоже! Я думаю, чтобы стать кинозвездой, надо обладать очень многим, и прежде всего настоящим талантом. Ты уверена, что он у тебя есть?

Саяра смутилась и покраснела.

— Я не собираюсь становиться кинозвездой. Я просто так, хочу попробовать.

— Просто так. Ты и в семейной жизни поступаешь «просто так»!

Абид Юнусович замолчал, а потом с неожиданной нежностью сказал:

— Вот что, дочка. Я не хочу вмешиваться в твою личную жизнь. Но я бы хотел, чтобы ты была справед-

ливой и человеческой. Твоему мужу сейчас очень тяжело, он страдает, места себе не находит. У него сейчас, на этом я настаиваю, трудная минута. Кто же, если не ты, поддержит его, поможет почувствовать твердую почву под ногами? Жизнь сложна. И надо не только уметь быть требовательной, надо еще уметь жалеть и прощать. Подумай об этом, дочка!

Саяра ничего не ответила. Ей и самой было жаль Акрама. «Уметь прощать!» Легко сказать: «Уметь прощать!»

Не дождавшись ответа, Абид Юнусович вышел из комнаты.

Несколько дней Саяра переживала встречу с Акрамом и разговор с отцом. В памяти возникало похудевшее, осунувшееся лицо мужа, и сердце сжималось от боли. Она уже совсем решила помириться с Акрамом, но опять вспоминался тот вечер, унижение, пережитое в кафе, поднятая рука Акрама...

Все-таки права она, а не отец. Так жить нельзя, все равно это должно было кончиться.

В конце недели позвонил Шавкатджан. Веселый, полный новых планов, он обрушил на Саяру каскад поздравлений, шуток, комплиментов:

— Молодец, Саярахон! Вы опередили десять профессиональных актрис, претендовавших на роль! Художественный совет студии единогласно постановил, что вы просто созданы для этой роли! Да, кстати. Мы отыскали чудесный кишлак. Называется он Бака-Булак. Вчера я облетел его на вертолете. Это райский уголок, Саярахон! Стоит у подножия горы, кругом сады, родники, плотины. И председатель — отличный парень. Получите громадное удовольствие. Так что готовьтесь, Саярахон, через три-четыре дня выезжаем!

Саяра положила трубку. Это было уж совсем некстати. Она представила себе, как придет в кишлак, встретится с родными Акрама... А что скажут все знакомые, соседи? Ведь надо же было случиться такому совпадению! Саяра вконец расстроилась. Но, с другой стороны, не отказываться же от роли только из-за этого! Получится уж совсем глупо. И вообще, какое ей до них дело? Она им теперь не родственница!

● ГЛАВА ШЕСТАЯ

Акрам не застал Зафара в институте. Он тоже уехал в свой подшефный колхоз, над генпланом которого сейчас работал.

Впрочем, Акрам не особенно огорчился. Он хотел еще раз проверить себя, обдумать свое решение. За неделю он просмотрел много проектов детских садов и яслей. Познакомился с работами Зафара и снова убедился, что выводы, к которым пришел в Бака-Булаке, в общем правильны.

Но вот что было самым удивительным. Одно и то же стремление Акрама — учесть все особенности жизни дехкан, их вкусы и представления — принесло ему успех в строительстве жилых домов и явную неудачу в строительстве общественных зданий. Как это могло получиться? Акрам хотел во что бы то ни стало найти разгадку и выбрать, наконец, для себя правильный путь.

Все эти дни он сидел в мастерской не разгибаясь, не отвечал на телефонные звонки, а вечерами забирал работу домой. Ему необходимо было докопаться до истины. И еще — это спасало от мыслей о Саяре.

Последняя встреча только сильнее разбередила душу Акрама. Саяра выглядела так, будто нисколько не переживала их ссору. Изменила прическу, помолодела, похорошела. А ее решение сниматься в кино? И надо же было этому режиссеру выбрать для съемок именно Бака-Булак! Уже одно это должно было заставить Саяру одуматься.

Акрам боялся представить себе, какую бурю насмешек и сплетен вызовет появление Саяры в компании работников кино в его кишлаке, как расстроится мать, как длинно и нудно будет разглагольствовать Нартаджи. Конечно, можно считать себя выше всего этого. Можно, но как уйти от этих мыслей?

В ту ночь Акрам совершенно не спал. Ворочался с боку на бок, принимался читать, но мысли все время возвращались к одному и тому же.

Проснулся он разбитый, с большой головой, но полный решимости. Что он, собственно, так раскис? Надо же прийти к какому-то решению. Не может быть, чтобы Саяре было совершенно безразлично, чем все это кон-

чится. Наверное, она не понимает, как он страдает, как его мучит вина перед ней. Надо еще раз попробовать объясниться и покончить с этой неопределенностью раз и навсегда!

Акрам быстро встал, сделал зарядку, принял холодный душ, даже навел порядок в квартире и, чувствуя былую легкость, вышел из дому. Такси нашлось быстро, и через несколько минут Акрам уже несся по всяческому железному мосту над Бозсу к киностудии. Только одно волновало его сейчас: где и как ему найти Саяру? К счастью, когда такси остановилось около ворот киностудии, он тут же увидел Саяру и Шавкатджана, выходящих из другой машины.

— Саяра! — громко крикнул Акрам и покраснел, чувствуя на себе удивленный и несколько насмешливый взгляд Шавката.

Саяра остановилась и сказала что-то режиссеру. Потом перешла улицу и направилась в сторону Бозсу, к озеру.

В легком коротком платье, по-девичьи стройная, Саяра быстро шла по улице, гордо и независимо поднимая голову. Ее каблучки стучали тоже гордо и независимо. Мужчины провожали ее внимательными взглядами, а женщины не менее внимательно осматривали ее платье, ища в нем секрет успеха. Акрам шел немного поодаль, исподлобья наблюдая за ней. Он волновался. Минутами ему казалось, что впереди идет не та женщина, с которой он прожил семь лет, а та, прежняя Саяра, которую он знал девушкой.

Саяра миновала железный мост над Бозсу и, свернув влево, остановилась у речки, под низко склоненными вербами.

— Я слушаю тебя... вас.— Она произнесла это тихо, еле слышно, но в ее глухом голосе таилась угроза.

Акрам смотрел на ее тонкие руки, шею, покрытую нежным пушком, на знакомую маленькую родинку у плеча и молчал, забыв все продуманные слова.

— Я пришел покончить с этой... неопределенностью,— резко, чтобы не выдать своего волнения, сказал он наконец.— Надо решить.

— О каком решении вы говорите? — повернулась к

нему Саяра. — Разве вы не решили все в тот день, когда ударили свою жену, как уличную женщину?

Глаза Саяры потемнели, наполнились слезами. Акрам невольно опустил глаза, боясь увидеть, что Саяра плачет.

— Я... я горько раскаиваюсь, Саяра. Тысячу, десять тысяч раз я готов просить прощения...

— Спасибо! Увы... — бросила Саяра. — Наш разрыв для меня — это логическое завершение наших отношений в последнее время. Что хорошего я увидела в жизни с вами? Кроме кухни, ребенка и забот о вас? Ну скажите, что я увидела хорошего, выйдя за вас замуж?

Акрам быстро взглянул на нее, увидел дрожащие, как у обиженного ребенка, губы, снова отвел глаза.

— Как нескладно оборачивается жизнь... Я был занят работой, диссертацией. Я думал...

— Да, вам нужна была диссертация! Вы только и думали о вашей диссертации, о вашем высоком творчестве! А о том, что рядом с вами живет человек, у которого тоже есть свои мечты, желания, вы хоть раз подумали? — Саяра закрыла лицо руками и отвернулась.

Акрам молчал. Он понимал, что во многом она права, что он не должен сейчас быть резким. Но что-то в ее словах больно его задело, и он не сдержался:

— Неужели ты думаешь, что в кино для тебя наступит райская жизнь?

— Нет, я так не думаю. Но и хуже не будет! — Саяра повернулась и решительно пошла обратно.

Акрам долго стоял под вербой. Он смотрел на людей, катающихся в лодках, на загоревших до черноты детей, на красивых женщин в ярких купальниках.

Ничего не решилось, все осталось по-прежнему. Больше того, Саяра говорит уже не только о том последнем вечере — она говорит обо всей их жизни. В глубине души Акрам был уязвлен. «Ну что ж, если со мной ей было так плохо, пусть попробует без меня. Пусть поищет кого-нибудь получше».

После этой встречи Акрам несколько дней не выходил из мастерской. Работой хотел заглушить тоску, трудился днем и ночью. Он выкурил сотни сигарет, начертил десятки набросков и почти все изорвал на мелкие части. Очнулся он только после того, как до него дошли

слухи, что его назначают главным архитектором института вместо Зафара. Эта весть была для него как ушат холодной воды. К чему другому, а к этому он сейчас никак не был готов. Акрам помчался к Султану.

Султан выглядел как полководец, одержавший крупную победу. Акрама он встретил с распростертыми объятиями.

— Дорогой мой, куда ты пропал? Тебе надо гоголем ходить, а ты залег в какой-то берлоге, и никто тебя не может разыскать. Неужели ты до сих пор ничего не слышал?

— Слышать-то слышал, но...

— Никаких «по». Твой доклад очень понравился министру. Я подчеркиваю слово «очень».

— Я не про доклад, я про слухи, которые ходят по институту.

— Если ты имеешь в виду твое назначение на место Бабаева, то это совсем не слухи. Вопрос уже решен, и решен положительно.— Султан откинулся на спинку кресла, ожидая, какой эффект произведут на Акрама его слова. Его гладкое, сияющее, как начищенный самовар, лицо расплылось в улыбке.— Все согласовано во всех инстанциях, осталось только утвердить на коллегии. Но это уже простая формальность.

Султан продолжал сиять. Он так искренне ждал горячих слов благодарности, что Акрам растерялся. Как сказать о том, что это назначение сейчас совсем ему не нужно? Лучше бы все осталось на своих местах.

Султан по-своему понял его растерянность. Он засмеялся и обнял Акрама.

— Скромничаешь? Это неплохо. За это я тебя люблю. Скромность украшает человека. Но, говорю тебе, к черту эту скромность, если она открывает дорогу всяким проходимцам и карьеристам. Будем работать вместе.

Султан опять просиял, считая, что Акрам достаточно поскромничал и теперь может выразить свою радость в полной мере. Но Акрам молчал, и молчанье это с каждой минутой становилось все тяжелее. Наконец он сказал:

— Мне очень жаль, но я не могу стать главным архитектором института.

Султан схватил папку и направился к выходу.

— Сейчас я тороплюсь на коллегию. Потом поговорим обо всем подробней. Но,— он угрожающе поднял руку,— запомни: с твоими возражениями я считаться не собираюсь. Я бы тоже хотел сидеть в мастерской и создавать гениальные произведения для потомства. Но не все получается, как хочешь, надо кому-то и руководить. Вот и будем тянуть упряжку сообща.

В тени тополей перед зданием института Султана ждала черная «Волга». Садясь рядом с шофером, Султан еще раз сказал Акраму:

— Выкинь всю эту ерунду из головы. Пора тебе быть руководителем. Будь здоров.

На следующее утро, едва Акрам появился в своем кабинете, его вызвали к главному архитектору.

Зафар стоял, склонившись над длинным столом, заваленным макетами, чертежами, фотокопиями проектов. Лицо у него было усталое и хмурое. Но, увидев Акрама, он улыбнулся, вышел из-за стола, протянул руку:

— Поздравляю с повышением!

В его голосе Акрам не заметил ни иронии, ни издевки.

Вызвав секретаршу, Зафар попросил ее не пускать никого в кабинет. Потом подвинул Акраму стул и сел сам.

— Честно говоря, я очень рад,— сказал он, помолчав,— что именно тебя назначили на мое место. Мы с тобой можем спорить сколько угодно, можем резко расходиться во взглядах, но наши споры всегда чисто творческие, всегда по существу...

— Погоди...

— Нет, уж ты, пожалуйста, выслушай сначала меня. Я все равно не смог бы сработать с Султаном. Не потому, что я лучше тебя или что-нибудь в этом роде. Просто у нас с ним слишком разные представления об архитектуре. Я сам собирался уходить и даже написал заявление. Вот оно.— Зафар придвинул к Акраму лист бумаги.— Вот видишь. А теперь все получается само собой, как я и хотел.

Акрам не стал читать заявление.

— Если уж разговор пошел начистоту,— сказал

он,— выслушай и меня. Я не желаю занимать твоего места. Я действительно не хочу этого, не имею морального права. Там, в кишлаке, я о многом думал, пересмотрел проекты твои и свои и понял: в главном ты был прав. Моим проектам не хватает современности, они тяжеловесны, отстали от жизни...

— Не надо,— смутившись, перебил Зафар.— Зачем уж так все перечеркивать? В них тоже есть много полезного. Но иногда, мне кажется, ты забываешь, что мы строим не на один день!

— Да, да,— торопливо согласился Акрам.— Именно в этом все дело. Я оказался в плену нынешних обычаев и вкусов дехкан, нынешних, а может быть, и вчерашних. Теперь я многое понял, хотя до сих пор не считаю, что абсолютно все надо одеть в бетон и стекло...

— Кто же спорит? Во всем нужно чувство меры.

— Вот именно чувство меры! Я думаю, что перспективнее всего сочетание современной архитектуры с нашими национальными традициями.

— Точно! — обрадованно кивнул Зафар. Но тут же сник.— Но для этого у нас в институте должна быть настоящая творческая атмосфера. Каждый проект должен широко обсуждаться. А Султан боится споров как огня. И я лично в такой атмосфере работать не могу. Не хватает ни терпения, ни нервов.

— Но ведь, кроме Султана, в институте есть еще большой коллектив.

— Увы! — вздохнул Зафар.— Директор у нас решает все. Для того чтобы этот самый коллектив мог работать по-настоящему, надо убрать с дороги Султана, надо бороться...

— Ну и борись! — подхватил Акрам.

Зафар печально покачал головой.

— Нет, Акрам, я устал. Для того чтобы свалить Султана, надо доказать, что он не соответствует своему месту, надо потратить на это по крайней мере год жизни, а жизнь, как тебе известно, дается человеку только один раз. На борьбу с Султаном надо затратить столько усилий, что, если бы даже мне удалось его победить, я бы к тому времени, вероятно, кончился как архитектор.

— Значит, место на ковре ты уступаешь мне? — за-

смеялся Акрам.— А сам переходишь на скамейку для зрителей?

— Не место красит человека, а человек — место,— улыбнулся Зафар.— Кстати, как у нас успехи в области киноискусства?

— Если ты имеешь в виду Саяру, то меня ее теперешняя жизнь совершенно не интересует,— сказал Акрам, краснея от неискренности своих слов.

Зафар смущенно улыбнулся.

— Я тебя понимаю. Сейчас каждый живет, как хочет, и это, наверное, правильно. Умом я с этим согласен, а вот сердцем... Похоже, что даже я, вроде бы не такой уж консерватор, все-таки не могу смириться с мыслью, что моя невеста где-то что-то изображает на каких-то дурацких съемках. Ревную, что ли? Или старею?

Акрам рассмеялся.

— Уж если ты стареешь, то я и вовсе древний старик. У меня эти съемки вот где сидят,— он похлопал себя ладонью по шее.

В это время открылась дверь и секретарша директора просунула голову в кабинет.

— Акрам Халикович, Султан Касымович приглашает вас к себе.

— Сейчас он придет,— ответил за Акрама Зафар и, видя, что секретарша все еще мнетя на пороге, повторил, на этот раз резко: — Я вам сказал: сейчас придет.

Секретарша скрылась. Зафар подошел вплотную к Акраму, протянул ему руку:

— Ну что ж, Акрамджан, я считаю, что все недоразумения между нами устранены. Спасибо тебе!

Акрам горячо пожал протянутую руку. Проводив его до дверей, Зафар напомнил:

— Еще раз прошу тебя, если тебе эта должность интересна, не отказывайся от нее из-за меня, потому что для себя я все давно решил.

Султан вышел из-за стола навстречу Акраму, положил ему руки на плечи.

— Вот теперь я готов тебя выслушать. Но предупреждаю заранее: вопрос по существу уже решен, мы можем обсуждать только детали. Так что прежде всего

прими от меня, как полагается в таких случаях, поздравления.

Осторожно освободившись из объятий Султана, Акрам присел на диван.

— Но ведь только вчера ты говорил, что необходимо еще утверждение коллегии...

— Насчет этого ты можешь быть спокоен, коллегия все утвердит. Самое главное, что министр ознакомился с твоим личным делом и твоя кандидатура его устраивает. А то, что устраивает министра, как ты понимаешь, не может не устроить коллегия. Не так ли?

Гладкое, выбритое лицо Султана выражало такую радость, что Акрам снова почувствовал непреодолимую неловкость оттого, что придется жестоко разочаровать директора.

— Что же ты молчишь? Неужели и в самом деле не рад?

Как хорошо представлял себе Акрам, обдумывая предстоящий визит к директору, что скажет ему, как яснее ясного докажет, что именно Зафар должен быть главным архитектором института. Но стоило только взглянуть на сияющее лицо Султана, как улетучились все слова. Проклятая нерешительность! Красный, вспотевший от неловкости, стоял Акрам перед Султаном и мямлил что-то невразумительное.

Султан слушал его снисходительно, как слушают неумышленного ребенка. При имени Зафара он переменился в лице и резко оборвал Акрама.

— Дорогой мой,— сказал он отдельно,— будешь ты работать главным архитектором или не будешь, дело, конечно, твое. Насильно заставлять не станем. Но о талантах Зафара больше не говори. У нас уже был разговор, и я не изменил своего мнения. Предположим, у него есть способности, но небольшие. Главному архитектору этого маловато. Надо еще иметь талант организатора, руководителя, надо, если хочешь, иметь безупречную репутацию, быть в высшей степени принципиальным человеком. А твой Зафар...

Султан так уверенно рассуждал о принципиальности и безупречной репутации, что Акраму стало смешно. Султан заметил это и нахмурился, но только на миг.

Он тут же взял себя в руки.

— Извини меня, дорогой, но ты проявляешь ребячество. Этот Зафар... Или ты действительно его не знаешь, или вместе с ним играешь в какую-то игру! Я просто не знаю, что и подумать.

Акрам удивленно посмотрел на Султана:

— Ты очень критичен к другим. Не мешало бы тебе проявить такую же принципиальность и по отношению к себе. Ведь дела в институте идут из рук вон плохо. А ты занят расстановкой фигур на шахматной доске. Боюсь, что нам придется скоро услышать: «А вы, друзья, как ни садитесь...»

— Так...— нервно перебил Султан.— Кое-что я начинаю понимать. Заварил всю эту кашу — и в кусты! Может быть, не ты критиковал недавно позицию главного архитектора? Или, может быть, я заставлял тебя это делать?

— Нет, ты меня не заставлял,— покачал головой Акрам.

— Так куда же ты клонишь?

— Понимаешь,— медленно подбирая слова, сказал Акрам,— в последнее время я много думал о своей работе и работе института. И я понял, что мы совершили много ошибок.

— Не обобщай,— перебил Султан,— говори пока о себе.

— Хорошо. Я совершил много ошибок.

Султан испытующе посмотрел на Акрама.

— И самую главную совершаешь сейчас. Кажется, я начинаю догадываться, чем продиктовано твое мнение благородство. Неужели ты мог поверить слухам, будто у Зафара в министерстве рука надежнее, чем у меня? — Султан выпрямился и посмотрел прямо в глаза Акрама.— Знай, если Бабаев ходит по бревну, то Султан Қасымов ходит по крепкому мосту. Ошибка, которую ты сейчас совершаешь, может стать непоправимой! У меня есть люди и повыше министерства, так и передай своему Бабаеву!

Акрам оторопел. Вот как, оказывается, можно было истолковать его нерешительность! А он-то деликатничал, подбирая слова... Это было уж слишком.

— Не меряй всех на свой аршин!

— Что ты имеешь в виду?

— В мире еще есть честные люди! — Хлопнув дверью, Акрам вышел из кабинета.

— Сам заварил кашу, сам иди в министерство и ее расхлебывай! — услышал он уже из коридора голос Султана.

Не обращая внимания на удивленный взгляд секретарши, Акрам нервно ходил по коридору.

Ну что ж, он пойдет в министерство! И неужели не найдутся там люди, способные разобраться в обстановке? Неужели Султан действительно всесилен? Он пойдет в министерство и будет добиваться справедливости, чего бы это ни стоило! Пусть он потратит год жизни, и пусть жизнь дается только один раз. Говорить всегда легче. Акрам почувствовал в себе такой прилив силы и энергии, что нисколько не сомневался сейчас в успехе. Решено, он пойдет в министерство и добьется своего. Они еще поработают вместе с Зафаром.

Не заходя в мастерскую, Акрам отправился домой. Еще на лестнице он услышал из своей квартиры телефонный звонок. Перепрыгивая через ступеньки, добежал до двери и кинулся к телефону.

— Акрам-ака, это вы? Хорошо, что я застал вас! — Акрам узнал взволнованный голос Убая и с трудом подавил волнение.

— Слушаю вас, Убайджан.

— Я хотел узнать, нет ли вестей от Саяры?

— Нет... А что-нибудь случилось?

— Я только что получил телеграмму от Шахисты.

— Ну?

— С ее сестрой произошел несчастный случай, она лежит в больнице, и Шахиста просит, чтобы я немедленно выехал.

— С какой сестрой? С Хамидой, что ли?

— По-моему, да, ведь у нее есть сестра по имени Хамида? Я подумал, может быть, вам через Саяру что-нибудь известно?

— Нет. А что за несчастье?

— Не знаю, в телеграмме не сказано.

— И когда вы поедете? — Акрам устало облокотился о стену.

— Сегодня я дежурю в газете. Думаю, завтра смогу выехать.

— В таком случае, к вам большая просьба: как только приедете, дайте мне телеграмму. Я должен знать, что случилось.

— Хорошо.

— Ну, доброго вам пути.

Забыв положить трубку, Акрам долго стоял в раздумье. Что могло случиться с Хамидой? Авария какая-нибудь? Или поссорилась с мужем? И почему Убай спросил про Саяру? А вдруг это с ней что-нибудь случилось? Нет, не может быть, ему бы сообщили. И все-таки надо бы поехать в кишлак, надо бы, если бы не история с Зафаром...

В конце концов Акрам решил дождаться телеграммы Убая, а пока, на случай, если придется срочно уехать в кишлак, решил подготовить подробное письмо на имя министра.

Он переоделся, поставил на плиту чайник и сел за письмо.

После замужества Саяра лишь однажды побывала в Бака-Булаке, но родственники Акрама, особенно его мать, младший брат Нартаджи и председатель колхоза Турабджан со своей женой Малохат, частенько приезжали к ним, и отношения у них были самые лучшие. Как теперь будет держать себя Саяра при встрече с ними, особенно с матерью Акрама, Махирой-хола? Что скажут эти люди, узнав об их разрыве, и что она ответит им?

Как ни убеждала себя Саяра, что все это не имеет серьезного значения, как ни отгоняла от себя неприятные мысли, но по мере приближения к кишлаку росло ее смятение. Больше всего пугала встреча со свекровью — как она сумеет объяснить ей свой приезд в кишлак? Подумав о Махире-хола, Саяра на первом же привале переоделась: узкие брюки и модный свитер сменила на атласное платье.

Девятиместная компактная «латвийка», вышедшая из города рано утром, въехала в Бака-Булак к исходу дня. Когда машина остановилась перед правлением колхоза, на всех столбах уже горели лампочки. Саяра вышла из машины последней и сразу же увидела среди встречающих Турабджана.

Саяре хотелось сейчас его видеть примерно так же, как и свою свекровь. Турабджан — друг ее мужа и, конечно, во всем будет на его стороне, хотя и к ней он всегда относился хорошо. Приезжая в Ташкент, Турабджан сваливался на них как снег на голову и сразу же перестраивал всю их жизнь. Он появлялся, нагруженный с ног до головы какими-то пакетами, свертками, ящиками с подарками, и сейчас же принимался строить какие-то невероятные планы, тащил их в ресторан, в театр, в гости, и все это надо было делать немедленно, сейчас же. Саяра поддавалась его настроению, и они вместе торопили Акрама, бежали куда-то, спешили, боялись не успеть.

Турабджан нравился Саяре этим напором, энергией, веселостью, он очень нравился ей, но встречаться с ним сейчас...

Саяра инстинктивно спряталась за чьи-то спины, но было уже поздно. Шавкатджан, желая представить свою главную героиню, уже громко звал ее, приглашая подойти. Увидев Саяру, Турабджан очень удивился:

— Кого я вижу, Саярахон! Каким ветром занесло вас в наши края? Или стали киноактрисой?

— Да вы, оказывается, знакомы? — в свою очередь удивился Шавкатджан. — Саяра не просто актриса, она исполняет главную роль в нашем фильме, раис-ака!

Председатель улыбнулся словам режиссера, как хорошей шутке.

— Не знаю, как насчет главной роли в вашем фильме, а у меня ей приготовлена очень хорошая роль — место главного врача в нашей больнице. Да, да, Саярахон, этот вопрос я уже согласовал с вашим повелителем, так что привыкайте постепенно к этой мысли. — Он повернулся к Шавкатджану. — Ну, товарищ режиссер, вы устраняйте своих людей, а о Саярахон мы позаботимся сами. Палван!

Палван вырос перед председателем как из-под земли.

— Слушаю вас, хозяин!

Саяра испуганно вздрогнула, будто Палван сейчас же по приказу председателя мог потащить ее куда-то, связав по рукам и ногам.

— Узнаешь Саярахон? Молодец! Машину нашего будущего главного врача к подъезду — и прямо ко мне!

Ища спасения, Саяра посмотрела на Шавкатджана, но, поняв, что пужно отказаться самой, мучительно покраснела.

— Спасибо, Тураб-ака. Я должна остаться здесь, с ними.

— Да что в самом деле происходит? — председатель растерянно переводил взгляд с Саяры на Шавката. — Почему вы должны остаться здесь?

— Не спрашивайте меня сейчас, Тураб-ака. Потом я вам все объясню.

— Ну что же, поступайте, как вам удобней. — Турабджан помрачнел и быстро распрощался со всеми.

Вечером в колхозном саду в честь приезда киногруппы был накрыт праздничный стол. Поднимались бокалы, произносились тосты, но Турабджана на празднестве не было. Он появился потом, всего на несколько минут, и, сославшись на занятость, ушел, даже не взглянув на Саяру.

А утром Саяру разбудила Нилуфар и сказала, что кто-то ее спрашивает. Саяра выглянула в окно: во дворе под чинарой стоял Нартаджи. Саяра несколько иронически относилась к младшему брату мужа, к его попыткам наставить всех окружающих на путь истинный. Бывало, он пытался поучать и ее. Тогда, не желая обострять отношений, она деликатно слушала его, не спорила, переводила все в шутку. Но выслушивать его наставления сейчас — это было уже слишком.

— Я слушаю вас, Нартаджан.

— Я поражен, Саярахон. Разве вам негде остановиться в кишлаке? Почему вы живете вместе с этими безусыми юнцами? Или мы сделали вам что-нибудь плохое? Что скажут люди, прослышав о вашем поступке?

Не желая затягивать неприятный разговор, Саяра холодно оборвала его:

— Простите, но нас теперь не связывают родственные узы. Я разошлась с вашим братом.

Лицо Нартаджи сразу вытянулось, глаза растерянно заморгали.

— Но если это так, зачем же вы приехали в наш кишлак?

— Так получилось, это не зависело от меня. А потом

ведь этот кишлак не является вашей собственностью?

— Я не говорю, что он наша собственность. Но если случилось такое несчастье,— жалкая улыбка мелькнула на лице Нартаджи,— если уж это произошло, зачем вам понадобилось позорить нас перед всеми?

— Почему я позорю вас перед всеми?

— Не прикидывайтесь наивной! Будто вы не понимаете, как выглядит в глазах людей ваше новое занятие! Я не знаю, как смотреть теперь людям в глаза! Ни одна женщина из нашей семьи еще никогда...

— Я не знала, что, став актрисой, опозорю вас и вашу семью,— вспыхнула Саяра.— Можете объяснить людям, что мое непристойное поведение больше не имеет никакого отношения к вам и вашей семье. Все. Прощайте!

Она повернулась и быстро ушла к себе. Странно, именно разговор с Нартаджи успокоил Саяру, подтвердил уверенность в своей правоте. Младший брат, конечно, пошел дальше старшего. И гораздо откровенней. Но в главном они сходятся, это у них семейное. Правильно она сделала, что не пошла на очередное примирение с Акрамом. Правильно, что не отказалась от съемок и приехала сюда. Во всем совершенно права.

«Я совершенно права»,— твердила себе Саяра, бродя по кишлаку вместе с группой в «поисках природы». Она спускалась в лощину и задерживалась у родника, подолгу вглядываясь в свое отражение, как тогда, семь лет назад, когда она впервые была здесь с Акрамом. Вода была холодная и прозрачная, как тогда. На кладбище Гор-тепа было также тихо. «Я совершенно права»,— твердила себе Саяра, глядя на кишлак с вершины холма, с того места, где любили стоять они с Акрамом. Но глаза застилала какая-то пелена, и комок подкатывал к горлу.

Как страшилась Саяра всех этих встреч в кишлаке: с родственниками, друзьями, соседями мужа! Как страшилась и готовилась к ним, обдумывая заранее каждое слово. Но самой трудной оказалась другая встреча, та, которую она не могла предусмотреть,— встреча с самой собой, девятнадцатилетней Саярой, проведеншей здесь самый счастливый месяц в жизни. Воспоминания подсте-

регали ее на каждом шагу. Любая улочка, тропинка, скамейка приобретали вдруг над ней какую-то страшную, непонятную власть. Она останавливалась перед ними, пронзенная воспоминаниями, такими яркими, будто все это было только вчера. И становилось больно, и опять наворачивались слезы, и хотелось не думать об этом, забыть, но они вновь приходили и приходили, эти воспоминания, и уйти от них было некуда.

Вот на второй день после свадьбы, сыгранной в городе, они приехали сюда, в кишлак. Вечером вся лощина звенела от музыки. Тетушка Махира и Нартаджи устроили большой той. Саяра важно восседала на разряженном иноходце. Ее сопровождали не менее разряженные девушки.

Вижу тебя — душа в огне,
сердце поет, е-е,
ты улыбнись, моя песня, мне,
солнце мое, е-е! —

разносится по всему кишлаку.

Костер на берегу лощины, натянутая через дорогу веревка, пригоршни монет, сыплющихся на голову Саяры...

...ты улыбнись, моя песня, мне,
солнце мое, е-е! —

А вот их любимый уголок в саду Махиры-хола. Только теперь Саяра поняла, как беден и ограничен был мир без Акрама, без его влюбленного, немножко смущенного взгляда, без его сильных и нежных рук, без этого темного, бездонного неба, полного ярких огромных звезд.

В те темные ночи Саяра впервые по-настоящему ощутила дурманящий запах дынь, доносящийся с огорода, и тонкий аромат базилики, и таинственную тишину уснувшего сада, время от времени нарушаемую громким кваканьем лягушек. Но и это кваканье казалось Саяре замечательной музыкой.

Если бы тогда Саяре сказали, что через семь лет она будет вот так стоять около этого сада и со слезами на глазах вспоминать прошедшее, она ни за что бы не поверила.

«Все проходит», — хоть это и утверждал мудрейший

из мудрых, но это не про них. Их любовь не похожа ни на какую другую. Она — на всю жизнь. И вот — неужели и правда «все проходит»?

Почувствовав, как комок вновь подступает к горлу, Саяра торопливо пошла вперед.

— Что с тобой, Саяра? — окликнула ее Нилуфар.

— Ничего, не беспокойся, Нилуфар, наверное, немного устала.

— А-а, все понятно, вспомнила медовый месяц! Да не переживай, Саяра, не мучай ты себя. Никто из них не стоит наших переживаний. Пойдем лучше к роднику. Шафкатджан ждет нас, там приготовлен роскошный завтрак! — Нилуфар, не отставая, шла за ней и говорила без умолку.

— Хорошо, хорошо, я приду, вы начинайте, не ждите меня, — пообещала Саяра, чтобы скорее отделаться от Нилуфар и остаться одной.

Вот ведь что получается. Саяра и не подозревала, что память об этих днях, обо всем хорошем, что было у них с Акрамом, жила в ней все эти годы. А сейчас, охраняя их любовь, она выплеснулась из тайников, заставив утрашиться потери. Только теперь Саяра поняла, как трудно, как невозможно будет жить без Акрама. Всего, всего, что она вспоминает сейчас, больше уже никогда не будет.

Чувствуя себя совершенно разбитой, Саяра добрела наконец до жилища их группы. Здесь ее ожидал новый сюрприз. На ступеньках сидела ее свекровь, матушка Махира. Знакомое ситцевое платье, белый кисейный платок, руки с яркими синими прожилками устало сложены на коленях. Увидев Саяру, она торопливо поднялась со ступенек, подошла к ней, поцеловала.

— Как ты жива, как здорова, доченька моя? — спросила она робко. — Как там поживает моя Назирочка?

Саяра чувствовала, что старуха хочет спросить об Акраме, но боится начать разговор.

— Ладно, мама, что случилось, то случилось, что теперь об этом говорить.

— Да что вы не поделили, доченька моя? А он-то, он-то, наверное, ходит сам не свой. Я знаю его, он и ссорится с тобою только потому, что очень любит, ревнует...

— Не надо, мама.

— Хорошо, хорошо, не надо. Ты у нас умная, образованная, сама все понимаешь,— испугалась Махира-хола.

Саяра думала, что после этой встречи Махира-хола больше не придет. Но она приходила каждый день и только в то время, когда Саяры не было в гостинице. Возвращаясь со съемок, Саяра всегда находила на своем столе кукурузные початки, испеченные на углях, и кувшин холодной, как лед, похлебки из проса. Это были ее любимые блюда.

Уже неделю Саяра жила в кишлаке. Дни летели незаметно. Съёмки шли с утра до ночи.

В тот вечер Саяра вернулась со съемки очень утомленная. Она устала от жары, от суеты на съемочной площадке, от окриков Шавкатджана. С тех пор как началась работа, Шавкат очень переменился. Он стал властным, нетерпеливым, раздражительным. Саяра решила не идти на плов, который устраивал сегодня Шавкатджан в честь актеров группы, и рано легла спать. Далеко за полночь ее разбудил стук в дверь.

Нилуфар, только что вернувшаяся с вечеринки и еще не успевшая заснуть, недовольно спросила:

— Кого там еще принесла нелегкая?

— Нам нужна Саяра-апа. Если дома, пусть выйдет! Ее вызывает раис!

— Зачем это вашему раису понадобилась Саяра-апа? Что за свидания в полночь?

— Сестрица, спросите об этом самого раиса!

Саяра узнала голос Палвана и, чтобы положить конец этому ненужному разговору, ответила:

— Передайте: сейчас выйду!

Турабджан ожидал ее под уличным фонарем. Заложив руки за спину, он нетерпеливо ходил по дороге.

— Простите, что нарушил ваш сон, Саярахон,— взволнованно проговорил председатель.— Если нетрудно, пойдемте со мной. Тут недалеко. Вы мне должны помочь в одном деле... Неотложном деле.

— Какие могут быть неотложные дела в такое время?

— Я вас вызываю не на вечеринку и не на плов! —

вспылил Турабджан, но тут же осекся и заговорил, с трудом подбирая слова.— Видите ли, один человек, вероятно, хотел пошутить с женой и неудачно... или у него рука сорвалась, или она сама случайно наскочила... Да что там темнить! Произошел несчастный случай. Надо срочно оказать помощь. А тут, как нарочно, врач нашей больницы в отпуске. Я вспомнил, что вы окончили медицинский институт, и вот пришел за вами, Сараяхон. Выручайте.

— Но что я могу сделать? Мне еще не приходилось вот так неожиданно...

Тураб нетерпеливо прервал ее:

— Вы врач или актриса?

— Хорошо,— покорно сказала Саяра,— сейчас оденусь.

— Вот это другой разговор!

В узком коридоре одноэтажного приземистого здания больницы царил полумрак. Первой Саяру встретила Шахиста. Ее била нервная дрожь. За спиной Шахисты стояла неестественно высокая пожилая женщина в халате. Шахиста со слезами бросилась к Саяре. Она не могла говорить и только бессвязно повторяла:

— Беда, ой какая беда!.. Сестричка моя родная, что же делать?

Саяра, успокаивая, обняла ее за плечи и быстро прошла в палату.

На железной кровати в просторной, но такой же полутемной, как и коридор, комнате лежала женщина. Голова ее была неумело обвязана, глаза закрыты. Она лежала на спине и тихо стонала.

— Почему здесь так темно? Настольную лампу — и поскорее! — неожиданно для себя твердо и четко проговорила Саяра.

Она склонилась к изголовью кровати. Лицо женщины показалось ей знакомым. Вглядевшись, Саяра невольно вздрогнула: перед ней лежала... Хамида. Обескровленные губы, еле слышное дыхание, беспомощно запрокинутая голова. Так вот над кем «пошутил» один человек!

Только теперь до сознания Саяры дошел смысл слов Шахисты.

Она присела на край кровати, взяла руку Хамиды, нащупала едва слышную ниточку пульса.

Хамида открыла глаза и тяжело вздохнула. Взгляд ее, бессмысленно скользивший по комнате, вдруг остановился на лице Саяры. С минуту она сосредоточенно смотрела на нее, затем, должно быть, узнала, беспомощно заметалась на кровати.

— Успокойтесь, сестрица... Успокойтесь. Все будет хорошо.

Саяра была подавлена. Она с трудом вывела из комнаты плачущую Шахисту, усилием воли заставила себя развязать небрежно накрученные бинты, осмотрела раны. Хамида была жестоко избита. На голове, на лице, на всем теле были зловещие кровоподтеки. Но больше всего Саяру испугала глубокая ножевая рана в боку. Нож прошел между ребер, и Саяра боялась внутреннего кровоизлияния. Хамида потеряла много крови, и Саяра понимала, что положение больной очень серьезное. Надо было срочно принимать меры.

В немом ожидании на Саяру смотрела пожилая медсестра.

— Прежде всего — противостолбнячную! К ранам тампоны, следите, чтобы по возможности не кровоточили... Я сейчас вернусь...

Не обращая внимания на Шахисту, которая стояла в коридоре, прижавшись к стене, Саяра быстро вышла во двор.

Турабджан тут же подошел к ней:

— Что там такое, Саярахон?

— Мне не справиться. Рана серьезная, нужна операция, и как можно быстрее. Надо срочно вызвать из города хирурга.

Турабджан протяжно свистнул:

— Хирурга, говорите... Срочно...— Он насупился, почесал затылок.— Задачу вы мне задали. Пока дозвонось, пока хирурга разыщут, пока сюда доберется... Далековато город-то от нас...— Председатель с мольбой посмотрел на Саяру: — А может, сами управитесь? Ведь говорите — время не ждет?

— Боюсь,— по-детски призналась Саяра.— В первый раз с таким сталкиваюсь...

— Когда-то надо и первый раз, Саярахон. Придумайте что-нибудь. А я расшибусь, но достану все, что вам потребуется. Решайтесь, вы же врач!

Раис говорил так убежденно и настойчиво, что Саяра заколебалась.

— Господи! Справлюсь ли? Пойду узнаю, есть ли в больнице все необходимое...

Турабджан удовлетворенно кивнул и слегка подтолкнул Саяру к двери.

От волнения у Саяры слегка кружилась голова, ладони стали влажными. Ею владели страх и отчаянная решимость. Вновь наткнувшись в коридоре на плачущую Шахисту, она повелительно крикнула:

— Хватит! Кончай реветь! Возьми себя в руки.— Потом порывисто обняла подругу, прижалась к ней и сказала почти шепотом: — Иди к медсестре. Хирурга нет. Мы с тобой сами будем зашивать раны. Поняла?

Уже после операции, вспоминая эти минуты, Саяра удивлялась, откуда у нее появилось столько хладнокровия и выдержки. Сначала она попыталась мысленно представить себе весь ход операции, чтоб ничего не забыть, не выпустить из виду. Главное — она должна справиться с раной в боку, а потом уже все остальное. Все время следить за давлением, за пульсом. Лишь бы у Хамиды хватило сил. С какой благодарностью она думала сейчас о медсестре! Честно говоря, если бы не ее умелые руки, Саяре пришлось бы туго. Эта пожилая женщина не только подавала нужные инструменты, не только подбадривала советом, но и сама приходила на помощь, когда видела, что Саяре трудно. Шахиста не отрываясь наблюдала за Хамидой.

Окончив операцию и поручив медсестре следить за больной, Саяра сразу вышла к Турабджану, который не отходил от больницы ни на минуту.

— Необходимо срочное переливание крови.

Выслушав Саяру, председатель облегченно вздохнул и неожиданно своими огромными ручищами обхватил ее и крепко обнял.

— Не только литр, десять литров крови достану! Ай да Саяра! Ай да молодчина!

— Рано радоваться, раис! Рано! — устало, одними глазами улыбнулась Саяра.

Турабджан рванулся к машине, но Саяра жестом остановила его:

— Подождите. Чуть не забыла главное. Захватите, пожалуйста, все анализы для лаборатории и список лекарств, которые необходимы на первый случай.

— Есть! — по-военному отрапортовал Турабджан. Через минуту его машина скрылась из виду.

Тураб сдержал слово. Утром, часам к шести, Палван привез в ампулах кровь для переливания и все заказанные Саярой лекарства.

Саяра и ее помощницы провели тяжелую ночь у постели Хамиды. У больной поднялась температура, она начала бредить, метаться, не раз пыталась сорвать с себя повязки. Саяра проклинала себя, что поддавалась на уговоры Турабджана и согласилась на операцию. Увидев во дворе больницы машину, она тут же отдала распоряжение подготовить больную к переливанию крови.

В это время к ней подошла Шахиста и с испугом прошептала:

— Саяра-апа! Режиссер приехал! Вас спрашивает!

С минуту Саяра смотрела на Шахисту, ничего не понимая, потом отрывисто бросила:

— Скажи, что сейчас у меня нет времени, пусть заедет попозже!

Занятая Хамидой, Саяра совершенно забыла о Шавкатджане. Когда Шахиста, чуть робея, вновь напомнила о режиссере, она с удивлением спросила:

— Разве он еще здесь?

— Да, режиссер не ушел, он дожидается вас.

Шавкатджан стоял, нахмутив брови, и нетерпеливо теребил свою рыжую бородку.

— Долго же вы заставляете себя ждать, моя примадонна. Похоже, что раис переманил вас. Откройте секрет, как ему это удалось? — Видно было, что этот шуточный тон дается ему с трудом.

— Разве вы забыли, как в народе говорят: ласковый теленок двух маток сосет. Наверное, это про меня.— Саяра стояла, прислонившись к косяку двери, и было видно, что она едва держится на ногах. Лицо ее осунулось, глаза запали.

Шавкат внимательно посмотрел на нее.

— Да что здесь, собственно, происходит?

— Разве Шахиста вам ничего не сказала? Ночью привезли... одну женщину в тяжелом состоянии. Муж искалечил ее, не постеснялся нож в ход пустить. Еще счастливо отделалась. Могло быть хуже. А врач, как назло, оказался в отпуске. Вот я и приняла свое первое боевое крещение.

— Мда-а... Печальный случай.

Шавкат помолчал и, не глядя на Саяру, медленно спросил:

— А как же со съемками теперь?

— Разрешите мне пропустить один день. Только один. От меня сегодня вряд ли будет толк.

— Вы знаете, что значит сорвать целый съемочный день. Не говоря уже о том, что массовка чуть ли не в сто человек сидит без дела. Вы же не маленькая, Саяра, все сами отлично понимаете,— сказал Шавкат жестко.

Саяра беспомощно оглянулась на дверь, как бы ища поддержки, и чуть слышно проговорила:

— Но ведь здесь живой человек!

Шавкат поморщился.

— Только, пожалуйста, без сантиментов.

Взглянув на побелевшее лицо Саяры, он осекся:

— Простите меня, Саярахон. Похоже, что нервы сдают... Идите к больной. Только постарайтесь закончить все как можно быстрее.

Саяра повернулась и молча вошла в палату. Сначала ее возмутил тон Шавката, но, немного остыв, она поняла, что и ему не сладко. Шутка ли сказать, сто человек сидят без дела и ждут, когда она соизволит появиться. Срывается план, простаивают механизмы, не говоря уж о деньгах. Сегодняшний день Шавкату влетит в копейку.

Убедившись, что переливание крови прошло благополучно и Хамида заснула глубоким и спокойным сном, Саяра, пересилив усталость, все же пошла на съемку.

На площадке уже устанавливали декорации для нового эпизода. Увидев Саяру, Шавкат облегченно вздохнул и, еще раз сдержанно извинившись за грубость, которую позволил в больнице, попросил через полчаса быть готовой к съемке. Стараясь наверстать упущенное, на площадке суетились ассистенты режиссера. Слышались негромкие команды. Актеры заняли свои места. Началась съемка. Саяра отлично знала этот эпизод. Но как только вспыхнули «юпитеры», все, что было продумано и пережито вместе с героиней, вдруг куда-то исчезло. Саяра произнесла первую реплику и беспомощно замолчала. Шавкат попросил повторить. Саяра начинала снова и снова — безуспешно. Слова звучали фальшиво и неискренне, движения были вялыми и невыразитель-

ными. Трудная ночь не прошла бесследно, видно было, что Саяра измучена и не может играть. Безнадежно махнув рукой, Шавкат прекратил съемки. Все восемь дублей были загублены. Чтоб не сорваться, Шавкат резко повернулся и быстро ушел с площадки. Десятки глаз были устремлены на Саяру. Одни смотрели с сочувствием, другие с сожалением, некоторые с плохо скрытой насмешкой. Вскоре вернулся Шавкат.

— Вы сами видите, Саярахон. Так у нас дело не пойдет. Отдохните до завтра. Перечитайте сценарий. Мы пока снимем эпизоды без вашего участия.

● ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хамида медленно поправлялась. Состояние ее заметно улучшилось, температура спала, раны уже не так тревожили ее. Теперь Саяру беспокоило только одно — Хамида молчала. Целыми днями она лежала, неподвижно уставившись в потолок, углубившись в круговорот только ей одной ведомых горьких мыслей. Она не отвечала на вопросы медсестры, с немым безразличием переносила мучительные перевязки. Не только Шахиста, но даже отец с матерью не могли вывести ее из этого оцепенения. Сначала Саяра надеялась, что это скоро пройдет, что это последствия нервного потрясения, пережитого Хамидой. Но дни шли за днями, а больной не становилось лучше. Саяра стала не на шутку опасаться, что у Хамиды серьезное нервное расстройство и без вмешательства психиатра им не обойтись.

Перед тем как принять окончательное решение, Саяра еще раз заглянула к своей пациентке.

Хамида лежала одна в небольшой прохладной комнате с открытым настежь окном. Те же печальные, неподвижные глаза, плотно сжатые губы, вместо лица — застывшая маска спокойствия.

Саяра придвинула поближе к кровати стул и осторожно взяла руки Хамиды в свои.

— Хамидахон, вам плохо? Скажите. Почему вы молчите? Попробуйте рассказать, что вас тревожит. Помогите мне поставить вас на ноги. Или вы мной недовольны?

Хамида долгим и испытующим взглядом посмотрела на Саяру, тяжело вздохнула и отвернулась к стене. Ее длинные, загнутые ресницы стали влажными от слез. Саяра порывисто прижала к себе руки больной.

— Умоляю вас, скажите, что с вами? Зачем так упорствовать? Поверьте, это очень плохо, когда больной человек молчит. Медицина бессильна, если вы не придете нам на помощь. У вас же дети, Хамидахон!

Хамида судорожно глотнула и, не поворачивая головы, произнесла внятно и тихо:

— Оставьте меня. Слышите? И так душа горит. Оставьте!

Саяра облегченно вздохнула. Наконец-то. Несмотря на боль и горечь, голос больной звучал здраво и ясно. Саяра с отчаянной решимостью ринулась в образовавшуюся брешь.

— Хамидахон, милая! Нельзя так мучить себя. Все самое страшное позади. Этот человек ответит, за все ответит сполна.

Хамида резко повернулась:

— Ответит? Перед кем? Уж не вы ли призовете его к ответу!

В словах женщины было столько ненависти и отчаяния, что Саяра испугалась.

— О чем вы говорите, сестра! Неужели вы думаете, что... это может остаться безнаказанным! Опомнитесь!

— Что вы знаете о наших порядках! Увидите, как они горой поднимутся на его защиту. Да что вам говорить! Все равно ничего не поймете.

— Кто это «они»? Кто поднимется на его защиту? Я действительно ничего не понимаю.

Хамида порывисто приподнялась. Лицо от возбуждения покрылось пятнами. Все, что накопилось в ее измученной душе за эти долгие одинокие ночи, вдруг прорвалось, хлынуло наружу. Она говорила торопливо, сбивчиво, боясь, что ее не поймут.

— В чем моя вина? В том, что я, слабая женщина, осмелилась поднять голос против председателя? В том, что искала помощи и защиты у вашего мужа? В этом моя вина?!

«Помощи и защиты у вашего мужа», — эхом отдавалось в душе Саяры.

— Моя вина в том, что в молодости мы с Акром-ака были друзьями. В этом нет ничего плохого! Видит бог, это была прекрасная юношеская дружба. И теперь я всю жизнь расплачиваюсь за нее. Сколько я приняла мук! Сколько несправедливых упреков! Десять лет я несу этот крест. Крики, побои, ругань... Я не помню ни одного светлого дня!

Саяра подавленно молчала. Что она могла сказать этой измученной женщине, чем могла помочь ей? Чутьем врача она понимала, что должна дать Хамиде выговориться. Это как нарыв, который долго зрел и наконец прорвался.

— Но почему, почему вы все эти годы терпели? Почему не развелись с мужем?

Хамида уже потухла, силы оставили ее. Она откинулась на подушку и одними губами выдавила:

— Дети!.. Чем виноваты дети? Я пыталась сохранить им отца...

И вдруг грустно, по-женски добавила:

— Вы счастливы, Саярахон, и молоды! Ох как молоды! А я, мне кажется, прожила уже тысячу лет. Где нам понять друг друга? Мы как будто на разных планетах!

— Счастлива...— повторила Саяра.— Чужую беду руками разведу...

В палате наступило молчание. Каждая думала о своем.

День догорал. Тени от гор становились все длиннее и гуще. Из закрытых глиняными дувалами дворишков слышался плач детей, громкие голоса женщин, блеяние овец. Воздух был напоен горьковатым запахом кизяка, жареного лука, перца...

Станный звук вывел Саяру из оцепенения. Хамиду била дрожь, она с трудом сдерживала рыдания. Саяра знала, что такая нервная реакция неизбежна, и ждала ее.

— Сестрица! Не надо меня стесняться... Ради бога... Не стесняйтесь своих слез! Вот так. Вам сейчас станет легче.— Саяра поднялась со стула, быстро наkapала в стаканчик валерьяновых капель, подошла к Хамиде.— Выпейте.

Хамида послушно, как ребенок, выпила лекарство, зубы цокали о стекло. Саяра ободряюще улыбнулась:

— Не думайте сейчас ни о чем, не бередите раны. Поверьте мне — все устроится.

Хамида горько изогнула уголки губ:

— Что устроится? Как мне жить дальше? Неужели вы думаете, что раис даст его в обиду?

Дыханье Хамиды вновь стало трудным. Саяра предостерегающе подняла руку:

— Только не надо сейчас о муже. Постарайтесь уснуть. Вам надо набраться сил... Хотя бы для того, чтоб принимать решения.

Саяра вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь. «Так вот в чем дело. Раис».

Как бы ей хотелось узнать, что произошло между Турабом и Хамидой и при чем здесь Акрам! Она вспомнила, как нервничал Тураб в ту ночь, как упорно не хотел вызывать из города хирурга, как благодарил ее за операцию. И ни слова о муже Хамиды. Ни возмущения, ни угроз в его адрес. Но ее-то он не заставит молчать. Пусть и не пытается.

Саяра быстро шла по улицам кишлака. Больше всего хотелось бы ей сейчас очутиться дома, прижаться к нежному и родному телу дочки, услышать ее лепет... Господи, она устала, просто устала! Сколько свалилось за эти дни на ее бедную голову! Но она знала, что не уедет из кишлака, не уступит. Что-то новое и еще незнакомое рождалось в ней в эти минуты.

Когда Саяра добралась до правления, Турабджап был занят. У него шла летучка бригадиров. Девушка-секретарь вежливо попросила подождать и исчезла за дверью кабинета. Вскоре люди стали расходиться. Не ожидая приглашения, Саяра направилась к кабинету, но тут дверь раскрылась и на пороге показался щеголевато одетый, смуглый мужчина.

«Садыквой?» — Саяра невольно остановилась.

Садыквой стоял на пороге, широко расставив ноги, и, прищурившись, рассматривал Саяру. Неожиданно, сдвинув шляпу на лоб, он поклонился:

— Приветствую вас, дохтур-апа!

Саяра молча отвернулась, ожидая, когда он уступит ей дорогу. Садыквой шумно вздохнул:

— Значит, брезгуете, не хотите удостоить своим вниманием. Напрасно, дохтур-апа! Смотрите, как бы вам не пришлось пожалеть об этом.

Пытаясь скрыть волнение, Саяра ухватила за спинку стула.

— Вы всегда такой храбрый, когда воюете с женщинами?

Садыквой весь передернулся, как будто его обожгли кнутом. Черты лица исказились, он сделал шаг вперед навстречу Саяре. Он уже не кривлялся и не паясничал. С трудом владея собой, произнес:

— Зачем так, ападжан! Что вы понимаете в нашем деле? Сначала надо выслушать, а потом уж судить!

— Знать ничего не хочу! — резко перебила Саяра.

— Не слишком ли вы круто берете, Саярахон! Режьте меня на куски, но сначала выслушайте. Знаю, что вы погибели хотите моей! — Садыквой истерично вскрикнул, рванул ворот рубахи и медленно пошел на Саяру.

В это время открылась дверь и на пороге показался Турабджан.

— Опять номера выкидываешь? А ну, марш отсюда! Да побыстрее! Слышишь?! Или у тебя дела нет? — В голосе Турабджана звучала плохо скрытая угроза. И тут же он мягко и предупредительно сказал Саяре: — Прошу вас, Саярахон!

Саяра прошла мимо Садыквой. Большой и жалкий, он походил на побитую хозяином собачонку.

В кабинете председателя нечем было дышать от едкого табачного дыма. Турабджан открыл окно и, взяв полотенце, стал разгонять эту дымовую завесу. Саяра облегченно вздохнула и опустилась на диван.

Тураб сел рядом. Секретарь на большом подносе принесла угощение — инжир и виноград, чай с лепешками.

Турабджан, как вежливый и радушный хозяин, протянул Саяре пиалу.

— Прошу вас. Разрешите заметить, что врачевание вам явно пошло на пользу. Вы еще больше похорошили.

— Спасибо.

— А почему бы вам вообще не взять больницу в свои руки? Как вы смотрите на это? Только моргните, завтра же заявку сочиню. Вот зажили бы отлично! Акрам —

главным архитектором, вы — главным врачом. Я ведь вам уже говорил об этом. Ну, что хмуритесь? Сегодня — поссорились, завтра — помирились... Долго ли умеючи.

— Я пришла к вам по делу, — не поднимая головы, сказала Саяра.

— Пожалуйста, — Турабджан широким жестом раскинул руки. — О деле так о деле поговорим. Я, как председатель, очень доволен вашей работой. Только одна просьба: нельзя ли чуть поосторожнее со всякими справками да бюллетенями!

— Я же не главный врач и бюллетенями не распоряжаюсь, — сухо заметила Саяра. — Просто... Раз присматриваю за Хамидой, не могу же других больных палкой гнать. Вот и помогаю по мере сил.

— Да нет же, вы очень правильно делаете! Спасибо вам, Саярахон. Просто я хотел напомнить, что время сейчас горячее. Рабочих рук не хватает.

— Значит, по-вашему, можно заставлять работать с кетменем беременных женщин?

— Ну и попал в переplet! Разве я сказал такое? Я только боюсь, чтобы лодыри не воспользовались вашей неопытностью. — Турабджан раскатисто рассмеялся. — Беда с вами, с интеллигентами, да и только. Просто невозможно разговаривать!.. Слово неосторожное скажешь и тут же на скамью подсудимых угодишь. Да я шушу, простите, Саярахон. Слушаю вас.

— Я пришла к вам поговорить насчет Хамидахон.

— Так, так... — Тураб выжидающе замолк.

— Я хочу знать, почему этот человек — вы знаете, о ком я говорю, — как ни в чем не бывало расхаживает по кишлаку? Почему не вмешалась милиция, почему до сих пор дело не передано в суд? Я, наконец, начинаю просто сомневаться, существует ли у вас общественное мнение. Может быть, все боится гнева раиса?

Тураб нахмурился.

— Вы не беспокойтесь, милиция уже интересовалась им, просто я взял его на поруки.

— Вы? Взяли на поруки? Выходит...

— Не торопитесь с выводами. Сначала ответьте мне на один вопрос, Саярахон... — сказал Турабджан. — Мысль о наказании Садыквоя пришла вам самой в голову или она исходит от Хамидахон?

Почувствовав, что разговор принимает неприятный оборот, Саяра насторожилась.

— Разве не все равно, от кого исходит эта мысль? Ведь речь идет о...

— Нет, не все равно!

— Предположим, что это моя мысль?

— Я так и знал. Но одобрит ли Хамида ваше требование?

— У Хаமிды сейчас нет сил бороться. К чему мучить больного человека! Разве и так не ясно, что он преступник?

Турабджан резко поднялся. Саяра ожидала, что он сейчас сорвется, наговорит ей грубостей. Но Турабджан сумел взять себя в руки. Он подошел к окну, несколько раз вдохнул воздух всей грудью и грустно покачал головой:

— Эх, Саярахон, Саярахон! — Председатель придвинул свой стул к дивану и сел напротив Саяры. — Неужели вы действительно считаете меня таким дурным человеком? Да, я согласен с вами: Садыквой виноват. Больше того, он совершил поступок, недостойный мужчины! Но мы вправе задать себе вопрос: как он дошел до такой жизни? Почему этот энергичный, знающий свое дело бригадир вдруг стал преступником?

— Пускай это анализируют психологи или судебные эксперты, не мы с вами, — буркнула Саяра.

— Напрасно вы так говорите. Даже аллах не безгрешен. Во всем надо разобраться не горячась. Легче всего рубить сплеча. Всем нам свойственно ошибаться, — сказал он и многозначительно посмотрел на Саяру.

— Как вы снисходительны и красноречивы! Даже преступление норовите назвать ошибкой. Может быть, его следует наградить за то, что он еще не убил Хаמידу?

— Заладили одно: Хамида, Хамида, — взорвался Тураб.— Если хотите знать, эта Хамида не такой уж ангел, как вы себе ее представляете. В конце концов, женщины, которые берегут свою честь, не станут в укромных уголках встречаться с чужими мужьями. — Турабджан вдруг осекся и странно посмотрел на Саяру. — Да, да, есть одна такая причина, из-за которой я не могу рассказать вам всю правду.

«Господи, неужели намекает на Акрама?» — Саяра

густо покраснела, сердце ее забилось так громко, что казалось, удары его слышны во всех уголках комнаты.

— Наконец вы перестали ходить вокруг да около и сказали правду. Вы просто не любите Хамиду... А то, на что вы намекаете, мне давно известно,— храбро схитрила Саяра.— Сама Хамида мне об этом рассказывала.

— Не знаю, что рассказывала вам сама Хамида. Недавно я видел один французский фильм. Улицы Парижа.

Набережная Сены. Так там под каждым деревом, в каждом укромном местечке сидят в обнимку молодые парни и девушки и целуются. Мало того, вы уж простите меня, Саярахон, об этом даже стыдно рассказывать, не только целуются... А люди?.. Идут себе мимо и ноль внимания. Никто даже не оглянется... Может быть, спустя сто лет и мы будем смотреть на такие вещи равнодушно. Но сейчас, простите, мы еще не «доросли» до таких картин. У нас не Париж.

— Перестаньте, как вам не стыдно! — в отчаянии крикнула Саяра и зажала ладонями уши.— Зачем вы все это мне рассказываете? При чем здесь Париж? При чем Хамида? Ведь у нас с вами разговор совсем не об этом. Вы нарочно сбиваете меня!

Турабджан пожал плечами.

— Простите, если что не так. Я только хотел сказать, насколько каждое дело запутано и сложно...

Саяра поднялась с дивана.

— Я поняла только одно: вы не желаете, чтоб преступник был наказан. Вот и все.

— А я спрашиваю вас: какая польза от того, что мы накажем Садыквою?

— Люди будут верить, что существует справедливость. Хотя для вас, видимо, это такая малость. Я тут у вас много чего насмотрелась.

Саяра понимала, что надо остановиться, но это было не так просто.

— Что же вы видели? — спросил Тураб, задетый за живое ее тоном.

— Я никогда не думала, что в таком передовом колхозе, где председатель — друг моего мужа, во всем выезжают за счет женщин.

— О аллах! — воскликнул Турабджан и шлепнул руками по бедрам.— Странные вы люди, интеллигенты. Ровным счетом ничего не смыслите в жизни, а нос суετε повсюду! Скажите, зачем вы беретесь судить о том, о чем не имеете никакого представления?

— При чем тут интеллигенция? Просто вам правда глаза колет...

— Хватит, Саярахон, поговорили! — нетерпеливо перебил Турабджан.— Всегда виноват не тот, кто казан плова слопал, а тот, кто остаток слизал. Беретесь меня

учить, а сами на слепого кутенка похожи.— Турабджан зло прищурился.— Я вас слушал, теперь вы меня послушайте, не отворачивайтесь, пожалуйста. Разве бы вы бросили такого парня, как Акрам, если бы имели хоть малейшее представление о жизни? Разве бы бросили вы свою прекрасную специальность? Разве связались бы с желторотыми птенцами, которые годятся вам в младшие братья?

У Саяры от обиды на глазах выступили слезы.

— Вы несправедливы ко мне, Турабджан...— Чувствуя, что сейчас расплчется, она бросилась вон из кабинета.

Всю дорогу до больницы Саяра не переставая спорила с Турабом. Она не могла себе простить, что спасовала перед ним, не поставила на место. Сбежала, как нашкодившая девчонка. Она шла, не разбирая дороги. Скорее бы очутиться в спасительных четырех стенах, никого не видеть и не слышать! Попадись он ей сейчас, она бы уже не пощадила ни его возраста, ни положения. Как он смел вмешиваться в ее личную жизнь, читать ей нотации! Этот тон! Возмутительные намеки!

Неожиданно перед ее глазами всплыло усталое и грустное лицо Акрама.

А что, если в этих намеках есть хоть доля правды? Но разве ей теперь не все равно, что было между Хамидой и Акрамом? А если все равно, то почему так сжимается сердце при одном только имени мужа? И это неправда, неправда. Этого не могло быть.

Саяра даже остановилась и до боли сжала губы. Нет, нет, это им не удастся. Они специально хотят поссорить ее с Хамидой. Тогда Тураб легко возьмет верх в их споре о Садыковое.

«А если правда?» — нашептывал чей-то голос.

Ну и пусть, пусть! Ей нет до этого никакого дела.

Почти бегом она бросилась к больнице.

Пусть председатель не надеется. Она не отступит. Куда обратиться, откуда ждать помощи? Ведь она здесь никого не знает! Ей уже, как и Хамиде, начинало казаться, что все в сговоре с рансом. Неожиданно она вспомнила об Убае. Вот кто выручит! Надо срочно попросить Шахисту дать телеграмму.

Саяра почувствовала, как тяжесть, давившая ей на плечи, отпустила. Она облегченно вздохнула, будто уже выиграла сражение.

Около ворот больницы стояла знакомая «латвийка». Саяра замедлила шаг и перевела дух. Она поймала себя на желании незаметно юркнуть в ближайший переулок, но было поздно, ее уже заметили. Из машины навстречу ей выпрыгнул ассистент режиссера. Его голос, радостно-возбужденный и громкий, наполнил собою всю улицу.

— Где же вы пропадаете? Нельзя заставлять столько людей ждать себя. Мы просто с ног сбились. Без вас велено не появляться.— Увидев, что Саяра пытается что-то возразить, он протестующе замахал руками: — Н-никакие отговорки сегодня не принимаются. Мы вас похищаем, и точка. Прошу в машину.

Саяра не успела опомниться, как машина уже несла ее по улицам кишлака. Сзади длинным шлейфом поднималась пыль.

— В честь чего такой переполох?

— Сразу видно, что вы от рук отбились. Первая часть картины позади. У нас не принято пропускать такие события. А то дальше удачи не будет.

Саяра поняла, что возражать уже поздно и бесполезно, и решила покориться судьбе.

Резко затормозив, машина остановилась у гузара — на самом оживленном перекрестке кишлака. Здесь же была местная чайхана. По шуму и выкрикам, которые раздавались из внутреннего дворика, Саяра поняла, что они приехали. В общем хоре голосов она отчетливо различила звонкий голос Нилуфар. Саяра и ее спутник вошли внутрь. У небольшого водоема прямо на деревянных помостах, в тени могучих карагачей, сидели люди. Здесь расположилась не только их компания. Не спеша потягивая из пиал зеленый чай, чинно сидели длиннородые старики. По выражению их лиц трудно было понять, по душе ли им этот веселый той. Зато парни помоложе, не скрывая любопытства, разглядывали артистов.

У себя за спиной Саяра услышала реплики:

— Вот жизнь! Красивые женщины, вино, музыка! Это тебе не кетменем махать.

— Интересно, что они там про наш кишлак наснимают!

— А-а! Представляю себе!

— Больно ты скор на расправу! Сам небось в кино любишь ходить!

— Посмотри! Наша новая дохтур-апа! — парень что-то тихо добавил, и все дружно рассмеялись.

Чувствуя на себе пристальные взгляды сидящих, Саяра невольно ускорила шаг.

Ее появление было встречено радостным криком. По раскрасневшимся лицам, взрывам беспричинного хохота было видно, что пир в разгаре.

— Жар-птица поймана, — хорошо поставленным, театральным голосом доложил спутник Саяры. Все дружно зааплодировали.

Шавкат, который сидел на самом почетном месте за низкой хан-тахтой, поднялся.

— Внимание! Прошу минуточку тишины. Друзья, я хочу поднять тост за вновь прибывших. Наполним бокалы. Все мы знаем, что успех фильма во многом зависит от таланта и обаяния нашей главной героини. Так выпьем же за очаровательную женщину, будущую звезду экрана — Саярахон Халикову!

Саяра смущенно поклонилась. Со всех сторон к ней тянулись руки, каждый хотел сказать что-то ласковое, ободряющее.

— Подруга, за тебя! — услышала она голос Нилуфар.

— За будущую кинозвезду!

— Ура, Саярахон!

Зажмурившись, Саяра разом осушила бокал. Шавкат подвел ее к хан-тахте и усадил рядом. Теплая волна захлестнула Саяру. Она обвела взглядом всех собравшихся. Зачем она сопротивлялась? Почему не хотела сюда ехать? Как здесь легко и свободно дышится! Тяжесть, которая последнее время сжимала сердце, отступила, пришло ощущение молодости, легкости, хмельного озорства. Рядом сидели парни и девушки почти ее возраста, ее товарищи по работе. Загорелые, смеющиеся лица, пьянящий запах миндаля, вплетающийся в общее веселье говор падающей воды. Какими далекими и преувеличенными показались Саяре все заботы и волнения последних дней!

Шавкат, придвинувшись ближе, тихо шепнул:

— Очнитесь, наша царевна Ширин! Я рад, что вы

сегодня с нами. И, ей-богу, не считайте меня пьяным, я действительно очень привязался к вам.

— Спасибо,— рассмеялась Саяра.

— Ну вот, вы и засмеялись. Только я ведь не шучу. Вы не знаете себе цены.— Шавкат слегка сжал ее локоть.— Вы такая... милая, гордая и... прекрасная. Именно такие женщины мне нравятся... Давайте выпьем только вдвоем. За нашу дружбу! Мы ведь друзья, не так ли? — Шавкат настойчиво вложил в руку Саяры пиалу с сухим вином.

Саяра молча кивнула. От вкрадчивого голоса, выпитого вина у нее чуть кружилась голова. Взгляд Шавката, полный нескрываемого восхищения, смущал и волновал Саяру. Какой он славный, последнее время она была несправедлива к нему.

— Так не годится! Когда пьют за дружбу, надо смотреть друг другу в глаза.

Саяра заставила себя поднять голову и неожиданно наткнулась на колючий и недобрый взгляд Нилуфар. Саяра невольно отшатнулась от Шавкатджана. Как она могла забыть! Нилуфар сидела по другую сторону от режиссера, сидела не шевелясь, с напряженным лицом. Молоденькие девушки-гримерши украдкой наблюдали за ними. Молнией мелькнула догадка: «Ревнует! Нилуфар ревнует!» Пелена спала с глаз. Саяра сразу отрезвела, обвела всех оценивающим взглядом. Опрокинутые пиалы с вином, смятый шелк одеял, остатки пищи и среди них, как рассыпавшиеся бусы, влажные, крупные виноградины.

Господи, что она делает здесь, среди этих чужих, в сущности далеких ей людей? Все, что минуту назад казалось таким привлекательным, предстало в ином свете. Саяре вдруг показалось, что на нее в упор, осуждающе смотрит Турабджан: «Разве связались бы с желторотыми птенцами, которые годятся вам в младшие братья?»

Саяра покраснела, как будто ее уличили в чем-то плохом, и, не притронувшись к вину, хотела поставить пиалу на столик.

— Саярахон, так нельзя,— шутливо взмолился Шавкат и попробовал обнять Саяру за плечи.

Саяра резко отстранилась.

— Нельзя же быть такой недотрогой! Иногда можно

позволить себе небольшую передышку. Можно отвести душу. Ведь мы с вами вполне современные люди. Без таких разрядок мир может показаться пресным и бесцветным! Молодость нам дается только один раз. Это не банальность, а мудрость, поверьте мне.— Шавкат говорил высокопарно, не замечая изменившегося настроения Саяры.

Бросив быстрый взгляд на Нилуфар, Саяра неожиданно встала.

— Давайте выпьем за мою подругу, за Нилуфар! Природа наделила ее красотой, талантом, умом! Мне кажется, она нашла свое призвание. А это так важно. Мне хочется пожелать ей большого плавания. За твой успех, Нилуфар! — Саяра повернулась к подруге и, не садясь, выпила всю пиалу до дна.

Как будто кто-то окропил Нилуфар живой водой. Она вся засветилась, потянулась к Саяре, крепко обняла ее.

«Ого, кажется, я начинаю делать успехи. Кто осмелится сказать, что я не актриса!»

Шавкат внимательно посмотрел на Саяру, угадав ее мысли, добавил:

— Вы правы, Саярахон. Нилуфар молодчина. Она сегодня так играла, что буквально изумила всех. Пожалуй, у нее действительно природный талант, а мы только скромно помогаем ему проявляться.

Саяра громко крикнула:

— Итак, прощай, доктор Нилуфар! Да здравствует Нилуфар-актриса!

Вокруг Нилуфар образовался веселый кружок, она стала центром всеобщего внимания. Кто-то из парней даже попробовал поднять ее на руки. Нилуфар торжествовала.

Саяра стояла чуть в стороне и с легкой грустью наблюдала за происходящим. Какие они разные, как многое их уже разделяет! Тысячу раз прав отец! Разве не легкомысленно в двадцать шесть лет, имея семью и ребенка, имея профессию врача, все бросить, разрушить во имя пустой химеры. Если разобраться всерьез и быть честной перед собой до конца, какая она актриса! Что общего между ее легкомысленным стремлением к славе и настоящим призванием! Сейчас она даже не могла

понять, как такая абсурдная идея пришла ей в голову. Еще не начав по-настоящему работать, она уже охладела к своей роли. Ее не трогают переживания героини, безразлична ее судьба. Саяра почувствовала свою вину перед Шавкатджаном, Нилуфар, перед всей группой. Для них сейчас нет ничего важнее фильма. А для нее? Все выше и выше поднималась стена отчуждения между Саярой и этой молодежью. Среди шума и смеха Саяра еще острее ощутила свое одиночество.

Никто не обращал на нее внимания. Шавкат, как опытный дирижер, руководил общим весельем. Один за другим следовали тосты. Щедро пили за успех каждого актера и за успех картины, за мир и за молодость.

Саяра незаметно выскользнула из круга.

Кишлак спал. Тихие улочки были пустынно и просторны. Луна еще не взошла. Мягкое бархатное небо нависало так близко, что казалось, звезды запутывались в ветвях деревьев. Земля отдыхала от дневного зноя. Хотелось побыть наедине с собой, со своими невеселыми мыслями. Просто посидеть у арыка, вслушиваясь в его нестройное журчанье. В конце концов, пора во всем разобраться. Задумавшись, Саяра не услышала за своей спиной шагов и вздрогнула, когда кто-то властно взял ее за руку.

— Саярахон, вы опять сбежали,— узнала она приглушенный голос Шавката.— Простите, но вот уже несколько дней я хочу серьезно поговорить с вами. Вы не возражаете?

Шавкат, не ожидая ответа, пошел рядом.

— Что с вами случилось, Саярахон? Вы так переменились за последнее время. Ваше отчуждение, этот срыв на съемках, я начинаю не на шутку беспокоиться! Куда девалась ваша прежняя воодушевленность? Та легкость и вдохновение, с которыми вы работали над ролью?

Саяра подавленно молчала. «Надо собраться с силами и сказать ему правду»,— подумала она. Но вместо этого пробормотала что-то невнятное.

— Вы же знаете, Шавкатджан, этот случай с женщиной...

— Нельзя же принимать все так близко к сердцу. Этак любая чужая беда может надолго вывести вас из колеи. Первая заповедь — актриса не должна подда-

ваться своим чувствам. Неужели я в вас ошибся? Честно сказать, Саярахон, я был просто восхищен вашим мужеством, узнав, как решительно вы порвали с мужем, когда он попытался навязать вам свои правила жизни.

— Прошу вас, об этом... не надо...— вздрогнула Саяра.

— Вы меня не так поняли. Я вовсе не собираюсь вмешиваться в вашу личную жизнь. Просто как режиссер я хотел дать вам несколько советов. Во-первых, вы должны извлекать все лучшее из своего положения.

— А именно? Что вы имеете в виду?

Шавкат остановился и взял Саяру за плечи.

— Я хотел вам напомнить, что вы молодая, красивая, полная сил женщина!

— А во-вторых?..

— Во-вторых... будьте женщиной, в лучшем смысле этого слова. Тогда и работа наша с вами пойдет на славу. Поймете, как я был прав. О, какое это сложное искусство — быть актрисой, быть женщиной! Вы должны увлечь людей, покорить их не только своим талантом, но и обаянием... Так, как вы покорили меня...

Шавкат попытался привлечь к себе Саяру. Она уперлась руками ему в грудь, высвободилась.

— Я не смогу воспользоваться вашим уроком. Я просто плохая актриса.

Странное дело: то, что волновало Саяру совсем недавно — близость Шавката, его прозрачные намеки, комплименты,— теперь почти ее не трогало. Решительно, даже жестко, она проговорила, глядя ему прямо в лицо:

— Я начала понимать, что не справлюсь с ролью, и прошу вас освободить меня от съемок.

Шавкат изменился в лице.

— Что, что вы сказали? — спросил он угрожающе.— Вы хотите, чтоб из-за ваших капризов я поставил под удар работу всего коллектива? Выкиньте эти мысли из головы.

— Я очень виновата перед вами, но я не могу больше сниматься! Шавкатджан, попробуйте вместо меня Нилуфар. Она отлично справится с ролью.

Шавкат пропустил замечание Саяры мимо ушей.

— Прошу вас, Саярахон, забудем этот разговор. Вы же знаете, что это моя первая картина. У меня с ней свя-

зано столько планов, надежд... Считайте, что это как первые шаги, когда человек учится ходить. Понимаете... Ваш отказ — это удар в спину... А потом, если я вас чем-то обидел, — простите. Обещаю, что отныне у нас будут только официальные, деловые отношения. Вам не в чем будет меня упрекнуть. Вот мы уже почти и пришли. Не смею дальше навязывать вам свое общество. До завтра. Ровно в восемь я жду вас на площадке.

Шавкатджан повернулся и не оглядываясь пошел прочь.

Саяра растерянно смотрела ему вслед. Ее испугала категоричность слов Шавката. Неужели ей действительно не выбраться из этого капкана? Где найти выход?

До поздней ночи Саяра ворочалась в постели, не в силах уснуть.

Саяра проснулась от сильного шума во дворе больницы. Кто-то ругался и громко кричал. Она замерла и прислушалась. Уличная калитка с треском хлопнула один раз, затем второй... Потом раздался сердитый голос сторожа-старика:

— Ты что, с ума сошла, старая? Перепугаешь мне всех больных!

Саяра торопливо накинула халат и вышла в коридор. Медсестра предостерегающе шагнула навстречу, испуганно шепнула:

— Не выходите, от этой злобной старухи всего можно ожидать.

Не дослушав, Саяра открыла дверь.

Посредине двора стояла дочерна иссушенная солнцем старуха с распущенными волосами и в сбившемся с головы платке. К ее ногам боязливо жались двое детей — мальчик лет шести и девочка чуть постарше. Они стояли не шевелясь. Широко раскрытые глаза их были полны страха.

Саяра спустилась с крыльца.

— Что здесь происходит, отец?

— А, вот ты где, наша погубительница! Смотрите, люди добрые, все смотрите! — истерично завизжала старуха. — Прочь с глаз, безмозглый старик!

Неожиданно с силой оттолкнув сторожа, она бросилась к Саяре.

— Не смотри, что я старая, я еще сумею постоять за своего сына. Лучше меня засади в тюрьму, чем его... Ишь, чего захотела, бесстыжая!

Старик сторож поспешно встал между Саярой и старухой.

— При чем тут дети? Зачем вы привели сюда детей? — бледнея от волнения, проговорила Саяра.

— Еще спрашиваешь, зачем привела? Чтоб сиротки знали, видели, кто их обездолил! Ишь, чего захотела —

кормильца в тюрьму... Сама теперь с ними нянчиться будешь!

С этими словами старуха схватила за руку мальчика и с силой толкнула его к Саяре. Мальчик споткнулся о камень и, падая, обхватил руками колени Саяры. Не успела Саяра опомниться, как старуха тем же резким движением бросила к ее ногам девочку. Задохнувшись, Саяра прижала к себе плачущих детей.

— Вас на пушечный выстрел нельзя подпускать к детям! Вы просто искалечите их, безумная женщина!

Старуха рванула с головы платок.

— Вот как ты заговорила, наглая! Слушайте все, как оскорбляют мои седины. Внучата мои бедные, сиротки бесприютные! Разлучить нас задумали! — запричитала она фальшиво.

Все молча наблюдали за этой сценой. Саяра первая пришла в себя. Она выпрямилась, смело шагнула к старухе.

— Хватит, кончайте спектакль. Здесь больница, и людям нужен покой. Уходите.

Старуха потянулась к детям, но Саяра загородила их.

— Нет, нет, дети пока останутся здесь.

Рядом с Саярой встали сторож и медсестра. Старуха на мгновение растерялась. Но в это время в ворота больницы ввалился Садыквой. Лицо красное, волосы растрепаны, рубаха нараспашку, в руках длинная плеть. Увидев подмогу, старуха с новой силой заголосила.

— Вай дод! — вопила она, шлепая руками по бедрам.— Мусульмане! Что вы смотрите! Аллах покарает вас. Среди бела дня отнять у беззащитной старухи внучат! Вай дод!

Садыквой стоял в центре двора, силясь понять, что здесь происходит. На всякий случай он угрожающе поднял плеть, со свистом рассек воздух. Воспользовавшись замешательством, старуха рванулась к детям и, цепко ухватившись за них, поволокла к воротам.

Плач детей заставил Саяру действовать. С отчаянной решимостью она крикнула:

— Оставьте детей, немедленно оставьте. Или я вызову из района милицию!

Старик сторож пришел ей на подмогу и загородил путь:

— Пусты детей, добром тебя прошу. Не вводи в грех... Слышишь?.. Кончай, старая, над ними измываться. Пошутили — и хватит!

— Отец, присмотрите за малышами! — сказала Саяра. — А я сейчас позвоню в милицию.

Яростно наскакывая на сторожа, старуха и не думала отступать. Наконец угроза Саяры дошла до Садыквой. Ни на кого не глядя, он угрюмо произнес:

— Не вмешивайтесь не в свое дело, мать. Кому я сказал?

— Вы слышите этого безумного, мусульмане! Что он говорит? Есть ли правда на земле? — затараторила старуха, кривляясь и шепелявя.

— Придержите язык, мама! — Садыквой шагнул к старухе. — Чтоб жалеть потом не пришлось!

— Придержать язык, говоришь? Это мне-то, родной матери... Грозисься еще... Это вместо благодарности. Глаза бы мои тебя не видали! По мне, хогь снова сходишь со своей шлюхой! Палец о палец не ударю больше, чтоб гвою беду развести!

Накинув на распустившиеся волосы платок, путаясь в длинной юбке, мать Садыквой засемила прочь.

Садыквой отбросил в сторону плетъ, тяжело вздохнул.

— Ладно уж, ападжан. С горя это мать. Пошли, что ли, домой, малыши...

— Нет, Садыквой, в таком состоянии я вам их не отдам. Куда вы их возьмете? Пусть лучше побудут у матери Хамиды. Шахиста отведет их к ней.

— Эх, ападжан, ападжан! Если бы не эти дети! Если бы только не дети!.. — Садыквой, как пьяный, мотнул головой.

Перехватив жалобный и растерянный взгляд ребят, Саяра прервала его:

— Опомнитесь, Садыквой. Мы здесь не одни, будьте женщиной!

— Вам легко говорить — будьте женщиной! — Садыквой криво усмехнулся. — Если бы не ваш уважаемый супруг, жили бы мы мирно и спокойно... Чего так смотрите, будто в первый раз меня увидели? Лучше это письмецо почитайте, ападжан! — Садыквой широко раскрыл ладонь. На ней лежал смятый лист бумаги.

Тупо заныло сердце. «Неужели правда?»

— Я передам это письмо прокурору! — сказал Садыквой и, обхватив руками голову, стал раскачиваться из стороны в сторону... — Десять лет крутили любовь. Десять лет...

Земля рванулась из-под ног Саяры. Она почувствовала, как что-то липкое и скользкое коснулось тела. Вытянув вперед руку, будто защищаясь от удара, произнесла скороговоркой:

— Хватит! Избавьте меня от всей этой грязи! Что за страсть — копать на людях в грязном белье!

Садыквой сжал руками виски и присел на корточки.

— Кому чужое, кому — свое! Скоро оно у вас, горожан, чужим делается. А у меня душа горит. Если бы вы могли заглянуть ко мне внутрь. Не сердце, а кровавая рана!

На мгновение Саяре даже стало жалко этого большого, измученного человека.

— Послушайте меня, Садыквой. Возьмите себя в руки. Гнев слепит вам глаза и сердце. А тут надо разбираться на холодную голову. Идите домой. Не к лицу мужчине так раскисать.

Садыквой поднялся, с тоской взглянул на детей и вновь невнятно забормotal:

— Эх, ападжан, ападжан! Знали бы вы, как мне тяжело! Кто бы только знал... — И, махнув рукой, пошатываясь, пошел к воротам.

Саяра смотрела ему вслед, пока Садыквой не скрылся за калиткой, потом оглядела двор — из всех окон выглядывали больные, прижавшись друг к другу, у забора стояли дети.

— Шахиста не приходила? — спросила Саяра у медсестры.

— Нет еще.

— Накормите, пожалуйста, детей и присмотрите за ними. Когда придет Шахиста, пусть зайдет ко мне.

В кабинете главврача Саяра навзничь упала на диван и закрыла глаза... Тут же она увидела раскрытую ладонь Садыквой и в ней — скомканное письмо. Откровенные намеки Турабджана, Садыквой и теперь... это письмо. Неужели они правы и Акрам столько лет обманывал ее? Но Хамида... Можно ли сомневаться в ее искренности? Умом Саяра понимала, что все это вздор, что,

если она даст волю своему чувству, ловушка захлопнется. Но сердце, выйдя из-под контроля, продолжало ныть... И зачем только на свою беду она связалась с этими артистами? Это по их вине судьба сыграла с ней такую злую шутку — занесла в кишлак Акрама. Все тверже в ней крепло желание уехать из Бака-Булака, забыть всех, попробовать начать новую жизнь.

— Апа, ападжан!..

Услышав шепот Шахисты, Саяра вздрогнула.

Шахиста, глотая слезы, стояла у дверей. Поборов свинцовую усталость, Саяра поднялась, нехотя спросила:

— Что еще случилось?

— Сестра,— произнесла Шахиста.— Сестра все слышала. Она зовет вас.

— Умоляю тебя, только без слез. У меня нервы и так натянуты до предела... Лучше позаботься о племянниках... Да, кстати,— Саяра посмотрела в упор на Шахисту.— Дай срочную телеграмму Убайджану. Пусть приезжает. Начинающему журналисту полезно посмотреть, что здесь происходит. А мы без него, пожалуй, не справимся.

Шахиста кивнула головой, опустила глаза.

— Я и сама думала об этом. Каждый день... Мурадджан засылает сватов, дома нет покоя...

Саяра улыбнулась.

— Вот и прекрасно. Пусть соперники встретятся в открытом бою!

На съемки Саяра опоздала на целый час. Но, как всегда, еще ничего не было готово: плотники что-то колдовали вокруг декораций, операторы и осветители спорили друг с другом, помощник режиссера кричал на ассистента, тот в свою очередь на гримера — словом, царила обычная предсъёмочная суматоха. Только один Шавкатджан молча расхаживал по площадке, заложив руки за спину, как генерал перед решающим сражением. Губы плотно сжаты, брови насуплены. Он встретил Саяру долгим, изучающим взглядом.

— Ну, как настроение? Вид у вас неважный. Опять что-нибудь стряслось?

— Все нормально,— сдержанно ответила Саяра. Ей

не хотелось ничего рассказывать о скандале в больнице.

— Вот и хорошо,— кивнул Шавкат и, взяв ее под руку, повел в сад.

Некоторое время они шли молча. Саяра настороженно ждала первых слов Шавката. После вчерашнего разговора у нее остался неприятный осадок. Она не знала, чего ожидать ей от этого неумемного человека — новой вспышки гнева или еще одной попытки сдержанного ухаживания. И то и другое в равной степени страшило ее. Шавкат шел, думая о чем-то своем, словно не замечая Саяры. Наконец он знаком попросил ее присесть на скамейку. Заговорил, медленно подбирая слова:

— Несколько слов, чтоб больше не возвращаться к вчерашнему. Поверьте, что я был с вами искренним... во всем. Но не будем больше об этом. Постарайтесь забыть все мелкие обиды и претензии. Сейчас вы должны помнить одно: успех фильма действительно во всем зависит от вас. Если не хотите подвести нас всех, выбросьте из головы сомнения и нерешительность. Вас единогласно утвердил худсовет студии. Так что отступать некуда.— Он ободряюще улыбнулся Саяре и, как бы читая ее мысли, добавил: — Попалась птичка!.. Ну, хватит выяснять отношения! До чего же это трудная и неблагодарная работа. Прошу вас, милая Саярахон, возьмите себя в руки. Сосредоточьтесь. Давайте еще раз вместе пройдем сегодняшнюю сцену.

Саяра покорно, с чувством обреченности открыла сценарий. Шавкат весь подобрался, на глазах стал другим человеком.

— Итак, сегодня у вас маленький эпизод. Всего два-три слова. Но в этом и скрыта вся трудность. Важны не слова, а с о с т о я н и е героини. Постарайтесь найти убедительные краски, чтоб передать ее переживания. Я зритель, и я должен поверить вам. Быстро восстановим экспозицию.

В доме героини, то есть у вас, — маленькая вечеринка. На нее приглашен молодой инженер. Он влюблен в вас. Вы, усталая, хлопочете по дому, стараясь как можно быстрее организовать ужин. Гость хочет помочь вам, но правила этикета не позволяют ему, постороннему человеку, вмешиваться. Не отрываясь, он следит за всеми вашими движениями. Наконец не выдерживает и, об-

ращаясь к мужу, говорит: «Давайте распределим обязанности, вы помогайте готовить, а я буду накрывать на стол». Дальше следует реплика вашего мужа: «Вы что-то перепутали, дорогой друг. Разве сегодня Восьмое марта?!» Вот, собственно, и вся нехитрая сцена. Но от вас тут потребуется многое. Вы в кадре крупным планом. Попробуйте точнее и многостороннее передать все движения души героини. Вас обидели, оскорбили в присутствии человека, который вам далеко не безразличен. Гордость, уязвленное самолюбие, наконец, боль. Смотрите, какая огромная гамма чувств. Помните, внимание зрителя сосредоточено только на вас. Вот ваша единственная реплика: «В своем остроумии вы сегодня превзошли самого себя!» Еле сдерживая слезы, вы выбегаете из комнаты... Вам понятна ваша задача в этом эпизоде?

Саяра кивнула.

— Давайте попробуем.

Саяра встала, сделала несколько нерешительных шагов и еле слышно произнесла:

— Разрешите мне самой еще раз продумать эту сцену.

— Ну что ж, попробуйте сосредоточиться. Не буду настаивать. Но учтите — скоро начинаем.

Шавкат оставил Саяру одну.

Месяц назад, когда Саяра прочла этот сценарий, ей все казалось в нем естественным и правдивым. Как живо она представляла себе сцену, которую ей предстояло сейчас сыграть. Она видела комнату, мужа, развалившегося в кресле, узнавала в молодом инженере чьи-то знакомые черты. Как искренне ей было жаль героиню и себя. А теперь? Что с ней случилось? Саяра закрыла сценарий и вновь опустилась на скамейку. Незаметно она стала думать о своем.

Там, в городе, остались дочка, Акрам. Жизнь, еще недавно так хорошо налаженная, сломана. Она не знает, что ждет ее впереди. Рядом, в больнице, лежит женщина, судьба которой странным образом сплелась с ее судьбой... А она, Саяра, должна почему-то сочувствовать героине, у которой придуманная жизнь и придуманная беда. По сравнению с тем, что пережила Хамида, все, что происходит в сценарии, и впрямь выглядит детской забавой.

Саяра вышла на съемочную площадку смятенная и растерянная. В чем она может убедить зрителя, когда в душе нет ни капли жалости к героине? Шавкат терпеливо снова и снова пробовал объяснить ей смысл сцены... Но Саяра была глуха. Она старательно повторяла его слова, заученно улыбалась, с ученической прилежностью изображала страдание. Измученные жарой люди вновь и вновь повторяли сцену. И все напрасно. Окончательно выбившись из сил, Шавкат отпустил всех и объявил перерыв до вечера.

Саяра чувствовала себя разбитой и несчастной. Больше всего она была рада наступившей передышке. Но ее ждало еще одно испытание. Не успел Шавкат со свитой уйти с площадки, как Саяру со всех сторон окружили девушки.

— Что с тобой происходит?

— Тебя будто подменили!

— Может быть, на тебя так действует жара? — слышалось со всех сторон.

Саяра зажала уши и бросилась вон из круга. Она перевела дыхание, когда съемочная площадка осталась далеко позади. Неожиданно наступившая тишина и мерное жужжание пчел подействовали на Саяру успокаивающе. Она обхватила руками ствол яблони, прижалась разгоряченным лбом к ее прохладной коре.

«Так дальше нельзя, — билась в голове одна и та же мысль. — Я просто пропаду. Надо найти выход. Надо? Но какой?» Внезапно Саяра почувствовала, что она не одна, затравленно оглянулась и увидела недалеко от себя тонкую фигурку Нилуфар. Она молча стояла в стороне, видно не решаясь подойти. Заметив, что Саяра смотрит на нее, Нилуфар несмело двинулась к ней навстречу.

— Апа, ападжан!

Нилуфар на полуслове смолкла. Саяра видела, что Нилуфар очень взволнована, но не спешила прийти ей на помощь. Наступила неловкая пауза. Наконец, глотнув воздуха, Нилуфар выпалила:

— Отдай мне эту роль!..

Саяра удивленно подняла брови.

— Саярахон, я сама не знаю, что говорю, но мне так хочется сыграть героиню в этом фильме. Я не сплю но-

чами, я просто извелась... Я понимаю, то, что я говорю, ужасно, но ничего не могу с собой поделать...

Нилуфар говорила все сбивчивее и тревожнее. Она торопилась, боясь, что Саяра не поймет ее.

— Знаешь, когда ты играешь, я каждое слово повторяю за тобой. Мне так и хочется крикнуть тебе: «Не так, не то!..» Она совсем другая... Посмотри, как я бы сыграла последний эпизод.

Нилуфар торопливо отбежала в сторону, легко провела рукой по лицу, распрямилась. Застенчивая, чуть усталая улыбка, руки, проворно наводящие порядок в мнимой комнате. Вот она накрывает стол, проходит мимо безразличного к ее хлопотам мужа, вот, чуть оглядываясь через плечо, ловит взгляд гостя... Саяра невольно залюбовалась подругой. Она рассматривала ее, как будто видела впервые. Тонкие, искусно подкрашенные брови, длинные ресницы, гибкая, ладная фигурка. Нилуфар играла со страстью, словно перед ней была не Саяра, а целая комиссия придирчивых экзаменаторов, решающих ее судьбу.

Тихо шелестела листва яблонь, раскаленный зноем воздух обжигал лицо. «Да, да,— думала Саяра, наблюдая за подругой.— Все решается само собой. Эта роль написана для Нилуфар».

Возбужденная и уставшая, Нилуфар опустила прямо на траву под деревом. С надеждой заглянула в глаза Саяре. Саяра подошла, села рядом, обняла, сказала с чуть грустной улыбкой:

— Ты просто молодчина. Кто знает, может быть, из тебя действительно получится настоящая актриса? Я сегодня же поговорю с Шавкатджаном.

Нилуфар испуганно отпрыгнула:

— Нет, нет, только не это! Если он откажет, я не знаю, что сделаю с собой!

— Чего же ты хочешь?

— Я буду с тобой откровенна до конца. Я вижу, что тебе тяжело здесь, ты мне ничего не рассказываешь, но я ведь не слепая. Уезжай отсюда, умоляю тебя! Так будет лучше и тебе и мне.

Нилуфар ткнулась лицом в грудь Саяры, со стоном проговорила:

— Я просто схожу с ума... Я не могу без него... без Шавкатджана.

Только теперь Саяра начала что-то понимать. Она невольно отодвинулась от Нилуфар.

— А как же Зафар?

Нилуфар вскочила, нервно прикусила губу:

— Что с ним станет, с твоим Зафаром! Долго горевать не будет, не волнуйся!

Саяру поразила ожесточенность в голосе Нилуфар.

— С тех пор как я познакомилась с Шавкатом, Зафар перестал для меня существовать.

Подавленная, Саяра молчала. Что она могла сказать подруге? Неожиданно Нилуфар вспыхнула и стала суетливо прощаться.

— Вот он, идет сюда. Сам. Я не могу с ним сейчас встречаться. Не в силах,— сказала она шепотом и быстро скрылась за деревьями.

Саяра осталась одна. Растерянно оглянулась. Шавкат был уже совсем близко. Она попыталась собраться с мыслями. Сейчас она скажет ему все, а дальше — будь что будет.

Шавкат подошел, приветливо улыбнулся.

— Вот вы куда скрылись, беглянка! — Он был мягок и предупредителен. Саяре казалось, что он разговаривает с ней, как с тяжелобольной. — Я опять по вашу душу. Ну-ка пойдемте, попробуем еще разок. Вот увидите, сейчас у вас все прекрасно получится. — Он протянул ей руку, словно приглашая следовать за собой.

Саяра покачала головой.

— Опять вы за свое, — огорчился Шавкат. — Так мы с вами далеко не уйдем. Скажите честно, что вам мешает работать?

— Я не актриса.

Шавкат даже крикнул от досады.

— Нет, я все не о том... — поморщилась Саяра. — Возьмите лучше вместо меня Нилуфар.

— Что вы так заботитесь о Нилуфар? Каждому свое. Нилуфар никто не обижает. Но она не может быть героиней в этом фильме. Я это вам уже говорил не раз. Что вы упорствуете, Саярахон!

Видно было, что Шавкат дал себе слово не срываться и держится из последних сил.

Саяра ругала себя. Неужели она так беспомощна, что не может членораздельно объяснить Шавкату, что она права?

Режиссер выжидающе смотрел на нее. Наконец Саяра решилась:

— Вы не один раз говорили, что друг мне.— Шавкат утвердительно кивнул головой.— Если так, наберитесь терпения, выслушайте и попробуйте понять меня. Еще и еще раз я убеждаюсь, что я не актриса. Это ошибка. Мое место не здесь. Лучше сказать об этом честно, чем мучить себя и вас. Ведь результат все равно будет один — я не справлюсь.

На этот раз в голосе Саяры было что-то такое, что заставило Шавката понять: она говорит серьезно.

— А потом...— Саяра помедлила.— Я совершенно охладела к сценарию,— решилась она наконец сжечь за собой все мосты.

Она перевела дух, как после тяжелой работы, взглянула на Шавката. Он стоял опустив голову, глубоко задумавшись.

— Я за эти дни повзрослела на десять лет. Такого несмотрелась... Горевать вместе с моей героиней над ее игрушечными бедами... Увольте, просто не могу... Простите, я, кажется, наговорила что-то лишнее,— сбивчиво проговорила Саяра, видя, как убит Шавкат.— Наверное, я неправа, простите...

Шавкат вздохнул, подвигал плечами, точно связанный.

— Да... с таким настроением работать трудно. Задали вы мне задачу. Я и сам многое вижу. Но изменить сценарий, увы, не в моих силах. Я подумаю обо всем, что вы мне здесь сказали. Но давайте еще вернемся к нашему разговору. Не будем считать его окончательным.

Неожиданно он ободряюще улыбнулся:

— Может быть, попробуем еще, Саярахон? Не будем поддаваться минуте!

Саяра испуганно отступила.

— Не могу.

— Ну что ж,— Шавкат взглянул на часы.— Мне пора. Хочется верить, что я не ошибся в вас. Надеюсь, до скорой встречи.

«Кажется, я выполнила свое обещание. Нилуфар бу-

дет играть в этом фильме главную роль», — с грустью подумала Саяра, провожая взглядом быстро удаляющуюся фигуру Шавкатджана.

● ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Убай приехал в Бака-Булак и, узнав историю Хамиды и Садыквоя, возмущился. «Непременно выступлю в газете, — решил он. — И позлей! С фельетоном! Надо, в конце концов, проучить негодяев!»

Но Хамида отнеслась к его словам равнодушно. Встретила она Убая тепло. Когда он склонился над ее койкой и назвал свое имя, улыбнулась, тихо сказала:

— Слышала... Знаю...

Но как только Убай заговорил о газете, о публичном осуждении тех, кто покрывает ее мужа, перебила:

— Не вмешивайтесь в это дело, Убайджан! Будет только хуже!

Убай недоуменно посмотрел на Саяру. В этот раз она при встрече удивила его. Чем именно, он, пожалуй, сам затруднился бы сказать. Саяра похудела, устала, у глаз легли тонкой паутинкой морщинки, и в то же время во всем ее облике появилась какая-то зрелая завершенность, значительность.

— Объясните, Саярахон! Ничего не понимаю!

— Я тоже тут еще не очень разобралась... Но увы, уже настроена не так оптимистически, как несколько дней назад.

— Да перестаньте говорить загадками. Я привык белое называть белым, а черное — черным. А тут все как-то боком. Можете объяснить толком, что происходит?

— Могу. Один человек искалечил жену, а все вокруг пытаются спрятать концы в воду.

— Это именно я и хочу знать: почему?

— Попробую объяснить, но трудно... Как вы думаете, хороший тут колхоз или плохой?

— Хороший, растущий... Во всяком случае, так принято думать...

— Вот именно. И председатель его — тоже растущий. А сбивать с ног тех, кто растет, не положено. За это и газета не похвалит. Скажут, за деревьями леса не разглядел. А вы говорите — фельетон!..

Хамида слушала, прикрыв ресницами глаза.

— Так зачем же меня вызывали? — угрюмо спросил Убайджан. — Выходит, Садыквою благодарность надо выносить?

— Я уж сама как-нибудь, без газеты разберусь. Не хватало, чтоб на меня еще ополчились соседи. За клевету на колхоз... Тогда уж совсем выживут из кишлака, — устало произнесла Хамида. — Я уже навоевалась, сыта по горло... Сначала с раисом, он мне указал на дверь. Потом решила помощи у мужа Саярахон искать — и очутилась в больнице. А дальше что? С меня хватит!

Убай растерялся.

— Значит, я ничем не могу помочь?

— Поговорите с раисом. У меня это не получилось. Может, вам больше повезет, — сказала Саяра.

Хамида протестующе махнула рукой:

— Оставьте! Пусть Убайджан за свою Шахисту воюет. И ему раис может стать поперек дороги. Нечего из-за меня осложнять с ним отношения.

Убай вышел из палаты в замешательстве. Какой-то заколдованный круг! И что это за всемогущий раис, во владения которого он попал? Все больше в нем крепло решение распутать этот клубок.

Во дворе больницы, в тени под алычой, его ждала Шахиста. Она молча выслушала Убая и еле слышно сказала:

— Бедная сестренка. Она боится не за себя, а за детей. Ты еще не все знаешь...

— Может быть, не все. Но достаточно, чтоб понять, что она волнуется не только за детей, а еще кое за кого. — Убай выразительно посмотрел в глаза Шахисте. — И сейчас ты мне объяснишь, почему. Что тут происходит?

Шахиста густо покраснела.

— Сваты дома каждый день...

— С чем тебя и поздравляю!

— Спасибо.

— Ну, а родители?

— Сваты не от кого-нибудь, от брата самого раиса. Ты думаешь, родителям легко отказать раису-ака?

— Опять этот раис! Прямо владетельный бай какой-то! Да что вы здесь, крепостные все у него, что ли? — помрачнел Убай. — С меня хватит. Сейчас же пойду к это-

му типу. А вечером — жди в гости! Буду говорить с твоими родителями!

Шахиста искоса, с лукавинкой, посмотрела на Убая, ответила с наигранной скромностью:

— Мой отец очень любит беседовать с женихами!

— И отлично! Только не забудь приготовить плов... Твой плов, Шахиста, твоими руками приготовленный! — Убай хотел притянуть Шахисту к себе, но та ударила его по руке и, выскочив из-под алычи, легко взбежала по ступенькам больничного крыльца.

— Не забывайте, Убайджан! Здесь вам не молодежное кафе! Здесь совсем другие порядки, и устанавливает их Турабджан, наш раис. Иногда он сворачивает шею тем, кто ему не по вкусу. Так-то!

Убай шутливо поклонился, приложив руку к груди:

— О, мудрейшая из женщин! Сколь ценен твой совет! Я буду впредь скромн и благочестив. Может быть, хозяин здешних мест сжалится надо мной и подарит мне в жены лучший цветок, который когда-нибудь взрастал на его земле!

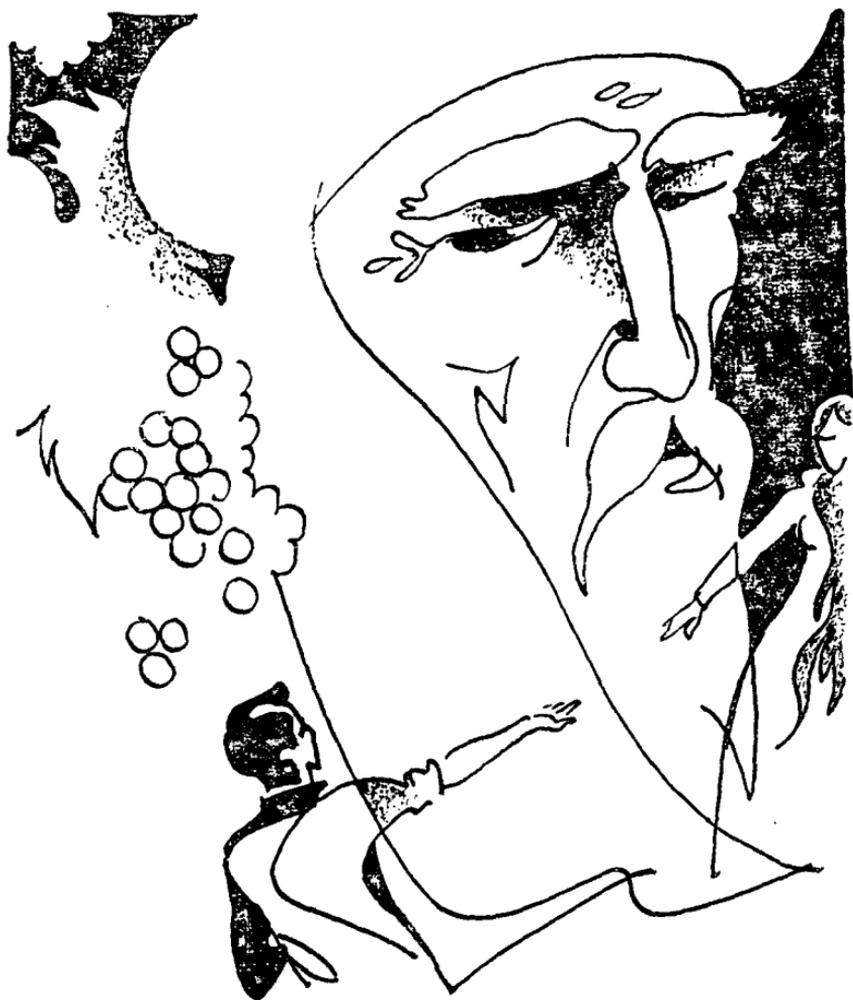
Шахиста со смехом скрылась за дверью.

Как ни шутил Убай, но рассказы о всеильном раисе все-таки подействовали на него. Не то чтобы он испугался этого, по всему видно, властного и вспылчивого человека, нет. Но все же чем ближе он подходил к правлению, тем чаще опускал руку в карман и ощупывал журналистский билет. Еще поглядим, кто кого!

Но в правлении было пусто, жарко и сонно. Скучающий делопроизводитель меланхолично сообщил: уехал на бюро райкома, совещание кончится поздно, и раис, очевидно, заночует в городе. Словом, сегодня ждать его нечего. Невольно Убай почувствовал облегчение. «Это хорошо, что его нет. Огляжусь, разузнаю все толком, отберу факты поувесистей, явлюсь во всеоружии. Ассалам алейкум! Тогда посмотрим, кто кого!»

Выйдя из правления, он постоял, обдумывая, куда сейчас идти, с какого конца начать. И решил встретиться с Садыквоем.

Улочка, ведущая в бригаду Садыквоя, была настолько узкой, что нельзя было понять, как по ней ездят: едва ли тут могли разминуться две встретившиеся арбы. Верхушки джиды, орешника и белых серебристых тополей,

растущих по обе стороны улицы, соединялись между собой и образовывали плотный шатер. Было тенисто, свежо и влажно. Через распахнутые двери, через проемы глиняных дувалов виднелись уютные, политые водой дворики. Глиняные помосты были окружены яркими цветами и застелены столь же яркими одеялами. У тандыров хлопотали женщины, и по улице тянуло сладковато-сочным запахом испеченных лепешек. Он так и видел их перед

глазами — румяные, обжигающие, хрустящие. Невольно рот наполнило слюной. От всего веяло извечным, прадедовски-первобытным покоем. Хотелось войти хозяином в один из этих двориков, лечь на сури, глядеть на небо и ни о чем не думать.

Пройдя с километр, Убай остановился: узкая улочка внезапно оборвалась, и перед ним открылась ласкающая взгляд зеленую, не выгоревшая лощина, по которой протекала горная речушка Сай. Дальше, по ту сторону лощины, до самого холмистого взгорья тянулись густые сады. Слева от пыльной дороги виднелось хлопковое поле... Лощина суматошно жила, звучала голосами. В ожидании стада весело кричали и носились в пыли мальчишки. Из садов доносилось мычание телят. А бляение овец почему-то навевало светлую грусть.

Убай прошел мимо мальчишек, игравших в чиллак, остановился на обрывистом берегу речушки. От хлопкового поля навстречу ему шел невысокий, подтянутый, дочерна опаленный солнцем человек с негустой седеющей бородкой. Он остановился около мутного, бежавшего неподалеку арыка, положил на землю огромный, не по росту кетмень и, засучив рукава на крепких, казалось состоящих из одних перекрученных сухожилий руках, стал не торопясь, со вкусом умываться. Убай подошел, поздоровался, спросил, как отыскать бригадира.

— Вижу, вы не здешний... Может, показать его дом?

— А-а, ладно! — махнул рукой Убай и осторожно, следя за выражением лица старика, спросил: — Не скажете ли, где здесь сад Маткабула-ака?

Старик удивленно поднял лохматые брови, не спеша снял с себя шелковый бельбаг¹, не спеша вытер им лицо и руки и только после этого рассмеялся.

— Сад его недалеко. И сам Маткабул рядом с тобой, сынок. Маткабул — по прозвищу Дядя. А почему Дядя — аллах его ведает. Так значит, горный козел сам наскочил на барса.

Он положил на сухое плечо свой кетмень и улыбнулся:

— Кто спросил про мой сад, должен отведать его плодов!

«Веселый человек мой будущий тесть!..» Убай поче-

¹ Бельбаг — поясной платок.

му-то представлял старика Маткабула именно таким. Невольно улыбаясь, он двинулся вслед за Дядей.

Дядя и Убай пересекли маленький дворик, огороженный колючкой, собранной на корм для скота, и очутились в большом и очень густом саду. Все здесь росло в полном беспорядке: яблони и шелковицы, карагачи и урючины, джида и тополь, слива и тал — все переплеталось, теснилось, обнималось друг с другом. В этой веселой одичалости чувствовалась этакая вселенская щедрость; живи и радуйся, что с тобой рядом кто-то другой, не похожий на тебя. И опять Убай с тихим счастьем почувствовал — именно так оно и должно быть. Так, а не иначе.

В глубине сада виднелся глинобитный домик, весь увитый виноградом. Из домика вышла худенькая, невысокая, загорелая женщина. Во всем ее облике угадывалось что-то неповторимо милое и родное для Убая, присущее одной лишь Шахисте. Завидев Убая, она прикрыла платком улыбающийся рот.

— Ассалам алейкум, мать Шахисты,— произнес старик.— Все ли в порядке тут? И слава аллаху... А теперь большая к вам просьба: постелите одеяла на супу, чтоб я и сынок могли немного отдохнуть.

Чуть опустив платок, женщина приветливо рассматривала Убая.

— Шахиста уже приготовила вам место на супе. Никак только в толк не возьму, откуда она узнала о вашем желании?

Убай улыбался так широко и так радостно, что у него заныли скулы. Он силился быть серьезным, но из этого ничего не получалось.

За домом, под виноградными лозами, несколько девушек в атласных платьях, с маленькими зеркальцами в руках, наводили на брови усьму, макая перья в густо разведенную краску. С преувеличенно испуганным визгом они повскакали с мест.

— Сидите, доченьки, сидите,— сказал старый Маткабул, но девушки, толкаясь и бросая из-под недокрашенных бровей быстрые лукавые взгляды, закрываясь рукавами, бросились в дом.

Шахиста проворно хлопотала под старым тутовником.

— Эх-хе-хе! Ну вот и добрались до нашего рая! —

Всунув пальцы в шелковый бельбаг, хитро посмеиваясь, Дядя повернулся к Шахисте.— А в раю-то не мешало бы вкусить райское. Чем порадуешь нас, доченька?

— Я уже обжарила для плова мясо и морковь! — Шахиста подарила Убаю смущенную и счастливую улыбку и убежала.

— Мой дом — ваш дом,— сказал Дядя.— Можете прилечь, можете пройтись по саду. Не стесняйтесь, сынок! Чувствуйте себя свободно.

Убаю очень хотелось вновь увидеть Шахисту, пусть мельком, пусть ненадолго. Лишь бы увидеть! Лишь бы услышать ее голос!

— Спасибо. Если можно, я отдохну здесь.

— А я немного поброжу. Везде хозяйский глаз нужен. Отдыхай, сынок,— он заговорщически подмигнул, твердо и уверенно ступая, скрылся в саду.

Убай поднялся на супу, растянулся на мягком ватном одеяле, замер... Базилик сверху лил на него свой сладкий запах.

Ракеты, космос, думающие машины, пропахшие бензином города — двадцатый суетный век, мечущийся в поисках счастья. А оно одно — вечно и неизменно: в отдыхе после работы, в запахе цветов, в руках любимой, разливающей чай или качающей ребенка, в доброте тех, кто с тобой рядом!

На дорожке показалась Шахиста с большим подносом в руках. Увидев одного Убая, она нерешительно остановилась.

— Ты что, боишься меня? — шепотом спросил Убай и протянул к ней руки.

— Отцу что скажешь?

— Чго я умный, веселый, красивый, смелый, талантливый... Что за такого парня не грех отдать не одну дочь, а по крайней мере десяток. Но я исключительно из скромности прошу только одну,— он сделал торжественное лицо и поднял вверх один палец.

— Распустил перья! Смотри, как бы такой павлин от ворот поворот не получил,— звонко рассмеялась Шахиста и поставила поднос.

Изловчившись, Убай попробовал схватить Шахисту за руку, но она ловко, с легкостью горной серны, отскочила в сторону.

— Жаль, что косы остригла! Теперь только начинаю понимать, для чего они нужны женщине.

— Потому и остригла, чтоб не потакать молодым феодалам.— Шахиста проскочила под руками у растерявшегося Убая и помчалась к дому.

А небо было густое-густое, перенасыщенное синевой, и в нем уже затеплились первые блеклые звезды. От нежности у Убая перехватило дыхание. Он вспомнил время, когда Шахиста еще носила длинное, до пят, атласное платье и прическу «крык-кокил» — сорок косичек с неизменной шитой на темени золотом тубетейкой. Право, ей это очень шло. Каким он был глупцом, что сам заставил ее остричь длинные, падающие ниже колен волосы! Но все равно, с косичками или без косичек, — кто может сравниться с его милой Шахистой! Нежная, застенчивая, гордая! А ведь старое лицо матери еще красиво. В нем живет та же одухотворенная доброта, что светится в лице Шахисты.

Из сада вернулся Маткабул, его шелковый бельбаг был набит яблоками, сливами и персиками. Рассыпав фрукты на достархане, он сказал:

— Угощайся, сынок, дарами аллаха.— Присел на край супы, осторожно спросил: — Вы работаете в газете?

— Да,— односложно ответил Убай.

— Еще один.

— Что — один? — не понял Убай.

— Еще одного прислали пасться на поле старого Маткабула. Сколько вас, сынок, у меня перебывало. Не сочтешь. Все кругом вытоптали. Писали, переписали.

— Я приехал по делу вашего зятя Садыквоя, ака.

Улыбка в глазах старика потухла, густые брови намурились.

— Беда у нас большая, сынок,— глухо сказал старик.— Что поделаешь, сама выбирала... Старая песня каждый раз на новый лад поется. Свой ум молодому не вложишь. Садыквой слишком горячий джигит для таких смиренных мусульман, как мы. Говорили ей. Упрашивали... Не слушают молодые своих родителей. Да что теперь в задний след головой кивать. Сама свою судьбу выбрала.

«Что ты скажешь обо мне Шахисте?» — Убай с со-

чувствием смотрел на осунувшееся лицо старика, жалея его и робея перед ним.

— Я приехал по делу вашего зятя Садыквоя,— сказал Убай, прямо глядя на Маткабула.— Говорят, что раис защищает его... Почему? Почему молчат односельчане? Почему ваша дочь Хамида-апа уходит от откровенного разговора? Помогите мне во всем разобраться, Маткабул-ака!

Старик сидел, опутив голову, и не спешил с ответом. Наконец он ответил:

— Чего удивляться, сынок. Допустим, ваша газета проучит этого зарвавшегося джигита... Попадет он в тюрьму. А что дальше, позвольте вас спросить?

— Вас дети волнуют? — нетерпеливо вставил Убай.

— И о детях подумать не вредно, каждый пальцем укажет, что отец за решеткой... Но я не о внуках сейчас,— тихо произнес старик.— Ты, сынок, приехал и уехал. А нам в кишлаке жить. У Садыквоя здесь мать, отец, родня, друзья, близкие... Много жалельщиков найдется. Что сделано, того не вернешь, скажут. А человека погубили. О Хамиде плохо говорить станут. Кишлак не город. У нас свои законы, хоть и неписаные. Раис — что? Он сам их побаивается.

— Уютно, должно быть, живется насильникам в вашем кишлаке,— горячо выпалил Убай.

Дядя невесело взглянул на него и снова вздохнул.

— Не торопись, сынок. За советом пришел, имей терпение выслушать. Я сам не хочу, чтоб муж дочери в тюрьме оказался. Его позор на голову Хамиды падет. Кишлак не город... А раис, конечно, несправедливо поступает, ох как несправедливо! Всю вину задумал на дочь свалить!

Еле сдерживая гнев, Убай сказал:

— А вы, ака, еще оправдываете председателя?

— Не оправдываю, а просто вижу глубже тебя. У него с Садыквоем свои делишки завелись. Вот он и старается.— Старик разглядывал Убая, будто решая, продолжать ему дальше или не стоит.

— Прошу вас, я должен знать все.

— Видишь ли, у раиса есть младший брат, в женихах ходит. Ему дочь моя, Шахиста, приглянулась. Вот зять и обещал председателю все дело уладить. Пообещал, да,

видимо, рано. Шахиста-то упрямится. А чего, честно говоря, не знаю. Брат ранса — парень неплохой, в городе учится и не чета Садыквою — добр, даже слишком добр. А у нас все не слава богу, дочери городской приглянулся. Неизвестно тоже, какой еще. Мы его в глаза не видели. Может, проходимец какой. Собьет с пути младшую да бросит.

«Вот тебе и раз. Похоже, отец ничего не знает, — заерзал на одеяле Убай. — Я-то думал, старик хитрит, делает вид, что не догадывается...» И, совсем смутившись, вставил невпопад:

— Сейчас не прежние времена, чтоб насильно замуж выдавать.

— Что верно, то верно, — покачал головой старик. — Вот я жену-то свою увидел только в чимилдике¹. А как живем! Не то чтобы замахнуться на нее, пальцем не тронул. Можно сказать, на руках по жизни пронес. А нынче... Сегодня Лейли и Меджнун, а завтра — кошка с собакой!

Убай чувствовал, что надо как-то выходить из положения. Но язык не поворачивался начать разговор.

В дверях показалась Шахиста.

— Можно плов подавать, отец?

— Подавай, дочка, подавай, — ответил Дядя и, погладив бородку, обратился к Убаю:

— А как насчет мусалласа? Собственного изготовления! Что вы на это, молодой человек, скажете?

— Если за компанию — можно.

— За мной дело не станет. Я по мусалласу за свою жизнь план перевыполнил. Вино — пальчики оближешь. С прошлого урожая. Хорошего человека ждало.

Убай сначала сделал один глоток — вино было густым и пахучим, — затем выпил залпом. Зажмурился, прищелкнул языком.

— Действительно, отец, это напиток богов, — сказал он с искренним восхищением. — В нем солнце спрятало свои лучи, так ласкает и греет, а прохладная кровь земли успокаивает душу.

Дядя удовлетворенно крикнул и налил еще.

¹ Чимилдик — место за занавесом, куда вводили молодых в брачную ночь.

— Гляди ты, хоть и городской парень, а толк в вине понимает. Но с одной пиалы с аллахом не побеседуешь. Давай еще по одной пропустим, а потом уж и за плов взяться не грех!

Вино хмельным теплом разлилось по телу. Слегка развалившись, Убай краем глаза следил за Шахистой. Она поставила плов, исподлобья взглянула на Убая и опять скрылась в доме.

Все было хорошо: и вечер, и собеседник-старик, и дей-

ствительно отменный мусаллас, и плов, изготовленный руками Шахисты.

Но надо было начать настоящий разговор. Сватовство! Видит аллах, как это было сложно!

— Шахиста... ваша дочь... отличная хозяйка!

— На дочь не жалею. Она у меня редкий человек — и умом бог не обидел, и скромная... Пусть аллах пошлет ей хорошего жениха!

— Да сбудутся ваши слова, отец! — воскликнул Убай, наверно, излишне горячо — от смущения, от мусалласа, от распиравшей его любви к Шахисте, к старику, ко всему удивительному миру. — Отец... я хочу... Разрешите уж сразу! Вы говорили о городском парне, который вскружил голову вашей дочери?

— Ну?... — глаза старика блеснули и спрятались за густыми бровями.

— Вы тут много нелестных слов в его адрес сказали. Старик сощурился.

— А ты что ж, под защиту его берешь? Случаем, не дружок твой?

Убай набрал полную грудь воздуха, да так ничего и не сказал.

— Что, как конь после дальней дороги, дышишь?

— Так вот... может, тот парень и не очень хорош... — Убай вновь хватил ртом воздух. — Ваш мусаллас-шайтан в голову ударил!

— Этот шайтан в кувшине, сынок, одного делает глупцом, другого — героем, третьего — мудрецом. Глупец начинает хвалиться, герою хочется свою доблесть показать, а мудрец — тот предпочитает помолчать. Давай будем мудрецами, сынок.

— Молчу, отец, — послушно сказал Убай.

Старик разлил по пиалам кок-чай. На небе высыпали крупные звезды, воздух был прохладен и свеж, как ладони девушки. О чем-то своем говорила вода в ближнем арыке.

— Она у меня редкий человек! — повторил старик.

— Да, — эхом отозвался Убай.

— Отдыхай, сынок. Утро вечера мудренее. А мне еще на полив надо...

Старик захватил с собой блюдо с остатками плова, недопитый кувшин вина. Убай опрокинулся на спину, рас-

кинул руки. Небо качнулось и застыло. А базилик лил, лил на землю свой сладкий, хмельной запах.

— Вставай, соня, вставай, лежебока, как не стыдно столько спать!

Убай испуганно открыл глаза и тут же закрыл их, ослепленный яркими лучами солнца.

— Ну и сон у тебя, пушками не разбудишь! — смеялась Шахиста и теребила его и дергала за руку, боясь, что он снова заснет. — Вставай, в долине тебя ждет председатель!

— Какой председатель?

— А ты что, не знаешь?

— Ах да, брат твоего возлюбленного!

— Вот именно!

— Ты смотри у меня! — Убай быстро вскочил, умылся и направился к долине.

В долине оказался не председатель, а его шофер. Сам председатель дождался гостя в правлении, в своем кабинете. Увидев Убая, Турабджан поднялся ему навстречу.

— Кому хорошо живется в наше время, так это вашему брату журналисту! Даже в командировке спят до полудня! А тут встаешь с первыми петухами, работаешь, как вол, а все равно все шишки на тебя валяются!

— Что-то вы не похожи на человека, на которого валяются все шишки.

— Да на мне столько шишек, что их уже просто не видно!

Турабджан шутил, скрывая все растущую тревогу. Неспроста приехал к ним этот журналист, ох неспроста! И зачем он ввязался в эту историю с Садыквоём? Но, с другой стороны, как было и не ввязаться? На карте была репутация колхоза. Что бы сказали в райкоме, в обкоме, узнав об этом неприятном деле? Нет, такую историю нельзя было предавать огласке, это Турабджан понял сразу, только узнав о случившемся. Поэтому и поспешил договориться с участковым, взял Садыквою на поруки. А может, он действительно поторопился? Не зря против этого решения так восстал парторг, молодой парень, который раньше слова поперек не говорил. Даже грозился к прокурору ехать. А теперь этот журналист... Каким-то неуловимым чутьем Турабджан чувствовал, что Убай приехал по поводу именно этой истории. Пока молчит, не

торопится, карты не выкладывает. Ну что ж, и у Турабджана есть свой козырь: приехавший журналист оказался тем самым парнем, который отбил Шахисту у его младшего брата, его счастливым соперником. Так что, если сильно заартачится, можно и припугнуть — не своди личные счеты. И все-таки с ним надо держать ухо востро.

— Ну что ж, начнем со знакомства с кишлаком,— бодро сказал Турабджан.— Что хотите посмотреть сначала — поля или новостройки?

— Да я не знаю,— замаялся Убай.— Приехал-то я по другому делу.

— Если вы даже приехали, чтобы повесить вашего покорного слугу за ноги, все равно надо начать со знакомства с жизнью кишлака. А там — авось и передумаете! Ну, а потом — ведь писатель должен изучать жизнь, разве не так?

— Вам бы стать председателем Союза писателей,— рассмеялся Убай.

• Турабджан тоже усмехнулся.

— Я знаю, по какому делу вы приехали, ука. И все же я считаю, что вы сначала должны познакомиться с нашими делами, с нашими планами, узнать об успехах колхозов. Иначе ваша статья может стать необъективной. Нельзя знать только одну сторону жизни своих героев. Надо знать о них все.

— Здорово вы научились ограждать себя от критики! Ну что ж, поедем, посмотрим с разных сторон на вашу жизнь, чтобы не допустить необъективности.

— Вот это другой разговор, дорогой!

Вдоль широкой асфальтированной улицы, по которой они ехали, стояли новые четырехквартирные кирпичные дома. То и дело машина останавливалась. Турабджан с кем-то разговаривал, что-то проверял, что-то показывал Убаю. Чувствовалось, что эти новые дома приносят ему настоящую радость. Заходили они и в квартиры. Люди встречали их приветливо, предлагали чай, сладости, радостно суетились. Но раис в гостях не засиживался.

— Знаю вас, хотите отделаться пиалой чая. Ничего не выйдет! Вот зарежете барана, тогда и позовете,— отшучивался он.

Чем больше присматривался Убай к председателю, тем больше он ему нравился. И тем больше удивляло:

как мог такой милый, внимательный человек взять под защиту Садыквоя? Как мог обидеть Хамиду и ее отца? Неужели из-за Шахисты?

Только один человек не обрадовался, увидев председателя в своем дворе. Когда они вошли к нему, он лежал, свернувшись клубком на деревянном помосте посреди двора, и равнодушно смотрел перед собой. Столь же равнодушно посмотрел он и на председателя и, поглубже завернувшись в свой халат, перевернулся на другой бок.

— Ну что, куса, чем ты теперь недоволен? — спросил Турабджан. — Получил дом, лежишь, отлеживаешь себе бока и все бурчишь! Ну и дела!

— Я отработал тридцать лет и сам знаю, что делать — отлеживать себе бока или плясать под бубен!

— Да, уж ты заработался! Кто-нибудь есть дома? — Турабджан прошел во двор, а старик опять перевернулся на другой бок и внимательно посмотрел на Убая.

— Можно подумать, что дом построили на его деньги, — кивнул он в сторону председателя. — Извините, откуда будете?

— Да я приехал из города.

— В гости?

— Нет, из редакции газеты.

Не успел Убай окончить фразы, как куса ловко вскочил на ноги, сошел с помоста, вплотную приблизился к Убаю.

— Надо написать фельетон про этого выскочку, — горячо зашептал он. — Я не настаиваю, чтобы его сняли с поста председателя, но проучить его надо! Пусть научится разговаривать с людьми, пусть научится их ценить! Я тоже мог бы работать с ним, как и с прежним председателем, но унижаться, кланяться ему в ноги я не намерен! Напишите, напишите про него!

Увидев приближающегося председателя, куса проворно улегся на помосте и свернулся клубком. Взгляд его опять выражал полное равнодушие.

— Ты что, безбородый, опять взялся за свои кляузы? — Несмотря на столь ловкое притворство кусы, Турабджан сразу оценил обстановку. — Все равно тебе никто не поверит! Прошли твои времена!

— Мои прошли, но и твои не вечны! Вообразил себя исторической личностью! Проходит слава и не у таких,

как ты, у настоящих властелинов мира. А твоей славы хватает, только чтобы кружить тебе голову!

— Ты неисправим, куса! — Турабджан махнул рукой и вышел на улицу.

— Этот старик был когда-то правой рукой прежнего председателя. Никак не может мне простить, что не оставил его при себе. Вот и сидит теперь на пенсии и поливает всех грязью. Не хочет видеть наших успехов, во всем ищет одни недостатки.

Заметив ироническую усмешку на лице Убая, Турабджан побледнел.

— Зря смеетесь! — сказал он резко. — Конечно, в нашей работе много недостатков. Очень много. Но, как говорится, за мечту не корят, и я верю, что кто-нибудь да скажет спасибо!

Убаю стало неловко. Действительно, он увидел много хорошего, а до сих пор не сказал председателю ни одного одобрительного слова.

— Прошу прощения, я не хотел вас обидеть. Просто не успел сказать: дома просто замечательные. И, я слышал, построен еще какой-то грандиозный дворец. Вас действительно можно поздравить с успехом. Но у меня к вам дело...

— Сейчас мы перейдем к этому делу. — Турабджан обиженно поднял голову. — Можете быть спокойны, дорогой. Садыквой никуда не убежит, я сам приведу его к вам. Но сначала я бы хотел поговорить с вами.

— Пожалуйста.

— Ну и отлично. — Турабджан откинулся на спинку сиденья, коротко бросил шоферу: — Домой!

В просторной комнате, куда председатель пригласил Убая, было сумрачно и прохладно. Убай уселся в предложенное кресло, с удовольствием вытянув ноги, огляделся. Политый водой пол, опущенные шторы, бесшумно работающий вентилятор — какая благодать среди этой изнуряющей жары! Турабджан достал из ниши бутылку коньяку, придвинул поднос с фруктами. Казалось, он в чем-то сомневался, во всяком случае, не торопился начинать разговор. Так и есть. Вот он встал, подошел к окну. Открыл его. Из сада вдруг донеслись какие-то пьяные выкрики, чей-то спор. Турабджан поморщился, закрыл окно, включил свет.

— Может, выпьем по рюмке?

— Не знаю. Вы же сказали, что разговор серьезный...

— Да, разговор серьезный.— Турабджан заложил руки за спину и остановился перед Убаем.

— Вы взялись за очень тонкое дело, ука. Поэтому я и хочу спросить вас об одной вещи, которая на первый взгляд не имеет к делу никакого отношения. Но это только на первый взгляд. Поэтому не удивляйтесь. Вы действительно любите Шахисту?

— Станный вопрос.

— А что здесь странного? Вопрос очень важный. Вы, наверное, знаете моего брата. Он, может, и растяпа, и несовременный парень, но зато я знаю наверняка, что он был бы хорошим, верным мужем Шахисте на всю жизнь.

Убай пожал плечами:

— Что я могу сказать? Тут все решает сама Шахиста.

— Нет, дело не в Шахисте, все зависит от вас!

— Это почему же?

— Вы представляетесь наивным, дорогой! Шахиста — простая кишлачная девушка. А вы — журналист, писатель с прекрасным будущим.

— Что-то уж больно высоко вы меня возносите. Писатель, прекрасное будущее...

— Ничего, я еще спущу вас на землю,— перебил Турабджан.— А может, вы, человек избалованный, столичный, просто кружите ей голову, а потом бросите, как надоевшую игрушку?

— Какие у вас основания так говорить?

— А самые простые. Ведь это видно! Шахисту трудно узнать. Она отрезала свои чудесные косы, вырядилась так, будто она иностранная киноактриса, а не девушка из кишлака. Неужели парень, который действительно любит свою девушку и хочет на ней жениться, может посоветовать ей такое?

— Послушайте, раис-ака...— Обвинения председателя были так нелепы, что Убай не сразу нашелся, что ответить.— Неужели дело в прическе и одежде?

— Да, и в прическе, и в одежде!

— А я, когда утром увидел вас, подумал: «Вот это современный председатель!» Теперь я вижу, что ошибся.

— Вот так! Один-ноль в вашу пользу!

Турабджан расхохотался. Но тут же посерьезнел и, передвинув стул на середину комнаты, тяжело опустился на него.

— Нет, дело совсем не такое простое, как вы говорите. Вот вы сказали: «современный председатель». А что это вообще такое — современный человек? Объясните мне, вы ведь литератор, умный человек! У нас существуют старые обычаи, традиции, которые вошли в нашу плоть и кровь с молоком матери. Как быть с ними? Отбросить и смеяться над ними или придерживаться их? Нет, погодите, я знаю, что вы сейчас скажете: хорошее надо взять, а плохое отбросить. Но это просто сказать, а в жизни получается иначе. Мы тут как раз недавно спорили об этом с Акрамджаном. Может быть, я был в чем-то неправ, слишком держался за старое. Может, и так. Но вот через несколько дней к нам нагрянули эти киношники, и среди них — кто бы вы думали? — Саярахон, собственной персоной! Новоиспеченная кинозвезда! Нет, я был тысячу раз прав, когда говорил Акрамджану: он слишком разбаловал свою жену, слишком «современно» подошел к семейной жизни. И вот результат!

— Ну, вы тоже явно перегнули палку. Не такой уж он ангел, каким вы его рисуете, — улыбнулся Убай.

— Вам, конечно, смешно! Я уже не говорю об остальных киношниках. Вы посмотрите на них! Девушки ходят в брюках, а парни в этих... как они называются?

— Шорты? — подсказал Убай.

— Ну да, словом, в трусиках. Обнимаются, целуются при всем народе. На стариков — ноль внимания. Куда это все приведет?

— Мне вспомнился один случай, раис-ака. Едут в трамвае двое стариков и спорят. Одному из них лет восемьдесят, другой помоложе, лет пятидесяти. Восемьдесятiletний качает головой, говорит: «У современных девушек совсем не осталось стыда. Тьфу, смотреть стыдно! Носят платья выше колен. Тьфу, тьфу!» А тот, который помоложе, отвечает: «Вам уже перевалило за восемьдесят. Чем смотреть на колени девушек, не лучше ли перебирать четки и думать о боге, таксыр?» Конечно, это шутка, но зачем же все смешивать в одну кучу? Безусловно, есть незрелые юнцы, и, возможно, они совершают недостойные поступки. Но неужели из-за них мы будем цеп-

латься за отжившие обычаи, будем позволять унижать женщину? И, по-моему, пора вернуться к нашему разговору.

— Да...— Турабджан задумчиво потер лоб.— Не думайте, ука, что этими рассуждениями я хочу выгородить себя. Просто вопрос этот очень сложный. Давайте вернемся к нашему разговору. Почему я решил взять Садыквою на поруки? Прямо скажу: не хотел выносить сор из избы. Но почему? Личных интересов у меня здесь нет. Просто хотел оградить честь семьи, детей, всего колхоза, наконец!

— При чем тут колхоз?

— Как при чем? Наш колхоз выходит на одно из самых первых мест в районе, и такой случай мог бы очень повредить нам.

— Вот оно что!

— Да, а что? Хотите сказать, что уличили меня? Так я, как видите, и не очень скрывал. Поработаете с мое, поймете, что я прав. А что касается поступка Садыквою, мне его тоже судить трудно. Вы знаете, из-за чего произошла их ссора? Если Хамида такая хорошая, такая порядочная, то зачем ей понадобилось встречаться с прежним возлюбленным, да еще в укромном месте? Ведь она уж не так молода, ей за тридцать, и у нее дети, семья. Зачем было ворошить прошлое!

— Вы говорите о ее встрече с Акрамом-ака?

— Да, я говорю об этой встрече! — Турабджан перебил Убая, заметив, что тот собирается возразить ему.— Пусть даже она и не имела в виду ничего такого. Пусть просила о встрече только для того, чтобы пожаловаться на меня. Но тогда зачем было назначать свидание вечером, таясь от людей? Почему нельзя было просто прийти в правление и сказать всю правду?

— Но ведь за эту самую правду вы сами уволили ее с работы, разве не так? Зачем ей было идти в правление? А встретиться с Акрамом-ака на людях — потом света невзвидишь от Садыквою!

— Ну знаете, опять я виноват! Ну, хорошо, пусть все будет так, но скажите мне откровенно: что бы вы сказали, если бы узнали, что ваша девушка встречалась тайно от всех, в укромном уголке с человеком, которого она раньше любила?

Убай развел руками:

— Не знаю...

— И на том спасибо. А я думал, что вы скажете: «Был бы очень рад!» В конце концов, у Садыквоя тоже тубетейка на голове, он тоже мужчина! Разве он виноват, что любит и ревнует свою жену?

— Ничего себе любовь! Поднять руку на слабую женщину! И не просто руку — нож! Потом, разве это будет честно, если для того, чтобы колхоз вышел на первое место в районе, вы замнете всю историю и виновата во всем окажется одна Хамидахон? Да это просто невозможно!

— Ну, ладно,— Турабджан неожиданно встал, взял со стола тубетейку.— Я сказал все, что думал. Сказал откровенно, а там — решайте, как знаете! Садыквоя мы накажем и сами, с Хамидой они между собой разберутся, а остальное решайте вы. Все!

Кивнув Убаю, он направился к дверям, но в это время из сада опять послышались пьяные голоса. Чей-то робкий, неуверенный тенорок затянул песню.

— Вот дураки! — Турабджан остановился, потом пинком ноги открыл дверь.

Посреди двора, у водоема, стоял, покачиваясь, Мурадджан и с ним еще двое парней. Раскачиваясь, как молодые деревца на ветру, еле шевеля языками, они пели. Увидев на пороге Убая, один из парней рванулся вперед:

— Вот он, знаменитый поэт! Сбил с пути Шахисту и еще смеет расхаживать по нашему кишлаку!

Мурадджан беспомощно затряс головой:

— Эх, Шахиста, Шахиста!

Еле сдерживаясь, Турабджан шагнул к парням, схватил брата за ворот:

— Эх ты, глупец, размазня! Где твоя мужская гордость? Не слышал: насильно мил не будешь!

— Оставьте меня, акаджан! — простонал Мурадджан, пьяно мотая головой.— Что вы понимаете в любви?

— Надо быть мужчиной. Вот что я понимаю! — Турабджан неожиданно поднял брата на руки и понес в дом.

Прятели Мурадджана растерянно переглянулись и пошли к воротам.

Турабджан догнал Убая на улице. Открыл дверь машины, нервно закурил.

— Палван! Ты пойди домой, а? — устало обратился он к шоферу.— Жены дома нет, посиди с Мурадджаном. Как бы он чего с собой не сделал! Ума-то как у малого ребенка!

Турабджан, нервничая, давил на газ, резко крутил руль.

— Может, вы и правы,— сказал он наконец, когда машина вышла на большак.— Нашел бы себе девушку, женился... А то ходит, хнычет, ждет, когда брат уговорит родителей отдать дочь за него! А что может сейчас брат, будь он хоть трижды раис!

Краешком глаза Убай незаметно следил за Турабджаном. Следил и невольно улыбался. «А все-таки он неплохой человек, этот раис!»

Проехав по сморенной жарой, пыльной улице, машина выскочила к долине и, минуя густые сады, свернула к зеленеющим полям хлопка. С гребня холма хлопковое поле, разделенное тутовником на квадраты, и полевой стан, видневшийся вдаль,— все казалось миниатюрным, похожим на декорации, но с каждым километром пути они становились реальнее, четче, приобретали свои действительные размеры. Черные жучки, ползавшие по грядкам, оказались тракторами, а спичечный коробок превратился в небольшой дом. Вскоре Убай смог разглядеть и женщин, трудившихся на поле.

Сидевший за рулем Турабджан чему-то про себя усмехнулся и круто повернул машину к полевому стану. Первым их встретил Маткабул-ака. Неизменный кетмень за плечами, брюки засучены выше колен.

— Чему обязаны посещением таких высоких гостей? — спросил он с едва заметной иронией.— К нам, к девушкам, редко джигиты заглядывают. Сыро тут, да кетмени тяжелые. Чего доброго, еще работать можем заставить! — Старик озорно подмигнул девушкам-кетменщицам.

— Просто боимся, как бы грозный владыка гарема не

разгневался,— легко включился в игру председатель.— Смотрите, как вы тут расцвели, уважаемый Маткабул. Вас прямо не узнать.

— И то верно. Надо же как-то положение спасти. Теперь молодые джигиты бензином пропахли. Не только к девушкам — к скакунам редко подходят.

— Сдаюсь, отец, на обе лопатки положил,— Турабджан со смехом поднял руки.— Нам с вами, стариками,

тягаться трудно.— И тут же, меняя тон на деловой, спросил: — Бригадир был сегодня здесь?

— Был, да весь вышел,— нехотя ответил Дядя.— Пришел милиционер и увел вашего бригадира. В кишлачном Совете ищите.— Маткабул явно не хотел называть зятя по имени.

— Гм...— Турабджан озадаченно почесал за ухом.— Увели, говорите. Ну что ж, и туда сейчас заглянем.— Быстро повернувшись, председатель пошел к машине.

— На несколько слов, раис, задержать хочу вас.— Старик шагнул вперед и стал на пути у Турабджана.— Хочешь не хочешь, и я к этому отношению имею. Неплохо бы и мое слово вам услышать,— сказал он мягко, но настойчиво.— Как говорится, горбатого могила исправит. Не по мне это, чтоб зятя в тюрьму сажали. Дочке от этого легче не станет.

Неожиданно Турабджан вспыхнул:

— Это вы своей дочке скажите, а не мне!

Голос старика дрогнул:

— Без малого сорок лет провел с кетменем я на этих полях. Из уважения к моей старости, к моему труду тебе бы не худо повнимательнее прислушаться к моим словам, сынок.— Маткабул незаметно перешел на «ты».— Несправедлив ты к моей дочери. Видит аллах, несправедлив! — почти выкрикнул он на высокой ноте.

Турабджан молчал. Только было видно, как на скулах играли желваки. Наконец он овладел собой. Опустив голову, отрывисто бросил:

— Простите, отец! — Не глядя на Убая, кивнул: — Поехали!

У входа в кишлачный Совет их встретил пожилой мужчина в форме лейтенанта милиции. Еле сдерживаясь, Турабджан язвительно заметил:

— Как видно, мое слово для тебя ровным счетом ничего не значит. У нас же был уговор насчет Садыквоя. Или я уже не могу никого взять на поруки?

Лейтенант густо покраснел.

— Ничего не поделаешь. Закон есть закон, председатель.

— Ладно, не оправдывайся,— примирительно сказал Тураб.— Повидаться хоть с арестованным дашь? Какие твой закон на этот случай указания дает?

Лейтенант облегченно вздохнул.

— Другим бы не разрешил, а уж вам как председателю уважение оказать можно.

— И на том спасибо.— Турабджан, не дослушав, толкнул ногой дверь.

Убай вошел следом и остановился на пороге. В маленькой полутемной комнатке было прохладно и свежо. Глиняный пол был тщательно полит и выметен. Убай сощурился, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте.

— Я думал, ты горюешь. А он, гляди, как устроился. Чисто, прохладно, как в раю. Лежит себе да в потолок поплеывает! А ну-ка, встань, поздоровайся с человеком! Как-никак специально, чтоб на нас с тобой поглядеть, из Ташкента прикатил. Прославил ты нас, ничего не скажешь!

В дальнем углу комнаты скрипнула кровать, и Убай наконец увидел Садыквою. Он сидел, лениво опершись руками о матрац, недобро поглядывая в их сторону.

— Разрешите оставить вас наедине,— церемонно сказал председатель.— Мне в поле пора, дел по горло. Вы уж сами тут решайте, фельетон ли писать, или как по-другому сговоритесь. Ты, Садыквой, очень уж не трясись. Хоть он и газетчик, а скоро свояками будете. По всему видать, к тому дело идет. Не смею больше мешать.— Турабджан усмехнулся и быстро вышел.

Мельком взглянув на журналиста, Садыквой отвернулся. Убай с нескрываемым интересом рассматривал этого человека. Он представлял его себе совсем не таким. Смуглый, почти черный, он был скорее похож на цыгана, чем на узбека. Чернобровый, черноглазый, нос с горбинкой, весь какой-то ладный, статный, по-своему красивый, Садыквой сидел, плотно сжав губы, уставившись в одну точку, всем своим видом давая понять, что незванный посетитель пришелся ему не по вкусу.

Осторожно, на ощупь Убай попытался завязать разговор.

— Давайте познакомимся. Я действительно работаю в газете. Меня зовут Убай... Председатель, конечно, шутил, когда говорил о фельетоне. Я приехал, чтобы разобраться, на месте разобраться во всем случившемся. Попробовать понять, что побудило вас совершить этот ужасный поступок.

Убай говорил медленно, с трудом подбирая слова. Но Садыквой был совершенно безучастен к разговору.

— Я уже разговаривал с вашим раисом... был в больнице...— Садыквой на это лишь недобро повел черным глазом.— Теперь я бы хотел услышать вас. Словом, мне надо выяснить правду.

При слове «правда» Садыквой неожиданно заговорил:

— Пусть мои слова вас не обидят, но правды вам не понять.

— Почему же?

— Потому что у правды сто лиц. Для вас, городских, любить — все равно что семечки щелкать. Сегодня с одной, завтра с другой,— говорил Садыквой, все больше ожесточаясь.— А для меня это мука! — Он стиснул зубы.— Вся моя вина в том, что я любил свою жену и отомстил за свою честь!

— Ножом?

— Да, но-жом! Вам этого не понять! — Глаза его сверкнули ненавистью.— Лучше бы этот нож я вонзил себе в грудь!

— «Вся моя вина в том, что я любил свою жену»,— повторил Убай с неожиданным для себя состраданием к Садыквою. В этих словах он весь, с его пониманием любви, жизни, чести. Он так ничего и не понял. Бедняга! Любовь — и нож! Слышал ли он когда-нибудь, что со словом «любовь» должны жить другие слова — «нежность», «уважение», «ответственность»? Убай видел, что этот человек мучается. И все-таки решительно отказывался понять и тем более оправдать его.

— Да, нам, видно, трудно договориться,— наконец со вздохом сказал он.— Что бы вы ни говорили, принять вашу сторону невозможно. Вы все еще пытаетесь оправдаться в своих глазах, ищите несуществующие улики. По моему, напрасно.

— А письмо, которое я нашел у нее! Письмо от любовника! Это тоже «несуществующая улика»?

— Я бы хотел взглянуть на него.

Садыквой вновь потерял интерес к разговору, устало махнул рукой.

— Ни к чему все это! Все равно вы скажете, что в письме нет ничего особенного.

— А если в нем действительно нет ничего особенного?

— Давайте кончать! Я с самого начала говорил, что мы не поймем друг друга. Я не трусливого десятка. И если бы не дети, то, поверьте мне, знал бы, что с собой делать!

В эту минуту в дверях показался лейтенант.

— Товарищ корреспондент, вас там вызывают к телефону.

Убай с облегчением выскочил из комнаты.

Он сразу узнал говорившего.

— Акрам-ака, неужели это вы! Даже не верится!

— Я, я,— услышал он в трубке спокойный, чуть глуховатый голос Акрама-ака.— Мы приехали с Зафаром. Как тут ваши дела?

— Мы с вами должны увидаться. Немедленно. Откуда вы говорите?

— Мы в правлении колхоза. Турабджан вам там на глаза не попадался? Если по дороге наскочите на него, скажите о нашем приезде.

— Будет сделано,— с облегчением сказал Убай и добавил: — Как хорошо, что вы приехали. Вы даже не представляете, как хорошо!

● ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Через несколько дней после того, как Акрам отправил письмо на имя министра, в его кабинете раздался телефонный звонок. Его просили срочно зайти в управление кадрами министерства. Там его встретила худощавая, энергичная женщина. В углу ее тесного, загроможденного столами и стульями кабинета сидел молодой, хмурого вида человек. Акрам узнал его — это был доцент архитектурного факультета политехнического института. Женщина официально представила мужчин друг другу и тут же пододвинула Акраму папку в красном переплете. Там было лишь два документа — заявление Зафара и письмо Акрама на имя министра. В углу письма жирным красным карандашом стояло размашистое: «Комиссия...»

Начальник управления кадрами долго и изучающе рассматривала Акрама и вдруг, улыбнувшись, сказала:

— Вот вы какой. Давно у нас не было таких писем. Акрам поморщился.

— Видите ли, я и сам не любитель подобного жанра. Но в институте создалась такая атмосфера, что волей-неволей пришлось взяться за перо.

— Вы меня не так поняли,— перебила женщина.— На Султана Касымовича и раньше были жалобы. Я сейчас имела в виду другое. Редко кто в наше время по собственному желанию отказывается от столь высокого поста.

Акрам смущенно потер лоб.

— Дело не во мне. Тут надо разобраться в принципе. Институт лихорадит уже не первый год. Что ж, может быть, комиссия сдвинет что-нибудь с мертвой точки. Будем ждать. Только у меня к вам одна просьба: мне надо на несколько дней выехать в кишлак.

— Пусть решает председатель комиссии,— женщина кивнула на молчаливого доцента.

Не глядя на Акрама, тот сказал неожиданно сухим и официальным тоном:

— Работу начинаем завтра же, и присутствие автора письма считаю необходимым.

— Давайте начнем работу, а уж потом видно будет,— примирительно сказала женщина.— Если будет такая необходимость — поедете. Только и у меня к вам просьба. Пусть до поры до времени наш разговор останется между нами. Не надо, чтоб в институте знали о решении министра... Для пользы дела. А то как бы разные кривотолки не начались.

Акрам молча кивнул и поспешил откланяться. Последние слова начальника управления кадрами пришлось ему явно не по вкусу. Он решил, не откладывая, поговорить с Султаном.

В коридоре института, у дверей директорского кабинета, Акрам столкнулся с одним из сотрудников. Этого немолодого человека, отца семейства, сохранившего юношеские замашки, все ласково называли Камилджан, но редко кто помнил его фамилию. Он постоянно находился в суете и хлопотах: собирал деньги кому-то на день рождения, организовывал передачу в больницу, за кого-то вено ходатайствовал, доставал путевки и, конечно, все институтские новости узнавал первым. Увидев Акрама, он не бросился со всех ног к нему навстречу, как это де-

лал прежде, а вдруг с поскучевшим лицом загляделся на кого-то и прошел мимо. Акрам понял: решение министра в институте известно всем — от директора до уборщицы, Султан изволит гневаться, и все верят, что и на этот раз он выйдет из воды сухим.

Акрам решительно вошел в директорский кабинет.

Гладко выбритое, круглое лицо Султана было бледно, щеки чуть отвисли. Он сидел, нервно постукивая по столу позолоченной авторучкой. На приветствие Акрама дернул головой, будто его свело судорогой, потом рывком поднялся с кресла, подошел к окну и долго молча смотрел на улицу. Наконец овладев собой, обернулся к Акраму и, скрестив на груди руки, сказал с глухой обидой в голосе:

— Вот от кого не ожидал, так это от тебя! Выходи, верно говорит пословица, что не враг, а друг набьет твою шкуру соломой!

Акрам терпеливо переждал, пока директор выскажется.

— Я знаю и другую пословицу: друг бранит, а недруг льстит.

— Это ты брось. Друг бранит прямо в глаза, а не пишет заушательские письма на имя министра!

Акрам холодно пожал плечами:

— А разве это наш первый разговор? И жаль, что ты так все понял.

— А как прикажете еще понимать? — вновь взорвался Султан. — Думаешь, я так наивен, что не понимаю, что кроется за этой возней? Ну что ж! — В голосе его звучало нескрываемое злорадство. — Поживем — увидим, не окажешься ли ты лишним на чужом празднике! Боюсь, как бы твой гений Зафар не оставил тебя с носом!

Акрам весь сжался и вобрал голову в плечи. Ему было неловко за директора.

На какую-то долю секунды ему захотелось повторить все, что он говорил Султану прежде. Без дипломатии, резко и прямо. Но в следующее мгновение он понял: это все равно что говорить с глухим. Султан как всегда перевернет все с ног на голову.

Акрам устало махнул рукой и спросил:

— Я свободен?

Задохнувшись от злости, Султан жестом указал на дверь.

Уходя, Акрам оглянулся. Директор стоял посередине кабинета, скрестив руки на груди, в позе оскорбленной добродетели. Таким он его и запомнил — надутым, обиженным и... жалким.

На следующий день в институт явилась комиссия из двенадцати человек. Никто не ожидал такой оперативности со стороны министерства, такого внушительного отклика.

— Не человека послали, не двух! — шептались во всех углах.

— Смотрите, какая сила! Ох, неспроста!

А физиономия председателя комиссии, надменно сухого, молчаливого доцента из политехнического института, никак не обнадеживала.

Улучив момент, в коридоре навстречу Акраму кинулся Камилджан, улыбающийся, счастливый.

— Акрам-ака! Наш институт давно не знал такого поступка! Невероятно! Только в старину в нашем народе были такие подвижники. Как жаль, что вы раньше не посоветовались со мной. Камилджан все знает, да не каждому скажет. Ведь если с другой стороны заглянуть, совсем незавидная картина получается.

Камилджан так искренне и преданно глядел в глаза Акраму, что не было сил оборвать его или резко отодвинуть, пройти мимо. Акраму стало тяжело в стенах института. Стараясь ни с кем не встречаться, он поспешил уйти.

Оказывается, у Султана не так уж много друзей. Как легко все отшатнулись от него, не говоря уж о таких, как Камилджан. Значит, только страх заставлял людей молчать. И если б не Зафар, вынудивший Акрама выступить, Султан до сих пор варил бы безнаказанно свое дурно пахнущее варево и никто не снял бы с казана крышку. Немного отдышавшись, Акрам вновь повернул к институту. Там он отыскал председателя комиссии и положил перед ним телеграмму Убая.

— Как хотите, а мне нужно ехать.

Доцент долго вчитывался в текст, хмурился, вздыхал и наконец неожиданно сказал:

— Хорошо. Я поговорю. Сделаю все, чтоб вы поехали. Сейчас. С вами мы всегда успеем встретиться.

Дома, когда Акрам уже складывал вещи, позвонил Зафар.

— Слышал, ты едешь к себе. Не прихватишь ли с собой еще одного пассажира?

Он с минуту помолчал и добавил:

— От Нилуфар получил письмо...

Автобус мчал по шоссе, и горячий ветерок врвался внутрь. Время от времени Акрам косился на Зафара. Вот как, оказывается, теперь все просто. Нет, он, Акрам, так не умеет. На месте Зафара он бы сейчас корчился от боли, и, пожалуй, каждый встречный мог бы легко прочесть, что творится у него в душе. А Зафар бесстрастным тоном сообщил, что Нилуфар написала в своем письме ни больше ни меньше как «наши характеры и интересы не сошлись, мы должны расстаться». И Зафар спокоен. Даже способен еще иронизировать.

— Раньше мужчины бросали жен, сейчас этим занимаются невесты. Успехи эмансипации.

Акрам был озадачен. Вновь и вновь он поглядывал на спокойное лицо Зафара. «Должно быть, вот он — настоящий герой нашего времени», — решил Акрам для себя и усмехнулся.

Турабджан, увидев Акрама с Зафаром, начал с места в карьер:

— Ну и влип же я в историю по милости твоей первой любви! Сначала ты схватил меня за горло. Потом твоя жена читала мне тут душеспасительные проповеди! Мало! Прислали корреспондента из газеты... А теперь, вижу, привезли еще одного на подмогу. Ничего не скажешь, дружно взялись. Обложили, как волка, со всех сторон. Сдаюсь без боя. Уж не из Верховного ли Суда будете? — спросил Турабджан, обращаясь к Зафару.

— Бери выше! — подзадоривал Акрам. — Из Союзной прокуратуры товарищ.

— Бедная моя голова! — полушутя-полусерьезно стал причитать Тураб. — Оставишь меня в покое, если председательское кресло добровольно отдам твоей Хамидахон?

— Смотри, каким покладистым стал. Ладно — кресло! Хорошо бы хоть сам немного образумился.

— Это кому же из нас следует образумиться? — возмутился Турабджан. — Будьте беспристрастным свидетелем, уважаемый гость! Сам кашу заварил, а нам — расхлебывать... И мы еще виноваты! Как вам нравится?

Турабджан был явно в ударе. Он так разошелся, что его трудно было остановить, особенно когда он узнал, что Зафар архитектор и приехал не по делу Садыквоя, а просто захотел на месте познакомиться с генпланом кишлака.

Неожиданно он предложил:

— Вот что: отдаю вам в полное распоряжение машину, — катайтесь, смотрите, что вашей душе угодно. А то потом скажете, что Турабджан вам только центральную улицу показал. А я закончу свои дела и вечером загляну к Акрамджану. Там и поговорим обо всем.

Прощаясь, он не утерпел, извинившись, отозвал Акрама в сторону и с укоризной зашептал:

— Как же ты такую чудесную женщину из рук выпустил? Ведь ей цены нет!

— Брось эти разговоры! — оборвал Акрам.

— Шутись. Так просто от меня не отделаешься. Ишь как заговорил — брось! Поделом тебе досталось. А то совсем от рук отбился. Молодчина, Саярахон! Хватит, раньше ты учил меня уму-разуму, а теперь, видно, пришла моя пора. Скажи Нартаджи, пусть индюка зарежет да где-нибудь найдет пару бутылочек армянского — в гости загляну. — Не дав Акраму опомниться, он помахал рукой и ушел.

Наступил вечер, дразнящий аромат плова плыл над домом, но Турабджан не появлялся. Зафар, еще днем договорившийся встретиться с Нилуфар, пошел к ней и пока не вернулся. И Акрам, вконец измаявшись от своих

невеселых дум, тоже решил выйти из дому, немного размяться и отдохнуть.

У выхода его остановил Нартаджи.

— Я бы хотел поговорить с вами, брат, — сказал он с неожиданной твердостью и, посмотрев на жену, которая в это время вошла с самоваром, добавил: — Пойди присмотри за детьми. И скажи матери, что я прошу ее зайти к нам.

Акрам молча вернулся и нехотя опустил на сури. Меньше всего ему сейчас хотелось начинать этот разговор. Но он понимал, что это неизбежно, и смирился. К тому же втайне он надеялся хоть что-нибудь услышать о Саяре.

В комнату тихо вошла мать, села на самый краешек сури, ласково и печально посмотрела на Акрама. В ее глазах он все время читал немой укор: «Что же ты натворил, сынок?» Но пока он не услышал от нее ни слова упрека. Только утром, едва он переступил порог дома, она не удержалась и заплакала.

Вид Нартаджи был торжествен и суров. Вероятно, он долго готовился к своей обвинительной речи, долго примеривался, устраивался и, наконец, начал:

— Я позвал вас, мама, так сказать, на семейный совет. — Он откашлялся, почувствовав смущение. — Трудно, конечно, младшему брату выступать в такой роли, но, как говорят, стыд сильнее смерти. Нам надо решать, как жить дальше. — Нартаджи многозначительно посмотрел на Акрама.

«Нам надо решать, как жить дальше», — машинально про себя повторил Акрам. — Какая нелепая фраза. Почему ему обязательно надо решать, как мне жить дальше?»

— То, что случилось, ложится позором на весь наш род. — Брат чувствовал себя все увереннее. — Мы оказались посрамленными перед всем кишлаком. До чего мы дожили! Нельзя выйти на улицу. За нашими спинами шушукаются, на нас указывают пальцами. Вы хотели жить по-своему — ваше дело! Оторвались от своей родни, стали у нас редким, дорогим гостем, — Нартаджи церемонно поклонился Акраму. — Но все-таки нельзя забывать, что здесь могилы наших предков и мы должны с уважением относиться к их законам!

«Был ли этот человек когда-нибудь молодым? — с удивлением вслушиваясь в его слова, думал Акрам. — Ему в пору быть служителем культа. Жил ли он когда-нибудь полной жизнью, любил ли? И этот набор громких фраз...» Раньше его забавляла, даже порой нравилась степенность младшего брата, его рассудительная, размеренная речь. Сейчас он словно увидел его впервые: высокий, чуть сутулый, в глазах фанатичный блеск, опущенные уголки рта, дряблые щеки — на всем печать преждевременной старости.

Рядом тяжело вздохнула мать. До Акрама вновь стал доходить смысл слов Нартаджи.

— В нашем роду никогда не было неверных жен. Неужели вы не могли не доводить до позора, первым расстаться с ней?

Акрам нервно застучал пальцами по колену. С каждой новой фразой в нем росло раздражение против брата.

— Женщина должна знать свое место в доме, слишком много воли дали вы своей жене — и вот что из этого получилось! — не унимался Нартаджи.

«Должно быть, у этого миротворца тяжелая рука. Дай ему волю — он может искалечить другим жизнь. И эта непоколимая уверенность в своей правоте! Воистину невежество и глупость всегда живут рядом».

Акрам понимал, что сейчас происходит непоправимое — он навсегда теряет брата,

— Раз вы сами не можете как следует проучить свою жену, разрешите вмешаться мне.

Акрам всем телом рванулся вперед и тут же почувствовал легкую руку матери на своем плече.

— Уж больно ты много тут наговорил, — сказала она сердито. — Без беды и муха не летает. В семейной жизни всякое бывает. Жена с мужем побранится да стихнет, прежде чем кисейный платок на ветру высохнет! А ты, сынок, смотри-ка, какую уж стену высокую построил!

— Оставьте ваши присказки, мама! — оборвал Нартаджи. — Вечно вы стараетесь всех выгородить. И вот вам результат.

— Не горячись! Не судьи мы им, а только погоревать над их бедой да раздором можем... Вдруг и ты, Акрам-

джан, в чем виноват... Давай подумаем вместе... Я разговаривала с ней. Видела, как ей трудно, бедняжке! Что смотришь, сынок? Ходила к ней в больницу. Навещала ее.

Акрам с жадностью ловил каждое слово матери, но Нартаджи вновь нетерпеливо перебил Махиру-хола:

— Не о том вы толкуете, мать, не о том! Сразу видно, что образование не пошло ей впрок. Вы мне скажите, чего ей еще не хватало? Дом — полная чаша. Белоручка! Жизни веселой ей захотелось! В корень смотреть надб. Я так считаю: если б она была порядочной женщиной, она бы не бросила мужа и не связалась с этими киношниками. Знаем мы, для чего становятся артистками!

— Помолчи, сынок! — крикнула Махира-хола, но было уже поздно.

Мелкая дрожь, родившаяся где-то внутри, охватила Акрама с ног до головы.

— Не слишком ли долго ты испытываешь мое терпение! Хватит! Знай меру! Будь ты мне отцом родным, я и тогда не позволил бы тебе разговаривать со мной подобным тоном!

— Я забочусь о нашей чести!

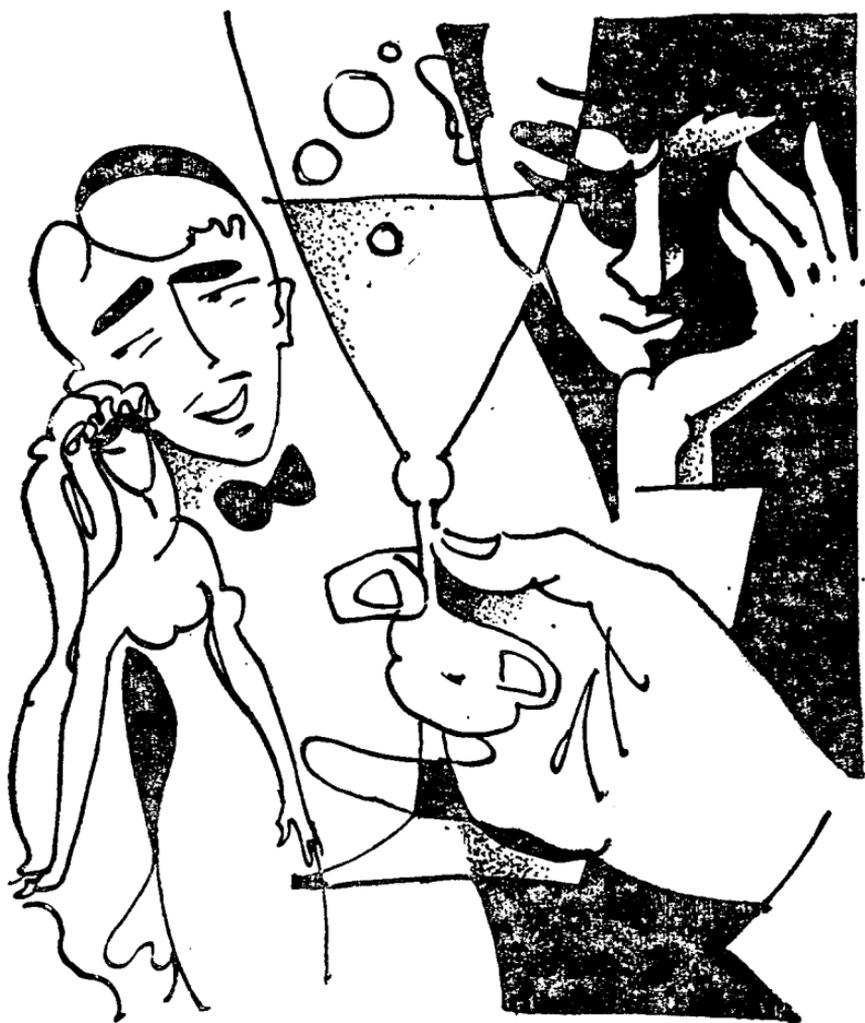
— Оставь в покое наш род и нашу честь! Кто дал право тебе, молодому парню, говорить от лица рода? Если ты так хорошо знаешь все обычаи и порядки, то знай свое место младшего. Чем читать мне мораль, лучше подумай о своей семье. Посмотри, в кого ты превратил жену! Даже рабыня не бывает до такой степени измучена и бесправна!

— На ее плечи легло все хозяйство, оставленное нам от отца и деда, — с глухой обидой выдавил Нартаджи. — Что стало бы с нашим домом, с матерью, если б я тоже захотел стать образованным?

Это была любимая песня Нартаджи, и Акрам понял, что сгоряча попал в свою же ловушку.

— За меня не беспокойся, сынок. Я уж как-нибудь доживу свой век. Зря ты на Акрама нападаешь. Без его помощи нам бы трудно пришлось. Он прав, подумай лучше о детях, о своей жене. Без любви да тепла любой цветок засохнуть может!

— Вот вы как заговорили!

Нартаджи круто повернулся и, хлопнув дверью, вышел в сад.

Акрам и Махира-хола остались сидеть на сури. На душе у каждого было невесело. В саду где-то упало яблоко. Громко гудя, в открытое окно влетел шмель. Надо было встать и зажечь свет. Но ни мать, ни сын не двинулись с места.

— Я так боялась этого разговора... Глупый! Сам тогда не поехал учиться, а теперь ищет виновных!

Мать легким движением провела по волосам Акрама.

— Пойди к ней, сынок. Чует мое сердце, что она ждет тебя. Мужчина должен быть сильнее...

— Ладно, мама, может, как-нибудь образуется все... Отдохните... Я немного поброжу по лощине.

Акрам вышел из дому и тут же окунулся в мир звуков. Громко и зазывно квакали лягушки на плотине, с чувством исполняя свою нехитрую песню. Хрустели травой стреноженные лошади, на тысячи звенящих осколков рвали тишину цикады. Акрам ступал осторожно, стараясь не нарушить чуткой гармонии почвы. Он остановился у плотины, долго и внимательно изучал звездное небо, отпечатанное на темной глади водоема. Мерно работали лопасти мельницы. Они любили приходить сюда вдвоем с Саярой. Подстелив сухое сено, они садились вон под тем талом. Как тогда Саяра радовалась всем ночным шорохам, как доверчиво и пугливо прижималась к его плечу! Акраму временами казалось, что весь этот зачарованный и звенящий мир с завистью смотрит на него.

Когда же это оборвалось? Где прошла та невидимая трещина? Мелочные обиды, мелочные уколы самолюбия, ненужные счеты. Пора перестать идти на поводу у своих страстей. Завтра же он пойдет к Саяре в больницу, поговорит с ней открыто, начистоту. Не может быть, чтоб они не поняли друг друга... Кстати, и с Хамидой необходимо повидаться. Мог ли он предположить, что его записка сыграет такую роковую роль в ее жизни.

Акрам облегченно вздохнул и повернул к дому. Он уже подходил к темнеющим невдалеке садам, как от зарослей тала отделилась неясная фигура и направилась в его сторону. Акрам остановился.

— Зафар, неужели ты?

Зафар подошел почти вплотную.

— Ты чего расхаживаешь по ночам, как привидение? Прошлое покоя не дает? Вновь пытаешься пережить счастливые мгновения?

— Ты, я вижу, тоже не лопаешься от счастья,— в тон ему ответил Акрам.

— Ошибаешься. Я счастлив,— нервно рассмеялся Зафар.— Видишь, специально ищу тебя, чтоб пригласить на свадьбу.

— На какую? — чуть оторопело спросил Акрам.

— И действительно, на какую?.. Нилуфар выходит замуж за Шавката...

Черная листва сада изнемогала от ночной духоты. Над уснувшей землей стоял оголтелый звон: на тысячу голосов кричали лягушки, то басами, то альтами. И молчал во тьме неподвижный Зафар. Акрам не знал, как себя вести. Право же, обескураживающе легко все у него: любил — не скрывал, что счастлив, отвернулась — тоже хорошо, смеется.

Неожиданно темная фигура Зафара стала оседать. В лягушачий неистовый хор вплелся еще один звук, скорее похожий на стон.

— Зафар...— шагнул к нему Акрам.

Зафар сидел на земле, опустив голову.

— Зафар!..

В ответ снова раздался сиплый стон.

— Не надо. Отойди.

И Акрам отступил. Он вдруг увидел другого Зафара. Что он знает об этом человеке? Всегда цветущ, уважаем, весел! Как же глубоко он прятал свое горе и боль! И вот этот человек сидит на земле у твоих ног, сломленный, и ночь надежно скрывает мужские слезы.

— Поднимись, Зафар...

Молчание.

— Ты слышишь меня?.. Поверь моему слову, она не стоит, чтоб так мучить себя. Девчонка! Пустая девчонка!

— Что же делать, знаю... а люблю!

Акрам опустился с ним рядом на теплую, душистую траву, обнял за плечи.

Над спящей землей не умолкая кричали лягушки.

Хамида и Саяра узнавали почти все кишлачные новости едва ли не первыми. Они уже знали, что Акрам с Зафаром находятся в кишлаке и председатель отдал им свою машину. Много было желающих доложить Саяре, где они бывали, с кем встретились.

Весть о свадьбе Нилуфар с Шавкатджаном поразила Саяру. Она вдруг с новой силой ощутила, насколько все в ее жизни перепуталось. Еще недавно ожидала вызова

Шавката, готовилась к новому, неприятному разговору, представляла себе, как твердо и спокойно произнесет свое последнее «нет». А сейчас? Что с ней?.. Неужели ей жалко, что связь с кино потеряна, и безвозвратно? Может быть, ей завидно, что Нилуфар получила ее роль, что та станет актрисой, получит известность? Оказывается, не так просто рвать даже с такой, в сущности, пустой затеей.

Кинематография! Эта романтическая, суетливая и шаткая профессия не для нее. А право, в ней было что-то праздничное! Расставаться с праздниками всегда грустно. Впереди ее ждут будни, работа врача, ночные дежурства и ответственность за чужую боль, чужую жизнь...

Все-таки как легко смогли обойтись без нее. А она-то мучалась, что подводит товарищей, срывает Шавкату его первую картину! А он даже не предупредил ее о замене!

Саяра поняла, что больше уже ничего не связывает ее с кишлаком. Пора домой. Хамида уже начала ходить, через несколько дней ее можно спокойно выписывать.

Саяра принялась укладывать вещи.

Где-то рядом ходит Акрам. Приехал и даже не дал о себе знать. Выходит, что и ему ты не так уж нужна! Наверное, тоже найдет ей замену, как Шавкат вместо нее нашел Нилуфар...

Саяра собирала свой чемодан, и все валялось у нее из рук. Машину у Турабджана она все равно просить не будет. А рейсовый автобус в город отходит только утром.

Ночь легла на кишлак. Даже сюда, в больницу, ветер доносил шум воды у плотины, звонкий хор лягушек. Где-то рядом находится ее муж. Что он делает сейчас? Наверное, веселится с друзьями. Нет, в этом большом, чужом ей мире есть только одна точка опоры, одно родное существо — дочь!

Саяра тряхнула головой, возвращаясь к реальной жизни. Больше всего ей хотелось сейчас исчезнуть незаметно, ни с кем не встречаться, никому не говорить ненужных слов. Туда, в большой светлый дом, где в кожаном кресле сидит отец, а мать, заглядывая в глаза, будет подавать чай, суетливо раскладывать вещи. За стеной,

в кровати, тихо посапывая, спит дочь, ожидая прихода нового дня.

Саяра решила пойти к Хамиде, проститься. Судьба этой женщины многое открыла ей, многому научила.

Хамида приветливо встала навстречу Саяре.

— Как хорошо, что вы зашли, Саярахон. Давайте, вместе поужинаем. Как бы мне хотелось принять вас дома,— сказала она и погрустнела.

Со двора послышался веселый голос Турабджана:

— Можно войти или нужно специальное разрешение?

— Я сейчас узнаю, раис-ака,— ответил женский голос.

— На аппетит ваших больных не жалуетесь? А то тут один ташкентский гость свое лекарство привез. Проверенное средство. Только вот бутылки в аптеке подходящей не нашлось. Так вы уж не ругайтесь, пришлось в коньячную налить,— продолжал Турабджан в своей обычной манере.

Услышав слово «ташкентский гость», Саяра вздрогнула. Мельком увидела бледное, сразу осунувшееся лицо Хамиды.

— Разрешите нарушить ваше уединение, дорогие мои женщины,— Турабджан уже входил в комнату.

Саяра резко повернулась. В дверях стоял смущенный Зафар. Саяра безвольно откинулась на спинку стула.

Постепенно способность наблюдать возвращалась к Саяре. Она заметила, что Турабджан сегодня мало походил на обычного самоуверенного раиса. Он был излишне многословен и суетлив, смущенно поглядывал на Хамиду. Саяра поняла — Турабджан явился неспроста.

— Милая Саярахон, какой же вы главврач больницы,— не унимался председатель,— если на ночь глядя едите простой борщ. Надо было намекнуть повару, он бы живо приготовил отменный плов! А уж куриный суп, кажется, всем больным не противопоказан.

— Научите, как это у вас делается,— нехотя откликнулась Саяра, за руку здороваясь с Зафаром.

— Сейчас попробуем,— сказал Турабджан, но, увидев, что Хамида собирается выйти, просительным и властным жестом преградил ей дорогу.

— Оставайтесь, Хамида, прошу вас. Я хотел бы перекинуться с вами парой слов.

Хамида остановилась, в нерешительности переводя взгляд с Саяры на Зафара.

— Может, отложим до другого раза?

— Нет, нет. Я именно хочу поговорить с вами в присутствии наших гостей.— Привычным жестом он потер лоб и усмехнулся.— Вот, призываю вас в свидетели. Пришел, так сказать, с повинной... Публично попросить у вас, Хамида, прощения. Кстати, вам небезынтересно будет узнать, что Садыквой понесет наказание по всей строгости закона. Чего вы, собственно, и добивались,— закончил он с опущенной головой.

Хамида изменилась в лице.

— Я не добивалась этого...

— Ладно, Хамидахон. Не будем начинать все сначала. Я виноват во многом и прошу у вас прощения,— он открыто взглянул в глаза Хамиде.

— Зачем вы затеяли все это, раис! — срывающимся голосом прошептала Хамида.— К чему эта комедия?

— О аллах! — искренне огорчился Тураб.— Какая комедия! Я честно пришел сказать вам, что был неправ! — Видя, что Хамида собирается возразить, запротестовал: — Только, ради бога, не будем сейчас выяснять отношения! Поговорим в другой обстановке. Не тут, не в больнице. У нас еще будет время. Сейчас вам надо запомнить одно — поскорее выздоравливайте, набирайтесь сил и приступайте к своей любимой работе. Может быть, я и плохой председатель, но у меня еще хватает мужества признавать свои ошибки,— добавил он, пряча свое смущение в смехе.

Хамида ничего не ответила. Порывисто собрала со стола грязную посуду и вышла из палаты. Видно было, что ей нужно побыть одной.

Турабджан растерянно посмотрел на Саяру.

— Неужели я опять провинился?

У него был такой озадаченный вид, что Саяра рассмееалась.

— Если таково ваше смирение, то я не хотела бы иметь с вами дело во гневе.

— Скажите на милость, а я старался изо всех сил! Видно, правильно говорится в народе, что горбатого могила исправит.— Он сокрушенно покачал головой.— Ну да хватит об этом! Скажите, как ваши дела, Саярахон?

— Уезжаю,— сказала она отрывисто. Больше всего она боялась, что ее сейчас начнут расспрашивать о кино, давать советы или, что еще хуже, уговаривать остаться.

Но Турабджан только спросил:

— Когда едете?

— Признаться, была бы машина, уехала б сейчас. А так буду дожидаться рейсового.

Турабджан многозначительно хмыкнул.

— А вы знаете, что супруг ваш здесь, в кишлаке?

Саяра взглянула на Зафара и покраснела.

— Это меня не касается.

— Жаль, что не касается... А он... каждую ночь кружит вокруг больницы, как подстреленный зверь. Да, видно, напрасно... Кстати, он тоже завтра уезжает. Пришла срочная телеграмма. Его вызывают в город. Есть опасность, что ваш муж станет директором института. Правильно я говорю? — обратился Турабджан за поддержкой к Зафару.

Зафар кивнул.

Саяра вспыхнула.

— Можно подумать, что меня когда-нибудь интересовал его чин!

— Позвольте вам еще раз заметить, что жаль. А мне вот, грешному, лестно, что столь высокий пост будет занимать мой друг. Между прочим, в машине места на всех хватит. Ваш приятель Убай тоже в город собрался. Вот все вместе и поехали бы. А?

— Спасибо за заботу. Сама как-нибудь доберусь.

— Что ж! Не смею больше навязывать свое общество. Помните, Саярахон, что мы всегда рады видеть вас у себя. Да и место главврача я не зря предлагал. Спасибо... за все.— Турабджан прошелся по комнате.— И последняя просьба: передайте Хамиде, что я говорил все искренне. Пусть на меня больше зла не держит. Ну, пожалуй, мне пора. До свидания еще раз! — он неуклюже обнял Саяру.— Зафара я вам оставляю. Может, он будет более удачливым, чем я.

— Любопытный человек этот раис,— сказал Зафар, прислушиваясь к шуму отъезжающей машины.— А ведь он прав, Саярахон. Поедем завтра все вместе. Мне здесь тоже больше нечего оставаться,— в голосе его слышалась грусть.

Саяра умоляюще подняла руки:

— Только не надо больше об этом!.. Если можете, скажите: неужели у них действительно свадьба?

— Сами в тень, а меня на солнышко. Ловко у вас получается,— принужденно засмеялся Зафар.— Вы же все отлично знаете сами!

— Простите, ради бога, Зафар. Для меня это действительно неожиданность. Мне Нилуфар говорила, что ей нравится наш режиссер. Но свадьба, и такая скоропалительная?

— Говорят, что там не все просто,— поморщился Зафар.— Не знаю, что там произошло, но Нилуфар сама настояла на свадьбе. Она плакала, грозила самоубийством... Словом, настоящее кино!

Зафар постарался сменить тему разговора.

— А вы... Ведь ваши первые пробы были такими многообещающими!

— Вовремя поняла, что не рождена быть кинозвездой. Видно, не судьба...— с легкой иронией ответила Саяра

— Мне раис-ака рассказывал, как вы мужественно боролись с ним за справедливость. Молодчина! Только один у меня совет...

— Опять про Акрама?

— В общем-то — да!

— Прошу вас. Мне ведь тяжело... И потом, если б он хотел что-нибудь изменить, то нашел бы ко мне дорогу сам, без сватов...— Чувствуя, что может расплакаться, Саяра отвернулась.

— Все! Молчу! Извините меня.— Зафар торопливо вскочил со стула и начал прощаться.— До встречи в Ташкенте.

Саяра проводила его до ворот. Вернувшись в кабинет, заперлась, бессильно опустила на диван.

Хватит, она сыта по горло чужими советами, пусть даже добрыми. Она не может больше видеть сочувственные взгляды. Зачем он только приехал?.. Скорее бы утро!

Она заставила себя встать, пройтись по комнате. Надо собраться с мыслями, подготовить все к отъезду, отдать последние распоряжения. Она села за стол, открыла историю болезни Хамиды. Первая ее больная. Где-то внутри

жила гордость, что она не отступила в ту тяжелую ночь, не сдалась.

В дверь постучали. Весть об отъезде Саяры быстро разнеслась по больнице. На пороге кабинета стояла медсестра. Из-за ее плеча выглядывали знакомые лица больных. Все пришли ей сказать какие-то теплые слова, поблагодарить, пожелать счастливого пути.

— Не забывайте нас, дохтур-апа,— сказал старик сторож.

У Саяры потеплело на сердце. Значит, она нужна людям. Небезразлична. Ей верят. Ее здесь будут помнить. Последней пришла Хамида.

— Не помешаю вам? Вы не устали? Нам тогда так и не дали поговорить.

Саяра с удивлением смотрела на Хамиду. Ее нельзя было узнать. Она распрямилась, похорошела. Глаза спокойные и ясные.

— Мне нужен ваш совет, Саярахон.

— Проходите, пожалуйста.

Хамида села, расправила халат, смахнула со стола несуществующий мусор.

— Я знаю, вы меня поймете правильно, вот и пришла к вам.— И, набравшись решимости, боясь, что ее перебьют, скороговоркой выпалила: — Решила окончательно. Я развожусь с мужем!

Словно освободившись от непосильной ноши, она облегченно вздохнула. Победно глянула на Саяру.

— Ухожу совсем. Буду жить самостоятельно. Как-нибудь подниму детей на ноги. Сейчас не война, да и люди помогут.

Саяра искренне обняла Хамиду.

— Ну вот теперь я уеду спокойно. Вижу, что вы у меня совсем выздоровели.

Хамида сидела смущенная и торжественная.

— Вы знаете, я хотела бы вам рассказать о себе, о своей жизни хотя бы в нескольких словах... И об Акраме тоже. Между нами не должно остаться ни одного облатка.

У Саяры кольнуло сердце.

— Вы знаете, что мы с Акрамом вместе учились. И Турабджан тоже был с нами. Хорошая это была пора.— Хамида задумчиво смотрела куда-то вдаль.— Да. Мы договорились не расставаться никогда в жизни.— Она смущенно, словно извиняясь, глянула на Саяру.— Потом он ушел в армию. Я уже окончила восемь классов и устроилась на работу в правление. Меня выбрали комсоргом. Много молодежи в колхозе было. А Садыквой в то время уже отслужил и работал у нас шофером. Часто мне приходилось в город на разные совещания ездить. Куда бы я ни пошла, он всегда машину, как коня, поперек дороги ставил. А вечером из города воз-

вращаюсь — обязательно до самых ворот довозил... Как я ни сопротивлялась, все по-своему делал. Вот людская молва и соединила нас вместе. Вы знаете, в кишлаке такие вещи быстро делаются. Сплетни пошли, пересуды. Кто-то из доброхотов постарался Акраму сообщить. А Акрам, не узнав ничего толком, написал мне письмо, горячее и несправедливое. Да и я не лучше была. Обидно мне показалось, что он не мне поверил, а людям. Вот я и дала согласие на свадьбу...

Хамида глубоко вздохнула. Помолчала.

— Скоро поняла, что ошиблась. Да сделанного не вернешь. Молодая была. Перед людьми неловко было... Потом дети пошли. Так своими руками и загубила жизнь. Даже винить некого. Вот какая нехитрая история, Саярахон. Беде надо случиться, чтоб поумнела!

«Странно сплелись наши жизни,— думала Саяра.— Она и я — обе любили Акрама. И теперь обе одиноки. Только она, кажется, мужественнее, чем я. Решила — точно отрезала. А я, как слепая, все чего-то жду».

— У вас все будет хорошо, Хамидахон, не может быть, чтоб у такого, как вы, человека жизнь не наладилась.

— Спасибо, Саярахон. Трудно мне объяснить, что вы для меня сделали. Не красноречива я.

Она как-то удивительно молодо улыбнулась.

— Вы знаете, что-то раис уж чересчур ко мне внимателен. Во дворе встретил, все просил забыть старое. Так и жду от него подвоха... Ну, отдыхайте. У вас завтра трудный день.

Нет, видно, в этот вечер ей не суждено отдохнуть. Не успела закрыться дверь за Хамидой, как раздался телефонный звонок. На Саяру с упреком накинулась Нилуфар. Неужели она способна так обидеть подругу — не прийти на свадьбу!.. Ее просит не только она, Нилуфар, но и Шавкатджан. «Не поздно ли вспомнили обо мне?» — невольно подумала Саяра, но ничего не сказала. Она лишь спокойно ответила, что завтра уезжает. Это решено, и она ничего изменить не может. Ей показалось, что Нилуфар облегченно вздохнула и изменившимся, довольным голосом пожелала Саяре счастливого пути.

Неожиданно трубку взял Шавкатджан.

— Счастливый вы человек, Саяра. Всегда знаете, чего хотите в жизни,— вырвалось у него неожиданно.

Саяра так и не поняла, что он имел в виду.

— Желаю вам успеха,— сказала она искренне.

Телефонистка дала отбой.

Скорее бы утро! Не раздеваясь, она легла на диван, забылась в тревожном сне.

На рассвете Саяру разбудил стук в дверь. Густые сумерки еще висели в комнате. Саяра испуганно вскочила. Сердце билось почти у горла.

— Кто там?

— К вам пришли...— Голос сторожа спокоен.— Говорит, что больной.

Комната покачнулась. «Он!» — безошибочно стучало в мозг. Она зачем-то подошла к окну, заколола распустившиеся волосы, сказала бесцветным голосом:

— Пусть войдет!

Похудевший и осунувшийся, Акрам смущенно остановился на пороге и, хмуря брови, смотрел на Саяру.

— Здравствуй, Саяра... Я пришел за тобой.

Вместо ответа она сглотнула подступивший к горлу комок. Акрам шагнул к ней, сильным, как прежде, движением отнял руки от лица.

— Будем взрослыми! Моя Саяра!

НЕЛЕГКО СТАТЬ МУЖЧИНОЙ

РОМАН

Перевод с узбекского Б. БАЛТЕРА

Крупные неприятности начинаются с мелких...

— Вставай, хандаляк проспишь,— сказал Кучкар.

Машраб с минуту лежал, ничего не соображая. «Ой, подружка, хандаляк поспел»,— сказала утром Муяссар. Ее голос был похож на голос Кучкара, как пение соловья на уханье удода. Но почему-то именно ее голос стоял в ушах, и Машраб не мог понять, спит он или уже проснулся.

Кучкар тормозил его, приговаривал:

— Вставай, хандаляк проспишь...

Машраб открыл глаза. В черном провале неба мерцали яркие звезды, в арыке журчала вода. Машраб вспомнил: вечером договаривались, когда созвездие Плеяды достигнет зенита, пойти за хандаляшками. Что такое хандаляк? Круглая дынька-скороспелка. Говоря по совести, хандаляк никто за дыню не считает: так, хандаляшка.

Машраб отбросил теплый тулуп и сел, потирая поясницу. Акмаль-толстяк, которого в другое время пушкой не прошибешь, на этот раз умудрился проснуться раньше Машраба и, сидя у арыка, пыхтя натягивал сапоги.

— Воду проверяли? — спросил Машраб.

•

— Не думай о воде. Поток совсем слабый. Не размое.

Машраб молча побежал вдоль главного арыка: беда, если по недосмотру поливальщика вода размое борозды и зальет хлопчатник. До войны поливальщиками работали самые опытные дехкане, но теперь все взрослые и сильные мужчины ушли на фронт и хлопковые поля поливали мальчишки. Ноги после сна были как ватные, спотыкались на неровностях. Машраб низко нагибался, слышал пресный запах воды и влажной земли. Вода тускло поблескивала в бороздах, отражая звезды. Кучкар оказался прав: запруды из дерна и борозды были целы.

Акмаль-толстяк еще обувался: он все делал обстоятельно, неторопливо.

— Скоро ты? — спросил Машраб.

Акмаль ничего не ответил. Его не видно было в темноте, только слышно было, как он пыхтел.

— Не трогай его, а то до утра будет обуваться. Третий раз переодевает сапог, — сказал Кучкар.

Машраб дрожал не то от знобкого холодка, не то от возбуждения. Он пытался представить, как Муяссар найдет утром у калитки мешок хандаляков...

...Когда Машраб шел на работу, он еще не знал, что хандаляк поспел. Он шел мимо сада Муяссар с надеждой ее увидеть, и кетмень на его по-детски худом плече казался непомерно большим.

— Ой, знаешь, подружка, хандаляк поспел, — сказала Муяссар.

Машраб, вытянув шею, заглянул через дувал. Он думал, что оглохнет — так сильно стучало сердце. Муяссар сидела на дереве и рвала персики, а под деревом бегала Гульчехра и ловила персики в подол платья. Она была очень проворной, несмотря на полноту, невысокого роста и миловидной.

— Подумаешь, хандаляшки, — сказала она. — Подмигни Машрабу Диване¹, он тебе притащит целый мешок.

— Не говори ерунды... Молчи!.. — крикнула Муяссар.

Гульчехра не собиралась молчать, для нее молчать было самым тяжким наказанием.

¹ Дивана — имя народного поэта. Здесь — прозвище.

— Притворяешься? Сразу видно, что притворяешься, — тараторила она. — Мальчишки для того и нужны, чтобы исполнять наши желания. Влюбился бы твой поэт в меня... я бы знала, что с ним делать.

Машраб слушал, и его бросало то в жар, то в холод.

Муяссар кинула в Гульчехру персик, но промахнулась. Она затрясла ветку, приговаривая:

— Ерунда!.. Ерунда!..

Персики градом посыпались на землю. Гульчехра, смеясь, убегала между деревьями. Персик, брошенный Муяссар, попал в ствол черного тутовника над головой Машраба, он вытер с лица липкий сок. Каждое утро он видел, как из-за гор поднималось солнце. Сегодня было как бы два солнца — одно в нем самом, другое появилось над горами, и все сразу преобразилось: воздух вздрогнул, по земле побежали и замерли тени, над большим кишлаком, утонувшим в садах, внизу над долиной за главным арыком, в шеренге белых тополей на берегу с гнездами аистов на вершинах, над зеркальной гладью воды за плотиной — над всем миром пролилось сверкающее тепло. А начало этого тепла было у него в груди. Он прикрыл глаза, и ему показалось, что он парит высоко над садами, — так бывало в детстве, когда он летал во сне... Ощущение полета, как навязчивая мелодия, не покидало его весь день.

Акмаль наконец обулся. Слышно было, как он приотпнул ногой, потом сказал:

— Пошли, что ли?

Из глубокого оврага, заросшего ивами, тянуло сыростью. Овраг, расширяясь, переходил в долину, по обеим сторонам которой раскинулся кишлак. Посередине кишлака лежало поле. Его обычно засеивали хлопком, но в этом году почему-то посадили на нем дыни, а по краям хандаляк.

Набег на бахчу предложил Машраб. Кучкара не пришлось уговаривать: он сам всегда придумывал, что бы такое выкинуть. А вот Акмаль-толстяк, Акмаль-рохля, Акмаль-недотепа заявил, что не любит ходить по ночам, что по ночам он любит спать. Можно было подумать, что поспать днем он не любит. Машрабу пришлось объяснить ему наедине, почему надо пойти за хандаляком. Акмаль засопел и согласился. Когда он слышал имя

Гульчехры или видел девушку, он начинал сопеть. У молчаливого Акмаля сопение было высшим проявлением чувства. Кучкару не стоило объяснять подробностей: он бы не понял. Кучкар не признавал высокой самоотверженной любви, ему обнять девушку было все равно что чихнуть.

Поход за хандаляком придумал Машраб, но возглавил его Кучкар. Машраб не возражал: такое у Кучкара лучше получалось. Босой, в распахнутом на груди халате, Кучкар шел впереди, и на фоне звездного неба время от времени возникали его широкие плечи. Машраба знобило. Он не знал, что такое воровство. Даже такие обычные удовольствия, как детские набеги на сады соседей, были ему недоступны. Он шел, и ему казалось — каждая тень, каждое дерево готовы его изобличить. Попросту говоря, Машраб боялся, но продолжал шагать во имя любви, во имя Муяссар, которая, ничего не подозревая, в это время мирно спала. Как относился ко всему Акмаль — неизвестно. Он шел где-то сзади, и под его грузным телом трещали ветки и осыпалась под ногами земля.

В долине было светлее. По сторонам темнели бесформенные купы кишлачных садов, острые вершины топей отделялись от звездного неба, то тут, то там видны были темные силуэты пасущихся лошадей. Где-то за плотиной кричали лягушки, воображая, что поют. Подошли к переулку: он угадывался по теплу, которое исходило от нагретых за день дувалов. Машраб скорее почувствовал, чем увидел, что Кучкар остановился под раздвоенным орешником. Он не успел предупредить недотепу Акмаля, и тот чуть не сбил Кучкара с ног.

— Спишь на ходу? — спросил Кучкар.

— Что я тебе, верблюд, чтобы на ходу спать? — огрызнулся Акмаль.

— Тебе лучше знать, кто ты, — сказал Кучкар. — Имейте в виду, хандаляк сразу за арыком. На берегу растут колючки. Сначала пойдем по арыку, а потом пролезем между колючками. Не советую забывать — бахчу охраняет Кур-Шермат... Понял, толстяк?

— Думай о себе, — снова огрызнулся Акмаль. — Стоишь здесь, а видно тебя в Мекке. — Акмаль-толстяк имел в виду рост Кучкара. Обычно Акмаль довольно безропот-

но сносил шутки, но сегодня он был явно не в духе.

— У меня по росту ноги,— сказал Кучкар.— А тебе не советую ложиться на живот — покатишься, как шар... В общем, пошли...

Тополя по обе стороны переулка сливались с дувалами и казались сплошным высоким забором. Кучкар по-прежнему шел впереди. Время от времени он трогал калитку в дувале, и тогда во дворах сонно рычали собаки, а в курятниках тревожно вскрикивали куры. Кучкар это делал просто так, из озорства.

Проулок кончился, и неожиданно открылась бахча и черные вершины гор. Кучкар прыгнул в заросший травой сухой арык и пошел по нему пригнувшись, и между берегами в посветлевшем воздухе двигалась его голова. Потом все трое легли на берегу и, раздвинув колючки, оглядели поле.

— Дождались, луна взошла,— сказал Кучкар.

— В глазах у тебя луна, от страха,— ответил Акмаль.

Луна действительно взошла. Она еще скрывалась за вершинами гор, но ее рассеянный свет уже пронизывал воздух, и на землю легли мглистые очертания теней. В мертвенно-бледном, голубоватом свете поле лежало покойно и тихо. По краю проходила темная линия садов, а неподалеку от нее стоял одинокий шалаш. Совсем близко прятались в листве хандаляшки. Машраб не помнил, как выполз на поле. Он согрелся во время ходьбы, но сейчас его снова знобило, саднили свежие царапины на лице. Под руку попался хандаляк. Машраб сорвал его. Оторванный кончик треснул, кожу покрывал сетчатый узор — признак спелости. Машраб рвал хандаляки и клал их за пазуху. Они грелись под халатом у голого тела и пахли терпко и сладко. Неподалеку Акмаль и Кучкар расхаживали между грядок, как по бахче своих тетушек. Машраб оглянулся, чтобы предупредить их, но вместо них шагах в двадцати от себя увидел неподвижную фигуру мужчины в вывернутой меховой шапке, с палкой в руке. Мужчина казался особенно огромным, потому что Машраб смотрел на него снизу. Машраб сразу узнал Кур-Шермата. Как только Машраб оглянулся, Кур-Шермат поднял палку, заорал:

— Держи вора!

Все, что произошло потом, Машраб не очень хорошо помнил. Он отбежал к арыку и оглянулся: Кучкар и Акмаль стояли между грядок, а Кур-Шермат, пробежав мимо них, гнался за Машрабом. Машраб рванулся сквозь заросли колючек, упал в арык, и тут же на него навалилось грузное тело.

— Затравил бахчу и бежать? — приговаривал Кур-Шермат. — У меня не убежишь. — Он заломил за спину руки Машраба и одним рывком поставил его на ноги. — Ах, это ты, подлец? — сказал он, только теперь узнав Машраба. — Хандаляшек захотел? Твои сверстники по колено в крови бьют фашистов, а ты колхоз обкрадываешь?

От этих слов белое от лунного света поле показалось черным, глаз Кур-Шермата сверкал от ненависти, и Машрабу страшно было на него смотреть. Второй глаз выбили Кур-Шермату в детстве, во время игры в альчики. С тех пор его прозвали Кур-Шерматом — Одноглазым. Он стоял над Машрабом в вывернутой шапке, в распахнутом халате и с палкой, похожий на басмача из кинофильма.

— Отвечай, с кем был? Кто твои приятели?! — допрашивал Кур-Шермат.

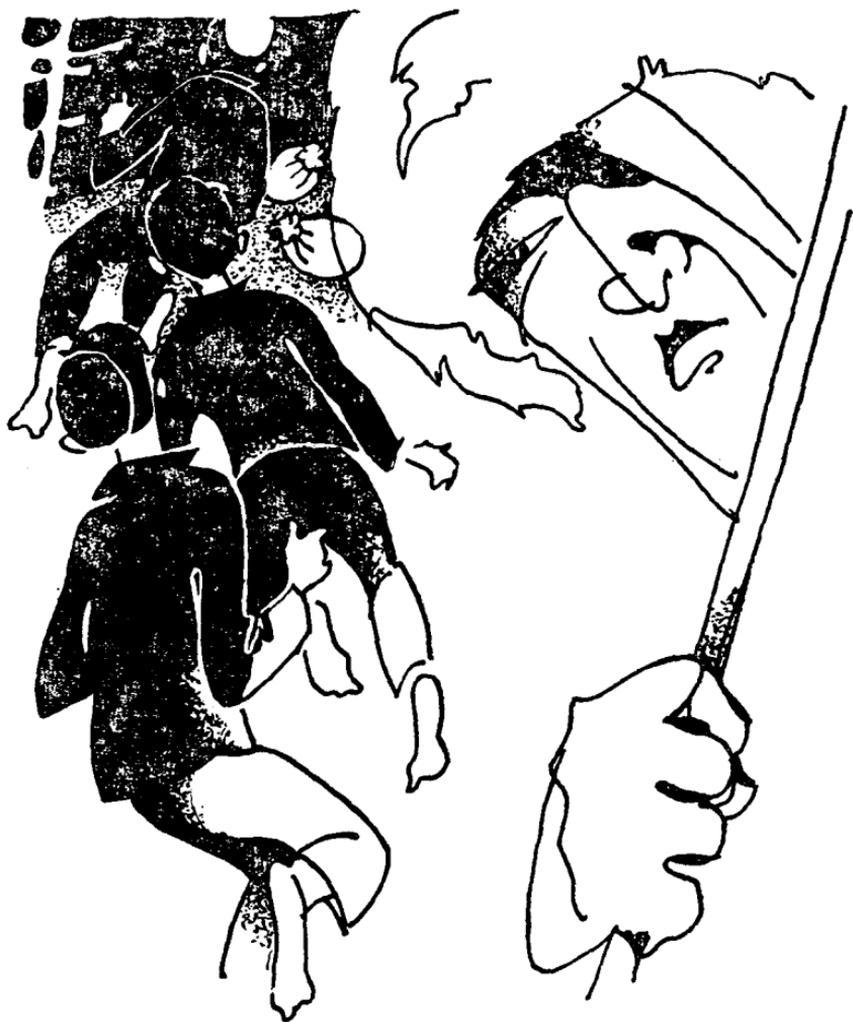
Может быть, по наивности и потому что не умел врать, Машраб выдал бы Акмаля и Кучкара, но только вчера он написал стихи о шестнадцатилетней девочке-партизанке (он прочел о ней в газете). Девочке отрезали язык за то, что она не выдала фашистам партизан.

— Какие приятели? Нет у меня приятелей... Я был один... — сказал Машраб, и губы его тряслись от озноба.

— Я говорю про тех двух, на поле... Молчишь?! — Кур-Шермат толкнул Машраба в спину, и он побежал по арыку, чтобы не упасть.

Машрабу очень хотелось думать, что допрашивает его не колхозный бригадир бахчи, а офицер-гестаповец. Машраб со связанными руками бежал рысцой по арыку, а Кур-Шермат шел сзади и время от времени подталкивал его в спину.

Машраб попытался взглянуть на себя со стороны. Лучше бы не пытался! Что теперь будет? Бабушка, мать, сестра, жена брата Барно — свои люди: поругают и простят. А что скажет Муяссар? Что скажет ее отец

Курбан-ата? Курбан-ата полагал, что победу революции обеспечили два человека: Чапаев на Урале и он, Курбан-ата, в Туркестане. На этом основании он очень придирчиво относился к молодежи и любил повторять: «Я и Чапаев свое сделали, посмотрим, что теперь сделаете вы».

Хуже всего было то, что Машраб сам не мог простить себе своего поступка и теперь просто не понимал,

как мог на него решиться. Он шел и думал, что никогда из него не получится настоящего коммуниста.

То ли вышли за хандаляшками слишком рано, то ли в правлении колхоза была срочная работа, но, когда подошли к огромным двухстворчатым воротам, в окнах конторы горел свет. Кур-Шермат постучал. Со двора не сразу откликнулся сонный голос:

— Кто там? Чего надо?

В левой половине ворот приоткрылась калитка, показался старик в ватном халате с тусклым фонарем в руке. Он сладко зевнул, распахивая калитку пошире и пропуская во двор сначала Машраба, потом Кур-Шермата.

— Кто в конторе, отец? — спросил Кур-Шермат.

— Не знаю. Наверно, начальство.

— Покарауль его.

— Иди, иди! — Старик поднял фонарь, вглядываясь в Машраба. — Э-э-э... Не сын ли ты Агзама Ячейки? — спросил он. — За что тебя так разделал этот дурень?

Губы Машраба вздрагивали. Он молчал, чтобы не зареветь. Сторож развязал поясной платок, которым были стянуты руки Машраба.

— На, вытрись, — сказал он.

В той стороне, где было правление, кто-то сказал:

— Ладно, ладно... Запри его в амбар. Завтра доложишь Инобатхон. Сейчас некогда.

В говорившем Машраб узнал председателя кишлачного Совета Халмата Чавандаза. Председатель спешил: его торопливые шаги замерли в глубине сада.

Кур-Шермат вернулся еще более обозленный. На слова старика:

— Зачем отсекать человеку голову, когда всего-навсего нужно снять тубетейку? — Кур-Шермат ответил:

— Каждый делает свое дело, отец: ты — свое, я — свое...

Кур-Шермат толкнул Машраба в спину, и тот отлетел к стене амбара. Потом Кур-Шермат распахнул низенькую дверь и, пригнув Машраба, ударил его коленом ниже спины. Машраб, спотыкаясь о конскую сбрую, упал на снопы клевера, сложенные в углу амбара. Над его головой под потолком отпечатался черный переплет оконной решетки.

Час назад Машраб был свободным и счастливым, а теперь его заперли в темном амбаре за воровство колхозных хандаляшек. Он сидел удрученный, обхватив руками колени и положив на них голову.

Машраб не помнил, сколько просидел так, когда под окном амбара услышал шаги: тяжелые мужские и легкие женские. Почти одновременно с шагами Машраб услышал голос Барно — жены брата. Ничего особенного: Барно работала бухгалтером колхоза и могла задержаться по работе — война, мало ли что нужно срочно сделать. Машраб не знал, часто ли приходилось Барно оставаться в конторе допоздна, потому что жена брата жила на другом конце кишлака у своих дальних родственников. Машраба поразило другое: интонация ее голоса, когда она разговаривала со своим спутником. Так Барно разговаривала только с братом то недолгое время, что Машраб видел их вместе, перед тем как Ашраф ушел на фронт.

— Что вы, Халмат-ака, не надо! Что мне там делать в полночь! — певуче растягивала слова Барно. Называя председателя кишлачного Совета Халмат-ака, а не Халмат Чавандаз, она тем самым подчеркивала интимный характер разговора.

— Не откажите, Барнохон! — возразил Халмат Чавандаз. — Очень просил товарищ Эртаев!..

— Ах, вот что... Ну, какое же у него дело ко мне?

Машраб подумал, что Барно заранее знала, от имени кого ее приглашал председатель кишлачного Совета.

— Э, какое может быть дело, Барнохон! Просто посидим, выпьем мусалласа, отведем душу! — сказал Халмат Чавандаз, подчеркивая интимный характер приглашения.

Они вышли на вымощенную кирпичом дорожку, и дробный стук женских каблучков слился, удаляясь, с постукиванием кованых сапог. Машраб вскочил и рванул на себя решетку окна. Но амбар, как и весь дом, где размещалось правление, в прошлом принадлежал крупному баю, и все в нем было сделано прочно, на века.

— Сюда, Барнохон! Пройдем здесь. Не надо, чтобы нас видел сторож, — сказал Халмат Чавандаз, и это было последнее, что расслышал Машраб.

Он повалился ничком на клевер. Горьковато-сладкий запах горчачка и мяты напомнил ему другую ночь...

За старым деревянным мостом Машраб, тогда еще совсем мальчишка, поставил с братом в тихой воде сплетенные из тальника ловушки для рыб.

Ашраф сказал:

— Запомни, братишка: мы дети Агзама Ячейки. Я отказался от брони и через два дня уеду на фронт... Я сказал в военкомате, что хочу кровью искупить вину отца... — Ашраф помолчал, потом добавил: — Если он виноват... Понимаешь, братишка, я не могу иначе. Я хочу, чтобы ты, мама, бабушка, сестра, ее дети, моя жена имели право ходить с высоко поднятой головой и быть счастливыми.

Они лежали на плотине, подостлав сено, пахнувшее мятой и горчачком. В камышах плескалась рыба. В гнездах на белых тополях сонно ворочались аисты.

В тот вечер Машраб узнал, что брат сомневается в виновности отца...

Перед тем, как вытащить ловушки и уйти домой, Ашраф сказал:

— Сколько будет продолжаться эта война — пять дней или пять лет?.. По правде говоря, за мать, за вас я спокоен, а за Барно немного боюсь. Не дай бог, если что-нибудь случится. Не могу себе представить жизнь без нее...

Ашраф выронил ловушку, и два сазана, отливая медью, ушли под воду.

Барно была дочерью их дальнего родственника и жила с родителями в Ташкенте. Там Ашраф с ней познакомился. Первый раз Машраб увидел Барно за год до начала войны, когда она приезжала в кишлак к своему дяде. В тот год Ашрафджан окончил Ташкентский транспортный институт и приехал в отпуск.

По совести говоря, Машраб был потрясен красотой Барно и гордился братом. Когда Барно, слегка прищурив большие темные глаза, проходила по улицам кишлака в платье из хан-атласа, в черных туфлях на высоком каблуке, с толстой косой темно-русых волос, над

глинобитными дувалами словно по команде показывались головы парней, приехавших на каникулы...

Как-то Ашраф дал Машрабу книгу и попросил отнести Барно. Тетушка сказала, что Барно в саду. Она сидела под высоким виноградником с подружками и красила усьмой брови. У каждой девушки было свое зеркальце. Девушки, поглядывая в зеркальце, улыбались, а две наиболее дотошные не торопясь расспрашивали Машраба:

— Кто тебе разрешил зайти в сад?

— Ну-ка, признайся, кто тебя подослал?

Машраб стоял, словно язык проглотил, и не знал, куда спрятать книгу. Выручила его Барно.

— Ты принес книгу, которую я просила, Машрабджан? — сказала она и отчаянно покраснела.

Она взяла книгу, из которой на глазах у всех выпала записка. Барно подхватила ее и под смех девушек убежала. Машраб тоже не очень хорошо помнил, как вернулся домой. На другой день Барно пришла к ним в гости. Когда приятели Ашрафа, собравшиеся в саду, начали петь, Барно потихоньку попросила Машраба:

— Покажи-ка мне ваш сад, Машрабджан!

Она тут же забыла про сад и, притаясь в вишеннике, слушала шуточные песни парней. Она не отпускала от себя Машраба, гладила его волосы, а когда голос Ашрафджана вырывался из общего хора и начинал дрожать, словно Ашраф знал, что его слушает Барно, — начинали дрожать и пальцы девушки...

И еще одним запомнился тот приезд Барно в кишлак...

Барно часто бывала в доме у Муяссар, приходила с другими девушками к ее старшей сестре Зебахон, студентке ТашМИ¹. В такие дни протекающий через сад Муяссар арык наполнялся яблоками с вырезанными на них инициалами парней. Самые крупные и красивые яблоки были всегда украшены буквой «А». Их пускал в воду Ашраф. Но прежде чем яблоки парней доходили до адресатов, их вылавливали Машраб и Муяссар. Всех «зятьев», которые им были не по душе, они съедали сами, а яблоки полюбившихся им парней передавали де-

¹ Т а ш М И — Ташкентский медицинский институт.

вушкам. Каждый раз, когда Барно видела яблоко с вырезанной буквой «А», ее большие ласковые глаза начинали влажно блестеть.

Ашрафджан и Барнохон поженились за несколько недель до войны. Перед отъездом Ашрафа на фронт Барно переехала в кишлак.

Где сейчас брат? Жив ли? Последнее письмо получили от него месяцев пять назад. Он был десантником и намекал в письме, что уйдет на задание. Брат воюет с фашистами, а он, Машраб, обворовал колхозную бахчу... Барно пьет мусаллас с чужими мужчинами, а что скажет Муяссар? Завтра утром Кур-Шермат доложит председателю колхоза Инобат о преступлении Машраба. О нем узнает весь кишлак, и кто помешает людям вспомнить, что Машраб — сын исключенного из партии Агзама Ячейки? Инобатхон умная и добрая женщина, подруга матери, она не подумает о Машрабе плохо, она просто спросит: «Зачем ты это сделал?» А что можно на это ответить?..

Плечи Машраба тряслись, и он прятал лицо в клевер, чтобы не слышно было рыданий.

Однажды уже случилось, что брат долго не писал. А потом пришло письмо: Ашрафджан сообщил, что был ранен в тылу у немцев, попал к партизанам и после выздоровления перешел линию фронта. Может быть, и на этот раз случилось такое? Махира-буви говорила: «Без надежды — один шайтан». Неужели потому, что от брата снова нет письма, Барно потеряла надежду? А может быть, между братом и Барно произошла размолвка, о которой Машраб не знал? Нет, такого не могло быть. Когда домой приходило одно письмо Ашрафа, — Барно получала три. Она расцветала, прибегала к свекрови, дурачилась с Машрабом и вообще как-то по-особому добрела. Наверно, все дело в Эртаеве. Здоровый, красивый, работавший заместителем председателя райисполкома, Эртаев, как уполномоченный района, руководил кустовыми колхозами и с весны жил в небольшой комнате при кишлачном Совете. В городе у Эртаева была семья, но он ездил домой очень редко. Молодые женщины-солдатки терялись в догадках: с кем Эркин Эр-

таев делит свой ночной досуг? Машраб слышал, как они говорили: не может быть, чтобы такой мужчина обошелся без женщины. Выходит, они были правы.

Машраб застонал и перевернулся на спину. Где Кучкар и Акмаль? Он не предал их, а они, наверно, спят сейчас по домам и думать о нем забыли. А как там хлопчатник? Может быть, его уже залило водой? Машраб лежал на спине, и мягкий клевер казался ему хуже колючки.

Он лежал и прислушивался к ночным шорохам в саду. Показалось, что кто-то постучал в окно. Машраб тихонько встал и осторожно приблизил лицо к решетке.

— Дивана, где ты? — шептал Кучкар.

— Я здесь!

— Так я и знал! Мы тебя везде искали... Не знаю, что делать: на двери замок больше лошадиной головы. Как быть, Дивана?

— Проверьте хлопчатник, как бы его не залило. Обо мне не беспокойтесь. До утра посижу, а утром выпустят.

— Ты в своем уме — сидеть до утра? Утром тебя потащат в правление, и мы все пропали, — забывая об осторожности, сказал Кучкар.

— Испугался? Боишься, что выдам? — сказал Машраб. Он хотел добавить: иди к своему отцу и поучись у него, как сводничать, но горло перехватило от обиды, и Машраб умолк, к тому же он вспомнил, что Чавандаз не родной отец приятеля и Кучкар сам его не любит.

Рядом с Кучкаром молча сопел Акмаль. Они о чем-то посоветовались вполголоса, потом Кучкар сказал:

— Смотри не засни. Мы сходим поищем топор. Вообще не волнуйся: вырубим...

Кучкар исчез так же внезапно, как и появился. Даже неуклюжий Акмаль на этот раз действовал без всякого шума. Во всяком случае, сколько Машраб ни напрягал слух, он ничего не слышал, кроме заливистого, с прдыханием храпа сторожа.

Машраб раскаивался в том, что заподозрил друзей в неверности. Правда, Машраб и Кучкар уже давно недолюбливали друг друга. Эта неприязнь обострилась в прошлом году, когда не был открыт десятый класс и Куч-

кар с Акмалем стали работать в колхозе, а Машраб учился в девятом классе. Этой весной Машраб тоже начал работать в колхозе в новой бригаде, которую организовали учителя. Кучкар, всегда высмеивавший пристрастие Машраба к книгам, после этого стал лучше относиться к Машрабу, хотя по-прежнему не без ехидства называл его Машраб Дивана. При всей горечи, которую испытывал Машраб, он не без гордости подумал о том, что утер нос самому Кучкару, проявив волю и мужество. Ничего не значит, что он не такой сильный, как Кучкар и Акмаль: в человеке главное не физическая сила, а сила духа. После того, что сегодня произошло, даже Кучкар не посмеет думать о нем, как о хлюпике, умеющем только стихи сочинять. Как ни тяжело было Машрабу, но после разговора с Кучкаром он проникся к себе особым уважением.

Машраб лежал на клевере, прислушивался, стараясь изо всех сил не заснуть.

На этот раз Машраба разбудил Кур-Шермат:

— Хорошо устроился! Как на курорте! А ну, вставай, воришка!

Солнце только что взошло, и из-за дувалов слышалось бляенье баранов, кудахтанье кур, брань женщин. Какая-то женщина кричала:

— Держи теленка, чтобы тебя земля проглотила!..

Машраб шел далеко впереди Кур-Шермата, будто не имел к сторожу бахчи никакого отношения: просто идут себе в одном направлении два совершенно посторонних человека,— это на случай встречи со знакомыми. К счастью, улица кишлака была пустынной.

Бахча зеленым ковром поблескивала под лучами солнца. Солнце уже пригревало, и сладковатый аромат дынь пронизывал воздух. В листьях скопилась роса, каждый из них был словно изумрудная чаша, полная хрустальной воды,— возьми и пей. Между листьями проступали, греясь на солнце, сетчатые бока дынь: знаменитые басвалды, америйские, кукча с надтреснутыми плетями. Гряды с дынями прошли не останавливаясь и вышли к сухому арыку, где росли хандаляшки. В зелени зияли развороченные грядки, разорванные плети

путались под ногами, сорванные хандаляшки валялись тут же, в междурядье. Машраб смотрел и не верил, что он успел ночью за какие-то полчаса так разворошить бахчу. Сорваны были не только хандаляшки — зияли пустотой близкие к арыку гряды дынь. Но ни Акмаль, ни Кучкар дынь не рвали — это Машраб очень хорошо помнил. Он видел их в последний раз совсем в другом месте. Неужели они вернулись на бахчу уже после того, как его поймал Кур-Шермат? Машраб был так расстроен видом развороченной бахчи, что не обратил внимания на следы ишака между гряд.

— Видишь, что наделал, подлец! — Кур-Шермат схватил Машраба за подбородок. — Теперь скажешь, кто твои приятели? Молчишь? Значит, ты один все это натворил? Один и ответишь, раз молчишь. — Кур-Шермат бросил под ноги Машраба черный шерстяной мешок. — Собирай хандаляк! Клади вместе с плетями, воюга несчастный!

Машраб собрал почти полный мешок.

— Давай поднимай и неси! — сказал Кур-Шермат и помог Машрабу взвалить мешок на плечи.

Больше не было смысла делать вид, что он не имел никакого отношения к Кур-Шермату, все равно никто бы не поверил. Машраб сгибался под тяжестью мешка — с такой поклажей далеко не убежишь, — а Кур-Шермат шел след в след за его спиной да еще покрикивал:

— Умел воровать, умей и ответ держать!

Машраб шел, стиснув зубы, и зло думал: «Сам ты вор и басмач!» Машраб даже не подозревал, как близок он был к истине: пока Машраб, обливаясь потом и спотыкаясь, шел по пыльной улице кишлака, по дороге в город шагал ишак Кур-Шермата, нагруженный дынями.

В этот час люди спешили на работу. Навстречу то и дело попадались старики верхом на ишаках, покрикивая «хык, хык», и ноги стариков почти касались земли. В тени дувалов шли женщины и девушки с кетменями на плечах, и Машраб слышал их колкие реплики:

— Мальчишку вместо ишака приспособил.

— Совсем замучил бедняжку, дурак одноглазый.

Одна женщина перешла дорогу и заглянула Машрабу в лицо.

— Смотрите, это же сын Ячейки...

Машраб шел, не поднимая головы, думая об одном: скорей бы дойти до правления колхоза. Правление уже было совсем близко, подняв глаза, можно было увидеть массивные ворота, но дойти до них Машрабу не довелось: справа в урюковой роще он услышал веселый и звонкий смех Гульчехры.

— Ой, Муяс, смотри — Дивана!

Пальцы Машраба разжались, и мешок с глухим стуком ударился о землю. Машраб вскинул голову. За арыком, чуть впереди Гульчехры, стояла Муяссар. Ее брови дрогнули и поползли вверх от изумления.

Гульчехра хохотала, а хандаляшки из лопнувшего мешка покатались к арыку.

— Смотри, хандаляки... Бедняжка ходил за хандаляшками,— говорила Гульчехра и, чуть не падая от смеха, обнимала Муяссар.

Машраб озирался по сторонам, словно попавший в петлю необъезженный жеребенок. Он снова украдкой посмотрел на Муяссар, ища у нее сочувствия. Но в широко раскрытых глазах девушки, в выражении ее лица Машраб уловил оттенок брезгливости. А может быть, ему так показалось, потому что он сам себе был противен в эту минуту.

— Полюбуйтесь, товарищ комсорг, вот они, хандаляки, которые комсомольцы растили для госпиталя!

Это сказал Кур-Шермат. Муяссар мельком взглянула на него и тут же снова повернулась к Машрабу.

— Ты, ты... ты знаешь, что натворил? — Она задыхнулась и, не договорив, побежала в урюковую рощу, и ее яркое платье мелькало между деревьями.

Гульчехра бежала за ней, и на дороге звенел ее веселый голос:

— Подруженька, куда бежишь? Где горит?

Кур-Шермат перестал улыбаться.

— А ну, подбери! — сказал он и ткнул пальцем на хандаляки.— Это тебе не урожай с бабушкиной бахчи. Они выращены в поте лица, негодяй!

— Не буду, хоть застрели на месте — не соберу!

— Соберешь!

Кур-Шермат схватил Машраба за шиворот и стал клонить к земле. Машраб изо всех сил цеплялся за его

халат. Сзади послышался глуховатый, мягкий, такой знакомый и такой ненавистный сейчас голос:

— Машрабджан?

Кур-Шермат отпустил его. Барно, в платье из черного атласа, которое очень шло к ее несколько полной фигуре, с белым, почти без загара лицом, с выраженным тревогой в темных глазах, подбежала к ним.

— Что случилось, Машрабджан? — Ноздри у нее расширились; тяжело дыша, она смотрела то на Кур-Шермата, то на Машраба.

Кур-Шермат неловко прокашлялся, сказал:

— Видите, что наделал, глупыш! Ночью полез на бахчу и все там перевернул...

Барно сжала губы, красивые глаза ее сверкнули гневом.

— Неужели... из-за каких-то недозревших хандаляшек можно так оскорблять?! — резко спросила она.

— Но как же быть, ападжан? Сами понимаете, добро не мое...

— Все понимаю. Немедленно отпустите его!

— Что же будет, ападжан?

— Ничего! Я сама за все отвечу. Если нужно будет, поговорю с товарищем Эртаевым...

Машраб, потрясенный неожиданным появлением Барно, молчал, но теперь сжал кулаки и выкрикнул:

— Не нужно мне ваше заступничество! — Он запнулся. Барно с недоумением смотрела на него. — Не хочу, чтобы вы просили за меня Эртаева! Он негодяй и распутник! Сами пользуйтесь его помощью! — выкрикнул Машраб, и оттого, что эти беспощадные слова он выкрикнул в лицо любимой невестке, его горло перехватила спазма. Машраб перепрыгнул через арык и побежал в рощу.

● ГЛАВА ВТОРАЯ

Гульсум-апа ждала Машраба. В это время он уже приходил с ночного полива. Но вместо сына пришел сторож правления и сказал, что ее вызывает Эртаев.

Сторож ушел, а Гульсум-апа с минуту стояла в раздумье. Она снова вспомнила слова мужа: «Не верь Эр-

таеву». К сожалению, сам он до последних дней верил молодому красноречивому пареньку с черными горячими глазами.

Месяц назад Эртаев уже вызывал ее и от имени районо поручил выполнять обязанности директора школы, которого призвали в армию. Зачем она понадобилась теперь? В тот раз Эртаев был с ней предельно вежлив и предупредителен, как бы стараясь подчеркнуть, что пережившиеся обстоятельства не повлияли на его отношение к ее покойному мужу и к ней самой.

После того как долгое время Эртаев избегал семью своего бывшего начальника, его обращение показалось Гульсум-апа странным, и она до сих пор думала: с чего бы это?

Гульсум-апа достала из сундука цветастое платье, не очень новое, но лучше того, в котором она была. Голову повязала косынкой дочери Мастуры и мельком, но очень внимательно оглядела себя в зеркале, поправила выбившиеся из-под косынки волосы, заметила, но без всякой горечи, что за последний год стала быстро стареть. Она прикрыла на подносе завтрак Машрабу и вышла из дому. Шла по улице и продолжала думать о том, зачем ее вызывает Эртаев. Возле сросшейся орешины из переулка вышли Кучкар и Акмаль. Рубашка у Кучкара вылезла из-под ремня, его густые курчавые волосы растрепались, а в странных желтовато-голубых глазах была какая-то тревога. Акмаль-толстяк, которому обычно бывало море по колено, тоже был встревожен, хмурился и все время отводил глаза.

— Здравствуйте! Куда путь держите, молодые люди, и что у вас случилось? — спросила Гульсум-апа. Она смотрела то на одного, то на другого, и ее наметанный глаз учителя уловил что-то неладное.— Где Машраб?

— Машраб? — Кучкар почесал голову, кашлянул.— Он не пришел домой?

— Нет. Откуда вы идете? С поля?

— Идем-то мы с поля...— начал было Кучкар, пряча глаза.

— Э, брось молоть чепуху,— решительно заговорил Акмаль.— Ходили в правление, там сказали, что Машраб сбежал...

— Куда сбежал? Зачем ему бежать?

— Ну, ночью мы ходили за хандаляками. Ну, словом, Машраб попался.

— А потом? Его арестовали?

— Да, было так, но сейчас мы узнали, что он удрал,— сказал Кучкар и торопливо добавил: — Мы еще ночью хотели его освободить — не вышло!

Больше не надо было ломать голову, зачем вызывает Эртаев. Конечно, попался ее витающий в облаках Машраб, а не этот сорвиголова Кучкар. Кто станет связываться с пасынком председателя киштачного Совета Халмата Чавандаза? Гульсум-апа смотрела на Кучкара, и горькая улыбка застыла в уголках ее губ.

— Нет, будь я проклят! — неожиданно выкрикнул Кучкар.

— Все будет хорошо,— сказала Гульсум-апа.— Идите и занимайтесь своими делами. Помните, за полив хлопчатника отвечает школа, а это дело доверено вам.

Гульсум-апа свернула в проулок, а Кучкар и Акмаль смотрели ей вслед. Она шла, сосредоточенно хмурая брови, с высоко поднятой головой.

Гульсум-апа не боялась предстоящего разговора с Эртаевым: ну, сколько хандаляков могли сорвать мальчишки? Ее беспокоило отсутствие Машраба. Она хорошо знала болезненную стыдливость сына и его самолюбие. Она всегда со страхом думала: как мальчик будет жить со своей прямолинейной честностью и обостренной совестью? Она гордилась сыном, так непохожим на остальных ее детей, и одновременно боялась за него.

— Э, салам, ападжан!

У двухстворчатых ворот правления стоял Камил Джалалов, в линиялой гимнастерке и в больших стоптанных сапогах с потертыми кирзовыми голенищами. Правая рука его, с подвязанным деревянным лубком, висела на груди на поясном платке. На правой стороне гимнастерки алел орден Красной Звезды, на левой — искрились на солнце две медали. Когда Гульсум-апа встречала Камилу, у нее всегда теплело на сердце. Камил был первым вернувшимся с фронта живым и с орденом, как бы напоминая маловаерам, что на войне не всех убивают.

— Салам, Камилджан, салам!

— Здравствуйте, ападжан.— Камил улыбался, и на его скуластом веснушчатом лице бросались в глаза совсем мальчишеские ямочки.

— Как рука? Заживает рана?

Камил потрогал пальцы, видневшиеся из-под повязки, слегка пошевелил ими, сказал:

— Кто знает, что будет с рукой. Разрывная пуля. Доктора хотели отрезать, но я не дал... Пойдемте, а то без нас собрание начнут. Между прочим, можете меня поздравить — выбрали парторгом.

— Поздравляю, джоним! ¹ Поздравляю!

Камил неловко протянул ей левую руку.

— Извините,— сказал он и покраснел. Как будто был виноват в том, что правую руку ему искалечили.

— Не гневи судьбу. Единственная мечта матерей — чтобы их сыновья вернулись живыми.

— Так это же матерей, ападжан,— грустно сказал Камил и снова пошевелил высохшими пальцами.

— О каком собрании ты сказал? — спросила Гульсум, проходя в ворота правления. Она шла по мощенной кирпичом дорожке чуть впереди Камила.

— Товарищ Эртаев решил провести собрание кишлачного актива.

Кабинет председателя кишлачного Совета был полон народа. Вряд ли эти люди собрались здесь из-за того, что Машраб воровал ночью хандаляки. После пережитого напряжения у Гульсум разболелась голова. Как только Гульсум и Камил вошли, Эртаев встал, опершись о стол крупными руками с холеными белыми пальцами.

— Пожалуйста, проходите сюда,— сказал он Гульсум, указывая на единственный свободный стул рядом с Барно.

Камил прошел к столу и сел на оставленное ему место.

— Если не возражаете, начнем,— сказал Эртаев. Он смотрел на Гульсум, и получилось так, как будто он спрашивает у нее разрешения начать собрание.

¹ Джоним — милый, милая.

Эта подчеркнутая любезность вновь насторожила Гульсум. Усаживаясь рядом с Барно, Гульсум наклонилась к ней:

— Здравствуй, джоним!

— Спасибо, и вам многих лет здоровья...

Барно посмотрела на нее, и Гульсум увидела в слегка прищуренных глазах невестки, в ее круглом и белом лице с плотно сжатыми припухлыми губами отчужденную неприязнь. «Что с ней?» — подумала Гульсум и сама себе ответила: «Мало ли что может быть у молодой женщины, от чего портится настроение?» Гульсум успокоилась и огляделась.

За столом рядом с Эртаевым сидели председатель колхоза Инобат и Камил, а на диване у окна с независимым видом расположился Халмат Чавандаз и рядом с ним, ближе к столу, — Курбан-ата. Всегда, на всех собраниях, сколько помнит Гульсум, он сидел рядом с начальством. Старый Курбан-ата уже давно утратил свое бывшее значение, но своим привычкам не изменил и по-прежнему на любых собраниях садился на почетное место. Курбан-ата сидел строго и прямо, в большой миллиейской фуражке на голове и с плотно набитой полевой сумкой на коленях. Эту полевую командирскую сумку Гульсум помнила столько же, сколько помнила Курбана-ата.

Потом Гульсум принялась разглядывать Эртаева. Когда-то тонкий и стройный, он пополнил, раздался в плечах. Под столом видны были до блеска начищенные хромовые сапоги, белая шелковая рубашка с нагрудными карманами покойно облегла его широкую грудь и красиво сочеталась с синими шевнотовыми бриджами с красным кантом, широкий командирский пояс из желтой кожи плотно стягивал полнеющую талию. Рядом с ним особенно убого выглядели вылинявшая гимнастерка и стоптанные кирзовые сапоги Камилы. Гульсум стала внимательно прислушиваться к словам Эртаева. Он упрекал председателя колхоза Инобатхон в том, что та превысила план, посеяв шестьсот гектаров зерновых. С этого момента Гульсум слушала все особенно внимательно. Сначала получалось так, будто Эртаев корит Инобатхон за превышение плана и увеличение фронта работы. Но когда Инобатхон спросила:

— Разве плохо, что мы хотели дать стране кроме хлопка еще и побольше хлеба? — Эртаев ответил:

— Кто вам говорит, что плохо? Умели брать обязательства — умеете их выполнять. Я говорю о том, что мы многое на словах готовы сделать для фронта. А на деле? На деле не убрано еще и одной трети зерна, а с вывозкой его на заготпункты обстоит еще хуже...

— Весной, когда мы брали обязательства, в колхозе еще были мужчины.— Инобат развязала цветастый платок и нервным движением провела по горлу рукой, словно ей не хватало воздуха.— Когда брали людей в трудовой батальон, я просила оставить хоть таких тружеников, как Эшмат-ака...

Халмат Чавандаз с места оборвал ее:

— Эшмат-ака да Ташмат-ака... Сколько можно об этом помнить? Обязательства выполнять надо? Надо! Об этом и говорит товарищ Эртаев... С людьми у ваших соседей не лучше, а план они выполняют.

— И мы выполним! — Курбан-ата вскочил со своего места и поправил на голове фуражку.— Товарищ Чапаев никогда не спрашивал, сколько беляков... Товарищ Чапаев спрашивал: где белые? Не надо считать трудности. Чем их больше, тем лучше.

— Молодец, ата,— сказал Эртаев и заплодировал.

Другие тоже хлопали в ладоши и улыбались. Курбан-ата снова поправил фуражку, готовясь произнести речь, но Эртаев попросил его сесть, ласково положив руку на его плечо.

— Будет Инобатхон обижаться за то, что советская власть призвала на фронт нужных колхозу людей, или не будет — положение не изменится. Хлеб убирать и сдавать государству надо. К тому же из колхоза не только уходят... Наш новый парторг, замечательный сын нашего народа, герой Великой Отечественной войны Камил Джалалов...— Эртаев увидел, как Камил опустил голову и как у него покраснели уши, но продолжал: — Вам нечего стыдиться, Камилджан, моих высоких слов. Я говорю то, что мы все думаем. Вы настоящий герой, и мы гордимся вами. Мы надеемся, что вы внесете в работу боевой дух наших славных фронтовиков и обеспечите решение стоящих перед нами задач.— Эртаев уловил

нетерпеливое движение присутствующих, сказал: — Минуточку, еще один вопрос.

Он взял из рук Барно какую-то бумажку, пробежал ее глазами.

— Дело вот в чем,— сказал Эртаев.— Руководители района, учитывая нехватку людей в колхозе, решили направить в наш кишлак четырнадцать эвакуированных семей. Всего тридцать два человека.

— Целый взвод! Когда к Чапаеву приходило пополнение...— Курбан-ата поучительно размахивал указательным пальцем, но Эртаев снова, на этот раз нетерпеливо, прервал его.

— Однако есть одно но...— сказал он.— Среди гостей имеются эвакуированные из Ленинграда... Попросту говоря, больные женщины и дети, которые перенесли двухлетнюю блокаду. Почему их направили к нам? Сейчас нет ни курортов, ни санаториев. У нас как-никак горный воздух, фрукты, овощи. Правильно я говорю, Гульсум-апа?

От этого прямого и неожиданного обращения к ней Гульсум немного растерялась.

— Правильно... Только почему вы это говорите мне? — сказала она.

— Гостям надо будет отдать лучшие комнаты, если возможно, и мехмонхану...¹ Среди несознательных, возможно, будет недовольство. Вы, Гульсум-апа, пользуетесь авторитетом и должны заранее провести работу среди населения...

— Вы о нас думаете хуже, чем мы того заслуживаем. Мы можем себе представить, что значит перенести блокаду. У меня нет хороших комнат, но они есть у моей мамы, и она их уступит приезжим. Я думаю, так поступит каждый.— Гульсум покраснела, пытаясь улыбкой смягчить резкость слов.

Присутствующие сочувственно молчали, а Эртаев сказал:

— На этот раз меня меньше всего интересует, что вы думаете. Надо, чтобы приезжих встретили и чтобы от них не поступало жалоб. Поработать с населением мы

¹ Мехмонхана — гостиница.

поручаем вам. Кроме того, необходимо создать комиссию по встрече гостей.

По его словам, по взгляду Гульсум поняла, что вежливая любезность Эртаева — сплошное притворство.

Она вспомнила о Машрабе, когда увидела, как Барно пошла к выходу. Гульсум вышла за ней. Невестка работала в правлении и могла знать подробности того, что произошло. Гульсум решила не обращать внимания на неприязнь невестки, ни разу не взглянувшей на нее во время собрания. Сейчас Барно тоже старательно отводила глаза.

— Что с тобой, джоним?

— А что? Ничего особенного!

— Слышала, что натворил Машраб?

— Не только слышала, даже видела. Я поражена, апа. Я видела, как его тащил сторож, подошла, чтобы заступиться, а он нагрубил мне и убежал. Я хочу предупредить: пусть никто не чувствует себя моим хозяином. Я никому не позволю за мной следить и указывать, как мне жить...

— Не знаю... Возможно, Машраб поступил, как мальчишка. Я поговорю с ним. Пожалуйста, не думай, что кто-то из нас будет тебя притеснять.

Гульсум увидела выходящую из кабинета Инобат и подошла к ней.

В больших, неуклюжих сапогах, с почерневшим от загара обветренным лицом, Инобат выглядела постаревшей и очень усталой.

— Инобат, милая, как дела?

— Спасибо, сами слышали...

— Не обижайтесь, большой человек!

— Да, я понимаю. Он ведь тоже заботится не о себе, а о фронте,— сказала Инобат.— Как у вас дела? Давно уже не была в вашей бригаде.

Гульсум-апа засмеялась:

— А у нас то же самое — не хватает людей.

— Знаю. Иначе давно бы забрала трех соколов в степь.

— Что же я тогда буду делать? Они одни справляются с поливом.

— Справляются с поливом или...— Инобат весело рассмеялась, ее белые красивые зубы молодили усталое

лицо.— Вы уже, наверно, слышали, что натворил Машраб?

— Да, мне только что сказали...

— Пока я пришла, успели доложить Эртаеву. Я как следует отругала бригадира бахчи.

— Не знаю, что и сказать.

— Э, бросьте, апа! Разве мы не были девчонками? — Карие глаза Инобат заискрились. Она пошла к воротам, посмеиваясь и громко похлопывая плетью по голенищам сапог.

Хорошо поговорили подружки. Вроде бы ничего и не сказали друг другу, а на душе Гульсум стало хорошо и покойно, как давно уже не было. За последние годы пришлось пережить столько невзгод, что Гульсум-апа порой не верила, что когда-то и она была девчонкой. Успокоенная, она пошла к Камилу, которого назначили председателем комиссии по встрече гостей.

Машраб лежал на балахане — двухэтажном навесе с плоской земляной крышей — и вот уже пять часов изучал потолок. Он залез сюда ранним утром, а сейчас полдень, и на сухом зеленом клевере лучи солнца рассыпаны, как золотистая солома. На потолке, среди засохших, сморщенных шкурок, висели мешочки с куртом — сухим творогом, нанизанные на нитку, словно бусы, стручки красного перца, гирлянды сушеных персиков, несколько пучков базилика и еще что-то. Все это «большое хозяйство» бабушки Машраб успел хорошо изучить. Милая Махира-буви, за свой век ей не раз пришлось голодать, и она собирала каждую косточку, каждую сухую урючину, чтобы не знали голода ее дети и внуки. Среди этого съестного царства Машраб вспомнил, что не ел со вчерашнего вечера. Но он так устал и так был расстроен, что не хотелось ни есть, ни вообще шевелиться. Даже услышав голос матери, которая пришла к бабушке, наверно разыскивая его, Машраб еле заставил себя взглянуть в окошечко, настолько все было ему безразлично.

Бабушка сидела на корточках на берегу арыка и умывалась, а Гульсум-апа стояла возле нее. Прежде чем ответить на вопрос дочери, где может быть Машраб,

Махира-буви провела мокрыми руками по белоснежным волосам, вытерла лицо кончиком платка и встала.

— Что ты, доченька, так беспокоишься? Может быть, что-то случилось? — спросила она.

— Нет, мама, просто он сегодня домой не приходил.

— Если не приходил, значит, где-то ходит. До чего ты, доченька, беспокойная, до чего беспокойная...— Слово «доченька» она произносила недовольно, с упреком. Потом они — мать и дочь — взяли за руки Фатиму и Зухру, прибежавших из сада, и, перейдя улицу, прошли во двор.

Теперь, чтобы их видеть, Машрабу надо было перейти к окошку на другой стороне балаханы. Машраб помедлил, с минуту смотрел вдаль. Из окошка были видны не только ближние сады, но и дома, расположенные по ту сторону долины, склоненные над плотиной ивы, две сросшиеся орешины и белые тополя с гнездами аистов, похожими на перевернутые тандыры — печи, в которых пекут лепешки. А за долиной, за садом Муяссар, начинались ровные хлопковые поля. Машраб почему-то вспомнил раннюю весну, когда старые учителя во главе с Азизом-домуллой на волах пахали землю, а мать варила на всю бригаду похлебку. В это время старшеклассники бороновали на ишаках, запряженных в деревянные бороны.

Машраб снова улавливал голоса матери и бабушки. Теперь женщины разговаривали во дворе.

— Неужели я пожалею угол для этих бедных вдов? — недовольно говорила буви.— Только бы сыновья и внук вернулись живыми, а комнаты найдутся для всех.

Машраб заинтересовался: какие бедные вдовы? Кто должен приехать и почему о них беспокоится его мать? Он перешел к окну на улицу.

— Вы возьмите в комнате дяди сюзане¹. А я пришлю с ребятами кое-какие вещи,— выходя на улицу, говорила Гульсум-апа, а Махира-буви провожала ее до калитки.

¹ С ю з а н е — украшение типа гобелена из гладкой материи с вышивкой, которое вешают на стену.

Все, что услышал Машраб, было настолько неожиданно, что он на время забыл о собственных делах, теряясь в догадках: кто бы это мог приехать?

Вскоре с поля вернулась жена дяди с кетменем на плече. А вслед за ней во двор ввалились Кучкар и Акмаль-толстяк. Кучкар нес на спине платяной шкаф, подложив на плечи курпачу — узкое ватное одеяльце для сиденья на полу.

— Посторонись, посторонись! — покрикивал Кучкар, неуклюже поворачиваясь, чтобы пройти в дом. За ним шел Акмаль, на его спине лежал стол Машраба.

Машраб с беспокойством подумал: где книги, которые лежали в шкафу, и тетради с дневниковыми записями, которые были в ящиках стола? Эти тетради Машраб прятал от всех. Неужели их нашли? А может, их взял Кучкар? При этой мысли Машраб покрылся потом и у него шевельнулись волосы на голове. Он уже готов был кинуться с балаханы во двор, но в калитку вошли Муяссар и Гульчехра. Муяссар несла два стула, а Гульчехра — постель.

Кучкар и Акмаль, мешая друг другу, втаскивали в комнату шкаф и стол, Муяссар то появлялась на пороге, то снова уходила в комнату. Гульчехра с женой дяди подметала двор, а бабушка то приносила из арыка воду, то возилась подле очага, от которого тянуло дымком и пахло похлебкой.

На улице поднялся какой-то шум. Машраб снова подошел к окну. В конце переулка показались в сопровождении толпы Камил и Азиз-домулла. Они раздвигали толпу, указывая дорогу арбе на высоких, выше человеческого роста, колесах. Первая арба, с молодыми женщинами, проехала мимо бабушкиного дома. Парнишка-арбакеш, сверстник Машраба, сидел между двумя женщинами, которые чему-то смеялись, а лицо арбакеша расплывалось в улыбке. Вторая арба, на которой ехали женщины с детьми, тоже не остановилась. Женщина с худым лицом, прижимая к себе мальчика, громко сказала:

— Посмотри, Володя, сколько яблок!

Другая женщина поправила:

— Это не яблоки, а персики.

Какой-то мальчик настойчиво повторял, удивляясь, что никто не разделяет его изумленного восторга:

— Мам, смотри! Да смотри же — аисты! Видишь, гнездо аиста. Да смотри же!

Машраб провожал глазами арбу, пока она не скрылась за поворотом. Он уже догадался по истощенным лицам детей и женщин, что за гостей ожидала мать. В переулке возле калиток стояли старики, старухи, дети.

Слышались реплики:

- Сразу видно — голодные...
- Лица совсем желтые.
- Пожелтеешь. Два года голодали и мерзли.
- Бедные наши дети, когда все это кончится?

Машраб прозевал, когда в переулок въехала третья арба. Он увидел ее уже возле дома. Гульсум-апа впереди лошади подошла к калитке. На арбе лежала изможденная женщина и возле нее, держа женщину за руку, сидела девочка. Машрабу показалось, что ей лет десять, но потом он узнал, что девочка была ровесницей Муяссар, просто от истощения она казалась моложе. На арбе сидели еще женщины и дети, но Машраб никого, кроме этих двух, не замечал. Девочка смотрела по сторонам огромными встревоженными глазами, как будто искала у людей сочувствия. Восковое лицо матери казалось мертвым, и голова ее моталась от толчков. Девочка придерживала ее свободной рукой. Арба остановилась возле калитки. Гульсум-апа встала ногой на колесо и наклонилась к женщине.

— Серафима Федоровна, приехали! — сказала она.

Женщина открыла и снова закрыла глаза.

— Сейчас, сейчас, — засуетилась девочка. — Мама, мы уже приехали. Слышишь? Приехали. — Девочка посмотрела вокруг запавшими глазами, сказала: — Она сама не встанет, если ей не помочь.

Возле арбы суетились Кучкар и Акмаль. Они сгруджили узлы, а девочка, просунув под плечи и голову матери тонкую, как плеть, руку, приподняла ее. Женщина закашляла. Она кашляла долго и надсадно, а девочка все выше поднимала ее голову и плечи, пока женщина не села. Бабушка протянула ей пиалу с чаем. Женщина отпила глоток, кашель утих, и, опираясь на протянутые руки, она тяжело спустилась на землю. Арба тронулась, и женщины с детьми, оставшиеся на арбе, прощались, будто уезжали на другой конец земли:

- До свидания, Серафима Федоровна.
- Прощайте.
- Выздоровливайте!

На лицах приезжих была встревоженность и грусть. Причину этого Машраб понял много лет спустя. Людей,

выросших под другим солнцем, среди другой природы, эти домики с плоскими крышами, укрытые в садах, узкие кривые переулки с глухими дувалами, смуглолицые люди, говорящие и кричащие что-то на непонятном гор-танном языке, ошеломляли, вызывали тревогу.

Машраб бросился к окошечку, выходявшему во двор. Женщину уже увели под руки в дом. Кучкар прислонился к столбу айвана — открытой террасы вдоль фасада дома.

— Так. Одно дело сделано, — сказал он. — Куда все же девался Машраб?

Акмаль пожал плечами. Из дома вышли Муяссар и Гульчехра, и тотчас за ними появилась Гульсум-апа с приезжей девочкой. Русые, почти белые волосы девочки, распущенные по плечам, скрадывали худобу. Таких волос Машраб сроду не видел.

— Мама ее заснула, а вы покажите Ларисе сад, — сказала Гульсум-апа.

— Пойдемте в наш сад, — сказала Муяссар.

На террасу вышла Махира-буви, сказала:

— Эй, сынок Кучкарджан, залезь-ка на балахану, достань одну касу курта. Приготовлю-ка я больной куртава, пока она спит.

Все, что произошло потом, произошло так стремительно, что никто и опомниться не успел. Во дворе услышали вопль Кучкара:

— Нашел вора! — и вслед за этим из окна балаханы вылетела пнала и, долетев до земли, разлетелась вдребзги. Бабушка успела сказать:

— Это к счастью!

Тут появилась спина Кучкара. Он пятился задом и за ноги тащил с балаханы Машраба. Затем подхватил Машраба в охапку и скинул вниз.

Машраб стоял посредине двора и затравленно озирался, белый от пыли, с сухими листьями клевера в волосах. Стоял, оглохнув от смеха. Смеялись все, указывая на него пальцем. Машраб готов был кинуться на Кучкара с кулаками, но встретил взгляд Муяссар, услышал ее смех и неожиданно для себя расхохотался сам. Как насадка, нашедшая пропавшего цыпленка, Махира-буви, обняв внука, целовала его то в одну, то в другую щеку. Машраб с трудом вырвался из ее рук и увидел мать.

— Извините, мама... я... так вот случилось.

— Идите с Ларисой, покажите ей сад,— сказала Гульсум-апа.— Не забудьте про полив,— добавила она.

Машраб нерешительно стоял посреди двора.

— Ты тоже иди!

Взрослые ушли, и ребята остались одни. Они изучали русский язык в школе, но стеснялись говорить, боясь показаться Ларисе смешными. А она улыбалась и смотрела на всех огромными глазами, окруженными тенями и от этого казавшимися еще больше. Вдруг Кучкар решительно махнул рукой:

— А, Ларисахон! Свои люди. Плохо сказал, хорошо сказал! Свой огород, персик много. Хорошай девушка персик не жалка!

Все захохотали, а Кучкар громче всех.

Лариса шла в середине, а по бокам Муяссар и Гульчехра. Проулок был узким, и ребята шагали сзади. Кучкар вспоминал подробности ночного приключения. Особенно когда Кур-Шермат пинками подгонял Машраба по арыку. Оказывается, Кучкар и Акмаль это видели.

— Мы думали, ты убежишь. Почему не убежал?

— Попробовал бы ты убежать со связанными руками.

Муяссар делала вид, что занята Ларисой, но на самом деле прислушивалась к тому, что говорили за ее спиной. Вчера утром она сказала, что поспели хандаляшки, не потому, что ей захотелось сладкого,— это Гульчехра за нее придумала,— Муяссар заговорила о хандаляках, потому что накануне вечером ее вызвал Камил.

— Бригадир бахчи говорит, что хандаляк поспел,— сказал Камил, когда Муяссар вошла в его кабинет, маленькую комнатку в правлении колхоза.

— Поспел, парторг-ака,— подтвердил Кур-Шермат.— Наберется полмешка, мешок...

Камил поручил Муяссар как комсоргу школы взять хандаляки, несколько ящиков яблок и других фруктов и отвезти в подарок раненым в госпиталь.

— Дорогу в госпиталь, я слышал, вы уже знаете? — Камил рассмеялся, а Муяссар покраснела. — От матери не попало? — спросил он.

Отец Муяссар Курбан-ата считал невозможным везти на базар для продажи вишни. Сколько мать Муяссар ни умоляла его, доказывая, что нет ни копейки денег, а детишкам к зиме необходимо купить обувь, Курбан-ата твердил одно:

— Понимаешь, что говоришь, женщина?! Ты можешь себе представить Чапаева на базаре?!

Жена не могла такого представить и снова начинала говорить, что детишкам нужна обувь. Тогда Курбан-ата надевал милицейскую фуражку, брал туго набитую газетами и журналами полевую сумку и уходил в поле или уезжал в степь подальше от докучливых разговоров. Кончилось тем, что мать Муяссар попросила разрешения Гульсум-апа и отправила с вишнями дочь. Муяссар по неопытности выехала из кишлака поздно, и когда приехала в город, солнце уже стояло в зените. Муяссар не знала дорогу и вместо базара оказалась возле городской больницы. За оградой под тутовником сидели раненые. Муяссар слышала, что в город эвакуировали госпиталь и многие из кишлака приезжали сюда узнать, не слышали ли раненые что-нибудь об их близких. Муяссар увидела возле раненых девушку в белом халате и остановила ишака: ей очень хотелось спросить о сестре Зебе, которая уехала на фронт с четвертого курса ТашМИ. Но вместо этого она спросила:

— Как мне на базар проехать, ападжан?

— Поверни ишака обратно, доедешь до угла и поверни налево. А ты случайно не урюк ли везешь, сестричка?

— Нет. Вишни.

— Продай стакан. Заплатим по базарной цене.

— Что вы говорите? — Муяссар прыгнула с ишака. — Разве я вишню купила за деньги, чтобы продавать? — Она торопливо развязывала корзины и сыпала вишню пригоршнями в протянутые ладони, в пилотки, в котелки, в носовые платки, а сама все разговаривала и разговаривала, и, хотя девушка в белом халате ничего не слышала о ее сестре, Муяссар показалось, что она получила о Зебе добрую весточку. Раненые пробовали вложить в ее щедрые руки деньги, но Муяссар то и дело повторяла:

— Нет, нет. Зачем деньги? Не надо денег. Вишня своя!..

Она вернулась в кишлак полная любви и доброты к страдающим людям, для которых она смогла сделать что-то приятное. Это светлое чувство несколько тускнело, когда она вспоминала о матери. Мать долго смотрела

на дочь, пытаюсь понять, что та ей говорила, но, видимо, так ничего и не поняла и только сказала:

— Конечно, разве девичье дело ездить продавать вишню?

Зато Курбан-ата был в восторге от дочери. Он заставил ее подробно повторить весь рассказ, как она, спрыгнув с ишака, предложила девушке вишню, как из ворот вышло несколько раненых с алюминиевыми мисками и котелками, как потом вокруг Муяссар собрались все, кто мог ходить, а тем, кто не мог, отнесли вишню товарищи. Муяссар рассказывала и сама вспоминала подробности. Потом отец заявил, что ему надо срочно в правление, и ушел сияющий и воодушевленный. Муяссар только сейчас догадалась, что Камилу о вишнях рассказал отец.

Несколько дней Муяссар жила ожиданием встречи со своими знакомыми в госпитале. Ей очень хотелось снова испытать приятное чувство собственной щедрости. По вине Машраба все было испорчено. Муяссар подчеркнуто не замечала его.

Муяссар пропустила вперед Ларису и вслед за ней перешла тахта-куприк — дощатый помост над арыком. Сад Муяссар был небольшим, но молодые деревья хорошо плодоносили и давали много тени. Персиков и урюка почти не осталось, если не считать редких, случайно забытых плодов, поклеванных воробьями. Зато поздние яблоки и сливы густо усеяли деревья. Лариса была поражена. Она подолгу останавливалась под каждым деревом, осторожно прикасалась к бархатистой шкурке персиков, чуть поглаживая их кончиками пальцев, словно боясь сорвать невзначай, ощупывала сливы и яблоки, будто не веря, что они настоящие. Ребята настанвали на том, чтобы она ела все, что ей хочется, не стеснялась и ни на кого не обращала внимания, выясняли, как сказать по-русски то или иное слово, перебивая друг друга. Оглушенная потоком ломаных русских слов, Лариса смущенно улыбалась. Кучкар, справедливо решив, что дело понятнее слов, не ленился из-за одного-двух плодов залезать на вершину дерева. Он требовал, чтобы Лариса подставляла подол, и ловко бросал сорванные фрукты. Лариса вначале смущалась, каждый раз говорила: «Хватит, спасибо». Но ребятам нравилось угощать

ее, и каждый заставлял съесть плод, который нашел он. А потом произошло что-то странное. Лариса, оглядываясь по сторонам, вдруг стала подбирать и складывать в ведерко, которое ей дала Муяссар, косточки урюка и абрикосов, подгнившую падалицу — все, что отыскивали в траве под деревьями ее глаза. Она больше не замечала протянутых ей плодов и все собирала, собирала, быстро перебегая под деревьями и ни на кого не обращая внимания.

Вначале ребята растерянно поглядывали на нее, пробовали объяснить, что все собранное ею несъедобно, что косточки персиков и вишен вообще вредные — ими можно отравиться, Лариса, как автомат, продолжала собирать все, что ей удавалось найти.

Кучкар вырвал у нее ведро и перевернул, растоптав все ногами.

— Нельзя! Мозги ямак — плохо мозги... — сказал он. — Понимаешь! Ум, ум плохо, — и для большей убедительности постучал пальцем по лбу. — Горько, совсем горько! Плохо!

Лариса некоторое время испуганно смотрела на него и вдруг заплакала.

— Ты забыл, откуда она приехала? Косточек не ел, а ум совсем потерял, — сказала Муяссар.

Машраб никогда не видел Кучкара таким растерянным.

— Я о тебе, не о себе думал, — сказал он по-узбекски, забыв, что Лариса не может понять его.

Она сидела, сжавшись в комок, и плакала, уткнувшись в колени.

Акмаль-толстяк сопел и исподлобья поглядывал на Кучкара.

Муяссар сказала:

— Идите на хлопчатник.

Кучкар прошел несколько шагов, сказал:

— Муяссархон, приходите все трое к нам: посидим, поговорим.

Машраб все еще стоял, желая что-то сказать Муяссар, но в это время Гульчехра выпалила вслед Кучкару:

— А что у вас есть на хлопчатнике? Хандаляшки?

Машраб встретился глазами с Муяссар и побежал догонять товарищей.

Они проработали часа два. Засучив штанины выше колен, они закладывали дерном гряды, направляя воду на участки. Когда пришли девушки, на поле никого, кроме ребят, уже не было. Только вдали, у подножья холмов, белели платки женщин. Побросав кетмени, ребята присели на берегу арыка. Грязь на ногах подсыхала, приятно стягивая кожу. Солнце зашло, но еще было светло. От земли поднималось дневное тепло. Долина, улочки кишлака за оврагом, злосчастная бахча, кирпичная мечеть на холме, белая стена школы в потемневшей зелени садов — все, даже аист в гнезде на плотине, были видны так отчетливо, будто после того, как скрылось солнце, снялась какая-то пелена и все обрело особую прозрачность.

— Я на вас вовсе не обиделась. Мне было просто стыдно за свою жадность. Сама не знаю, что со мной творится. Просто не могу видеть, чтобы на земле валялось съестное,— сказала Лариса.

— Э, о чем вы говорите, Ларисахон! Я просто ишак! У меня вместо головы курдюк. Я не должен был забывать, что вы из Ленинграда,— отвечал Кучкар.

Потом Муяссар пересказала то, что Лариса рассказывала ей и Гульчехре.

Лариса с матерью могла еще год назад эвакуироваться из Ленинграда, но заболела бабушка, и мать ни за что не хотела ее оставить. Бабушка умерла. Во всем многоэтажном доме, во всем квартале не нашлось людей, у которых бы хватило сил помочь ее похоронить. Мать и Лариса сами вырыли яму во дворе и закопали ее. Потом заболела мать. Отец Ларисы, Владислав Мефодьевич Гордый, был известным хирургом, о нем до войны писали в газетах. В прошлом году прямо от операционного стола его отправили к партизанам в леса Белоруссии. Муяссар рассказывала так, будто отвечала в классе хорошо подготовленный урок. Она нет-нет да поглядывала на Машраба, и он по мягкому блеску ее глаз понял, что она его простила. Машраб чувствовал тепло ее плеча и боялся пошевелиться, чтобы ее не спугнуть. Лариса молчала, вслушиваясь в быструю и взволнованную речь, зная, что Муяссар говорит о ней и не понимая ни единого слова. Акмаль-толстяк слушал, и сопел, но ведь он всегда сопел, когда рядом была Гульчехра.

В небе мерцали первые звезды. Потом будто кто-то стал рассыпать их пригоршнями. В кишлаке то там, то здесь загорались огоньки. От политого поля повеяло прохладой, а нагретая за день земля исходила теплом, и Ларисе хотелось прижаться к ней, как к печке.

— Слышите, лает собака, блеет овца... Я забыла, что так бывает,— сказала Лариса.— Вы не знаете, что значит огромный город, в котором ни разу не мигнет огонек. Огромный город с пустынными улицами и мертвыми домами.— Лариса замолчала, потрясенная своими воспоминаниями. Она приложила к щекам ладони и сидела не шевелясь.

Машраб сам не помнил, как заговорил. Он всегда боялся говорить в минуты душевной взволнованности, потому что сами собой вылетали высокопарные слова, над которыми смеялись.

— Друзья! — сказал Машраб, и голос его дрожал.— Давайте поклянемся памятью людей, которые погибли, защищая Ленинград. Не пожалеем сил, а если нужно, и жизни, чтобы разгромить врага. Нас шестеро! Будем бороться рука об руку, в едином порыве!..

Машраб не сразу поверил, почувствовав в своей руке руку Кучкара. Вместо того чтобы смеяться, Кучкар, который терпеть не мог высокопарных слов, сказал:

— Клянусь!

Машраб чувствовал на своей щеке взволнованное дыхание Муяссар и был счастлив.

Потом ребята проводили девушек в кишлак.

Машраб лежал на берегу арыка под тулупом. Все бы хорошо, если бы не хандаляшки. Конечно, хандаляшки — пустяки в общих событиях дня. Но такие истории не для того начинаются, чтобы так просто кончиться.

● ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эртаев не выспался, а поговорить с Барно с глазу на глаз не пришлось. Рано утром его вызвали в райисполком. Областной уполномоченный, с дергающимся после контузии лицом, сказал, что если здоровые мужчины не справляются с порученной им работой, то есть ли смысл держать их в тылу? Он вряд ли имел в виду Эртаева, но

после этих слов у Эртаева испортилось настроение. Чего-чего, а работать Эртаев умел. Вернее, умел заставить работать других. Он не боялся смерти, но мысль, что его могут призвать в армию, а на фронте легко стать калеккой, потрясала его. Новый военком с цифрами в руках доказал, что в районе много людей призывного возраста, годных для службы в армии, а между тем район не выполняет разнарядки. Областной уполномоченный поддержал военкома. Секретарь райкома Умаров доказывал, что если мобилизовать последних людей, то хозяйство остановится. Эртаев сделал то, на что второй раз он бы никогда не решился. Он встал и, глядя на военкома, сказал:

— Я тоже значусь в списках годных на фронт. Готов немедленно поменять бронь на призывную повестку...

Военком что-то проговорил о крайностях, но Умаров тут же перешел в наступление.

— Поставьте вместо цифр живых людей, и вы поймете, что все они незаменимы,— сказал он.

Военком ответил, что незаменимых людей нет. Начался спор, но Эртаев в него не ввязывался.

Среди всех забот дня Эртаев помнил о вечере. Он отпустил вчера Барно, взяв с нее слово, что они сегодня встретятся. Вчера Эртаев совершил ошибку, приняв Барно в мехмонхане — гостиной Чавандаза. Такие свидания не следовало устраивать в доме.

Эртаев сидел у окна своей комнаты и смотрел, как Чавандаз поставил над арыком, в глухом углу большого сада, тахту и постелил атласные одеяла — курпачи, разбросав по ним подушки.

Эртаев накинул на плечи шелковый халат и вышел в сад. Он присел у арыка. Умывая руки, он увидел в зеленоватой воде глиняный кувшин. Эртаев повернулся к Чавандазу, сказал:

— Я вижу, сам царь рыб сидит в этом кувшине.

— Какой там царь рыб, Эртаев-ака! В кувшинчике сидит такой волшебник, что стоит открыть горлышко, как вся горечь души улетит прочь и вы вознесетесь в небеса!

— Посмотрим, посмотрим, какова сила твоего волшебника. Я ведь тяжелый...— Эртаев, посмеиваясь, забрался на тахту-куприк и боком прилег на подушку.

Чавандаз нетерпеливо хлопнул в ладоши.

— Иду, иду,— ответил из сада сын Чавандаза Ядгарбек. Он нес между деревьями поднос с персиками. Ядгарбек был такой же, как Чавандаз, черноглазый и широкоплечий. За его спиной пряталась круглолицая девушка-пышка с медным блюдом, полным тонких лепешек из теста, замешенного на сале и молоке.

Ядгарбек остановился, девушка от неожиданности толкнула его блюдом и засмеялась, сверкнув ровными белыми зубами.

На лбу Чавандаза появились и тут же исчезли морщинки.

— Почему не здороваешься, сынок, с Эртаевым-ака?

— Э, извините... Ассалам алейкум! — Ядгарбек отдал поднос отцу и неуклюже поклонился, прижимая к груди огромные руки. Девушка поставила блюдо на тахту, засмеялась и бросилась бежать между деревьями. За ней, неуклюже раскачиваясь, побежал Ядгарбек. Между деревьями мелькали крепкие ноги девушки в ярких шальварах. Эртаев прикрыл глаза: у него было правило иметь дело только с замужними женщинами — проще и безопасней.

— Что это за птичка? — спросил он.

— Гульчехра. Дочь соседа. Немножко того: винтика не хватает.

— Я думаю, она просто любит, чтобы ее щеко-тали...

— Если любит, есть кому пощекотать...

Эртаев усмехнулся, сказал:

— Не сомневаюсь... Жеребчик входит в силу! — Помолчал и добавил: — Его ровесники уже год, как воюют...

Чавандаз промолчал. В прошлую осень он на два года «омолодил» сына, пользуясь тем, что в его руках находилась печать кишлачного Совета. Догадывался ли об этом Эртаев или просто так сказал о возрасте сына? Чавандаз наклонился над арыком, доставая кувшин. «Омолодить» сына больше, чем на два года, Чавандаз не решился — нельзя же его делать ровесником пасынка Кучкара, когда все в кишлаке знают, что Ядгарбек старше. Когда Чавандаз увел у отца Кучкара, знаменитого Клыча, красавицу Фатиму, Кучкару было пять лет, а Яд-

гарбек, сын от первой жены, уже пошел в школу. Женитьба на Фатиме была слишком громким событием в жизни тихого кишлака, чтобы о нем забыли. Чавандаз был не из робкого десятка. Он просто знал, что можно и что нельзя. Зимой, когда по разнарядке военкомата надо было послать в трудовой батальон двадцать человек, должен был ехать Эшмат сын Мумина, закадычный друг Эртаева. Эшмат Мумин жил в городе, работая от колхоза экспедитором, но в кишлаке был другой Эшмат сын Мумина, отец Акмаля-толстяка и еще пятерых детей мал мала меньше. За день до отправки Эртаев прислал Чавандазу записку с дружеским саламом и тайной просьбой. Чавандаз «омолодил» на пять лет не подлежащего призыву Эшмата, отца Акмаля, и отправил его взамен Эшмата-экспедитора. Записка Эртаева до сих пор хранилась у Чавандаза, и поэтому он не очень беспокоился о том, что думал Эртаев, говоря о возрасте Ядгарбека. Наоборот, Чавандаз намеревался поговорить с Эртаевым, чтобы тот добился отсрочки для Ядгарбека, которого должны были призвать в этом году. Чавандаз обтер полую халата влажный кувшин и придвинул к Эртаеву блюдо с лепешками и самсой.

— Как быть с волшебником, Эртаев-ака, может, выпустим его из кувшинчика? А?

— Чем давать, спрашивая, лучше дай, ударив...

— Надо запомнить. Очень мудрая пословица, Эртаев-ака.

Эртаев пил из пиалы маленькими глотками зеленоватое, удивительно ароматное, чуть терпкое на вкус вино, и на лбу его выступили крупные капли пота.

— Вы очень правильно сказали о возрасте Ядгарбека, Эртаев-ака. Со дня на день он может получить повестку...

— А вам бы этого очень не хотелось? — Эртаев допил вино и вытер платком потный лоб.

Чавандаз промолчал. Зачем говорить вслух то, что и так ясно?

— Не скрою, трудное это дело! Пришел новый военком Абубакиров...

— Знаю, поэтому к вам и обращаюсь, Эртаев-ака.

— Это человек, с которым надо быть осторожным. Фронтовик, без ноги, но подойди сзади — лягнет, сунься

спереди — укусит. Такие думают, что если он остался калекой, — значит, все должны быть калеками.

Чавандаз разлил вино. Эртаев отпил глоток, сказал:

— Не надо хмуриться, Чавандаз! Что-нибудь придумаем. Только пусть молодец не болтается в кишлаке у всех на виду. Надо его отправить подальше в степь.

Эртаев отставил пиалу. Вино было слишком хмельным. Он решил не пить до прихода Барно и все чаще поглядывал в сад. Из-за почерневших по-ночному деревьев выдвинулась фигура Кур-Шермата. За ним с фонарем стоял Ядгарбек. Он повесил фонарь на черешню и ушел. Кур-Шермат по знаку Эртаева осторожно присел на край тахты.

— Что случилось? — спросил Эртаев.

— Не придет она... Младший брат ее муженька что-то пронюхал...

— Дурной парень, — сказал Чавандаз. — Моего пасынка сбил с пути. Вылитый Агзам Ячейка, подлец!

У Чавандаза были причины не любить отца Машраба. Давно было дело. В тот год в районе открыли МТС. Чавандаз привез Агзаму Ячейке арбу фруктов — тогда Агзам с семьей жил в городе. Только остановил арбу у ворот дома, откуда-то верхом на эмтээсовском жеребце прискакал Ячейка. Чавандаз с шутливой фамильярностью сказал:

— Прими салам от колхозников! — и почтительно придержал жеребца за повод.

Агзам Ячейка спешился, сказал:

— От колхозников, говоришь?! Запомни: еще раз попытаешься дарить колхозное добро — под суд отдам, — и вошел во двор, ведя жеребца в поводу.

Эртаев молчал, а Чавандаз подытожил вслух свои воспоминания.

— Гордецом был. Бывало, с коня слезет, но не с седла.

— Говоришь, мальчишка помешал? — спросил Эртаев Кур-Шермата.

— Помешал, Эртаев-ака. Только какой он мальчишка? Его сверстники воюют...

Эртаев мелкими глотками пил вино. Что мог знать мальчишка, если до сих пор между Эртаевым и Барно

ничего не было? Так думал Эртаев, а со стороны казалось, что он пристально смотрит в темный сад, что-то увидев между деревьями. С тех пор, как не стало Ячейки, Эртаев делал все, чтобы люди забыли, какую роль он сыграл в его смерти. Особенно было важно, чтобы теперь люди этого не вспомнили. На фронте сын и зять Агзама, два брата Гульсум-апа. Эртаев знал, что если они вернуться, то непременно с орденами,— такие это были люди.

— Вчера оборвали на колхозной бахче хандаляки и две грядки дынь,— сказал Кур-Шермат.

Чавандаз подозрительно посмотрел на бригадира бахчи.

— Каких дынь? — спросил он.

— Две грядки америйских дынь — они с краю.

— Насколько мне известно — дынь не было. Во всяком случае, ты мне про дыни ничего не сказал.

— В темноте не заметил. Две грядки америйских дынь оборвали...

— Хороший наследник у Ячейки — запускает руку в колхозное добро... Почему мне сразу не доложили? — спросил Эртаев.

— Инобатхон сказала: пустяки... отработают.

— Правильно сказала,— подтвердил Чавандаз. Он пристально смотрел на Кур-Шермата.

— С каких пор председатель кишлачного Совета покрывает расхитителей колхозного добра? — спросил Эртаев.

— Я же говорил, сын Агзама моего младшего дурня сбил с толку.

— Кроме сына Агзама было еще двое, но я их в темноте не узнал, а он их не выдает,— сказал Кур-Шермат.

Эртаев допил вино и оставил пиалу.

— Очень хорошо, что не выдает. Так должен поступать каждый настоящий мужчина. Через день-два, когда все уляжется, приведи ко мне сына Ячейки. Постарайся поднять его с постели.

На свет фонаря вышли из сада Ядгарбек и Гульчехра с блюдами в руках. Эртаев щурил захмелевшие глаза, ерошил пышные волосы, разглядывал Гульчехру.

— Говорят, не откажешься от благ — не достигнешь красавицы... Что скажете, дондукча? ¹

Гульчехра хихикнула и шагнула за спину Ядгарбека. Она передала ему блюдо и убежала в темноту.

Чавандаз забрал у сына блюдо и жестом велел уходить. Кур-Шермат торопливо проглотил несколько пельменей и, пятась задом, ушел вслед за Ядгарбеком.

Эртаев переложил подушку под голову и лег на спину. Над ним было усеянное звездами небо. Под деревянной тахтой протекал арык. Легко, по-ночному шуршали деревья.

Кучкар не мог заснуть. Ворочался на постели с одного бока на другой — никогда раньше постель не бывала такой жаркой.

Очень красивые глаза у Ларисы. И не поймешь, какого они цвета: то голубые, а бывают — черные. Хорошо было смеяться над Машрабом и Акмалем, над их влюбленностью. А над собой не посмеешься. Пробовал Кучкар посмеяться — ничего не вышло. Второй день только и думает о Ларисе. Ему очень нравилась эта тонкая, худенькая девочка, похожая на ребенка, с русыми волосами, как пенистый водопад. «Пенистый водопад» придумал не Кучкар — это было написано в стихах Машраба, которые Кучкар нашел в его тетрадке. Слова эти относились не к Ларисе. Ларисы тогда еще и в помине не было, но они очень понравились Кучкару. Он так и сказал Ларисе: ваши волосы как пенистый водопад.. Потом обнял ее за талию и очень удивился, когда Лариса резко освободилась от его рук. Он шел рядом с ней, провожая ее домой. До калитки Махиры-буви они дошли молча. Правда, Кучкар пытался что-то объяснить, но с его запасом русских слов ничего не получилось. Лариса, не подав ему руки, ушла за калитку. Кучкар лежал и соображал: что же такое произошло?

В мехмонхане отчим Чавандаз разговаривал с матерью. Поначалу Кучкар думал, что это обычная перебранка между ними, и, поскольку было упомянуто его имя, он решил, что и на этот раз является причиной

¹ Дондукча — пышка, красавица.

семейного раздора. Кучкар давно к этому привык и потому не обращал внимания. Громкие голоса через комнату от него не мешали Кучкару думать о Ларисе.

При всей своей грубоватой беспечности Кучкар любил и жалел мать, понимая, как трудно ей с отчимом. Но стоило ему вспомнить о родном отце — Клыче, как чувство жалости к матери мгновенно исчезало. Чем больше вырослел Кучкар, тем яснее понимал, что в разрыве с матерью виновен не отец. Слава отца ничуть не уступала славе Агзама Ячейки. Клыч и Агзам были друзьями с детства. Они вместе служили в Киеве мардикерами¹ в армии Белого царя и вернулись в кишлак убежденными большевиками. Они организовали в кишлаке партийную ячейку, дрались с басмачами, проводили коллективизацию, вместе учились в САГУ². Пока отец учился, мать попала в руки Чавандаза. О том, что она могла полюбить этого человека, Кучкару и в голову не приходило. Все говорили, что Фатима в молодости была очень красива, а Чавандаз, овдовев, не давал ей прохода, пользуясь продолжительным отсутствием Клыча. Отец после учебы не вернулся в кишлак. Только в позапрошлом году, через восемь лет, он заехал посмотреть на сына. Когда Кучкар увидел человека в форме пограничника, который сказал: «Давай, сынок, поздороваемся», у него сжалось сердце. Но Кучкар тут же вспомнил сказанные накануне слова Чавандаза: «Наконец вспомнил о сыне, а где же он до сих пор был?» Кучкар небрежно ткнул отцу руку и тут же убежал, сославшись на дела. А на следующий день он узнал, что отец прямо из кишлака уехал на фронт. Кучкар готов был разбить себе голову об дувал за то, что так встретил отца.

Кучкар уже минуты две прислушивался к тому, о чем говорил Чавандаз матери. Он стал прислушиваться, как только услышал имя Машраба. Не было никаких сомнений: речь шла о неудачной попытке утащить хандаляки. Кучкар услышал, как всхлипывает, удерживая рыдания, мать, а Чавандаз, повысив голос, сказал:

— Сына Ячейки сейчас допрашивает Эртаев-ака.

¹ Мардикеры — солдаты вспомогательных, тыловых частей.

² САГУ — Среднеазиатский государственный университет.

Будь мне благодарна, что я спас от позора твоего сына, но предупреди его — это в последний раз...

Когда Фатима вошла в комнату Кучкара, он уже торопливо натягивал рубашку.

— Куда ты, сынок? — испуганно сказала она.

Кучкар молча взглянул на мать, и она замолчала. Она присела на постель, и холодная льдинка полумесяца осветила ее худощавое, безвременно постаревшее лицо. Она сидела так, пока Кучкар одевался. Он запомнил ее испуганный взгляд, когда она посмотрела на него, а потом, отвернувшись, стала смотреть в темный сад, и на щеках ее поблескивали слезы.

Он помнил взгляд матери, пока бежал через сад в правление. Кучкар с грохотом открыл дверь кабинета. Посредине комнаты стояли Машраб и Акмаль, а около стола сидели Эртаев и Чавандаз. Эртаев, склонив над столом черноволосую с пышной шевелюрой голову, исподлобья смотрел на Кучкара.

— Дела-то натворил я, а вы издеваетесь над ними! — крикнул Кучкар.

— Вот и третий расхититель колхозного добра явился с повинной, — сказал Эртаев.

— Дурак ты, дурак! — Чавандаз придавил пружины дивана так, что они заскрипели.

Акмаль засопел, сказал:

— Не верьте им. Я же вам говорю, я придумал нарвать хандаляки.

— Круговая порука, — сказал Эртаев и усмехнулся. Потом, уставившись на Машраба, спросил: — Скажи откровенно — за отца мстишь?

Машраб не ожидал этого вопроса. Он затравленно оглянулся на друзей, потом посмотрел на Эртаева.

— Что вам сделал мой отец?

Чавандаз вскочил с дивана, сказал:

— Ты делаешь то же, что и твой отец: разрушаешь колхозный строй...

— Не трогайте его отца!.. Нельзя плохо говорить об умершем. Весь кишлак знает, кем был Ячейка! — крикнул Кучкар.

Эртаев ударил кулаком по столу:

— Круговая порука! Чавандаз, сегодня же, сейчас же отправь их в степь! Они тут с жиру бесятся! Их сверстни-

ки на фронте, а они запускают руку в колхозное добро. Пусть в степи покосят пшеницу. Пусть попотеют на заготовке. Может быть, тогда поймут, в какое время живут... Гони их, сегодня же гони в степь!..

Гнать их не пришлось: все трое, не ожидая, пулей вылетели в коридор. Кучкар, потирая руки, сказал:

— Напугал! Я бы на край света убежал, лишь бы его не видеть!

В темном коридоре стояла Гульсум-апа, парни не сразу ее увидели. А когда увидели, смутились.

— Идите, идите,— сказала она и, открыв дверь, вошла в кабинет.

— Извините, товарищ Эртаев, я пришла к вам с вопросом,— закрывая за собой дверь, сказала Гульсум-апа.

— Оставь нас одних, раис,— обратился Эртаев к Чавандазу.

Он зачем-то переставил на столе чернильный прибор.

— Я вас слушаю, Гульсум-апа,— сказал он, когда Чавандаз вышел.

— Почему вы вспомнили моего мужа? Зачем говорить мальчику об его отце?

— Вы, директор школы, оправдываете воровство только потому, что это воровство совершил ваш сын?

— Нет, не оправдываю. Но при чем тут отец моего сына? Или вы разделяете точку зрения Чавандаза?

— Раз вы слышали наш разговор, значит, вы знаете, что я не поддерживал Чавандаза. Я считаю, что проступок парней нельзя оставлять безнаказанным. В их возрасте пора становиться мужчинами...

— Но мы должны помочь им стать мужчинами...

— Жизнь поможет. В их возрасте нам никто не помогал, мы сами разбирались, что к чему. Словом, пусть едут в степь и поработают.

— Они и здесь не бездельничали. Их руками бригада справлялась с поливом хлопка, а хлопка не так мало — сто гектаров!

— Опять сто гектаров! Интеллигенция всего кишлака! Школа! Амбулатория! Сельпо! Посеяли сто гектаров,

а шуму на весь мир. Да и полив уже кончается, а хлеб надо убирать...

— Я бы никогда не позволила себе говорить о хлопке, если бы те, кто посеял его, были здесь... Может быть, их уже нет в живых, и в память о них мы должны довести до конца начатое ими...

— Если я буду входить в положение каждого и идти на уступки, то зачем государству держать меня здесь? Извините, но я не могу потворствовать воровству: парни поедут в степь, а за хлопок отвечаете вы!

— Я не боюсь ответственности. И я пришла не защищать сына. Я просто беспокоилась, что его так долго нет. И я бы никогда не вмешалась в ваш разговор, если бы случайно не слышала, что поступок сына связывают с именем его отца,— сказала Гульсум-апа, уже стоя в дверях.

Гульсум-апа возвращалась домой не очень собой довольная. Ей бы хотелось прямо сказать Эртаеву, что отец Машраба сражался за советскую власть, когда он, Эртаев, еще носа не мог себе вытереть. Возможно, Агзам допускал ошибки, но не такие, за которые можно исключить из партии такого человека, как он. Единственную ошибку Гульсум-апа не могла простить мужу — эта ошибка заключалась в том, что он приблизил к себе Эртаева, карьериста и подхалима.

Машраб еще не вернулся. В комнате было темно. Гульсум-апа зажгла лампу и долго стояла посреди комнаты, не зная, что делать. Свет падал на книжную полку, на фотографию в рамке, на которой стояли первые выпускники САГУ, — единственная память о муже. Фотография начала тридцатых годов! В одежде людей, даже в том, как они стоят, — печать того времени. На всех гимнастерки и брюки-галифе, широкие кожаные ремни, на головах фуражки с красной звездой. Стоят они по команде «смирно», смотрят перед собой, словно прислушиваясь, готовые немедленно исполнить команду невидимого командира. По одну сторону Агзема стоит Клыч, по другую — Курбан-ата. Удивительные были времена. Гульсум-апа была уверена, что, если ей доведется прожить тысячу лет, она сможет многое забыть, но тех лет она никогда не забудет. Жили в кишлаке три друга: Агзам, Клыч, Палван, и все трое ушли на службу к Белому царю и во вре-

мя мардикерства в Киеве возили на верблюдах дрова и воду в казармы и вместе с верблюдами были посмешищем для городских мальчишек, и вот эти трое друзей, вернувшись в кишлак, стали грозой врагов советской власти. Они сами устанавливали «революционные законы», потому что в первые годы революции законы из центра шли очень медленно, сами конфисковывали землю и воду. А Гульсум-апа, прижав к сердцу трехлетнюю дочурку

Мастуру, коротала ночи без сна. Всю ночь не умолкал топот конских копыт вокруг их дома, кто-то грозил, стрелял, и каждое утро они находили у калитки записку: «За сколько денег ты продал душу большевикам, Ячейка?! За твою голову мы назначили тысячу таньга! Берегись, боготступник!..»

Но друзей трудно было запугать. Именно в те годы Клыч влюбился в Фатиму. Прежде чем идти к ней на свидание, он надевал большие сапоги, заходил в амбар отца и насыпал в голенища зерно. На вырученные за зерно деньги Клыч покупал сладости и прибегал к Гульсум-апа. «Джан Гульсумхон, отнесите Фатиме и скажите, пусть выйдет на плотину — есть разговор!»

На другой день после свадьбы на холме возле мечети собрался весь кишлак. По обе стороны плачущей Фатимы стояли Гульсум и жена Курбана. Агзам сказал, стараясь казаться спокойным:

— Начинай, Гульсум, не бойся. Другого выхода нет! — Он не спускал глаз с толпы, вороша палкой костер.

— Да, да!.. Начинайте вы, а потом Фатима, — шептал побелевшими губами Клыч, не выпуская из рук нагана, переводя взгляд с орущей толпы на свою насмерть перепуганную Фатиму.

В пылающий костер полетела паранджа Гульсум, за ней бросила паранджу Инобат, потом жена Курбана и последней Фатима... Они с открытыми лицами, прижимаясь друг к другу, под охраной мужей прошли сквозь толпу и, лишь свернув в проулок, облегченно вздохнули... А дальше? Дальше земельная реформа, ликбез, САГУ, коллективизация, райком, МТС...

Кто-то очень внимательно наблюдал за жизнью Агзама Ячейки. Подмечал самые незначительные промахи и в подходящий момент, когда неурожай в колхозах свел на нет работу МТС, Агзама обвинили в извращении линии партии в период гражданской войны, коллективизации, развернутого строительства социализма. Тот, кому надо было свалить Агзама, стоял за спиной таких людей, как Эртаев, и дирижировал ими. По письменному заявлению Эртаева было начато персональное дело коммуниста Агзама, а на бюро райкома Эртаев выступал как близкий Агзаму человек и каялся в этой близости...

Только вот эта карточка осталась на память о тех трудных, но светлых до слез годах. А из старых друзей многих уже нет в живых. Курбан-ата совсем состарился. Клыч после истории с Фатимой уехал куда-то далеко, на службу в погранвойска, и оттуда ушел на фронт, заехав в кишлак на два дня повидать сына. А Палван лежал раненый в госпитале.

Гульсум-апа быстро оглянулась. Посреди комнаты стоял Машраб, как он вошел, она не слышала. Машраб тоже смотрел на фотокарточку. У него были свои воспоминания об отце...

...В тот день он вернулся из школы с видом победителя: он получил пятерку, было это не то в первом, не то во втором классе. Он ворвался в комнату — они жили тогда в городе — и бросился к матери. Гульсум-апа сидела на курпаче, обхватив колени, и резко оттолкнула сына, даже не выслушав его:

— Возьми лепешку и отправляйся играть. Не до тебя мне!

Такого никогда раньше не было. Машраб ушел обиженный, едва сдерживая слезы. Он влез на соседний дувал, равнодушно жевал лепешку и поглядывал вдоль пустынной, белой от солнца и пыли улицы. Из-за угла выехали два всадника. Один, в военной фуражке и с огромной кожаной сумкой на боку, сидел в седле спокойно, с достоинством главнокомандующего. Второй, с огромными усами, горячил красивого скакуна, тот заносил немного вбок, резво перебирая точеными ногами. Всадники были Курбан-ата и Хашим Палван — муж Инобатхон. Но Машраб их тогда не знал. Они подъехали к дувалу, Хашим Палван спросил:

— Где дом Агзама Ячейки, джигит?

Машраб спрыгнул с высокого забора.

— Вот это и есть наш дом! — крикнул он и бросился во двор, чтобы предупредить мать.

Гульсум-апа просияла.

— Беги к отцу. Скажи, приехали друзья, с которыми он бил басмачей и всех других врагов советской власти, — сказала она, и глаза ее так сверкнули, что Машраб даже приостановился, готовый пулей вылететь на улицу.

— Скажи Ячейке: если нужна помощь, Курбан приведет эскадрон! — крикнул тот, что был в фуражке.

Оба всадника и Гульсум засмеялись, а Машраб, выскочив за ворота, помчался по улице.

В МТС отца не было, сказали, что он в райкоме. Когда Машраб выходил из конторы, кто-то сказал:

— Сын Ячейки. Мальчик еще ничего не знает...

В райкоме шло заседание, на которое Машраба не пустили. Он попросил технического секретаря передать отцу, что его ждут дома, и побежал к сестре Мастуре, чтобы позвать ее мужа. На обратном пути Машраб снова забежал в райком. Он увидел отца на улице с поникшей головой, окруженным людьми.

— Не они мне давали партбилет, не они его от меня получат,— сказал отец.

— Правильно говоришь, Агзам!

Выслушав Машраба, отец грустно усмехнулся:

— Говоришь, эскадрон приведет, сынок? К сожалению, эскадрон в этом деле не поможет...

— Это который с сумкой сказал, а у другого усы — во! — Машраб показал руками, какие у другого усы, и все рассмеялись.

Со двора райкома выехал на эмтээсовском жеребце какой-то человек. Машраб даже рот открыл от возмущения, потому что на этом жеребце ездил отец. Кто-то сказал:

— Эртаев! Сразу хозяином себя почувствовал!

— Эртаев! Потерпел бы. Ты еще меня не похоронил! — крикнул отец, но человек на жеребце поскакал по улице не оглянувшись.

Машраб почувствовал ненависть к этому человеку. Он был оскорблен за отца, еще ничего не зная о том, что произошло.

— Идем, сынок,— сказал отец.

Машраб не помнил, чтобы отец когда-нибудь его приласкал.

— Куплю-ка я тебе мороженое. Ты любишь мороженое? — спросил отец и внимательно посмотрел на Машраба, так внимательно, как будто впервые его видел.

Машраб кивнул головой и облизнул губы. Но когда они подошли к ларьку, оказалось, что мороженое уже кончилось. Отец очень огорчился, сказал:

— На нет и суда нет.— Он достал из кармана мелочь и отдал ее Машрабу.— Завтра сам себе купишь.— Больше отец ничего не говорил до самого дома, но потной ручонки сына не выпускал из своей большой и горячей руки.

В доме царило оживление, как будто готовился той — пир. Гульсум хлопотала у очага, обжаривала в котле морковь, лук. Расседланные лошади жевали свежий клевер в кормушках. Машрабу особенно понравился скакун, на котором приехал Хашим Палван. Мальчик попросил у матери лепешку и кормил скакуна из рук. К скакуну подошел Хашим Палван. Улыбаясь во весь белозубый рот, он вывел коня из-под навеса.

— Полюбуйтесь красавцем, Ячейка-ака! Помните, у хребта Рустам-Даван он бегал жеребенком за кобылой курбаши?

— Помню, браток, все помню. Из-за этого жеребенка ты чуть не потерял головы, налетев на засаду басмачей.— Агзам-ака говорил, поглаживая ладонью грудь.— Принеси-ка мне пиалу воды, сынок,— сказал он Машрабу.

Машраб принес из колодца ведро с водой, и отец медленно выпил две пиалы.

Курбан-ата смотрел на него, потом сказал:

— Не нравишься ты мне, Ячейка! Разве можно так раскисать! Чапаев и не в таких бывал переделках, а духом не падал!

Отец молча ушел в дом. На террасе он неожиданно схватился за грудь и начал клониться в одну сторону, вытягивая шею, словно ему не хватало воздуха.

На следующий день отца похоронили.

...Гульсум-апа распахнула окно в сад. За садом на плотине квакали лягушки. Мягкий и тихий вечер вливался в комнату. Гульсум-апа давно хотела поговорить с сыном об отце. Она подумала, что сейчас самый подходящий момент для такого разговора.

— Почему ты становишься таким беззащитным, как только тебе напоминают об отце? — спросила она.

Машраб молчал.

— Ты должен знать: твой отец невиновен, его оклеветали.

— А разве у нас могут наказать невиновного? — спросил Машраб.

— Ты должен знать: среди нас есть люди, которые ради своей карьеры, ради своего благополучия готовы оклеветать честного человека. Твоего отца погубили такие, как Эртаев. Эртаев был его врагом, но отец этого не понимал. Подхалимство Эртаева он принимал за преданность делу, а его услужливость казалась ему бескорыстной деловитостью. Ты должен это понимать и бороться с Эртаевым!

— Как? — спросил Машраб.

— Будь честным, справедливым. Помни: интересы родины всегда должны быть выше твоих. Ты уходишь в степь. Не воспринимай это как наказание. Работай с душой. Не отставай от других. Заслужи уважение людей своим трудом, тогда Эртаев окажется перед тобой бессильным!..

Нечто похожее Машраб уже слышал от брата, когда прощался с ним в ту последнюю ночь на плотине. Гульсум оглянулась на сына и увидела у него в глазах слезы. Она обняла его за плечи, сказав:

— Трудно стать мужчиной, сынок. Но надо! Такое время, война!

Машраб уснул под впечатлением этих слов, положив голову, как бывало в детстве, на материнские колени.

Еще один человек этой ночью думал об Агзаме Ячейке. Этим человеком был Эртаев. Прошло больше десяти лет после смерти Агзама, а спокойствие не приходило. Было похоже, что Эртаев до сих пор боится мертвого. Он сидел за столом и писал в райком о проделанной работе. История с хандаляшками выглядела в его отчете как хулиганский поступок великовозрастных бездельников, которых он вынужден был призвать к порядку.

● ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Инобат и Камил спешили и привязали коней к чинаре. Когда они вошли в райком, стенные часы в приемной еще не пробили девяти. Технический секретарь встала при их появлении — сразу было видно, что она была предупреждена и ждала их. Почти тотчас открылась тяжелая, обитая кожей дверь кабинета, на пороге стоял Эртаев.

— Э, уже приехали? Отлично! — сказал он. Эртаев вел себя уверенно, как хозяин. Он сделал приглашающий жест большими белыми руками:— Прошу!

Большой кабинет выходил окнами в сад. В глубине сидел секретарь райкома, сдержанный, молчаливый человек лет шестидесяти. Полузакрыв глаза, он тихо говорил, прикрыв телефонную трубку рукой. Он поздоровался с Камилем и Инобат кивком головы, показал рукой на стулья, приглашая садиться. Камил присел, теряясь в догадках. Он был в этом кабинете неделю назад, и, как ему казалось, тогда не осталось ни одного нерешенного вопроса. Умаров положил трубку и некоторое время молчал, поглаживая полуприкрытые веки.

— Колхоз «Путь Ленина» — самое крупное хозяйство в районе. Вы не находите? — спросил он.

Инобат и Камил молчали. Вряд ли их вызвали, чтобы сообщить эту всем известную истину.

— Трудно, наверно, за всем усмотреть: хлопок, хлеб, бахча... Я так думаю, за неделю всех полей не объедешь? — Этот вопрос секретарь задал, обращаясь к Инобат, и не ответить на него она не могла.

— Трудно, Умаров-ака, но я не жалуюсь. Кому сейчас легко?

— Товарищ Эртаев советует разделить функции. Я с ним согласен. Вы, Инобатхон, возьмете хлопок, а Камилджан зерно... Как думаете, разумное предложение?

— Вы так осторожно говорите, Умаров-ака, точно боитесь меня обидеть,— сказала Инобат.— Я не обидчивая, лишь бы дело хорошо шло. Я только хочу сказать...

— Говорите, говорите...

— Товарищу Эртаеву следовало бы считаться с людьми. Хороший я руководитель или плохой, но пока я председатель колхоза!

— Разве кто-нибудь с этим спорит? — спросил Эртаев.

— Еще спрашиваете! За моей спиной трех парней угнали в степь, а они несли всю тяжесть работы на ста гектарах хлопчатника.

— Я сделал то, что должны были сделать вы сами. Но я понимаю — узы дружбы, личных отношений, их трудно бывает преодолеть даже нам, мужчинам... Товарищ Умаров знает о моем распоряжении.

— А о вашей грубости с людьми, с женщинами Умаров-ака тоже знает?

— Извините, — Эртаев побледнел. — Если я кого-то обидел, то сделал это неумышленно. Все, что я делаю, я делаю ради фронта, ради нашей победы!..

— Тогда зачем же оскорблять людей? Здесь, в тылу, они несут на своих плечах всю тяжесть войны!.. — Инобат отошла к окну и прижалась к холодному стеклу горячим лбом.

Умаров встал, посмотрел на Камила, словно хотел понять, какое впечатление произвела на него, фронтовика, эта сцена.

— В словах Инобатхон чувствуется обида... Но упреки в ваш адрес, товарищ Эртаев, серьезные. Я бы советовал вам подумать... Что же касается парней, Инобатхон, решайте сами, где им работать. Это ваше право председателя, и райком не позволит никому его нарушать. Я слышал, вы уже приняли эвакуированных. Привлекайте их к работе... Пойдет? — спросил Умаров и улыбнулся.

— Хоп, ладно, как-нибудь обойдется, Умаров-ака. Извините за резкие слова. — Инобат попрощалась и вышла, оставив Камила в кабинете.

Когда Камил вышел, Инобат стояла, прислонившись к чинаре.

— Не понимаю, кажется, даже Умаров-ака тяготится тем, что колхоз посеял лишние шестьсот гектаров зерна... Я понимаю, область требует хлеба, а убрать эти дополнительные гектары нелегко. Но все равно лучше, что они есть, чем если бы их не было, — сказал Камил.

Городские сады давно остались сзади. Впереди лежала голая, выжженная степь, такая же, как та, на которой весной колхозники посеяли хлеб. Лишь по горизонту тянулись черные, похожие на опаленные овечьи головы холмы. Инобат ехала чуть впереди, покачиваясь в такт ровному ходу иноходца. Камил видел профиль ее широко-го скуластого лица. Она сидела в седле грузная, широко-плечая. В глазах ее с выгоревшими от палящего солнца ресницами была грусть, особая задумчивость — такое Камил видел только у женщин, умеющих скрывать от людей свои личные горести и заботы. Камил помнил ее другой, когда она — молодая женщина, сбросившая паранджу, — первой села на трактор. Она была тогда черной и худющей, как девочка, такой худющей, что подружки не давали проходу ее мужу Хашиму Палвану. Палван — значит силач, богатырь. Таким и был Хашим, и подружки Инобат кричали, увидя его: «Палван-ака, нельзя все жирное кушать самому — подумайте о жене!» Хашим хохотал и отвечал, что хорошая жена должна лучшие куски отдавать мужу. Помнил Камил и младшую сестру Инобат, похожую на нее как две капли воды, такую же тоненькую, черноглазую и чернобровую. Они вместе учились в школе, и Камил был по уши в нее влюблен. Уже студентом техникума, приезжая на каникулы, Камил посылал ей книги с вложенными в них записками. Она не отвечала на письма, но, возвращая книгу, всегда вкладывала в нее цветок. Сестра Инобатхон давно вышла замуж, а Камил до сих пор хранил кипу книг с сухими лепестками красной розы и пахучими кустиками райхона...

Дернув поводья лошади, Камил поравнялся с буланым иноходцем.

— Вы расстроились, Инобатхон... Не надо... В работе всякое бывает...

— Да, бывает...

— Что пишет Хашим-ака? Когда выпишется из госпиталя?

— Откуда он может знать? Бесхитростный человек, когда выпишут, тогда и выйдет. — Инобат вытерла узорчатым платочком потный подбородок, сказала: — Не обращайтесь на меня внимания, Камилджан, у женщин бывают такие минуты...

— Еще одно слово, Инобатхон. Если нужно, пусть парни остаются на хлопке.

— Нет. Не надо гонять их с места на место... Они умеют работать. Если им поручить, караван ишаков будет успевать делать две ходки.— Выгоревшие на солнце ресницы Инобат странно дрогнули, и она, зашпешив, ударила иноходца камчой.

Инобат понимала — лишние шестьсот гектаров зерна вызовут увеличение плана всему району. Ей бы самой было спокойнее без этих гектаров. Как любил говорить Эртаев: на нет и суда нет. Но что делать, если женщины, желая помочь мужьям, братьям, возлюбленным, решили вырастить хлеб? Разве можно винить их за то, что они пахали целину, запрагая коров в омачи и плуги, потому что не хватало лошадей? Разве можно винить за то, что вырастили хлеб?!

Впереди показался Караул-тепа — последний холм, за которым лежала катра-абадская степь. Холм можно было объехать, но Инобат намеренно пустила буланого напрямик и остановилась, только поднявшись на вершину.

От подножия холма и до самого горизонта волнами ходила пшеница. Ее сладковатый запах напоминал запах только что испеченных лепешек. Хлеб был таким высоким, что выравнивал степь, скрывая под собой холмики и ложбины. Это золотистое море, сливающееся с небом, было похоже на муравейник с рядами шалашей, камышовых лачуг, юрт, с буртами пшеницы на токах, с группами людей, волов, ишаками. Все это непрерывно двигалось, перемещалось, жило... «Ничего не поделаешь, товарищ Эртаев, хлеб есть, и надо его убрать»,— думала Инобат.

Шалаш громко именовался штабом. Камил привел сюда троих парней.

— Вы все комсомольцы? — спросил он, и на его скуластом лице появились ямочки от улыбки.

— Мы? — удивился Кучкар.— Вот Дивана — комсомолец! А мы беспартийные большевики.

Машраб прозевал этот момент разговора: он засмотрелся на орден Красной Звезды на выцветшей гимна-

стерке Камила. Ему даже казалось, что и раненая рука, подвязанная на груди, очень шла парторгу. Машраб просто не знал, чего бы он хотел больше — орден или раненую руку. Конечно, лучше всего иметь и то и другое, как Камил.

— Отлично, — говорил Камил. — Беспартийные большевики нам тоже нужны. Мы вручаем вам караван ишаков. Если перевести на военный язык, вы оба командиры, а Машраб — комиссар. Правда, караванщиком считается Ядгарбек, но он так и останется караванщиком, а руководить работой будете вы. Что вы на это скажете, джигиты?

— Что тут скажешь! — отвечал Кучкар. — Если при этом будут еще и кормить, то считайте дело сделанным: бедняку лишь бы сытно поесть...

Камил рассмеялся.

— Вот это по существу, — сказал он и повел парней в лог, густо заросший камышом. По краю камыша женщины с пылающими от жара лицами пекли в земляных тандырах лепешки, в закопченных казанах кипела ячменная похлебка.

— Повар-апа! — сказал Камил. — К нашему каравану прибились еще трое джигитов. Они обещают удивить нас работой, если мы сумеем их накормить.

Повар-апа, женщина огромного роста с меченым оспой лицом, складывала выпеченные лепешки. Она критически оглядела парней, словно прикидывала, что стоит их обещание.

— Похоже, и правда будут работать, — сказала она. — Надо накормить! — Женщина неожиданно улыбнулась. — Эй, не сын ли ты Гульсум? Твоя сестра Мастура тоже здесь. Ее бригада на жатве. Ну-ка, стрепожьте своих ишаков, милые мои, и подсаживайтесь поближе.

Машраб связывал передние ноги ишака, пряча от друзей лицо. Он очень серьезно принял слова Камилы о назначении комиссаром. Машраб только боялся, что Кучкар все испортит. Тот сидел на корточках над родником и плл, доставая тибетейкой воду. Что может быть прекрасней родниковой воды после утомительного пути через знойную степь? Кучкар выпил одну за другой

две тубетейки и стал кувыраться от восторга по траве.

— Молодец, Эртаев-ака! всю жизнь мечтал о такой ссылке!..

Машраб косился на Кучкара. Он полагал, что тот ведет себя легкомысленно для командира. Подошла повара, неся три касы похлебки и три лепешки.

— Кушайте, милые,— сказала она.— Бедняк поест досыта и уже богат.

Лепешки, хоть и с примесью ячменя, сами проскакивали в горло. А охлажденная похлебка из очищенного ячменя! От нее так вкусно пахнет айраном.

— Ох-хо-хо! — вздыхал Кучкар. — Дай бог побольше таких трудностей. Ну-ка, преодолеем эту первую трудность, а там будет видно...

Постепенно Машраб заразился беспечно-веселым настроением Кучкара. Он бросился на душистую траву, довольно поглаживая живот. Было очень приятно валяться в траве и чувствовать себя комиссаром. Только Акмаль, отломив и съев кусочек лепешки, остальную завернул в поясной платок и спрятал в хурджун, а теперь молча сидел, прикрыв глаза. С тех пор как отец его уехал в трудовой батальон, забота о многодетной семье легла на его плечи. Акмаль решил, что должен сэкономить хурджун лепешек, чтобы обрадовать ораву братьев и сестер. Машраб, занятый собой, ничего не заметил. Он лежал на спине, глядя в светло-голубое жаркое небо. Кучкар толкнул его в бок, сказал:

— Спокойно, Дивана. Тесть едет!

Машраб резко оттолкнул руку Кучкара и приподнялся. Курбан-ата ехал по большой дороге на сером ишаке-самце. Он сидел в седле так, будто под ним был не ишак с обрезанными ушами, а чистокровный иноходец. Ишак свернул в ложину, и над камышом поплыла огромная синяя фуражка.

Курбан-ата остановил своего «иноходца». Тот оскалил огромные желтые зубы и заревел неизвестно по какой причине. Переметные сумки на седле были набиты газетами. Густые брови старика стали белесыми от пыли, а кончики редковатых усов, лихо закрученные, торчком стояли по обеим сторонам носа. Парни вскочили, хором поздоровались:

— Салам вам, отец!

— Харманглар! — ответил тот, что означает по-русски: будьте неутомимы, не уставайте...

Старику, похоже, понравился бравый вид парней, их дружное приветствие. Он, сощурился, оглядел их, сказал:

— Так. Значит, и вы приехали на трудовой фронт?

— Приехали, отец! Приехали!..

— Правильно сделали. Мы в ваши годы гоняли по

горам басмачей, Чапаев бил белоказаков в России, а мы здесь, в Средней Азии. Ваши отцы, Ячейка и Клыч, были славными джигитами...

Машраб стоял, старательно выпячивая грудь, и боялся одного, чтобы Кучкар не расхохотался или не выкинул чего-нибудь еще. Курбан-ата деловито раскрыл переметную сумку, достал кипу газет и протянул Машрабу — он ближе всех стоял к нему, — но Машраб решил, что Камил уже успел сказать старику о том, что сын Агзама назначен комиссаром.

— Читай вслух, чтобы все слышали. Как говорил товарищ Ленин: человек, не читающий газет и журналов, — это политический слепец.

— А товарищ Чапаев читал газеты, отец?

Так и есть, Кучкар уже что-то затеял.

— Обязательно!

— «Правду Востока» тоже читал?

Курбан-ата смотрел куда-то в степь, задумчиво жевал губами. Он заподозрил что-то неладное в вопросе Кучкара, но не мог понять — что? Поэтому, помолчав, неопределенно ответил:

— Товарищ Чапаев был за Интернационал, — после чего сел на ишака, прямой и важный, и ноги его в стремени почти касались дорожной пыли.

— Вот это тестя выбрал себе Дивана! — смеясь сказал Кучкар, когда старик отъехал. Он просто катался по траве от хохота.

— Не приставай к человеку! — сказал Акмаль.

Машраб лежал на траве и просматривал газету, потом брошюры. Сначала он только делал вид, что не обращает внимания на Кучкара, а потом действительно увлекся чтением. Вести были нерадостные. На Орловско-Курском направлении начались тяжелые бои. В передовой статье было сказано: «Враг перешел в наступление. Положение снова стало очень тяжелым». Машраб стал листать брошюру в бледно-желтой обложке. Мелькали знакомые имена Хамида Алимджана, Гафура Гуляма, Абдуллы Каххара и среди них имя Бориса Горбатова. Некоторые статьи и очерки Машраб читал раньше в газетах и журналах, а вот очерк Горбатова «Каждая пядь родной земли» Машраб не читал. Он только помнил имя Бориса Горбатова по книге «Рядовой Иван Куликов».

За холмом раздался рев ослов и крики мальчишек:

— Давай, давай!..

— Шевелись!..

Заколыхались камыши, и широкая низина заполнилась ишаками и их погонщиками, мальчишками тринадцати-четырнадцати лет. Лица мальчишек почернели от зноя, губы пересохли, потрескались, пыльные ноги кровоточили свежими царапинами. Но мальчишки были веселы, словно вернулись после шумной игры, а не прошли десятки верст до города и обратно.

— Обед готов, повар-апа?

— А лепешки? Как лепешки?

— Э, Кучкар-ака, какими судьбами?

— Смотрите, Акмаль-толстяк и Машраб Дивана тоже здесь...

— Вся тронца в сборе...

Мальчишки орала, пили воду, хохотали, толкались.

— Чем попусту горло драть, лучше послушайте, что Борис Горбатов пишет,— громко сказал Машраб и, не дожидаясь тишины, начал читать вслух очерк Горбатова.

— «Мой друг,— читал Машраб.— Вы помните Ростов. Ноябрьские дни, лед на переправе через Дон, виселицы на улицах Ростова, посиневшие ноги повешенных над тротуарами...— Машраб почувствовал, что голос его задрожал от волнения.— Мой друг!.. Мы с тобой сражаемся на родной земле. Донские поля — спутник нашей юности, а Северный Дон был рекой нашего детства!..»

Мальчишки слушали. На тех, кто еще не угомонился, покрикивали:

— Будет вам!..

— Тихо!..

Машраб чувствовал себя настоящим политическим комиссаром. Он уже не боялся насмешек Кучкара.

— «На всем нашем фронте не было бойца прекрасней разведчика Сираджадина Валиева,— с пафосом читал Машраб, и голос его звенел от волнения.— На его родине, в золотой Фергане, в арыках журчит ледяная вода. Валиев приехал сражаться за твой, окутанный дымом, Донбасс. На его родине предки его спокойно лежат под вечнозелеными самшитами, а Сираджадин... Сираджадин,— голос Машраба перехватила спазма,— погиб в бою у шахты и здесь был похоронен... На похоронах Валиева

плакала вся дивизия. Бойцы с железной волей не могли скрыть свои слезы...»

— Товарищи! Встать!.. Прошу почтить память верного сына чапаевского племени, мужественного борца за мировую революцию товарища Сираджадина Валиева! — командовал за спиной Машраба Курбан-ата. Машраб не видел, как он подошел вместе с Камилем. Старый вояка стоял смиренно, поднеся ладонь к козырьку огромной фуражки.— Вольно,— сказал он и снял фуражку. Его выпуклый лоб — в росинках пота, лысая голова блестела, как медный поднос. Мальчишки смотрели на него, будто видели впервые, и глаза их поблескивали.

К Машрабу подошел Камил, сказал:

— Молодец, Машрабджан. Я рад, что не ошибся в тебе. Ты настоящий комиссар!

Курбан-ата тоже подошел к Машрабу и пожал ему руку. Машраб чувствовал себя на седьмом небе. «Держись, Эртаев-ака»,— подумал он, понимая, что еще два-три таких поступка, и все Эртаевы будут бессильны испортить его судьбу.

— Вы устали, ребята, я знаю,— сказал Камил мальчишкам.— Но вы слышали, как поступают бойцы на фронте... Мы можем помочь им даже здесь, в тылу! В такое время и фунт зерна — огромная помощь армии. А на току у нас набралось много зерна. Если выйти немедленно, мы успеем сделать еще один ход.

Кучкар, сидевший понурился, вскочил:

— Мы готовы! Скажите: везти надо днем и ночью — будем возить.

— Спасибо, друзья мои! — сказал Камил.— Напоите своих ишаков — и в путь!..

Это был очень долгий и трудный путь.

Сначала пошли на ток. Белую, льющуюся сквозь пальцы пшеницу ссыпали в большие мешки, сотканые из грубошерстных ниток. Потом подогнали ишаков и стали грузить на них мешки. Ишаки были разные: одни крупные и сильные, как жеребцы, другие мелкие, с провисшими животами и стертymi шеями. Но мешки были одинаковые, и разбираться, у кого какой ишак, не имело смысла. Мальчишки грузили мешки и между делом успевали

поборются тут же на сыпучих буртах пшеницы или хлестнуть чужих ишаков, и те взбрыкивали и по-змеиному водили головами на длинных шеях, пытаясь прихватить зубами обидчиков. Наконец караван нагрузили, и Камил дал команду трогаться, проводив ребят до холма.

От Катра-абада до города было километров пятнадцать-шестнадцать. Дорога шла по ровной, как стол, степи. Местами степь пересекали русла высушенных зноем рек. Солнце клонилось к западу, и по степи вытянулись длинные тени шагающих ишаков. Зной, казалось, не только не убавился, а стал еще более сухим и жгучим, и степь была похожа на раскаленный тандыр. Все живое куда-то попряталось. Даже беркуты, обычно парящие в воздухе, исчезли, словно растаяли в глубине неба. Только иногда в зарослях выжженной травы высовывалась мордочка суслика, словно живое золото исчезал в норе скорпион, из-под копыт ишака выпрыгивала и терялась в траве змейка-пулька. На дороге, разбитой арбами, пыль была по колено, поэтому караван ишаков шел по широким обочинам. Погонщики путались босыми ногами в жесткой сухой траве.

Странные животные ишаки: чем больше они устают, тем стремительней становится их шаг. Они быстрее переставляют ноги, чтобы не упасть. Мальчишки давно уже бежали рядом с ишаками, с надеждой поглядывая вперед воспаленными от солнца глазами, туда, где появлялись и снова исчезали из вида пригородные сады. Иногда то один, то другой приседал у обочины, вытаскивая из пятки колючку или потирая ушибленный о булыжник палец, а потом снова бежал, догоняя своего ишака. Машраб тоже бежал, хватая открытым ртом сухой пыльный воздух, обжигающий горло. Ноги стали плохо слушаться, он отставал, и, чтобы вновь догнать ишака, ему приходилось делать над собой усилие. «Вот так комиссар!» — говорил он себе. Впереди него бежал Акмаль-толстяк. Полный и к тому же косолапый, он бежал, тяжело дыша, и пот на его лице, мешаясь с пылью, стекал грязными потеками.

Когда до города оставалось шесть-семь километров, споткнулся и упал, подняв облако пыли, передний ишак. На него натыкались и тоже падали другие ишаки. Поднялся шум, крики. Когда пыль осела, стал виден виновник переполоха. Это был щупленький мальчик, которому на

вид можно было дать не больше одиннадцати-двенадцати лет. Кто-то крикнул:

— Э, это же «Информбюро»!

Мальчик стоял, обхватив за шею своего ишака, словно что-то нашептывал ему на ухо.

— Что с тобой, «Информбюро»? — спросил, подбегая, Машраб.

Мальчик молчал, виновато улыбался, сквозь пот и пыль на его лице проступала бледность.

Прискакал на своем иноходце Ядгарбек. Он далеко обогнал караван, и ему пришлось возвращаться. Ядгарбек был зол оттого, что Камил снял его со спокойной работы весовщика и сделал караванщиком, но еще больше злило то, что погонщики ишаков не обращали на него никакого внимания.

— Возьми глаза в руки, растяпа! — заорал он, осаживая коня.

— Чего орешь! Не видишь?! — спросил его Кучкар. Кучкар стоял, обхватив маленького погонщика за худенькие плечи, и уже в который раз переспрашивал: — Скажи, что ушиб?

Мальчишка улыбнулся жалко и в то же время озорно.

— Что пристали?.. Поговорить с собственным ишаком не дадут. Просто держу совет с моим черным Дул-дулом¹.

Кругом засмеялись. Кучкар спросил:

— Что же говорит твой Дул-дул?

Мальчик, видимо, пересилил боль, развеселился.

— Извините, говорит мой Дул-дул, задремал чуточку, не заметил, как упал... Скажите всем остальным, что я не советую им клевать носом.

— Пошли, пошли! — торопил Ядгарбек.

Караван тронулся, обходя мешок с пшеницей, валявшийся в пыли. Кучкар схватил его в охапку и бросил на ишака. Мальчик попробовал пойти, держась за холку, и, охнув, присел.

Кучкар подогнал своего ишака и усадил на него мальчишку.

Появились и росли на глазах сады пригорода. Оттуда донесло гудок паровоза, и через какое-то время в степь

¹ Дул-дул — знаменитый скакун из народных сказок.

выкатился товарный состав. Рядом с вагонами скользили длинные, скошенные тени. Паровоз дымил далеко в степи, а из-за деревьев выскакивали вагоны, цистерны, крытые брезентом платформы.

— Пятнадцать... двадцать... тридцать пять... сорок!..

Мальчишки сбились со счета. Одни насчитали шестьдесят, другие шестьдесят пять вагонов. Давно промелькнул последний вагон и весь состав скрылся за холмами, а мальчишки продолжали спорить, сколько вагонов, что и куда везут.

Не заметили, как подошли к станционной площади.

За высоким забором, по верху которого была натянута колючая проволока, торчали красные кирпичные стены складов. Огромные ворота закрывали железнодорожные пути.

Площадь перед воротами была уставлена подводами, арбами. Кричали ишаки, поворачивали головы верблюды, лошади жевали клевер. В тени под арбами сидели и стояли люди.

Караван мгновенно затерялся в этом таборе. Откуда-то из-за арбы выкатился полный, кругленький человечек в ватном халате с тугим, лоснящимся от пота лицом.

— А я думал, где вас искать, Эшмат-ака? — сказал Ядгарбек.

— Зачем меня искать? Камил-ака предупредил, что будет еще одна ходка, и я жду вас, — ответил Эшмат-экспедитор, тот самый, что давно должен был находиться в армии, в трудовом батальоне, но вместо которого Чавандаз отправил в армию отца Акмаля.

Эшмат повел караван вдоль забора. За углом оказались еще одни ворота. Здесь тоже было много людей и арб. Эшмат с Ядгарбеком прошли в ворота, а мальчишки, не чуя ног от усталости, повалились на землю, вытаскивая занозы и рассматривая сбитые пальцы.

Прибежал, прихрамывая, «Информбюро», сообщил:

— Сдадим без очереди! Эшмат-ака договорился.

Почти тотчас появились Эшмат с Ядгарбеком.

— За мной, мальчишки, за мной, — заторопил Эшмат.

Всем, кто пытался преградить дорогу каравану, Эшмат кричал:

— Пшеница сверх плана в фонд Красной Армии! Сначала выполни план, а потом будешь требовать очереди!

Посторонись, посторонись! — покрякивал Эшмат. — Сюда, соколы! Сюда, джигиты, ставьте ишаков на весы...

Машраб никогда не видел весы, на которые можно загнать ишака. Он вместе со всеми вошел на деревянный, пружинящий и колыхающийся под ногами настил. Весовщики ходили по настилу и пересчитывали ишаков.

— Сорок восемь?

— Как сорок восемь? Сорок девять! — крикнул Кучкар.

— Проходите! Проходите: одним ишаком больше, одним меньше, какая разница, — торопил Эшмат-экспедитор, посмеиваясь.

Караван остановился возле створчатых ворот в стене высокого здания из красного кирпича.

— Ну, соколы! Ну, джигиты! Взались!.. — Эшмат-ака обхватил воображаемый мешок короткими полными руками и присел, как будто поднял огромную тяжесть. Заплывшие глазки сияли, и сам он исходил дружелюбием. — Хорошо, что вы здесь, соколы! Помогите этим цыплятам! — говорил он.

Дорога в город по знойной степи показалась легкой прогулкой сравнительно с тем, что началось, когда стали разгружать ишаков. Машраб это понял, когда взвалил на спину четырехпудовый мешок и по узкой, прогибающейся доске пошел на гору пшеницы. С мешком на спине пришлось взбираться на высоту двухэтажного дома, а доски были приставлены так круто, что уже на половине дороги у Машраба стали дрожать колени. Он с трудом прошел до конца, останавливаясь через каждые пять-шесть шагов, чтобы перевести дух, сбросил с плеч мешок и, теряя равновесие, сел. По доске, как муравьи, подымались мальчишки, вцепившись по три-четыре человека в мешок. Говорят, стыд тяжелее смерти. Машраб поднялся и, сторонясь мальчишек, спустился вниз. Он поднял на гору пшеницы еще четыре мешка, после чего свалился в тени под воротами. «Молодец, товарищ комиссар», — издевался он над собой, но все равно не мог заставить себя взяться за новый мешок. Да и смысла не было: он бы все равно не сдвинул мешка с места. По доске вверх и вниз пробегали Кучкар с Акмалем. Они вдвоем остались на разгрузке зерна. Мальчишки внизу помогали им взвалить на спину мешки. Кучкар подставлял плечо под мешок, приговаривая:

— Ну-ка, наваливай, твоя очередь!.. — потом, твердо ступая, шел вверх, и доска пружинила под его сильными ногами.

Акмаль таскал мешки молча, косолапо переставляя ноги. Со стороны казалось, что таскать мешки не пред-

ставляет для него никакого труда. Он не обращал внимания ни на похвалы, ни на пот, который ручьями стекал по лицу и спине. Лишь время от времени Акмаль коротко приказывал:

— Воды! — выпивал не отрываясь касу колодезной воды и снова брался за очередной мешок.

На земле оставалось десять — двенадцать мешков. Машраб встал, и мышцы занули в ожидании тяжести. Ему помогли взвалить на спину мешок, и он пошел вверх, стараясь ступать след в след за Акмалем. Высыпал пшеницу, и захотелось посидеть, не спешить, подождать, чтобы Акмаль и Кучкар успели отнести по два-три мешка. Он сознавал, что желание это подлое, и надо было совершить усилие, чтобы заставить себя спуститься вниз.

Когда на Машраба взвалили мешок, он понял — не дойдет, но пошел, пригибаясь все ниже и ниже, пока не ткнулся головой вперед. Тяжесть мешка вдавила его в сухое сыпучее зерно, расслабили мышцы, и наступила блаженная легкость.

Машраб и Мастура сидели в шалаше, не зажигая огня. Это напоминало Машрабу далекое детство, когда Мастура, спасая брата от гнева родителей, пряталась вместе с ним где-нибудь в укромном уголке. Сколько Машраб себя помнил, Мастура всегда была его надежной защитой. Так было до замужества, так осталось после замужества, так продолжалось и теперь, когда Мастура стала матерью двух дочерей-близнецов — Фатимы и Зухры. Машраб, который был на десять лет моложе сестры, навсегда остался для нее маленьким братишкой, нуждавшимся в ее помощи и защите.

— От твоего зятя, конечно, писем нет? — с надеждой, что письмо от мужа каким-то чудом пришло, спросила Мастура и опустила глаза.

— Нет...— Первое время Машраб очень ревновал сестру к Расулджану, но потом полюбил зятя почти так же, как брата. И теперь любовь и верность Мастуры мужу вызывала у Машраба нежность к сестре.

— А от Ашрафджана? — спрашивала Мастура.

— Тоже нет...

Мастура отвернулась, глядя в светлый треугольник входа, в котором догорал этот длинный летний день.

Машрабу захотелось взять огрубевшую руку сестры и поцеловать, но в это время Мастура спросила:

— Как Фатима, здорова?

— Да...

— А Зухра? — Мастура улыбалась. Она никогда не произносила имена дочерей вместе: девочки, как две капли воды похожие друг на друга, жили в ее сознании отдельно, каждая представляя свой собственный мир.

— Тоже здорова... Бабушка на них не нарадуется.

— Дорогая моя буви,— сказала Мастура.— Сначала вынянчила детей. Потом нас — внуков. Теперь нянчит правнуков.— Она, наверно, совсем старенькая?

— Что ты? Бабушка помолодела!

— Не смейся,— сказала Мастура и сама засмеялась.— Иногда кажется, что с тех пор, как мы уехали из кишлака, прошел не месяц, а целый год.

— А как Барно? — Мастура дотронулась до руки брата.— Ты видел ее?

— Видел... Ничего, бегают! Ты лучше расскажи, как сама живешь. Совсем похудела. Наверно, очень устаешь?

— Ничего, привыкла.— Мастура заметила, что брат смотрит на ее руки, и, как маленькая, спрятала их за спину.— В первые дни по неопытности поцарапала. Теперь ничего. За день жну четверть гектара...

— Ну да!

— Не веришь? Наш бригадир, Курбан-ата, тоже не верил... Он говорил, что нам, интеллигентам, никогда не угнаться за колхозниками. А вот угнались. Мне еще приходится, как фельдшеру амбулатории, врачевать. Может, зажечь свет?

Машраб промолчал. Он пришел к сестре, как только вернулись из города, а она по этому случаю пораньше ушла с поля. Мастура тоже молчала, подрезая фитиль коптилки.

— Говорят, ты сегодня прочел стихи и потряс всех мальчишек? — спросила она.

— Не стихи,— Машраб покраснел,— статью одного писателя. Если бы я умел так писать!

— Курбан-ата очень тебя расхваливал. Я думала, ты сам написал.

К шалашу шли женщины и пели. Грустная песня неожиданно оборвалась. Кто-то повел веселую частушку:

Пророю канаву от арыка.
 Пушу воду на цветник.
 Не говори, мама: «Ты девушка»...
 Все равно запишусь в солдаты.

У входа в шалаш женщина сказала:

— Говорят, страшно как на фронте, а я бы на крыльях полетела к моему Мурадджану!

— Не гневи бога. Скажи спасибо...

— Это за что же говорить спасибо? Чем жить здесь в разлуке, лучше умереть с милым...

Женщины засмеялись. Мастура быстро глянула на Машраба, сдерживая улыбку. В шалаш заглянула девушка, крикнула:

— Ой, погибель моя, совсем взрослый джигит!

В шалаше сразу стало шумно и тесно. Машраб почти оглох.

— Мы слышали, ты написал стихи? Читай!

— Если не прочтет, не выпустим...

— Много требуем! Какое дело до нас, грешных, поэту-ака!

Мастура обняла Машраба за плечи, как бы защищая его от подруг.

— От вашей красоты ослепнуть можно,— сказала она.— Пойдем, братишка!

Выйдя из шалаша, Мастура сказала:

— Что делать! Молодые, красивые — томятся в разлуке, бедняжки.

В степи было темно. Лишь на хирмане — на току — горели фонари. Слышались голоса людей, обмолачивающих пшеницу, резкое хлопанье плети, хруст и треск ломающихся палок и истошный крик кого-то из погонщиков:

— Еще ишак называется! Захромал, подлец! И-их!..

Мастура остановилась возле высокого стога, похожего в темноте на черный силуэт горы, поцеловала Машраба в лоб.

— Скоро рассвет, отдохни,— сказала она.

— И ты отдохни...

Обогнув стог, Машраб, еле-еле передвигая ноги от усталости, то и дело спотыкаясь, доплелся до родника. Мальчишки спали вповалку, свернувшись клубком, подложив под головы потники и укрывшись мешками. Машраб

отыскал Кучкара и Акмаля и улегся рядом. Уже засыпая, вспомнил разговор с Эртаевым, подумал: «Нашел кого пугать степью! Мы еще не то выдержим, Эртаев-ака!»

● ГЛАВА ПЯТАЯ

У вершины холма, на кладбище, кричала сова. Муяссар проснулась от ее крика и больше не могла заснуть. Кладбище спускалось по склону холма к хлопковому полю бригады «интеллигентов». Вот уже несколько дней залетевшая на кладбище сова не давала Муяссар спать.

Взрослые последнее время жили как-то напряженно, нервно. Вчера на производственном совещании Инобат заставляла бригадиров хлопководческих бригад вставать и стоя выслушивать замечания. Она обрывала выступавших, лишая их слова. Такого с вежливой и всегда выдержанной Инобат никогда не было. Инобат пощадила только Гульсум-апа, хотя в бригаде «интеллигентов» вновь назначенные поливальщики — пожилые женщины из сельпо и школьный счетовод — затопили хлопчатник. Гульсум-апа недоуменно и явно неодобрительно поглядывала на председателя колхоза. Инобат поняла ее взгляд, после совещания подошла к подруге и сказала:

— Что же можно сделать, ападжан?!

Гульсум-апа тотчас смягчилась. Обе женщины стали думать, что делать, забыв про Муяссар. Казалось, они заходили в тысячу и одну улицу, но в какую бы улицу ни заходили — все равно попадали в тупик. Муяссар слушала их и молчала. Все дело упиралось в недостаток рабочих рук.

— Надо обратиться к гостям,— сказала Гульсум-апа.— Среди них много молодых и здоровых.

— Захотят ли они? — усомнилась Инобат.— К нашей работе нужна привычка...

— Привыкнут. Я поговорю с Серафимой Федоровной.

Муяссар знала, что мать Ларисы немного поправилась. По вечерам, когда спадал зной, она выходила на айван и, опираясь на подушки, сидела на кровати.

На кладбище по-прежнему зловеще ухала сова. Казалось, она вступила в перебранку со всеми покойниками. У Муяссар сжималось сердце от этих криков. Она вообще боялась темноты, а тут еще эти раздражающие душу

крики. Из-за них она и промолчала вчера на совещании. А ведь самое простое было попросить доверить полив девушкам-комсомолкам, самой взяться за это трудное дело,— ведь она видела, как поливал Машраб, и кое-чему научилась. Но поле было по соседству с кладбищем, и Муяссар ничего не сказала Гульсум-апа.

Она свернулась клубочком под одеялом, презирая себя за трусость, а когда стало светать и сова, наконец, угомонилась, Муяссар быстро оделась. Не дожидаясь утра, Муяссар прибежала к Гульсум-апа.

— Что случилось? Ты откуда в такую рань?! — Гульсум-апа села, отбросив одеяло, и в полумраке тревожно всматривалась в девушку.

— Не волнуйтесь. Ничего не случилось. Просто я решила, что смогу поливать сама. А чтобы днем не передумать, прибежала к вам.

Гульсум-апа засмеялась, прилегла, отодвигаясь к стене, сказала:

— В такую рань единственно разумное дело — еще поспать. Ложись-ка и ты. Места хватит.

Утром в саду у Махиры-буви собралось человек двадцать эвакуированных. Гульсум-апа рассказала о бригаде «интеллигентов» и о том, какое трудное положение сложилось в колхозе. Одна из сестер Святковских, сидевшая под яблоней, луща семечки, перебила:

— Вы газеты читаете? Вы слышали, что надо проявлять заботу о нас?

— Слышала,— сказала Гульсум-апа.

— Большинство из нас больные,— продолжала младшая Святковская.

— И об этом знаю...

— Если знаете, тогда о чем разговор? На худой конец, найдите нам работу полегче.

— А если полегче работы нет?

— А вы обязаны найти,— сказала старшая, а младшая тут же добавила: — Говорят, красавица в правлении — ваша сноха. Поставьте меня на ее место...

Гульсум-апа не была готова к такому разговору, да и запаса русских слов для того, чтобы полемизировать с сестрами, у нее не хватало. Она растерянно посмотрела на Серафиму Федоровну.

— Какая забота может быть больше той, которая

проявлена к нам, товарищ Святковская? — спросила Серафима Федоровна. — Вот приютили нас. Делятся всем, что сами имеют...

— Вы просто попали в хороший дом. Посмотрите, в какой грязи и сырости живем мы. Да еще и хозяйка, у которой среди зимы снега не выпросишь...

— Мы сегодня же проверим и переселим вас в другой дом, — сказала Гульсум-апа.

Старшая сестра запротестовала:

— Старуха действительно жадная, зато ее сын Кур-Шермат — чудесный человек, и мы никуда оттуда не пойдем, — заявила она.

— Ленинградцы, прошу вас, поднимите руки, — сказала Серафима Федоровна.

Поднялось десять рук.

— Дорогие мои земляки, если бы я была здорова, я бы знала, что мне сейчас сказать. Пусть сестры Святковские поступают так, как им угодно. Но мы — ленинградцы. Если не могу я, то сможет моя дочь. Лариса! Ты пойдешь в колхоз и будешь делать все, что тебе скажут...

Серафима Федоровна закашлялась. Пожилая женщина рядом с ней сказала:

— Стыдно в такое время требовать работу полегче.

Лариса подошла к Муяссар и сказала очень громко, чтобы слышали сестры Святковские:

— Я буду делать то, что будешь делать ты, Муяссар!

Так три девушки — третьей была Гульчехра — стали в поле поливальщицами вместо трех парней. Самой храброй из них оказалась Лариса. Когда ночью на кладбище начала кричать сова, Лариса стала рассказывать все, что знала по зоологии об этой птице. Оказалось, что ничего страшного в сове нет, что птица эта очень полезная, потому что уничтожает грызунов. Лариса так хорошо об этом рассказывала, что обе ее подруги, успокоенные, уснули. Но в это время всплеснулась вода в большом арыке, словно в нее обвалилась земляная глыба. Муяссар открыла глаза, вскрикнула:

— Ой!

— Мамочка! — испуганно воскликнула и Гульчехра. Лариса встала и, шагнув в темноту, крикнула:

— Кто там?

Кто-то выругался:

— Чтоб тебя! Спотыкаешься на ровном месте...

Послышался топот копыт, и наконец мужской голос спросил:

— Напугал вас, милые девушки?

— Э, ведь это Ядгарбек,— сказала Гульчехра.

Муяссар крикнула:

— Что вы тут делаете в полночь?!

Ядгарбек по ту сторону арыка метался огромной черной тенью на гарцующем коне.

— Во-первых, уже не полночь, а рассвет, Муяссархон,— сказал он.— Кроме того, прежде чем вернуться в степь, решил сделать маленький подарок.— Ядгарбек перегнулся с седла и протянул над арыком небольшой узел.— Немножко винограда... Возьмите, Гульчехра.

Гульчехра взяла узел и хихикнула. Ядгарбек выпрямился в седле, сказал:

— Не сердитесь, Муяссархон, это от чистого сердца, и при этом из собственного сада...

Он ударил камчой лошадь и поскакал к черной волнистой линии горизонта.

— Что-то часто он стал тебя навещать... Зачем взяла виноград? — спросила Муяссар.

— Ой, что мне делать, если дарит? — притворно вздохнув, сказала Гульчехра, растягивая слова.

— Давайте посмотрим, что за виноград. Может быть, и говорить не о чем,— пошутила Лариса.— А может, завтрака не надо будет... Смотрите, светает...

В долине ревел ишак, в дальнем конце кишлака запел петух, другой петух пропел ближе и потому громче, подул ветерок, и жесткие листья хлопчатника упруго закачались, постукивая друг о друга.

Виноград оказался сочным и сладким.

— Парень, наверно, весь виноградник обшарил, пока выбрал эти кисти,— сказала Лариса.

Гульчехра, очень довольная, хихикала. Муяссар назидательно сказала:

— Виноград действительно сладкий — потом бы не было горько...

Девушки пошли вдоль борозд, осматривая поле и проверяя запруды. Тем временем небо из зеленого стало голубовато-серым. Одна за другой гасли звезды, запели птицы. Где-то на кладбище тосковала горлинка. Даже не

верилось, что совсем недавно была ночь с ее страхами.

Пришла Гульсум-апа. Муяссар рассказывала о ночных страхах и смеялась.

— Сейчас смешно,— сказала она.— А если бы не Ларисахон, я бы, наверно, убежала, когда на кладбище закричала сова...

Гульсум-апа окинула глазами поле, похвалила подружек. Она взяла у Ларисы кетмень и подправила запруду.

— Завтра выйдут в поле эвакуированные. Не знаю, так ли быстро, как ты, освоятся они с работой?

— Не беспокойтесь, освоятся,— сказала Лариса.

...Эвакуированные действительно освоились быстрее, чем предполагала Гульсум-апа. Она прикрепила к каждой узбечке по одной русской женщине, но уже через день эвакуированные справлялись с работой самостоятельно и даже лица укутывали платком, а поясницы обвязывали скатертями, как узбечки. Лица, в первые дни опаленные солнцем, постепенно смуглели. Русские и узбечки научились понимать друг друга, мешая русские и узбекские слова в особый, им одним понятный жаргон. Когда старшая Святковская говорила:

— Паранджу сняли, а большой-большой кетмень дали,— ее очень хорошо понимали, и все весело смеялись.

Кто-то сказал:

— Вот и мы стали узбечками...

Младшая Святковская, Марина, тут же заметила:

— Узбечками-то мы стали, а вот признают ли нас узбекские парни?..

Гульчехра и Лариса смеялись, а Муяссар почему-то сердилась. Марина это заметила и постоянно ее поддразнивала.

— Свои не признают, ваши не примут — куда денешься? Муяссар, найди мне хорошенького паренька,— говорила Марина и подмигивала подругам.

Муяссар краснела от негодования:

— Вы, наверно, забыли, что идет война?!

— Живой думает о живом... Тебе хорошо, я слышала, твой парень рядом с тобой. Уступила бы его мне, а? Во имя дружбы народов...

Женщины смеялись. Муяссар понимала, что ее разыгрывают, и сердилась еще больше. Она поднимала платок до самых глаз и полола, повернувшись к Марине спиной.

Но стоило смолкнуть шуткам, как начинались невеселые разговоры, от которых горечью закипало сердце. Кто-нибудь говорил:

— Скоро ли эта проклятая война кончится?!

— Увидим ли родных, близких?

— Ни жёны, ни вдовы — одно слово, солдатки...

От таких разговоров злее работали, с остервенением выдирая сорняки, окучивая кетменями кусты хлопчатника.

Так или иначе, сто гектаров хлопка, посеянного и выращенного бригадой «интеллигентов», полили и пропололи вовремя, и Гульсум-апа, свободно вздохнув, переключила свое внимание на школьные дела.

Кончилось лето, а до сих пор не было ясности: откроется школа или нет? А если откроется, то как быть с ремонтом, где взять дров, кто заменит ушедших на фронт учителей?

С тех пор как в конце прошлого учебного года Эртаев назначил Гульсум-апа временно исполняющей обязанности директора, с ней никто о школе не говорил. «Может быть, к началу учебного года пришлют другого директора?» — думала она. Но время шло, и она решила, что ждать больше нельзя. Неважно, кто будет директором, важно подготовить школу. Перед тем как пойти к председателю кишлачного Совета Чавандазу, Гульсум-апа решила осмотреть школу.

В довоенные годы к этому времени просторный двор школы становился тесным от ремонтных рабочих, строительных материалов, вынесенных из классов парт, еще не убранного в сарай саксаула. Сейчас двор был пустым. Кое-где пробилась и пожухла на солнце трава. Два больших корпуса друг против друга с облупившимися стенами и размокшими от зимних дождей углами выглядели заброшенными. Гульсум-апа прошла по пустынным классам, подсчитала разбитые окна, сломанные парты, разваленные печи: школа не ремонтировалась с начала войны. Она все тщательно записала в тетрадь, потратив на это полдня, и, не теряя времени, прямо из школы пошла к Чавандазу. Гульсум-апа перешла гузар — базарную площадь — и вошла в ворота, почему-то настезь откры-

тые. Чавандаз стоял под навесом и что-то говорил старику сторожу. Председатель увидел Гульсум-апа, улыбнулся, сдвинул на лоб новую узорчатую тюбетейку и, похлопывая камчой по голенищу сапога, пошел навстречу.

— Э, салам, Гульсумхон! Как жизнь? Как дела?

Было похоже, что Чавандаз подждал ее,— так радушно он ее встретил. Это удивляло и настораживало.

— Благодарю вас. Вот пришла по делам, о которых надо поговорить, посоветоваться,— осторожно сказала Гульсум-апа.

Кажется, она не ошиблась.

— Очень хорошо, что зашли,— сказал Чавандаз. Он погладил пышные, очень красивые усы, которые украшали его лицо, сделал широкий жест рукой: — Прошу, Гульсумхон...

Они вошли в большую комнату с двумя окнами, выкрашенную блестящей масляной краской, с множеством полок и ниш в стенах,— когда-то здесь была байская гостиная, а сейчас стоял огромный письменный стол с телефоном, похожим на графин. Чавандаз прошел к столу, сел в кожаное кресло, положив на край стола камчу.

— Хоп, Гульсумхон, чем могу служить?

Гульсум-апа решила не спешить.

— Вы мне тоже что-то хотели сказать? — спросила она.

— Да так, пустяки... Хотел с вами породниться, с вашего разрешения,— сказал он и поправил на голове тюбетейку, очень довольный впечатлением, которое произвели на Гульсум-апа его слова.

— Как породниться? У меня, кажется, нет незамужней дочери,— Гульсум-апа улыбалась.

Чавандаз захохотал.

— У вас нет, а в школе полно девушек... Вы все еще очень наивны, Гульсумхон. Если бросить яблоко, обязательно попадешь в девушку. В одну из них влюбился мой сын Ядгарбек.

— Кто же эта девушка?

— Дочь Фазлуддина-аксакала... Кажется, ее зовут Гульчехра...

— Но она еще ребенок. Ей нет шестнадцати лет. И потом, ваш сын тоже еще мальчик. Ведь ему едва исполнилось семнадцать.

Чавандаз больше не улыбался. Он исподлобья разглядывал Гульсум-апа. Она-то очень хорошо знала, сколько лет Ядгарбеку.

— Сколько лет было вам, когда вы вышли замуж? — спросил он. — Наши предки женили своих сыновей в шестнадцать лет на двенадцатилетних девочках и ничего, справлялись — рожали детей.

— Но Гульчехра только в этом году окончила восьмой класс. Захотят ли родители забрать ее из школы?

— Зачем забирать? Пусть учится на здоровье. С ее отцом я договорился. А моему сыну стоит ее кликнуть — и ваша шестнадцатилетняя прилетит и сядет к нему на руки. Не упрямитесь, Гульсумхон.

— Мы не можем учить замужних...

— Ну, тогда она не будет учиться. Пусть поживут, наслаждаются жизнью. Сами знаете: сегодня парень жив, завтра нет!

— Что я могу сказать? Я все сказала...

— Хоп! Я вам так сообщил, для порядка. Теперь давайте говорить о ваших делах!

Гульсум-апа достала тетрадь. Чавандаз слушал, хмурился, но не перебивал.

— Ладно, подумаем, — сказал он.

— Подумать, конечно, надо. Но время не ждет...

— Знаю, что не ждет. Очень хорошо знаю. Сейчас надо думать не об учебе, а о фронте. Это значит — думать о зерне, о хлопке, о картошке, о мясе, о яйцах, — Чавандаз, перечисляя, загибал сильные пальцы...

— Правильно, но...

— Без всяких но, Гульсумхон. — Чавандаз встал и взял со стола камчу.

— Что же мне делать? Откроем школу или нет? Если нет, то заявляю: с сегодняшнего дня слагаю с себя обязанности директора!..

Чавандаз молча смотрел на нее. Он-то думал, что эти годы поубавили у нее спеси, но, оказывается, она осталась такой, какой ее помнил Чавандаз еще девушкой: гордой и непреклонной.

— Освободят вас от директорства или нет — пусть решает тот, кто вас назначал. Мое дело думать о фронте. Я призван служить фронту...

— А мы не думаем о фронте? С весны вся школа в поле...

— Вот и хорошо. Продолжайте заниматься тем же.— Чавандаз вышел, скрипя сапогами, оставив Гульсум-апа одну в комнате.

Гульсум-апа подумывала совсем отказаться от директорства. Зачем лишние хлопоты, когда можно работать, как все? Но тут же думалось и другое: разве можно жечь одеяло, разозлившись на блоху? Она понимала, что не бросит школу, что будет добиваться дров и ремонта, не щадя ни своих сил, ни времени. Следующей инстанцией, которую надо пройти, был Эртаев. Он уезжал то в степь, то в соседние колхозы, то в город. Только на третий день к вечеру Гульсум-апа захватила его в конторе. Эртаев почему-то сидел один в кабинете Инобат и с кем-то разговаривал по телефону.

— Хоп, хоп, сейчас же приду...

Гульсум-апа не знала, сесть ли ей, остаться ли стоять или незаметно уйти. Эртаев положил трубку, улыбнулся:

— Салам, апа. Вы к Инобатхон?

— Нет, я к вам. Но вы, кажется, торопитесь?

— Откровенно говоря, очень тороплюсь. А что вы хотели?

— Школьные дела. Нужен ремонт, нужен керосин, а главное — нужны дрова.

— Поговорите с Чавандазом.

— Он и слышать о школе не хочет.

Эртаев некоторое время пристально разглядывал Гульсум-апа. Что она о нем думает? Почему пришла именно к нему?

— Но-о! И слышать не хочет? — сказал Эртаев и улыбнулся. Когда он улыбался, то на правой щеке его появлялась ямочка, придавая лицу по-детски наивное выражение. Эртаев вышел на середину комнаты, оправляя большими пальцами шелковую рубашку, как всегда белоснежную.— Что, если мы отложим этот разговор на день-другой, ападжан?

— Раз вы торопитесь! Просто время не ждет...

— Тогда сделаем так.— Эртаев вернулся к столу и написал записку.— Передайте это Чавандазу,— сказал он и быстро вышел.

Гульсум-апа против воли почувствовала, как на душе у нее потеплело от приветливости Эртаева. «Ув. раис-ака. Помогите нашему дорогому директору. Понимаю, у вас и без того много забот. Но школа — вопрос политический. Устройте! С ув. Эртаев», — читала она, и где-то в глубине души шевельнулась мысль: может, она несправедлива к нему? Может, он и сам мучается от того, что совершил? Гульсум-апа зашла в бухгалтерию, чтобы повидать Барно, но новости не было. Она подождала немного и вышла из конторы.

После светлой комнаты двор, едва освещенный трехдневной луной, показался совсем темным. А на улице, стиснутой высокими дувалами, было темно, как в горном ущелье. Гульсум-апа дошла до плакучих ив над арыком недалеко от плотины. Луна, как ночник, висела над белой от пыли дорогой. Гульсум-апа услышала топот копыт и, посторонившись, остановилась в тени на обочине дороги. Мимо нее проехал фаэтон и в нем двое в белом. Если Гульсум-апа и сомневалась, то не больше мгновенья.

— Вы очень нетерпеливы! Обижусь! — сказала Барно.

— Боюсь остаться с пустыми...

Конец фразы, сказанной Эртаевым, Гульсум не слышала. Фаэтон въехал на плотину, и лошадь перешла на шаг, а еще мгновенье — и Гульсум уже ничего не видела и не слышала, все было поглощено тенью тополей и шумом текущей воды.

Гульсум-апа стояла, словно оглушенная ударом дубинки. Не очень сознавая, что делает, она медленно, на мелкие клочки рвала записку Эртаева. Она вернулась домой в полночь и ничком, не раздеваясь, повалилась на постель. И лишь под утро немного успокоилась. Она решила, что отойдет от всех дел, не связанных непосредственно с благополучием семьи, поговорит с Барно, чтобы отвести непоправимое несчастье от сына и от нее.

Но на другой день случилось такое, что надолго выбило из головы все другие заботы.

Утром Гульсум разбудил посыльный из кишлачного Совета. На этот раз не она искала разговора с Чавандазом, а Чавандаз хотел говорить с ней. Он встретил Гульсум-апа с благородно-печальным выражением лица.

— Оказывается, вы пожаловались товарищу Эртаеву, — тихо и с обидой в голосе сказал он.

— Можете считать, что ничего не было. Теперь это не имеет никакого значения...

— Хоп! Не в этом дело! Никуда не уйдут дела этой брешной жизни.— Чавандаз глубоко вздохнул, не спеша открыл стол и, достав желтоватую бумагу, сложенную вдвое, подвинул ее по столу к Гульсум-апа.— Ничего не поделаешь, война,— сказал он.

Гульсум, как замороженная, смотрела на бумагу, не имея сил шевельнуться. Только когда до ее сознания дошел адрес, написанный синими чернилами: «С/с Кара-Булак... Мастуре Рустамовой»,— в голове молнией блеснула мысль: «Расулджан!»

— Что делать? Человек смертен! Крепитесь, Гульсум-хон... Как только успокоитесь, приходите, поговорим о школе...

Гульсум будто только и ждала этих слов. Она торопливо вытерла глаза, осторожно, точно боясь взрыва, взяла бумажку и, не взглянув на Чавандаза, вышла.

Гульсум не знала, куда идти. Бумажка жгла ей руку, и не было сил заставить себя прочесть ее. Если навстречу кто-нибудь шел, Гульсум поспешно сворачивала в проулок, шла садами, через проломы в дувалах. Сад, в который она вошла, был очень знаком. Гульсум остановилась и стояла, пока не сообразила, что это сад матери. Она даже услышала голос Махиры-буви, зовущий Фатиму и Зухру. Гульсум побежала на улицу, чтобы не встречаться с матерью: она не в силах была сказать ей, что две эти крошки — сироты, и сама не в силах была видеть сейчас внучек. В полдень Гульсум забрела на полевой стан. К счастью, люди еще не подошли на обед и на стане была одна Серафима Федоровна.

— Что с вами, Гульсум-апа? — спросила она.

Гульсум молча передала ей бумажку, бессильно прильнула к стволу ивы и закрыла глаза. Она не помнила, сколько простояла так. Когда она открыла глаза, Серафима Федоровна сидела, опустив руки на колени, и смотрела куда-то перед собой.

— Что делать, ападжан? — спросила Гульсум.— Как сказать об этом дочери?

— Зачем говорить? Ничего не надо говорить!

— Вы думаете, будет лучше?

— Да, будет лучше! Может быть, что-то напутали.

Может, он не убит... Чего не бывает на фронте! Просто не найдут человека и рассылают такое. А он ранен, и его подобрали санитары из другой части...

Странно, Гульсум-апа готова была поверить, что так могло быть и что действительно необходимо скрыть извещение от дочери.

— Правда, правда! Я тоже слыхала... Так бывает,— сказала она.— Только как быть с Чавандазом? Он может кому-нибудь сказать или уже сказал...

— Идите предупредите его! А если кому-то сказал, то предупредите и того...

— Правда, правда, так и сделаю.— Гульсум поправила на голове платок.— Я сейчас... Я быстро... Если надо будет, обегу всех! Спасибо вам, надоумили.— Она торопливо побежала в кишлак.

● ГЛАВА ШЕСТАЯ

Акмаль вытер потный лоб и оглянулся.

Солнце садилось. Тень от холма Карултепа накрыла степь. Только шалаши на стане и несжатое еще пшеничное поле поблескивали в закатных лучах.

Кучкар куда-то исчез, а Машраб все еще жал совсем близко от Акмаля. Машраб хотел помочь девушкам и захватил себе большой участок — среди несжатой полосы пшеницы виднелась его согнутая спина. Было похоже, что до вечера Машраб решил сжать всю полосу. «Раз решил, значит, сделает»,— подумал Акмаль. Он вспомнил, как Машраб таскал мешки, и улыбнулся, сдувая с губы пот. Акмаль захватил пучок стеблей и подрезал их ораком — изогнутым ножом, похожим на серп. Он захватывал стебли и подрезал их, не глядя и не разгибая спины. Лишь изредка, вот как теперь кончая полосу, Акмаль позволял себе распрявиться и посмотреть вокруг, подставляя голую потную грудь предвечернему ветерку. И так вот уже несколько дней, с тех пор как Камил-ака поставил мальчишек на жатву.

Хлеб вырос высокий и густой как никогда. Чем больше жнешь, тем больше хочется жать, вдыхая запах налитых и прогретых солнцем колосьев. Иногда нога спотыкается об огромный арбуз или орак прикоснется к дыне кучка, и они трескаются от спелости. В таких случаях

счастливец кричит о находке, и жнецы сбегаются со всех сторон и, захлебываясь соком, едят рассеченные серпом ломти арбузов и дынь, и крик при этом стоит такой, что можно оглохнуть.

Жали с утра до вечера. Курбан-ата привозил обед на своем ишаке прямо в поле и оделял жнецов из ведер холодной похлебкой из очищенной джугары, заправленной айраком. Курбан-ата подъезжал к каждому жнецу, наливал ему касу похлебки и терпеливо ждал, пока тот поест. А вечером, после сухого горячего зноя, легкая прохлада, прилетающая с гор, была как награда за труд. Шли с поля на стан, и вдруг девушки начинали петь, и в сумерках они казались такими красивыми, что от радости сжималось сердце... Хорошо было Кучкару. Он не терялся, подхватывал песню даже тогда, когда не знал слов, или обнимал сразу двух-трех девушек, и тогда на всю степь поднимался крик и хохот. Кучкар словно и не махал целый день серпом. На помощь подругам прибегали другие девушки, и кончалось тем, что Кучкар спасался бегством. Машраб тоже не скучал. Он читал вечерами стихи — свои и чужие, и уставшие от работы жнецы приходили послушать.

Акмаль стеснялся девушек и обливался потом, когда они с ним заговаривали. По ночам ему снилась Гульчехра, и он даже во сне начинал громко сопеть. Во всем кишлаке одна Гульчехра не смеялась над ним — так по крайней мере думал Акмаль. Он мог точно назвать день и час, когда полюбил Гульчехру, и надеялся, что и она его полюбила.

Их странная, с точки зрения других, любовь началась прошлым летом, когда они везли урюк на базар. На окраине города упал ишак Гульчехры. Поднять его ничего не стоило Акмалю. Он подошел и рванул ишака за хвост, пнув его при этом под бок ногой. Ишак вскочил, но Акмаль не мог ступить на ногу — вывихнул палец. Весь день Гульчехра суетилась вокруг Акмаля, а вечером, когда возвращались с базара, купила яицек. Они остановились за городом, она положила его ногу к себе на колени и принялась массировать больной палец яичным желтком. Сердце Акмаля растаяло от такого внимания. Машраб называл Гульчехру легкомысленной, Кучкар отзывался о девушке более определенно, конечно

когда его Акмаль не слышал. Они могли говорить о Гульчехре что угодно. Один Акмаль знал истинную цену верности и преданности ее благородного сердца — так по крайней мере он сам думал. Провожая его в степь, Гульчехра сунула ему за пазуху две загары — лепешки из кукурузной муки, завернутые в платочек. Не каждая девушка сделает такое. Лепешки Акмаль давно съел, а платочек до сих пор лежал под халатом на сердце.

Акмаль захватывал рукой стебли пшеницы и подрезал их серпом. Его движения были ритмичны, как у машины. Широкий взмах руки, блеск серпа, сухой треск — и колосья покорно ложились на сухую, пахнущую пылью и печеным хлебом землю. Акмаль, не разгибаясь, шел и шел вперед, оставляя за собой ровно подстриженное жнивье.

— Э, харманглар, джигиты!

Акмаль выпрямился. В пяти-шести шагах на жнивье стояли Эртаев и Камил, за ними, вытянув руки по швам, виднелись Курбан-ата и Кучкар. Кучкар явно дурачился, передразнивая старика и копируя все его движения. По другую сторону несжатой полосы стоял Машраб, и серп в его руке свисал чуть не до самой земли; опустив голову, он не смотрел на Эртаева, как будто в чем-то провинился.

— Молодцы, джигиты,— говорил Эртаев.— Слух о вас идет по всему району.

— Правильный слух,— сказал Курбан-ата.— Когда Чапаев громил на Урале белоказаков, я гонял по горам Энвер-пашу. Когда Красная Армия громит под Курском фашистов, наши дети проявляют трудовой героизм.

Эртаев терпеливо ждал, пока старик кончит говорить. Курбан-ата снял фуражку и вытер голую, без единого волоска, голову.

— Чапаевское племя,— сказал он и надел фуражку.

— Молодцы, джигиты,— повторил Эртаев.— Да и старшие товарищи не подвели... Я очень рад, Камилджан, что райком партии в вас не ошибся!

— Если кто-то из руководителей заслуживает благодарности, так это Инобат. Без ее энергии не было бы этих тысяч пудов дополнительного хлеба...

— Скромность украшает большевика,— сказал Эртаев и засмеялся.— А вам, ребята, спасибо от имени до-

блестных бойцов, громящих врага в эти дни под Белгородом и Курском.— Эртаев обошел ребят, пожимая руку каждому в отдельности. На Машраба он взглянул искоса и тут же отвернулся, а возле Акмаля задержался.

— Как отец? Пишет?

— Письма иногда приходят...

— Говорят, ты остался один кормилец? Я этого раньше не знал. Можно было бы не призывать твоего отца в трудовой батальон. Почему он сам о себе не похлопотал? Как мать, братишки? Все ли здоровы?

— Спасибо, здоровы.

— Простой, хороший человек Эшмат-ака, бесхитростная душа. Я думаю, надо помочь семье. Что скажете, отец?

Курбан-ата не ожидал такого вопроса. Он снова снял фуражку, сказал:

— Когда Чапаев громил на Урале белоказаков, а я гонял по горам басмачей, Эшмат был отважным краснопалочником...¹

— Я думаю, колхоз сможет дать семье Эшмата полтора-два пуда зерна,— быстро сказал Камил.

— Так будет правильно,— подтвердил Курбан-ата и надел фуражку.

Эртаев пошел к стану. Курбан-ата и Камил, чуть потстав, шли за ним, и жнивье потрескивало под их ногами, а из-под сапог поднималась пыль.

Кучкар сказал:

— Неужели у него совесть заговорила?

Никто не спросил, у кого это «у него». И Машраб и Акмаль понимали, что речь идет об Эртаеве.

— Зачем плохо думать о человеке, если даже он тебя один раз обидел? — сказал Акмаль.

— Продажная душа. Вернее, брюхо,— сказал Кучкар.

Машрабу была неприятна похвала Эртаева, лучше бы он его обругал, а так в душе появилась какая-то признательность к этому человеку. Но Машрабу не хотелось ему верить, и он терялся в догадках, зачем понадобилось Эртаеву приезжать в степь и хвалить их?

¹ Краснопалочники — отряды самообороны, которые действовали в Средней Азии во время борьбы с басмачеством.

Акмаль вернулся к своей полосе. Он жал и про себя подсчитывал: за время работы в степи, экономя в еде, он уже собрал полмешка лепешек. Если прибавить к ним еще полтора пуда зерна, то можно будет что-то выгадать на подарок Гульчехре. Акмаль широко захватывал стебли пшеницы и громко сопел.

Машраб и Кучкар тоже вернулись на свои полосы. Они думали, что до темноты сумеют их дожать. Но дожать не пришлось.

Кто-то закричал возле стана:

— Девушки, Барно приехала!

У Машраба остановилось сердце: понятно, почему в степь приехал Эртаев. Из-за соседнего стога выбежала гурьба девушек, окружила Машраба.

— Джан, Машрабджан! Пусть встретится тебе красавица прекрасней месяца, приятнее прохладного ручейка...

— Хватит на сегодня работать!

Машраб, захваченный врасплох, оглянулся на Кучкара, но тот, уперев руки в бока, орал:

— Эй, поэт! Раз ты Машраб Дивана — читай стихи!..

Девушки стали дружно подсаживать Машраба на прошлогоднюю скирду. Чтобы избавиться от них, Машраб, цепляясь руками, проворно полез на вершину. По ту сторону скирды стояла бричка, и в ней на поперечных досках сидели Муяссар, Барно, Лариса и Гульчехра. Они раздавали персики окружившим бричку женщинам. Муяссар увидела Машраба и радостно замахала рукой. Машраб засмеялся, сам того не замечая, и тут же в голову ему пришло стихотворение. Он стоял на скирде, по пояс в соломе, рот до ушей, белые зубы поблескивали, а с губ срывались знакомые слова поэта Уйгуна из стихотворения о думах бойцов, которые сражались на фронте:

Не теряй свою веру, не подвергай беде свое добронравие.
Не пускай на ветер честь, не предавайся пустым
наслаждениям.

Не погуби свою жизнь мимолетным увлечением,
Любовь и увлечение — вещи разные, не заблуждайся
на этом пути.

Барно уже давно сошла с брички и стояла, прислонясь к подножию скирды, снизу вверх пристально глядя на Машраба. Стихотворение было очень длинное, все в одном духе: поэт обличал неверность и восхвалял красоту подлинной любви и преданности. Машраб читал с упоением, не спуская глаз с Барно.

На бричку уже влез Кучкар, говорил Акмалю:

— Что стоишь, словно я съел, а тебе не досталось. Лезь!

Машрабу долго и дружно аплодировали. Кучкар, стоя в бричке, махал ему рукой. Машраб съехал по крутому склону скирды. Он хотел побежать к бричке, чувствуя, что Барно стоит рядом и смотрит на него.

— Чего ты от меня хочешь? — тихо спросила она.

В это время бричка тронулась. Машраб оглянулся: бричка покатила по жнивью, поднимая пыль.

— Столько девушек слушали это стихотворение, и никто не обиделся. Почему бы? — спросил Машраб.

— Мне нет до других никакого дела... В тот раз ты задел меня так, а сегодня этак... Кто тебе дал право вмешиваться в мою жизнь?

— Я думаю о своем брате...

— Хорош у тебя брат, если приставил ко мне шпиона...

Машраб задохнулся от возмущения, но ничего не успел ответить. Барно резко повернулась и пошла к стану, на котором уже зажглись огоньки.

— Машраб!

К нему бежала Муяссар. Над степью стояли рассеянные сумерки, но в небе уже мерцали первые звезды. Казалось, кто-то чистил и ставил их в вышине по одной. Машраб пошел навстречу Муяссар, и они повернули к стану.

— Я думал, ты уехала, — сказал Машраб.

— Что ты! Я от них убежала. Спрыгнула с брички и убежала.

Машраб косился на смуглое, почти коричневое в сумерках лицо Муяссар, и она, точно чувствуя его взгляд, смотрела прямо перед собой. Так они и шли по степи.

Все, что делалось в кишлаке, казалось Муяссар ничтожным по сравнению с тем, что совершалось на фронте. Но эта широкая степь, шалаши из камыша, хирманы,

на которых молотили хлеб, крики мальчишек-погонщиков, скрип арб, запряженных волами, вереница шагающих ишаков с мешками зерна, грустные песни девушек — все это было так величественно, что у Муяссар дух захватило.

— О вас говорят, как о героях,— сказала она.

— О вас тоже ходят слухи. Почему вы приехали и по какому случаю так разделись?

— Были в городе, в госпитале. Возили раненым дыни... Правда, не хандаляшки... А почему ты тогда полез на бахчу?

Машраб остановился.

— Ты не знаешь? — спросил он.

Муяссар смотрела на него, и в темноте глаза ее казались огромными.

— Ты же хотела хандаляшек. В то утро я шел мимо твоего сада и сам слышал...

— Не надо... Не говори! — сказала Муяссар.

Машраб обнял ее и притянул к себе, сам дивясь своей смелости.

Где-то очень близко за темнеющей справа скирдой послышался голос Кучкара:

— Ну как, поговорил с Гульчехрой?

— Поговоришь, когда вокруг нее вертится твой брат Ядгарбек!

— Э-э, тряпка... Пойдем!

Машраб выпустил Муяссар, и она побежала к стану.

Из степи свозили и домолачивали на хирманах последние снопы. Каждый день на рассвете со стана уходили в город караваны ишаков. Спать ложились пораньше, едва зажигались звезды. Только теперь, когда вся тяжелая работа была сделана, сказывалась многодневная усталость. Обычно перед сном, где-нибудь в укромном уголке, Кучкар перечитывал какое-то письмо. Это письмо он уже знал наизусть. Оно было написано простым карандашом на листке бумаги, вырванном из полевой книжки.

«Дорогой мой Кучкар!

Получил твое письмо. Этот день для меня стал праздником. Спасибо, сынок.

На днях уезжаю надолго по одному делу. Когда вернусь, трудно сказать.

Дорогой сынок! Я должен был просить у тебя прощения. Но не сделал этого потому, что признавать свою вину или, наоборот, перекладывать вину на другого — ни к чему. Думаю, сам все поймешь... Фатима по молодости оступилась. А я — я очень любил ее. В общем, случилось то, что случилось.

В письме ты пишешь: «Я горжусь вами, папа!» Не знаю, достоин ли отец, который, рассердившись на женщину, забыл о сыне, того, чтобы сын им гордился? Решай сам, сынок. Если останусь жив, мы с тобой заживем по-иному. Единственное мое желание — чтобы ты жил во имя нашего многострадального народа, ради его счастья. Лучшие сыны человечества жили ради этой цели, за это они сейчас кладут свои головы.

До свидания, будь здоров, сынок.

С надеждой на встречу твой отец Клыч.

10 августа, полевая почта 92625 Р».

За ужином, как обычно, Машраб прочел сводку Информбюро.

— Каждый мешок зерна — это гвоздь в гроб фашистов, — сказал он.

Машраб уже привык чувствовать себя комиссаром. Он давно перестал бояться, что Кучкар подымет его на смех. Машраб только не знал, почему так переменился Кучкар.

Кучкар сосредоточенно доедал гуджу, старательно вытирая стенки касы куском лепешки. Кто-то прокричал в темноте:

— Машраб, Кучкар, Акмаль — к Камилу-ака, быстро!

В знакомом шалаше, который все на стане называли «штабом», Камил разговаривал с «Информбюро».

— Э, наконец-то, — сказал Камил-ака, потирая раненую руку. — Что скажете, джигиты, если я пошлю вас в разведку? — спросил он, когда ребята присели на соломенные циновки.

— Если вы нас пошлете, как же мы сможем не пойти, Камил-ака? — ответил Машраб.

Кучкар подозрительно уставился на «Информбюро», спросил:

— Что за разведка?

— В караване ишаков — хищения. Каждый день исчезает мешок зерна.

— Каждый день мешок зерна? Не может быть, — сказал Машраб, чувствуя в словах Камила упрек себе.

— Кто этим занимается? — настороженно спросил Кучкар.

— Кто же еще? Наш старший Ядгарбек и Эшмат-экспедитор. Они сбили с пути Дадабая-простака. — «Информбюро» даже вскочил — так он был возбужден.

— Почему сразу нам не сказал? — грозно спросил Кучкар.

— Боялся. Они мне сказали: «Знай свое дело, а в чужие не лезь».

— Подлецы! — выкрикнул Машраб.

— Эх, если бы не мать, я бы знал, что делать, — произнес Кучкар.

— А теперь не знаешь? — удивился Камил. — Впрочем, может быть, ты прав и лучше тебе не вмешиваться в это дело, — задумчиво проговорил он.

— Как это не надо?.. Да разве они справятся без меня?! — закричал Кучкар. — Если я не пойду, то какими глазами посмотрю на своего тезку, первого Героя Советского Союза Кучкара Турдыева?!

— Резонно, ничего не скажешь. Придется идти, — с улыбкой согласился Камил.

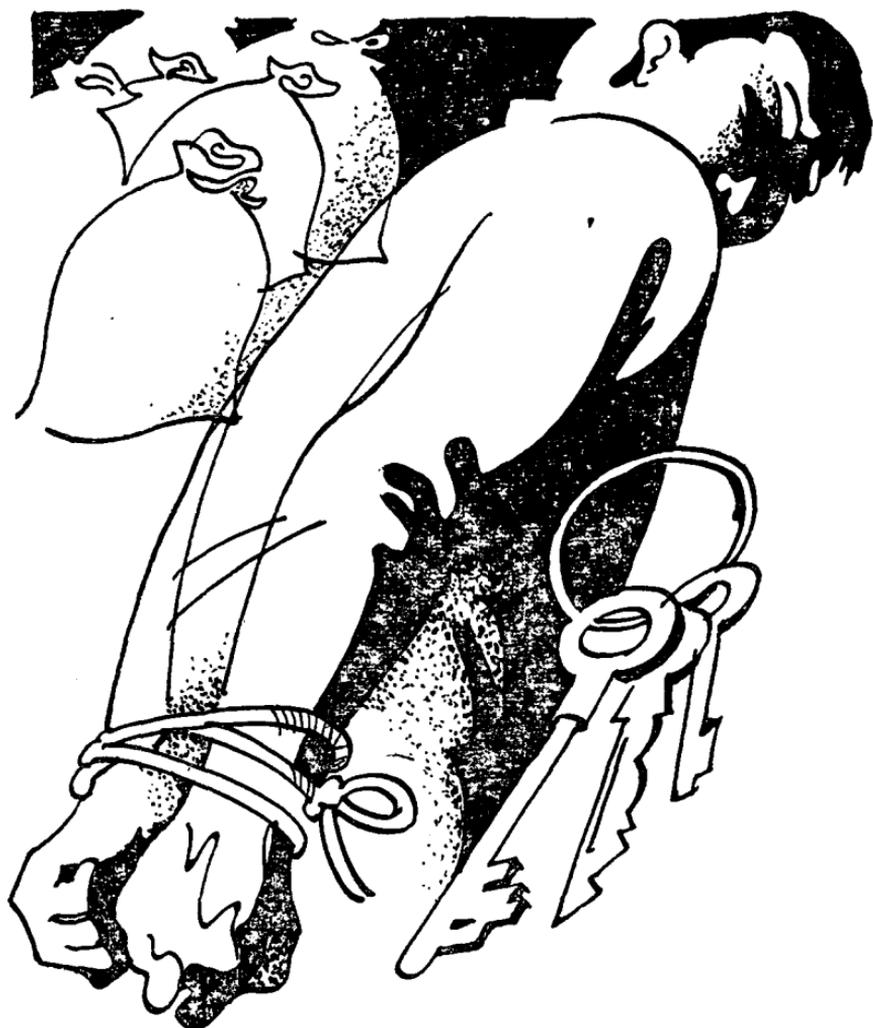
В путь отправились прямо от Камила, чтобы задолго до каравана прийти на место. Когда показались расплывчатые очертания городских садов, небо еще было усыпано звездами и степь дышала предутренней прохладой. Ишаков оставили в урочище на краю города и дальше отправились пешком.

Дом, в котором прятали хлеб, должен был показать «Информбюро».

— Это в третьем дворе первого переулка, — говорил он. — Перед двором протекает арык, а на берегу арыка растет большая чинара...

— Не найдешь — голову оторву, — коротко сказал Кучкар, выслушав объяснения мальчишки.

Арык вытекал из-под дувала, и в том месте, покрывая своей тенью двор и улицу, раскинула ветви чинара.

Само собой разумеется, что всем в этой операции распоряжался Кучкар. Он пролез по арыку в пролом под дувалом и минут через десять вернулся.

— Смотрите,— сказал он и стал чертить в пыли план двора.— Половина двора занята двумя стогами люцерны — вот здесь. Перед террасой на берегу арыка — пашахана¹. Под ним кто-то спит — храпит на весь двор.

¹ П а ш а х а н а — полог для защиты от комаров и мух.

Действуем так: я спрячусь в стоге возле полога. Кто-то, Машраб или ты, Акмаль, залезет на чинару, а кто-то пойдет со мной. «Информбюро» будет дежурить в конце переулка и предупредит, как только появятся воры...

— Давайте я залезу на чинару,— сказал Машраб.

— Хоп! Залезай. Когда «Информбюро» заметит воров, два разними и надень тибетейку.

Хлюпая по воде, Кучкар полез под дувал. Акмаль чуть не застрял в проломе. Машрабу пришлось его проталкивать. При этом обвалилась глыба глины.

Машраб влез на чинару и сел в развилке между ветвей над самым двором. Взошло солнце, отражаясь в воде арыка малиновыми бликами. Слышно было, как под навесом корова жевала жвачку и вздыхала. Из-под полога доносился храп. Потом полог приподнялся, и из-под него на четвереньках выползла полуобнаженная женщина. Она тут же накинула на себя атласное платье, сунула ноги в лакированные кавуши и стала умываться. Умывшись, она подоила корову, зажав ведро между коленями. Потом поставила самовар, навела красоту, стоя у зеркала на айване, а под пологом кто-то все еще продолжал храпеть. Женщина спустилась с айвана и откинула полог. На ворохе одеял лежал на спине мужчина.

— Вставай, мой толстячок,— сказала женщина.

Мужчина ловко повернулся на бок и обхватил женщину за ноги.

— Иди на минутку ко мне, джоним,— сказал он.

Женщина села и, освободив ноги, проворно отодвинулась в сторону.

— Хватит, дорогой,— сказала она.— Пора вставать, скоро караван придет.

Толстяк встал, натянул штаны на короткие, очень толстые ноги. Машраб узнал Эшмата-экспедитора. Пока все, что говорил «Информбюро», подтверждалось. Единственное, что смущало Машраба,— это дом. Машраб знал, что Эшмат жил совсем на другой улице, у своих дальних родственников, а семья его жила в кишлаке. Но раздумывать над этим было некогда: по дороге к городу катились клубы пыли, поднятой ишаками.

Караван ишаков приближался к садам. В переднем всаднике Машраб узнал Ядгарбека — он один ехал на коне. Когда караван втянулся в городскую улицу, Ядгарбек поскакал вперед, поднимая пыль. Караван пришел неожиданно рано — Эшмат его не ждал. Когда Ядгарбек остановил коня под чинарой и постучал в калитку, Эшмат не сразу ему открыл, стоя посредине двора и прислушиваясь.

— Что случилось? Почему у тебя глаза беспокойные? — спросил он, приоткрыв калитку.

— Все хорошо, ака. Партком отправил нас пораньше, будем сегодня делать две ходки.

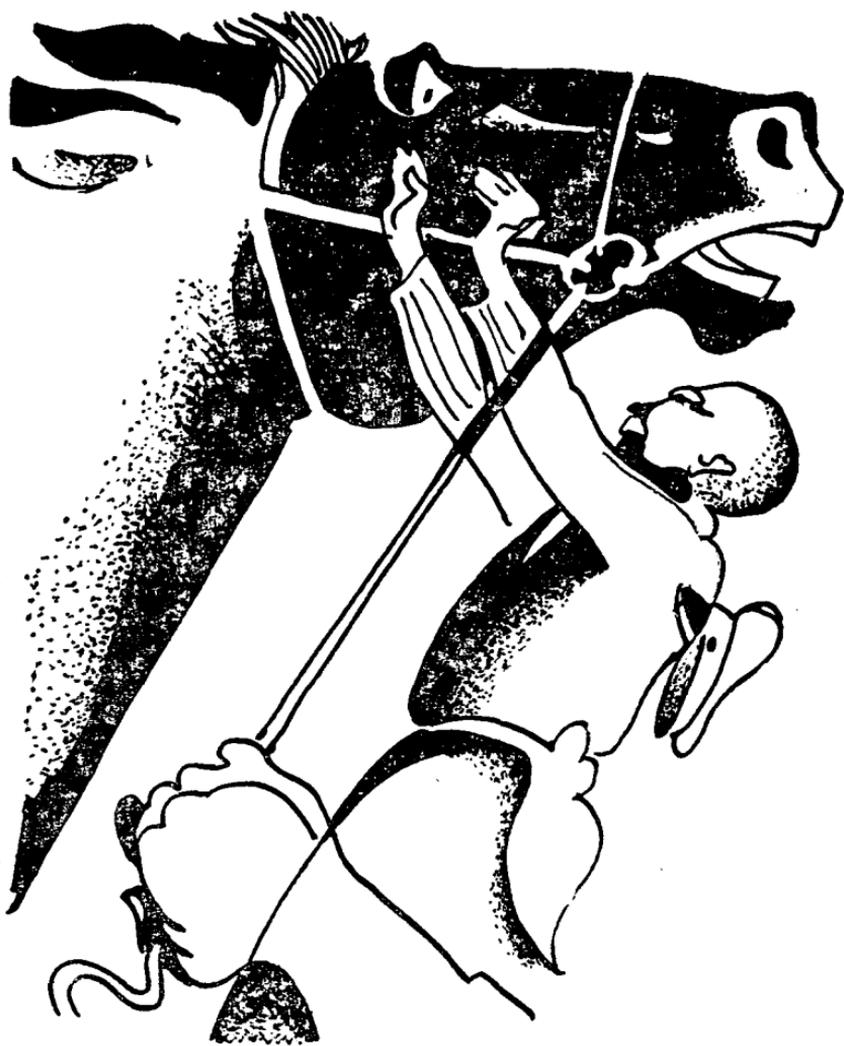
— Хоп! Две ходки — два мешка. Хорошую свадьбу тебе справим.

Ядгарбек, не дожидаясь каравана, поехал вперед. Пыль, поднятая ишаками, докатилась до чинары и заполнила всю улицу. Когда пыль рассеялась, улица оказалась пустой, только у калитки стоял ишак и мальчишка-погонщик осторожно отодвигал засов, поминутно оглядываясь по сторонам.

Все остальное произошло так быстро, что Машраб не успел опомниться.

Как только ишак вошел во двор, Эшмат рывком сдернул четырехпудовый мешок зерна и побежал с мешком на плече, широко расставляя короткие ноги. Женщина торопливо разрывала стог клевера. В это время с другой стороны стога вышли Кучкар и Акмаль. Эшмат, сразу обессилев, сел, опираясь спиной о мешок, а женщина закричала и побежала в дом. Мальчишка-погонщик пулей вылетел на улицу и, не оглядываясь, промчался под чинарой.

Пока собрали соседей и составили акт, «Информбюро» пригнал из урочища ишаков. В хлеву нашли яму, полную зерна. Сколько его было, никто не мерил, просто насыпали зерно в мешки, погрузили на ишаков и повезли в «Заготзерно». В милицию не сообщили, а связали Эшмату руки и погнали в Катра-абад. Машраб удивлялся, что Эшмат, не сопротивляясь, делал все, что ему приказывали. Эшмат очень хорошо видел неопытность ребят и, после того как были сданы на элеватор вещественные доказательства — мешки с зерном, совсем успокоился.

В Катра-абад пришли в полдень. Камил был в степи, и мальчишки, оставив Эшмата-экспедитора в штабе, сели под стогом завтракать. Весть о том, что Машраб Дивана и его компания привезли связанного Эшмата, облетела стан. В штабной шалаш заглядывали любопытные, и Эшмат начинал поносить мальчишек, грозить им.

Пришла Мастура с аптечной сумкой на плече.

— Что тут случилось? — спросила она.

— Ничего особенного. Жуликов поймали. Ты откуда идешь? — спросил Машраб.

— Из третьей бригады. Женщина серпом порезала руку. Ночью видела сон, — сказала Мастура. Помолчала, поглядывая на брата. — Приснилось мне, что Расулджан вернулся без ноги и очень рассердился, что меня нет дома. — Несмело спросила: — Может, от него пришло письмо?..

Она умолкла, потому что прибежал Кучкар, ходивший за добавочной порцией гуджи.

— Пошли, Дивана, идут! — сказал он.

Еще издали возле хирмана Машраб увидел Камила, Курбана-ата и Чавандаза. Чавандаз сидел на знаменитом сельсоветовском жеребце вороной масти и, слегка наклонившись с седла, что-то говорил «Чапаю».

Машраб сразу понял, как только взглянул в лицо Камилу: что-то случилось...

— Почему не оставили Эшмата в милиции? — спросил Камил.

— При чем тут милиция? — ответил Кучкар.

Камил быстро взглянул на Чавандаза, но тот сделал вид, будто занят разговором.

— Где акт о задержании? — спросил Камил.

Он долго просматривал самодеятельный акт, потом сказал:

— Второго вора тоже задержали?

— Другого отпустили в «Заготзерно». Но мы его видели, — сказал Машраб.

Чавандаз больше не притворялся, что занят разговором. Когда Машраб сказал:

— Второй вор Ядгарбек! — Чавандаз крикнул:

— Что ты сказал? Повтори?

— Ваш сын Ядгарбек был задержан при хищении пшеницы...

— Задержан?! Кто его задержал? Где он? Ты, сын Агзама, обвиняешь моего сына?!

На голову жеребца обрушились удары рукояткой камчи. Жеребец подскочил и встал на дыбы.

— Стой!

Машраб не понял, кто это крикнул — Кучкар или Камил. Но он увидел, как за узду взвившегося на дыбы же-

ребца ухватился здоровой рукой Камил. Жеребец от нового удара рванулся, и Камил упал, а на узде повис Кучкар.

— Стойте, отец! Если будете бить, бейте меня!

— Прочь, байстрюк! Я проклял тебя...

Удар камчи упал на спину Кучкара, и рубашка на его плечах с треском лопнула. Удары градом обрушились на жеребца. Тот прыгнул в сторону, оставив в руке Кучкара обрывок повода. Но Халмата не зря прозвали Чавандазом. Он сумел овладеть жеребцом с порванной уздечкой и, обогнув шалаш, примчался обратно. Упершись ногами в стремяна, заиграл в воздухе плетью.

— Меченое племя! Знайте: неделю назад пришла похоронная на Расулджана!

— Молчать!

Машраб оглянулся. Курбан-ата, в своей огромной фуражке, нелепо выглядевшей на маленькой голове, весь дрожа, шел прямо на жеребца. Машраб бросился к лошади наперерез старику, но тут же остановился от отчаянного крика у себя за спиной:

— Машраб! Машраб!.. Джан!

Мастура, с закрытыми глазами, с белым, будто изваянным из гипса лицом, лежала у очага на руках поварихи.

Машраб подбежал к ней, мгновенно забыв о Чавандазе.

— Мастура-апа!

Он тряс ее за плечи. Кто-то закричал:

— Воды! Дайте воды!..

Машрабу показалось, что всю степь вмиг охватило огнем.

— Воды! Воды! — кричал он.

Народу собралось много. Всех вызванных на бюро невозможно было разместить в кабинете секретаря, и заседание бюро райкома проводили в летнем клубе. На повестке был один вопрос: дополнительные обязательства по государственным поставкам зерна. Такие дополнительные обязательства колхозы района брали на себя трижды.

До начала бюро между первым секретарем райкома и Эртаевым состоялся разговор.

— Товарищ Эртаев, я тут советовался с товарищами, решили поручить вам выступить инициаторами нового обязательства. Колхозы вашего куста самые крепкие, да и народ у вас активный. Можно надеяться?

— Что значит можно? Раз надо — сделаем! — сказал Эртаев.

— Хоп! Очень хорошо. Я вам дам первому слово.— Секретарь был явно доволен ответом Эртаева. Он вообще был доволен этим исполнительным, безотказным работником. Правда, до райкома доходили разные слухи, но о ком из ответственных работников теперь не говорят? Не время сейчас заниматься проверками, сейчас главное — победа над врагом.

Эртаев собрал председателей колхозов и партторгов в кабинете заведующего клубом.

Он сделал краткую информацию, во время которой Камил сосредоточенно думал: кому доложить о факте хищения зерна? Первому секретарю или Эртаеву? Неудобно было обходить уполномоченного района, а с другой стороны, Камил испытывал к Эртаеву все большее недоверие. Занятый этими мыслями, Камил не сразу понял, куда клонит Эртаев, а когда понял, спросил:

— А как будет с семенами, если мы отдадим сейчас последнее зерно?

Камил посмотрел на Инобат. Она поблагодарила его глазами за этот вопрос. Эртаев слушал, недовольно морщась.

— Нелепый вопрос,— сказал он.— Мы кому сдаем зерно? Государству. Так неужели государство не позаботится о семенах? Мне неловко за вас, Камилджан.

На этом узкое совещание закончилось, и все перешли в зал, где заседало бюро. Первый секретарь объявил повестку дня и тут же предоставил слово Эртаеву.

Эртаев говорил долго и горячо. Он сказал, что Узбекистан не испытывает непосредственных ударов войны, находясь в глубоком тылу, и что поэтому долг труженников Узбекистана отдать все для победы над врагом. После этого Эртаев назвал цифру, которую колхозы вверенного ему куста (он так и сказал: «вверенного мне куста») сдадут государству. Едва он кончил, как кто-то

задал ему вопрос, откуда в его колхозах столько зерна и не берет ли он дополнительное обязательство за счет семенного фонда.

В зале наступила гнетущая тишина. Эртаев с улыбкой оглянулся на секретаря райкома, спросил:

— Можно ответить товарищу?

Но секретарь райкома встал, сказал:

— Товарищи поднимают очень серьезный вопрос, заботясь о семенном фонде. Мы об этом тоже думали. У нас много загорных колхозов, которые из-за расстояния и трудных горных дорог не сумели вывезти зерно. Это зерно мы оставляем у них как семенной фонд района, а пока взаимобразно возьмем с вашего согласия зерно в ближних колхозах. Те, кто сейчас сдаст дополнительное зерно, получают семена из казахских колхозов.

Камил смотрел на усталое, с мешками под глазами, лицо секретаря райкома и решил, что не имеет права взваливать на плечи Умарова свои заботы. Тем более что Камил уже был в милиции и в прокуратуре и там обещали заняться хищением, хотя и сказали, что мальчишки много испортили своей горячностью и неопытностью. Камил думал, что он и сам не очень-то опытен. Да и где ему, как и мальчишкам, было набираться опыта в борьбе с жуликами?

Мимо Камила, пробираясь к выходу, прошел Эртаев, и Камил решил, что поговорит о хищении с ним. К Эртаеву можно относиться как угодно, но не было никаких оснований сомневаться в его честности.

Эртаева ждала в приемной райкома Барно. Он не хотел приводить молодую женщину в райком, но дом, который указал ему Эшмат, почему-то был на замке. Эртаев пробирался к выходу и думал, какую взбучку он задаст Эшмату-экспедитору. «Если Камил и Инобат поедут в кишлак, можно будет остаться в городе; если же останутся в городе, можно будет сказать, что мне и Барно нужно в кишлак», — думал Эртаев.

Все оказалось проще. Второй секретарь задержал парторгов, и, когда Эртаев подошел к райкому, он увидел только Барно и Инобат. Барно сидела в фаэтоне, а Инобат отвязывала своего коня. Эртаев сделал вид, что не замечает хмурого лица Барно.

— Надеюсь, вы нас извините, Барнохон, за то, что

заставили вас ждать? Это не по нашей вине... Что будем делать дальше, Инобатхон?

Инобат пожала плечами:

— Не знаю. Я приглашаю Барнохон к моей сестре. Три месяца не видела сестру. Останусь у нее до утра.

— Спасибо, апа. Я поеду в кишлак! — сказала Барно.

— На чем же ты поедешь? Товарищ Эртаев, наверно, тоже заночует дома, в семье...

— Товарищ Эртаев поедет в кишлак, Инобатхон. Есть срочные дела.— Эртаев отвязал от коновязи лошадь, сел в фаэтон и разобрал вожжи.— До завтра, Инобатхон,— сказал он и тронул лошадь.

Эртаев по непроницаемому лицу Инобат не мог понять, догадывается она о чем-то или предложила Барно переночевать в городе просто так, как невестке своей подруги. Но, в общем, это не имело большого значения: главное — держаться уверенно и спокойно. Инобат ехала рысью рядом с фаэтоном до улицы, которая вела к «Заготзерну».

— До завтра,— сказала она и повернула коня.

— Кажется, вы обиделись, Барнохон? — вкрадчиво и чуть-чуть насмешливо спросил Эртаев. Он по опыту знал, что такой тон неотразимо действует на женщин.

Барно сидела отчужденно и гордо, укутав плечи в белый шелковый платок, переброшенный концом через плечо на грудь. Она угрюмо вглядывалась в густеющие сумерки улицы.

— Нет, я просто в восторге от вашего внимания,— сказала она, не меняя позы.

Эртаев подавил улыбку. Он привык к покорности женщин. Но Барно нравилась ему именно тем, что знала себе цену. Победа над такой женщиной льстила самолюбию. «Ничего, теленок бежит только до кормушки»,— подумал Эртаев и остановил лошадь у калитки под развесистой чинарой.

— В чем дело? — спросила Барно, когда Эртаев слез с фаэтона и постучал в калитку.— Мы, кажется, едем в кишлак.

— Может быть, посидим, поговорим перед дальней дорогой?

— Зачем? Пока не поздно, поезжайте к своей семье. Узнает обо всем ваша жена — не оберетесь беды.

Эртаев рассмеялся весело и откровенно. Барно ему очень нравилась в своей запальчивой ревности. Интересно, как она поведет себя, когда проснется утром рядом с ним?

— Послушайте, Барнохон! Как только мы переступаем порог этого дома, у меня нет никакой жены. Есть только вы и ваша красота.

«Пошло, грязно»,— подумала Барно, но не могла остановиться и вошла вслед за Эртаевым в открывающуюся калитку.

— Эркин-ака, это вы? — говорила идущая впереди женщина.— Аллах мой, совсем вас не узнала.

Вошли на террасу, и женщина зажгла свет. Барно передернуло, когда она разглядела при свете молодящуюся полную женщину с подведенными сурьмой ресницами и широко накрашенными на выпуклом лбу бровями.

— Где Эшмат? Пусть примет лошадь,— сказал Эртаев.

Женщина потянулась к нему и что-то сказала.

— Новости! — сказал Эртаев и вернулся к калитке. Женщина взглянула на Барно.

— Добро пожаловать, дорогая гостья. Пусть ничто в этом доме не бросит тень на вашу красоту,— льстиво сказала она, но ее зоркий, оценивающий взгляд не соответствовал слащаво-фальшивому голосу.

Эртаев поставил под навес лошадь, распряг ее и бросил в кормушку охапку сухого клевера. Он не торопился, ожидая, пока опытная хозяйка обхаживала Барно, уводя ее с террасы в гостиную. Эртаев присел на подножку фаэтона, закурил. Дождался, когда хозяйка вышла из гостиной, и нарочно громко, чтобы слышала Барно, спросил:

— Ну, невестушка, чем помочь вам? Давайте-ка ведро, принесу вам воды из колодца, пока вернется хозяин. Женщина, шаркая кавушами, вплотную подошла к нему.

— Говорите скорее, что случилось с Эшматом? — спросил Эртаев, опуская в колодец ведро.

— Плохи его дела, Эркин-ака... Попался Эшмат!

— Об этом и спрашиваю. Что значит попался?

Эртаев неторопливо вытаскивал из колодца ведро,

пока женщина рассказывала все, что произошло в этом доме утром. Эртаев слушал и припоминал, не осталось ли каких-нибудь следов, которые могли бросить тень на него. Как будто не осталось. Разве что сам Эшмат расскажет, кому и когда возил колхозные продукты. Но, судя по тому, что говорила женщина, мальчишки действовали не лучшим образом. Ничего не поделаешь, надо будет просто отправить Эшмата на фронт. Эртаев глянул в сторону дома. Барно, сложив ладони козырьком, сквозь оконное стекло смотрела во двор, и тень ее падала на террасу.

— Ладно,— сказал Эртаев.— Что-нибудь придумаем. Полейте-ка мне на голову...

Он вошел в гостиную с расстегнутым воротом рубашки, с мокрыми волосами, вытирая полотенцем крепкую шею и грудь. Барно перед зеркалом переплетала косу.

— Барно! Барнохон! — позвал Эртаев.

Барно не оглянувшись, отчужденно спросила:

— Где вы были, товарищ Эртаев?

Эртаев смотрел на нее и думал, что сейчас самый удобный повод обидеться,— вряд ли стоило оставаться в доме, с которым так тесно был связан Эшмат.

— Готовил для вас чай, Барнохон,— сказал он.

— А я просила у вас чаю? — Барно, слегка повернув голову, взглянула на него, усмехнулась.— Спасибо за гостеприимство. Поедем.

— Поедем? Куда? — спросил Эртаев и подумал, что если сейчас выпустит ее, то уже никогда не добьется своего.

— Куда же еще? Домой, в кишлак. Вы же сказали Инобат, что у вас в кишлаке срочное дело.

Эртаев стоял и взвешивал все «за» и «против», а тем временем все решилось само собой.

— Никуда мы не поедем. Не можем ехать. Лошадь устала...

— Нет, я уеду...

— Никуда вы одна не уедете. Не на чем вам ехать...

Эртаев увидел в дверях хозяйку с бутылкой вина в руках. Он сделал ей знак уйти и потушил свет. В темноте подошел к Барно, взял ее за руку:

— Немножко отдохнем, джоним!

Барно видела в зеркале, как Эртаев знаком удалил хозяйку, и, когда он потушил свет, у Барно упало сердце.

● ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В Катра-абад Эртаев приехал через два дня. Он позвал мальчишку-погонщика и попросил его подержать вороного жеребца с белой отметинкой на лбу. Потом пошел к Камилу, сидевшему со стариками в тени огромного бурта зерна.

— Позовите, Камилджан, ребят, которые задержали мошенника Эшмата. Надо объявить им благодарность от имени райисполкома. Правильно, аксакалы? — спросил Эртаев стариков.

— Очень правильно, товарищ Эртаев, — ответил за всех подошедший Курбан-ата. Он был строг и серьезен. — Зачем называть Агзама Ячейку врагом народа, товарищ Эртаев? — спросил Курбан-ата.

— Кто его так называл, ата? — Эртаев насторожился.

— Чавандаз!

— А-а, погорячился раис-ака. Обиделся, что его сына назвали вором.

— А разве он не вор?! — спросил Камил.

— Зачем же сгущать краски, Камилджан? Ошибка молодости. Вы же не назовете ворами тех, кто рвал хандаляк на бахче?

Камил промолчал. Послать за мальчишками было некого, и он пошел сам, а Эртаев остался со стариками. На другой день после бюро райкома, когда Камил специально поехал в кишлак и рассказал Эртаеву о хищении зерна, Эртаев выслушал его со сдержанной настроженностью и ничего определенного не сказал. «Что же произошло теперь? — подумал Камил. — А, что бы ни произошло, важно, что Эртаев понял — Эшмат преступник».

Камил увидел «Информбюро» возле столовой, велел найти и привести на ток Машраба и его приятелей и вернулся к Эртаеву.

Эртаев улыбался, идя навстречу Камилу:

— Ну и ну, Камилджан! Дополнительных обяза-

тельств еще не выполнили, а колосья собирать колхозникам разрешили.

— Если не разрешить, то кому будет от этого польза? Колосья все равно останутся на земле.

— Не будем этого касаться! Сначала надо выполнить обязательства, а потом можно поговорить о колосьях... Как, аксакалы, правильно я говорю?

Старики молчали, а потом под разными предложениями стали расходиться. С Камиллом и Эртаевым остался только Курбан-ата.

— Что это сидим на солнце? Войдем в шалаш.

В шалаше стоял прохладный полумрак. Эртаев сел на подобие тахты, устроенной на деревянных козлах, сказал:

— Мне бы хотелось предупредить вас, Камилджан. В вас много мальчишества: обещали колхозникам колосья, не согласовав с райкомом.

— Я обещал им то, что все равно пропадет.

— Что значит пропадет? Разве у государства излишек хлеба? Весь хлеб принадлежит государству. Правильно, ата?

Курбан-ата пожевал губами, сказал:

— Камилджан поступает правильно. Камилджан был бы хорошим комиссаром даже у Чапаева.

Эртаев смотрел то на старика, то на Камила. Последнее время у него появилась манера смотреть на людей исподлобья, тяжелым, немигающим взглядом. И этот выживший из ума старик, и этот молодой бесребренник — оба думают только о деле, только о благе людей, и потому они так уверены в себе, потому никого и ничего не боятся. Таким же помнил Эртаев Агзама Ячейку. Чужие, непонятные люди. К ним можно относиться снисходительно, пока они не мешают. Эти начинают мешать. Ничего не поделаешь, придется их усмирить, обвинив в заигрывании с колхозниками за счет государства. Эртаев чувствовал свое превосходство. Смысл жизни в том, чтобы жить приятно. Тот, кому есть что терять, боится терять...

В шалаш, загораживая свет, вошли Кучкар и Акмаль. Складки на лбу Эртаева разгладились.

— Старые знакомые! Ну как, больше не лазили на бахчу? — спросил он.

Он вдруг так расхохотался, что, глядя на него, засмеялись Кучкар и Акмаль. Даже Камил улыбнулся.

Эртаев сквозь смех проговорил:

— Используя собственный опыт, накопленный в краже хандаляка, поймали еще одного вора?

— Сравнили, нечего сказать! То были хандаляки, а это пшеница. Белая, сухая пшеница,— сказал Кучкар.

— Конечно, хандаляки растут на бахче, а пшеница в поле. В этом вся разница... В общем, молодцы! Дали по рукам мошеннику. Пусть теперь понюхает пороху, услышит, как свистят на фронте пули.

— При чем тут фронт? — спросил Камил.

— Как при чем? Эшмат подал заявление с просьбой послать его добровольцем на фронт, чтобы кровью испить вину...

— Разве на фронт посылают провинившихся? Разве быть на фронте не самая большая честь? Разве защищать родину должны преступники? — Кучкар смотрел по сторонам, и под его взглядом опустили голову сначала Курбан-ата, потом Камил.

— Объясните мальчику суть вопроса,— сказал Эртаев и вышел.

Но Камил не знал, что сказать. Он чувствовал: что-то нечисто в этой истории, но не мог понять что. Сидел и думал, что он плохой парторг, что для партийной работы ему не хватает ни опыта, ни знаний.

— Чапаев за это расстреливал,— сказал Курбан-ата, посмотрел на них строго, поправил на голове фуражку и вышел.

— Когда я лежал в стоге клевера, я слышал, как Эшмат сказал женщине: «Сегодня вечером приедет Эртаев, надо приготовить хороший достархан»,— сказал Акмаль.

— Я тоже это слышал,— сказал Кучкар.

— Почему же не сказали мне? — спросил Камил.

Ребята молчали, потом Кучкар сказал:

— Жалко Машраба. Эртаев должен был приехать с Барно...

Камил поглаживал раненую руку. Значит, слухи, которые поползли по кишлаку,— правда. Ребята из деликатности не хотели говорить о том, что могло огорчить их друга. Должен ли он, Камил, предать гласности то,

из-за чего его закадычный друг Ашраф, может быть, не захочет жить? Камил чувствовал, что у него в руках улики, достаточные для того, чтобы покончить с Эртаевым. Но он не знал, как пустить их в ход. Просто обнародовать? Сумел же он повернуть историю с хандаляшками так, что сейчас ничего нельзя предпринять против Ядгарбека. А Эшмат уже, наверно, едет на фронт, да и не захочет он портить отношения со своим покровителем. Остается Барно. Но если Барно что-то себе позволила, не будет же она об этом говорить... Круг замыкался, и Камил не видел из него выхода.

— Идите, джигиты. Обедайте, а я немного посижу, подумаю,— сказал Камил.

После полумрака шалаша день показался особенно ярким.

— Упустили гниду,— сказал Кучкар, со злостью пнул какую-то чурку и тут же схватился за большой палец, запрыгав на одной ноге.

С того дня как Чавандаз сказал о смерти мужа Мастуры, Машраб изменился, стал молчаливым, замкнутым, будто сразу повзрослел на несколько лет.

Вечером на коне Камил Машраб привез Мастуру в кишлак. Он провел ночь в саду на ворохе клевера. До утра не умолкали плач и причитания собравшихся в махалле женщин. Утром из дома вышла соседка и сказала, что Мастура зовет Машраба. Когда он вошел в комнату, соседок уже не было. Кроме Мастуры, лежащей на курпаче, в узенькой и низкой комнатке сидели бабушка, мать и Серафима Федоровна.

— Машрабджан! — сказала Мастура и тронула руку Машраба своей похудевшей за ночь горячеей рукой.— Серафима Федоровна, бабушка, мама — все, кто были здесь ночью, говорят, что Расулджан, может быть, жив. Они говорят, что на фронте бывают ошибки... Ты умный, ты много читаешь. Скажи, может такое быть?

— Так бывает очень часто, Мастура. Я могу рассказать тебе десятки случаев, когда было именно так... Я читал об этом и в книгах и газетах.

Все облегченно вздохнули и как-то разом заговорили.

— Мастура, милая моя! Я сама была свидетелем та-

ких случаев. Это вполне может быть! — сказала Серафима Федоровна.

Машраб, не в силах видеть жалкую улыбку сестры, торопливо вышел в сад и долго бродил там один.

Все дни Машраба не покидало ощущение опасности, нависшей над их домом, над семьей, над всем кишлаком. Он все время жил в какой-то настороженной тревоге. Как-то раз, встретив проезжавшего в фаэтоне Эртаева, он вдруг понял, что все время помнил об этом человеке, помнил бессознательно, как о своем личном враге, как о враге всего кишлака, с именем которого связаны все неприятности.

В один из особенно трудных для Машраба дней из кишлака вызвали на сбор колосьев всех трудоспособных. Машраб поехал в степь вместе с Муяссар и Ларисой.

В полдень он и Кучкар вышли к низине, поросшей камышом. Кучкар сбросил почти полный мешок на скошенный камыш и тут же растянулся рядом.

— Горло пересохло, — сказал он. Достал бутылку и, лежа на спине, ловил ртом струю воды.

— Где Акмаль? — спросил Машраб.

— Ходит и думает: почему Гульчехра не приехала на сбор колосьев? А тех двух не видно.

«Те двое» — Муяссар и Лариса. Они собирали колосья вокруг хирмана в ворохе обмолоченной соломы. Люди разбрелись по всей степи, и девушек не было видно.

Кучкар лег на живот, достал из-за пазухи завязанную в платок черствую лепешку. Он разломил ее на куски и положил поверх платка.

— Закусим, — сказал он. — Моя мама говорит, что красивый мужчина должен много есть.

Не успел Кучкар прожевать кусок, как из камышей выскочил «Информбюро». На его худеньком плече болтался почти пустой мешок, лицо и руки были черными, как у негра, а зубы блестели в улыбке.

— Аппетита вам такого, как карнай, — сказал он, имея в виду огромную полутораметровую медную трубу с рас-трубом на конце, при помощи которой глашатаи собирают народ.

— И без твоего пожелания аппетит у нас больше карная, — сказал Кучкар, но тут же смилостивился: — Хоть мы тебя и не звали, но раз пришел — садись!

— Мы и глотка воды даром не пьем,— сказал «Информбюро».— А за свой труд не постесняемся съесть кусок лепешки.

Когда «Информбюро» собирался сообщить какую-то новость, он всегда отзывался о себе в третьем лице. Схватив лепешку, он начал есть.

— Положи на место и сначала скажи, зачем пришел,— спокойно распорядился Кучкар.

— Может, слышали, а может, нет: птичка-синичка слетается с коршуном.

— Говори толком: какая птичка-синичка? — спросил Кучкар.

— Говорят, Гульчехра выходит замуж за твоего брата Ядгарбека... Что слышал, то говорю,— быстро сказал «Информбюро», потому что ему показалось, будто Кучкар намеревался «погладить» его по голове.

— И за такую новость ты хочешь лепешку? — спросил Кучкар.

— А разве было бы лучше, если бы я пришел пригласить вас прямо на свадьбу?

— Иди! Иди! За такую новость не стыдится есть чужой хлеб!

«Информбюро» засмеялся и пошел, доедая кусок лепешки.

Машраб молчал и смотрел куда-то в степь.

— Я еще в тот раз, когда они приезжали, заметил, что он ее обхаживал,— сказал Кучкар.— Надо что-то сделать. Я бы на месте толстяка только обрадовался, что от такой птички избавился... Но он же с ума сойдет...

— Вон Лариса и Муяссар,— сказал Машраб.— Надо их спросить.

Он пошел наперерез девушкам, а Кучкар перевернулся на живот и стал смотреть, как муравей тащил волосок. Бедный толстяк! Надо же, чтобы именно с ним случилось несчастье.

Вернулся Машраб с Муяссар и Ларисой. Девушки недоумевали и были встревожены.

— Может быть, это неправда? — спрашивала Лариса и смотрела по очереди на всех. Степное солнце обожгло ее: продолговатое лицо, шея, руки стали красновато-коричневыми, и голубые глаза казались особенно чистыми,

как весеннее небо. Кучкар старался не смотреть в ее глаза — так было спокойнее.

— Она ведь школу не кончила,— сказала Муяссар, как всегда взволнованно.— Как хотите, а я не верю.

— А жених? Если верить его папе, он еще призывного возраста не достиг. Совсем мальчик!.. Куда ему жениться,— сказал Машраб, насмешливо поглядывая на Кучкара.

— Что ты на меня смотришь? Я ему, что ли, года убавлял? Нет, как хотите, а я боюсь, что новость «Информбюро» соответствует действительности... Я кое-что припоминаю, чему раньше не придавал значения.

— А что, если ее насильно заставляют выйти замуж? Говорят, у вас и не такое еще случается? — вдруг спросила Лариса и испугалась, что, может быть, обидела своих друзей.

— Бывает, всякое бывает,— сказал Кучкар.— Вы ее подруги и должны с ней поговорить без свидетелей, а потом решим, что делать.

— Надо сказать Акмалю,— сказала Муяссар.

— Зачем? Толку от этого никакого не будет. Не зря его называют Акмаль-рохля,— Кучкар безнадежно махнул рукой.

— Кучкар сказал правильно: сначала надо поговорить с Гульчехрой. Это вы возьмете на себя. А мы пока подготовим Акмаля, чтобы эта новость не была ему как снег на голову...

Так и порешили, вторую половину дня собирали колосья вчетвером, и Кучкар подумывал, что не так уж было бы ему безразлично, если бы он услышал, что Лариса выходит за кого-то замуж.

После ручной жатвы колосьев оставалось мало. Только там, где росла трава, их было больше. Но, как говорится, капля по капле образует озеро. В первый же день многие собрали по мешку.

К вечеру, когда на степь напоздали сумерки, неожиданно появились Ядгарбек и Кур-Шермат. На ладных иноходцах, поигрывая камчами, они объезжали скошенные поля и сгоняли людей к хирману. Кур-Шермат искал Камилу, но парторга нигде не было.

У весов стоял Курбан-ата. Он уже забыл, что вместе

с Камиллом отстаивал право колхозников собрать колосья, а теперь по личному приказу Эртаева организовал контрольный пункт. Довольный данным ему поручением, с огромным красным карандашом за ухом, с перекинутой через плечо кожаной сумкой, он каждый мешок заставлял перевешивать по нескольку раз и отсыпал половину на ток. Люди волновались, спрашивали, где Камилджан.

Мальчишкам Курбан-ата сказал:

— Молодцы, джигиты! Половина вам, половина нам!

— Кому вам? — спросил Машраб.

— Государству, фронту, — ответил Курбан-ата.

— Тогда это нам, — возразил Машраб, и многие у весов засмеялись.

Старик не понял, сказал:

— Отсыпьте на хирман еще по пять килограммов.

— Это почему, отец? — спросил Кучкар.

— Потому что вы комсомольцы! Когда мы были такими, как вы, то не только колосья — последний кусок хлеба ставили на общий достархан!

К весам подошла Муяссар. Курбан-ата рассматривал ее слезящимися глазами, словно не узнавал.

— А ты, доченька, сбрось на хирман не пять, а семь килограммов.

Муяссар, минуя весы, высыпала в общую кучу весь свой мешок и убежала. К весам подошел Камил.

— Товарищи колхозники! Коммунисты колхоза призывают вас сдать половину собранных колосьев в фонд Красной Армии, — сказал он.

Курбан-ата, высоко подняв фонарь, чтобы взглянуть, кто это говорит, узнал Камилу и, довольный, сообщил:

— Правильно говоришь, Камилджан. Я получил записку товарища Эртаева: у всех добровольно беру половину...

Камил молча пошел к стану. Проходя мимо Ядгарбека и Кур-Шермата, Камил сказал:

— Чтобы я завтра здесь вас не видел!

— Мы здесь по личному распоряжению товарища Эртаева. Товарищ Эртаев передал вам, чтобы вы приехали в райком!

— Я уже был в райкоме. Повторяю: чтобы вас завтра не было в степи. В колхозе некому работать, а вы на конях разбегаете!

Камил пошел от них, устало сутуля плечи. Машраб с друзьями поняли, что-то случилось, и шли за Камилем в отдалении. Они видели, как он отвязал от коновязи своего коня, сказал поварихе:

— Я поеду в кишлак: давно белья не менял. Утром вернусь.

Ребята не хотели подходить к Камилу на людях.

— Перехватим его на холме,— предложил Кучкар, и все трое побежали к чернеющему склону Караул-тепа. Они не добежали до вершины, когда услышали топот копыт. Кучкар выбежал на дорогу и расставил руки:

— Стойте, Камил-ака! Это мы.

Камил слез с лошади и, держа ее в поводу, обеспокоенно спросил:

— Э, все ли в порядке, друзья?

— Еще спрашиваете! Какой может быть порядок, если на вас лица нет?

Камил засмеялся.

— Вы правы,— сказал он.— Между друзьями не должно быть секретов. Посидим, поговорим.

Они присели на выжженный, пахнущий мятой склон. Внизу, под ногами, мерцала огнями степь, слышались приглушенные голоса. В отдалении грустно пели девушки.

— Меня сегодня вызывали в райком,— сказал Камил.— Секретарь предложил провести в жизнь предложение Эртаева — собрать в фонд Красной Армии колосья на половинных началах. Понимаете, предложение Эртаева, почин Эртаева! А ведь Эртаев был против, когда я говорил, что разрешил собирать колоски. Надо нам с вами, друзья, еще многому учиться!..

❁ ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Кончили уборку хлеба в степи, начали уборку хлопка в кишлаке. На полевом стане бригады «интеллигентов» появились лозунги:

«Хлопок — это боеприпасы!»

«Хлопок — это обмундирование для бойцов!»

«Дорогой товарищ! Сколько хлопка ты сдал в фонд обороны?»

В день начала уборки Гульсум-апа вывела в поле всю интеллигенцию кишлака — работников правления, сельпо, амбулатории, учителей и старшекласников, которые очень гордились тем, что и их причислили к интеллигенции. Поздравить людей с началом работ приехали Камил и Инобатхон, а немного спустя прискакал и Халмат Чавандаз. Все выглядело так, будто сделанное до сих пор — тысячи тонн зерна, овощей, фруктов, сданных государству, ничего не значили, будто только теперь началась главная работа, без которой не может обойтись фронт.

К вечеру первого дня был снаряжен «красный караван» из десяти арб. Его возглавил сам Курбан-ата на своем ишаке. Три головных арбы вели трое друзей, ставшие с этого дня грузчиками и арбаками бригады. Работа была тяжелой. Рано утром выезжали в дорогу, возвращались вечером. Распрягали лошадей и, стреножив, пускали пастись, а сами принимались набивать хлопком мешки и грузить их на арбы. Только после этого спускались в долину.

Ребята ложились на высохшую траву, доставали завернутые в поясной платок самсу с тыквой, кукурузу в початках, испеченную в горячей золе. Ели с наслаждением, запивая ключевой водой, которая казалась слаще мусалласа. Иногда ночью к ребятам приходили Муяссар и Лариса. Тогда Машраб и Кучкар бывали по-настоящему счастливы.

Все неприятности этого лета меркли по сравнению с будущим, которое открывалось перед ними. Вражда с Эртаевым казалась незначительной по сравнению с тем счастьем, которое они переживали. И лишь одно не давало покоя Машрабу и Кучкару — Гульчехра. Они чувствовали себя виноватыми перед Акмалем из-за того, что не знали, как ему помочь. Как-то Кучкар не выдержал, сказал:

— Сам виноват. Если бы не был такой тряпкой, прочил бы ее разок!

Акмаль молчал и только сопел.

Машраб сказал:

— Ядгар окружил ее вниманием. Всякой девушке лестно внимание. Он ей то и дело преподносит подарки. Неужели ты хуже его?

Акмаль сделал вид, что заснул. Но на другой день, сдав хлопок, он, оставив друзей в чайхане, побежал на базар. Три кукурузных лепешки, которые он сэкономил, оказались не таким уж большим богатством. Ему едва удалось выменять на них пару поношенных шелковых чулок. По дороге из города он лежал навзничь на арбе, смотрел в звездное небо и думал, как преподнесет чулки Гульчехре. Пусть потом Ядгарбек почешется. На передней арбе беспечно распевал Кучкар:

Та бесподобная красавица не оценит меня,
Пока не достигнет совершеннолетия...

Странная песня и, как казалось Акмалю, глупая. При чем здесь совершеннолетие?

Акмаль задремал и проснулся от сильного толчка. Толкал его Кучкар.

— Вставай! Подходящий момент проспишь! — шипел Кучкар над его ухом.

Акмаль ошалело вскочил. Арбы стояли в долине, и Машраб уже успел выпрячь лошадей — свою и Акмаля.

— Ну что рот раскрыл?! — Кучкар стащил Акмаля с арбы и указал рукой на заросли камыша: — Беги в эту сторону!

Акмаль побежал, неуклюже переваливаясь на косолапых ногах, еще не очень хорошо понимая, чего от него хотят. Он продрался сквозь высокий, в рост человека, камыш и, когда выбежал на тропинку, увидел испуганно остановившуюся Гульчехру.

— Я думала, что в камышах кабан, — сказала она. На щеках ее заиграли ямочки. — Выходит, и вы научились перебегать девушкам дорогу, Акмаль-ака?

В прозрачном голубом платке, в ярком ситцевом платье и маленьких сапожках, она стояла на тропинке, освещенной луной, и покачивала головой.

Акмаль торопливо искал в поясном платке свой подарок и не смотрел на Гульчехру. Не хватало, чтобы он потерял чулки. Нет, нашел! Акмаль протянул девушке сверток, сказал:

— Возьмите! Этот скромный подарок я купил специально для вас.

— Подарок? Ой, зачем это?! — Гульчехра взяла свер-

ток и, сияя от радости, стала рассматривать чулки, натягивая их на ладонь.

— Ой, у них уже дырочки,— разочарованно сказала она.

Акмаль засопел, шевеля горбатым, мясистым носом.

— Что же делать? Я... мы не в состоянии дарить шелковых платков!..

— Что, что?! Ах, платок! Значит, вы еще и ревнуете? — Гульчехра засмеялась.— Если мне дарят платок, не могу же я его не взять. Я ведь беру ваши чулки! Спасибо!..

Гульчехра побежала в долину, и Акмаль слышал, как она смеялась. Он рванулся было следом, очень довольный разговором, но сзади, со стороны хлопкового поля, его окликнул Ядгарбек, который теперь работал почтальоном.

— Эй, толстяк, не спеши!

Ядгарбек шел через поле, придерживая перекинутую через плечо сумку с обтрепанными краями. Он заранее достал из нее конверт и, не доходя шагов двух до Акмаля, бросил ему письмо.

— Чем приставать к чужим девушкам, думай лучше об отце,— сказал он.

Акмаль соображал, не стукнуть ли Ядгарбека и сразу от него избавиться, но вспомнил про письмо, а Ядгарбек тем временем побежал вслед за Гульчехрой.

Когда Машраб и Кучкар, удивленные долгим отсутствием Акмаля, нашли его, Акмаль сидел на тропинке, обхватив голову руками, и на вопрос Машраба, что с ним, молча передал ему письмо. Вернее, в конверте было два письма. Одно — официальное, за подписью главного врача госпиталя, а другое — написанное по просьбе Эшмата, отца Акмаля. Оказывается, Эшмат, работая на заводе, попал под вагонетку и после операции находился в госпитале на излечении. Эшмат-ака писал: он случайно открыл, что его «омолодили» на шесть лет, и поэтому он думает, не спутали ли его по ошибке с Эшматом сыном Мумина — экспедитором, который как раз на шесть лет моложе. В официальном письме главный врач госпиталя просил председателя кишлачного Совета подтвердить год рождения Эшмата, который по возрасту не

подлежит призыву в армию. Машраб прочитал письма вслух и переглянулся с Кучкаром.

— Все понял? — спросил Машраб.

Кучкар взял у него письмо, прочел.

— Конечно, понял,— сказал он.— Что я, дурак, потвоему?

Машраб, стиснув зубы, сказал:

— Больше терпеть нельзя. Напишем письмо в обком!

Акмаль по-прежнему молчал, но Кучкару предложение понравилось. Они писали письмо ночью, а чтобы оно скорее дошло, бросили его на другой день в городе в почтовый ящик проходившего поезда.

Дальнейшие события развернулись так, что ребята не знали, радоваться или плакать. И для того и для другого причин было больше чем достаточно. Когда показали полученные от Эшмата-отца письма девушкам, Лариса вдруг побледнела. Она схватила письмо главного врача и, ни слова не говоря, бросилась бежать. Кучкар догнал ее возле кишлака, потом подошли остальные. Лариса отдышалась, сказала:

— Я боюсь верить, но кажется, мы нашли папу, вернее, он нас нашел. Неужели вы забыли мою фамилию?

Ребята переглянулись. В кишлаке не приняты были фамилии: просто говорили, такой-то, сын или дочь такого-то. Поэтому они не обратили внимания, что фамилия главного врача была Гордый.

— Я только не знаю, как он расписывается,— говорила Лариса.— Не знаю, сразу показать письмо маме или сначала как-то ее подготовить.

Ребята, взволнованные не меньше Ларисы, шагали по улице, тесно окружив девушку.

— Давайте я буду разговаривать,— сказал Машраб.— Я плохо говорю по-русски. Пока буду говорить туда-сюда, Серафима Федоровна подготовится.

— Правда, так будет хорошо. Спасибо тебе.

Дома Серафимы Федоровны не оказалось, она с час назад ушла в поле. Выходит, зря бежали в кишлак.

— Куда вы? Что случилось? — спрашивала Махирабуви, выйдя вслед за ребятами на улицу. Но они уже были далеко...

Как только позволяло здоровье, Серафима Федоровна шла в поле. Впервые в жизни она видела, как раскрываются коробочки этого экзотического растения, названного «белым золотом». Она не могла оторвать глаз от поля, густо усыпанного белыми пушистыми коробочками, похожего на сад под мягким снегом или на сад во время весеннего цветения. Но не зря работа на хлопковом поле называлась фронтом. Те, кто занимался изучением труда хлопкоробов, говорили, что уборка хлопка приравнивается к работе в шахте.

Не верилось, что этот мягкий и легкий растительный пух на деле не легче антрацита. Серафима Федоровна приходила не просто любоваться хлопком. Когда позволяли силы, она приезжала в поле на ослике Махиры-буви и работала вместе со всеми, пока перед глазами не начинали плавать радужные, красно-зеленые круги. Тогда она выходила на край поля и отдыхала.

Ребята нашли Серафиму Федоровну в тени под пирамидальным тополем — тополя росли шеренгой по краю поля. Машраб, держа письмо из госпиталя в руке, принялся подробно рассказывать обстоятельства, при которых забрали на трудовой фронт отца Акмаля. Серафима Федоровна слушала очень внимательно, пытаясь понять суть, но потом стала пристально смотреть на письмо в руке Машраба. Все, как и Машраб, следили за выражением лица Серафимы Федоровны и не обращали внимания на письмо.

— Где ты взял это письмо? — неожиданно прервала Серафима Федоровна.

— Как где? Я вам доложил, Эшмат-ака прислал сыну письмо.

— Но где ты взял это письмо? Дай-ка его сюда!..

Только теперь все заметили, что Машраб держал письмо так, что видна была подпись главного врача. С нее-то и не спускала глаз Серафима Федоровна. Потом Машраб утверждал, что он держал письмо так нарочно. Но Кучкар в этом сильно сомневался. Кучкар говорил, что, когда Серафима Федоровна забирала у Машраба письмо, у того был вид, будто он вместе с тутовником проглотил осу.

— Мама! Мамочка, что с тобой?! — закричала Лариса.

Серафима Федоровна сидела бледная и не спускала глаз с подписи.

— Где ты взял это письмо? — снова спросила она, не обращая внимания на дочь.

Машраб принялся вновь рассказывать, как Акмаль получил письмо, поминутно приговаривая:

— Вы не расстраивайтесь, все будет хорошо! Вы не расстраивайтесь!..

На другой день вместе с караваном Серафима Федоровна поехала в город. Она отправила сразу две телеграммы, и на вопрос телеграфистки, почему она посылает две одинаковые телеграммы по одному адресу, ответила:

— Одна не дойдет, так другая дойдет.

Кроме телеграмм Серафима Федоровна отправила три письма: одно в отдел кадров военного округа, второе — в горздравотдел и третье — мужу.

Она просидела на почте полдня. Ей уже неудобно было беспокоить телеграфистку вопросом, ушли ли телеграммы, и она просто не спускала глаз с окошка. Следила она и за почтовым ящиком, ожидая часа выемки писем. Машраб, заехавший на почту на обратном пути, едва уговорил ее вернуться в кишлак.

Весь кишлак только и жил этим событием. Серафима Федоровна, помолодевшая, принимала поздравления. Вместе с ней радовалась Мاستура: молодая женщина поверила в чудеса, и легкая улыбка не сходила с ее губ в течение дня. После этого события все жили ожиданием вестей.

Серафима Федоровна давно замечала взаимную приязнь между дочерью и Кучкаром. Замечала, но не придавала этому никакого значения. Теперь ее все стало интересовать, как будто только теперь стала она возвращаться к жизни после тяжелой болезни. Когда из города приходил караван, она старалась быть в поле. Она видела, как мальчишки торопились управиться с лошадьми и бежали к девчонкам, о чем-то шушукались. Ее успокаивало то, что они все время держались вместе. Но все же она поговорила с Гульсум-апа, делаясь с ней своей тревогой.

— У нас не может быть ничего плохого,— сказала Гульсум-апа, и Серафиме Федоровне даже показалось,

что она немного обиделась. Обе женщины решили поговорить с ребятами и очень быстро выяснили, что причина их таинственных переговоров — письмо, которое они послали в обком. Была еще одна причина их частых уединений. Родители не выпускали Гульчехру из дома под видом болезни. Но когда Муяссар и Лариса пошли проведать подругу, их не пустили в дом. Они слышали, уходя, плач Гульчехры и сердитый окрик ее матери.

— В твои годы я уже сама была мамой! — кричала она.

Машраб и Кучкар не могли смотреть на Акмаля. Было непонятно, за что его в свое время прозвали толстяком. Он похудел, почернел лицом, стал раздражителен, в ответ на шутки лез в драку. Как-то днем, когда ребята работали в поле, потому что в тот день не было собранного хлопка, Акмаль вызвал в правление секретарь кишлачного Совета. Чавандаза в эти дни в кишлаке не было, он уехал с Камилом на горные пастбища. Секретарь сельсовета попросил показать письмо Эшмата и главного врача, после чего обещал приготовить справку. Из этого факта ребята сделали вывод, что письмо в обком начало действовать, и приободрились. Во время обеда к ребятам подошел «Информбюро».

— Советую вам вечером быть на дороге у кладбища, — сказал он и хотел уйти, но Кучкар поймал его за ногу.

— Я думал, что вы порядочные люди, — сказал «Информбюро».

— Тебе не повезло: мы не порядочные. Выкладывай, в чем дело, — ответил ему Кучкар.

...Перед вечером Серафима Федоровна собирала хлопок над оврагом. Мимо нее прошли Машраб, Кучкар и Акмаль. Все трое с ней поздоровались. Кучкар старался быть с ней особенно приветливым и еще издали, блестя зубами и заранее снимая тубетейку, кричал:

— Здравствуйте!

Они спустились в овраг и вскоре снова появились. На этот раз с ними была Муяссар.

К Серафиме Федоровне подошла Гульсум-апа с горстью хлопка в руке.

— Пойдемте выпьем по пиалушке чая, вы, наверно, устали? — сказала она.

На хирмане, кроме учетчицы Кати Святковской, которая сидела под тутовником и что-то записывала, никого не было. Собранный холопок еще не был набит в мешки.

— Где ребята? — спросила Гульсум-апа.

— Где же им быть? Опять побежали к девчонкам, — сказала Катя. — Не успеют вернуться из города, сразу к ним бегут. А сегодня весь день ходят за их юбками.

— На то они и парни, — сказала Серафима Федоровна.

Прихлебывая горячий чай с легкой горчинкой, которая, став привычной, начинала казаться сладостью, Серафима Федоровна сказала:

— Только сейчас их встретила. Прошли, как заговорщики!

— Наверно, что-то узнали о Гульчехре. Ходят слухи, будто ее родители собираются тайком отпраздновать свадьбу.

— Как же так? Ей, кажется, нет шестнадцати лет?

— Какое им до этого дело? У нас без свадьбы нельзя поцеловать девушку, а после свадьбы все можно... Тут день и ночь гнешь спину. Все для фронта. Только и думаешь, как там, на фронте... — Гульсум-апа неожиданно умолкла.

С хлопкового поля вышла Барно. Она была в поношенном атласном платье, в красивых сапожках и в шелковом платке, небрежно брошенном на голову. Со стороны Барно казалась по-прежнему красивой, но Гульсум-апа видела — в ней надломилось что-то...

— Здравствуйте, — сказала Барно.

— Здравствуй, джоним! Как дела? Почему не приходишь?

— Спасибо. Как-нибудь зайду...

Барно, не ожидая остальных женщин бригады, ушла в кишлак. Она явно спешила.

— Ее тоже сбили с пути, — сказала Гульсум-апа, побледнев. — Правильно делают ребята. Пусть пишут в обком, в ЦК! Пусть борются. Посмотрим, до каких пор может твориться такое...

Гульсум-апа вскочила и пошла к хирману. Серафима Федоровна села на ишака Махиры-буви и поехала

домой, удрученная тем, что впервые не знала, чем помочь женщине, принявшей участие в ее судьбе.

Ночью Серафиму Федоровну разбудила суматоха в доме, испуганный голос Махиры-буви. Во дворе кто-то ходил, тяжело топая сапогами, калитка то открывалась, то закрывалась, кто-то пробежал с лампой во двор и обратно, кто-то плакал.

— Ой, дети мои милые! Что же вы наделали! — причитала Махира-буви.

Серафима Федоровна испуганно коснулась рукой постели Ларисы — постель была пуста. На лбу Серафимы Федоровны выступил холодный пот. Она натянула на себя платье и выбежала во двор.

Ярко светила луна. На широченной деревянной кровати со спинками-перилами посредине двора сидели Машраб и Кучкар. Поодаль маячил Акмаль. Махира-буви с семилинейной мигающей лампой в руке что-то говорила Машрабу.

— Что случилось, бабушка?! — спросила Серафима Федоровна.

— Ой, милая доченька Серафима, — Махира-буви тронула Серафиму Федоровну за плечо. — Они... наши дети, дочь Фазлетдина-аксакала Гульчехру похитили...

Машраб только рукой махнул:

— Что значит похитили? Просто другого места нет — привели сюда! — закричал он, видимо не в первый раз что-то объясняя перепуганной старухе.

Рука Махиры-буви, в которой она держала лампу, ходила ходуном. Старуха, обычно очень сообразительная, совершенно потерялась от испуга.

— Что же теперь будете делать с похищенной? Сыграете свадьбу? Кто же из вас жених? — спрашивала Серафима Федоровна, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Услышав слово «жених», Акмаль решительно двинулся со двора, но Кучкар сорвался с кровати и, хохоча, побежал за ним.

— А что было делать? — запальчиво спросил Машраб. — Надо было молча смотреть, как Ядгарбек и Кур-Шермат увозят девушку?

— Почему же ваша девушка тогда плачет? Почему она не радуется, что вы ее спасли? — закричала Махира-буви.

Сквозь отрытое, ярко освещенное окно большой комнаты слышался плач.

— Вот что, войдемте в дом и обо всем спокойно поговорим, — сказала Серафима Федоровна.

Собственно говорить и рассказывать особенно было нечего. Ребята, ободренные удачами последних дней, решили действовать еще активней.

Они подолгу лежали на плотине, прислушиваясь к шелесту тополей, кваканью лягушек, шуму воды, вынашивая планы расправы с Эртаевым и его приближенными. Было очень приятно засыпать на мягком клевере, видя осуществленными самые дерзкие замыслы.

После сообщения «Информбюро» они решили действовать без промедления.

Ребята притаились в овраге, недалеко от раздвоенного орешника, памятного с той ночи, когда ходили за хандалаяками. Ночь выдалась прохладной, а может быть, их просто пробирали нервная дрожь. Кутаясь в халаты и прижимаясь друг к другу, они старались не стучать зубами. Машраб, согреваясь, стал засыпать, и тут же Кучкар толкнул его в бок. Машраб вскочил, ничего не понимая, услышал топот копыт и увидел силуэты двух всадников. Они проехали мимо орешника и повернули к плотине.

— Кур-Шермат и Ядгарбек,— сказал Кучкар.— Теперь не зевать.

Всадники доехали до деревянного моста, повернули вправо и остановились на берегу плотины.

— Приехали за Гульчехрой,— пояснил Кучкар.— Побоялись подойти с улицы. Уже хорошо. Значит, не очень уверены. Стой! — Кучкар едва успел перехватить рванувшегося Акмаля.— Не спеши. Все дело испортишь,— зло шептал он, задыхаясь от усилий.— Пошли!

Они перелезли через дувал, прошли садом и вышли почти к самому дому Гульчехры у плотины. Остановились в тени деревянного моста и стали смотреть. Ядгарбек, держа в поводу лошадей, стоял под знакомым белым тополем, а Кур-Шермат по стволу краснотала перешел арык и скрылся в саду.

Через некоторое время из сада вышли две женщины и Кур-Шермат. Они перебрались через арык. Кур-Шермат поднял очень маленькую, закутанную в паранджу женщину (ребята по росту догадались, что это Гульчехра) и посадил ее на лошадь за спину Ядгарбека. Пслышался плач, приглушенный паранджой, слова второй женщины:

— Счастливого пути! Не забудьте обещанное...

Всадники, торопливо подгоняя коней, проехали мимо ребят и повернули в сторону кладбища. Машраб чуть не

упал, отброшенный в сторону: Акмаль, неуклюже покачиваясь, рванулся мимо него и побежал наперерез лошади Ядгарбека.

— Стой, басмач! — заорал он.

Машраб подумал, что начнется драка, но все обошлось неожиданно мирно. Кучкар рывком за ногу стащил Кур-Шермата с лошади. Тот попробовал встать, но Кучкар продолжал держать его ногу, и Кур-Шермат, беспомощно попрыгав, упал. Ядгарбек вообще не сопротивлялся, когда Машраб снял Гульчехру. Он только выругался, хлестнул коня и ускакал.

Гульчехра сначала закричала, но, когда узнала ребят, принялась плакать. С тех пор никак не может успокоиться, плачет и плачет, уткнувшись лицом в подушку, в углу мехмонханы...

Машраб, поглядывая то на бабушку, то на Серафиму Федоровну, спросил:

— Что нам было делать? Оставить ее тем разбойникам?

Серафима Федоровна сказала:

— Об этом давайте спросим Гульчехру.

Все засмеялись. А Гульчехра глубже зарылась головой в подушку и умолкла. Все было серьезнее, чем они думали. Для Гульчехры давно не были тайной намерения Ядгарбека. Одно время она старалась не принимать его ухаживания, но потом не удержалась, стала принимать его подарки — куски душистого мыла, золотые сережки... Гульчехра с детства любила всякие побрякушки и украшения. Когда он, беспечно насвистывая, стал приходить в их вишневую рощу у дувала, Гульчехра выбегала к нему, чувствуя, как сильно колотится сердце. Дальше все сладилось без ее ведома. Вечером какие-то женщины принесли сундук всякой одежды, завалили Гульчехру атласными платьями, шелковыми платками, заставили надеть лакированные ичиги с кавушами. У нее голова пошла кругом, а в сердце пробудилась какая-то смутная тревога, и она расплакалась. На нее накричала мать. Мать ее и раньше говорила, чтобы она не прозевала своего счастья. А потом вмешался отец. Отец сказал, что женская непокорность никогда не доводила до добра. К тому времени, когда пришел Кур-Шермат, Гульчехра уже готова была согласиться на все и ее удерживал только страх

перед неизведанным и то, что подумают о ней Муяссар и школьные подруги.

Теперь она лежала, уткнувшись носом в подушки, не зная, что ей делать: радоваться или сожалеть о случившемся.

Кучкара обозлило ее молчание.

— Послушай, Гульчехра,—сказал он.— Если ты недовольна, скажи: сейчас же можем отвезти тебя к Ядгарбеку.

Лариса подумала, что он шутит, сказала:

— Смотри, Гульчехра! А то они возьмут и, правда, отвезут. Они такие.

Гульчехра засмеялась, и все вздохнули с облегчением, а бабушка на радостях решила всех напоить чаем.

На рассвете ребята, как обычно, повезли в город хлопок, а когда вернулись вечером, узнали, что вскоре после их отъезда в доме Махиры-буви произошла большая неприятность. К ней с воплями и криком пришли мать, отец, родичи Гульчехры. Вместе с ними был секретарь и два депутата кишлачного Совета. Секретарь принялся составлять акт о похищении девушки и очень напугал Махиру-буви, обвинив ее в соучастии. Правда, когда депутаты узнали, в чем дело, они отказались подписывать акт. Но акт все равно был составлен и подписан родителями Гульчехры.

Все это прошло как-то мимо внимания Серафимы Федоровны, которая жила как во сне, ожидая письма или телеграммы от мужа. Только через два дня, когда к матери пришла Гульсум-апа и, дрожа от возмущения, рассказала, что в кишлак приехал следователь, чтобы начать дело по обвинению ребят в похищении несовершеннолетней девочки, Серафима Федоровна пришла в себя. Она решила, как человек совершенно посторонний, написать письмо в обком, предупредив, что, если понадобится, обратится в ЦК. Как могла, она успокоила Гульсум-апа:

— Вы же умная женщина,—сказала она.— Из этого обвинения ничего не получится. Они сами себя высекут. Просто товарищи распоясались и забыли, что у нас советская власть.

Слова эти, сказанные сочувственно, с возмущением, успокоили Гульсум-апа и придали ей уверенности.

Чавандаз и Камил ездили по горным пастбищам, отбирая на продажу двадцать скакунов. На вырученные деньги колхозники решили построить танк имени колхоза «Путь Ленина». Вся слава от этого дела должна была прийти на долю Камила и Инобатхон. Со стороны казалось, что Чавандаз поехал с Камилом совершенно бескорыстно — просто как знаток коней. На самом же деле у председателя кишлачного Совета был свой расчет. Он уехал, чтобы свадьба сына состоялась в его отсутствие. С молодых взятки гладки, а после свадьбы никому не придет в голову их разводить. Была еще одна причина, побудившая Чавандаза уехать на время из дома. Фатима, после того как Кучкар перестал приходить домой, беспрерывно плакала, и ее слезы доводили Чавандаза до бешенства.

Чавандаз вернулся в кишлак отдохнувшим и повеселевшим. Оказалось, что Фатима плакала по-прежнему, а Ядгарбек, вместо того, чтобы жить с молодой женой в горах у родственников, сидел дома. Чавандаз рассвирепел, особенно когда в Совете секретарь положил ему на подпись справку о действительном возрасте незаконно мобилизованного на трудовой фронт Эшмата. Чтобы оправдать свои действия, секретарь показал полученное из области письмо Машраба с резолюцией: разобраться и доложить первому секретарю обкома о принятых мерах. Чавандаз принялся ругаться, но секретарь его успокоил:

— Благодарите аллаха, что письмо вернули для проверки к нам.

...Чавандаз лежал дома в ярко освещенной двадцатилитровой лампой гостиной, подложив под грудь подушку. Днем он позвонил Эртаеву и прочел ему по телефону то место, где Машраб писал, что Эртаев покрывает жуликов и развратничает с невестами и женами фронтовиков. Эртаев выслушал, выругался, потом, немного подумав, сказал:

— Вечером приеду. Ждите дома, — и повесил трубку.

На хан-тахте, на расстоянии руки, перед Чавандазом стояли блюда с очищенным орехом, кишмишем, сладостями. В синеватом кувшине, окруженном пиалами, просвечивал душистый мусаллас. Чавандаз, прищурясь, смотрел в черное стекло окна, в котором отражался свет

лампы, прислушиваясь к тревожному гулу раскачиваемых ветром деревьев в саду. Ничего не поделаешь, кончилось лето, проходила осень, приближалась зима.

Кто-то, тяжело ступая, прошел через террасу. Чавандаз быстро вскочил. В комнату вошел Ядгарбек — он должен был встречать у ворот Эртаева.

— Чай подавать, отец? — спросил он.

— Чай? — переспросил Чавандаз. Его угнетал вид сына, выглядевшего, как побитая собачонка. — Объясни мне, сынок, ты почему раскис, точно ты не сын Чавандаза, а мокрая курица?

Ядгарбек молчал, не находя места своим длинным, нескладным рукам.

— Выше голову, сынок! Не надо умирать, раз ты еще жив. Гульчехра будет твоя, слышишь?

Ядгарбек улыбнулся, блеснув золотым зубом.

— Мне передавали люди: девушка не против. Жалее, что так получилось... — сказал он.

— Хоп! Совсем хорошо. Возвращайся к воротам, хорошо, если дорогого гостя никто не встретит.

Чавандаз проводил глазами сына, задумался. Устроить Ядгарбека на железную дорогу и тем самым обеспечить ему бронь пока не удалось. Наверно, придется парню идти на фронт. А до этого пусть станет мужчиной и, если не удастся спасти сына, пусть оставит внука... Больше нет никого. Кучкар не в счет. Не зря говорят: если у ишака вырастут рога, он обязательно боднет ими хозяина.

А вот это Эртаев... Чавандаз услышал на террасе шаги. Эртаев быстро вошел в комнату в синем кителе, в слегка поскрипывающих хромовых сапогах. Он за руку поздоровался с Чавандазом и, не успев присесть на курпачу, сказал:

— Где жалоба, о которой вы говорили? Давайте сюда!

Его движения, каждое слово были полны такой решительности, что Чивандаз сразу приободрился.

Эртаев снял фуражку, бросил ее на подушку и, пробега глазами поданное письмо, спросил:

— Выдали справку Эшмату-ака?

— Нет! Как можно выдавать? Это значит признать...

Эртаев неприятно посмотрел на Чавандаза.

— Вы, оказывается, дурак, Халмат-ака... Простите мои слова. Выдать справку — значит исправить какую-то случайную ошибку. А не выдать справку — значит признать, что вы действовали с умыслом. Эшмат-экспедитор все равно уже на фронте — ему ничем не поможет... А это что? Акт? — Эртаев не дочитал акта до конца, спросил: — Неужели девушки перевелись? Неужели, кроме этой, нет больше никого? Может, они из-за нее начнут стреляться?

— Молодость, Эртаев-ака! Единственный сын, влюбился... Долг отца — помогать.

— Вам виднее. Но одно запомните: больше ни одной жалобы из кишлака не должно быть!

— Эртаев-ака, сколько людей — столько недовольных. Сами знаете.

— Я ничего не хочу знать. Во всяком случае, сейчас, в эти дни. На днях меня вызовут в обком. В обкоме недовольны председателем райисполкома...

— Поздравляю! Поздравляю, Эртаев-ака! Наконец-то вас по-настоящему оценили. За такую весть надо выпить...

— Не будем преждевременно поднимать шум! Лучше молча выпьем. Ваш мусаллас стоит того, чтобы его пили безо всякого повода, просто чтобы выпить...

Эртаев пил маленькими глотками. Чавандаз понял, что мысли его сейчас далеко, что сейчас главное молчать, чтобы не мешать влиятельному гостю думать.

Эртаев выпил третью пиалу, но был совершенно трезв, только глаза его вдохновенно блестели.

— Теперь нельзя быть сердобольным, Чавандаз, — сказал он. — Теперь нужны руководители с железной волей. Тот, кто сумеет выжать из людей больше пота, — тот будет на коне. Запомните три вещи, Чавандаз: зерно, мясо, хлопок... Если мы сумеем дать их больше других, — мы можем жить так, как хотим... Но пока ни одной жалобы! Поняли?

— Очень хорошо понял, Эртаев-ака. Но вы невнимательно прочли акт. Я думаю, что если умело повернуть дело, то можно эту лихую троицу прибрать к рукам. Во всяком случае, какая будет вера тем, кто в наши дни похищает девушек?

— Хоп! Мысль неплохая, раис-ака. Кажется, один из этой троицы — ваш пасынок?

— Что делать, Эртаев-ака? Вы сами сказали: руководитель должен быть твердым.

Так за мусалласом появился план, который привел в кишлак следователя.

● ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Произошло такое, что хуже, пожалуй, и быть не может: Машраба, Кучкара и Акмаля арестовали. Посадили их, правда, не в настоящую тюрьму, а в амбар при кишлачном Совете, в котором Машраб уже побывал, но все равно арест есть арест! А между тем ни Машраб, ни Кучкар не считали свое положение серьезным. Все дело было в следователе. Обычно при словах «следователь», «прокурор» перед Машрабом вставал сильный, решительный человек с суровым лицом и орлиными глазами. А про этого следователя даже думать не хотелось, такой же карапуз, как Эшмат-экспедитор, смотрит заплывшими глазами и все время хихикает, а брови, как усы,— торчат в обе стороны, словно приклеенные. Такое лицо нарочно не придумаешь!

Прежде чем посадить их в амбар, следователь придвинул им по листу бумаги, на котором было написано: «Протокол допроса свидетеля».

— Эта бумажка называется: «Если я скажу неправду, пусть покажут мне, где раки зимуют». Прошу для истории поставить здесь свои подписи! — сказал он, хихикая. Потом, разгладив брови так, как разглаживают усы, добавил: — Жаль, жаль! Если жениться захотели, лучше сказали бы мне, чем похищать девушек. Я нашел бы вам такую, которую и мама не целовала!

— И правда, обидно,— сказал Кучкар.— А может, еще не поздно? А то ведь мы раньше вас не знали.

— Зато теперь будете знать,— ответил следователь и снова захихикал.

В таком тоне продолжался весь первый допрос, который по сути дела и допросом трудно было назвать: следователь то подшучивал, вспомнив про хандаляшки, то говорил: «Жаль, жаль, не пришли к соглашению с девушкой...»

— Разве это допрос? — сказал Кучкар, когда их привели в амбар.— Верблюда видал?.. Нет!.. Кобылу видал?.. Нет!.. Смех один..

Но ничего смешного в их положении не было. Во-первых, ни одна живая душа не видела, как Ядгарбек и Кур-Шермат увозили Гульчехру, и следовательно только хихикал, когда ребята говорили ему о Ядгарбеке. Во-вторых, было неизвестно, как поведет себя Гульчехра, но если бы даже она и сказала всю правду, то следователя эта правда все равно бы не устроила: следователь обвинял ребят не только в похищении, но и в возвращении несовершеннолетней девочки.

Парни попробовали перейти в наступление.

— Вы ничего не слышали про Эшмата-экспедитора? — спросил Машраб.— А про другого Эшмата, которого вместо экспедитора отправили в армию?

— Эшматов пока оставим и поговорим об Акмале,— отрезал следователь.— И вообще не советую вам заниматься кляузами.— Он вдруг рассердился и, размахивая короткой ручкой, стал говорить о том, что не допустит такого безобразия, что они будут отвечать по всей строгости советского закона. Но это было уже на третьем допросе.

«Блюститель законности нашелся! — думал Машраб.— Белое называет черным, черное — белым, а говорит о законности».

— Как ты думаешь, почему он сказал, что не советует нам заниматься кляузами? Может, он знает про наше письмо в обком? — спросил Машраб Кучкара.

— Э, Дивана, я тоже об этом думал. Кто знает, может, наше письмо перехватил Эртаев!

Акмаль, который все время молчал, забившись в дальний угол, упал лицом на клевер и застонал, обхватив голову руками.

— Нет погибели на мою голову! Надо умереть. Нельзя жить без удачи...— причитал он.

Машраб хотел подойти к нему, но Кучкар не пустил.

— Утешать мужчину — все равно что лить масло в огонь,— сказал он.

Из них троих только Акмаль серьезно отнесся к их аресту.

Сначала он казнился из-за того, что по его вине ре-

бята сидят в амбаре. Но когда Кучкар сказал, что, если Акмаль не замолчит, он ему голову оторвет, Акмаль начал причитать, мол, пока он сидит здесь, братишки и сестры умрут с голоду... Самой же главной причиной удрученности Акмаля было вероломство Гульчехры. Об этом он, конечно, молчал, но вероломство девушки не давало ему покоя.

То ли раздался стук в окно, то ли сначала послышался жалобный шепот женщины — Машраб не помнил. Явственно во второй раз услышал он сказанные шепотом слова:

— Сынок!.. Сыночек мой дорогой!..

«Мама или бабушка», — подумал Машраб и сорвал бумагу, которой было заклеено окно. Пристально глядя в темноту, он позвал:

— Мама!.. Бабушка!..

Он различил голову и плечи женщины, укутанные платком.

— Сынок мой, Кучкарджан! — сказала она.

— Фатима-хала! — громко сказал Машраб и толкнул ногой Кучкара.

— Мать? — Кучкар пробрался к окну. Он не ожидал, вернее, не желал прихода матери, поэтому ему стало не по себе.

— Мама, — сказал он, — зачем вы пришли ночью?

Фатима-хала не ответила. Она прижалась головой к железной решетке и тихо заплакала.

Она что-то шептала, но всхлипывания мешали понять, о чем она говорит. Кажется, Фатима просто изливала душу, прося у сына прощения, сетуя на свою судьбу.

— Мама, — сказал Кучкар, и по его голосу Машраб понял, что он тоже расстроен, — ничего не случилось, отпустят завтра-послезавтра!

— Ой, ненаглядный ты мой! — зарыдала Фатима-хала. — Лучше бы мне умереть, чем выйти за этого Чавандаза. Жеребеночек ты мой, почему я не умерла в тот день и час, когда вышла за Чавандаза!..

— Хватит, мама, иначе... — Что «иначе» — Кучкар сам не знал. Но его резко сказанные слова подействовали. Фатима-хала перестала плакать и протянула в окно сверток.

— На, сынок, лепешки. А это немного плова. Вчера готовила для гостей по заказу отчима... Сама есть не могла...

— Спасибо, мама, а теперь идите. На днях отпустят...

— Если отпустят, домой придешь?

— Приду, мама, приду. Идите... идите!..

Кучкар отошел от окна, сказал:

— Живем, слюнтяи. Первым делом покушаем, а там видно будет!

Что значит каса плова на трех парней? Так, баловство. Каждый зачерпнул рукой по три-четыре раза — и нет ничего. Закусывали лепешками и кишмишом.

Кучкар погладил живот, сказал:

— Каждый день бы так — через неделю будем не хуже следователя.

— Конечно,— сказал Машраб.— Тебя для того сюда и посадили, чтобы откормить.

— К сожалению, меня откормить, наверно, не удастся, а вот Акмаль наверняка похудеет.

— Отстань от него. Он уже и так похудел.

Поговорили и задремали. На рассвете у дверей поднялся шум. Сердитый голос приказывал:

— Ну-ка! Открой дверь, аксакал!

— Не обижайся, партком-ака, без разрешения следователя не могу.

— Я буду отвечать перед следователем!

— Камил-ака! — крикнул Машраб и стал будить Кучкара и Акмаля.

Все трое замерли, приложив уши к дверям.

На требования Камилла открыть двери сторож отвечал одно:

— Никак не могу! — Потом, очевидно, не желая портить отношения с парторгом, сказал: — Если хотите дать им передачу или поговорить — пожалуйста, парторг-ака, а открыть дверь никак не могу.

— Э, аксакал, тебе бы милиционером работать, а не сторожем в колхозе,— устало сказал Камил и, стуча сапогами, обошел амбар. Он загородил головой свет в окне, взгляделся внутрь амбара, спросил:

— Как дела, джигиты? Чего это вы сюда забрались?

Его веснушчатое, скуластое лицо дочерна загорело,

а может быть, так только казалось в полумраке, не узбекские синие глаза смотрели на ребят пытливо и грустно.

— Как чего? Надо же когда-нибудь отдохнуть,— сказал Кучкар.

— Неплохо придумали,— засмеялся Камил.— А я было расстроился. Приехал ночью с гор — слышу, такие дела... Насколько я понимаю, кто-то делает из мухи слона. А мы из слона снова сделаем муху. Держитесь! Поняли?!

Этот день стал вроде бы днем посещений. Не успел уйти Камил, как пришла Махира-буви. Обливаясь слезами, она передала узелок с едой и даже не захотела или не могла разговаривать. Едва отошла она от окна, как появилась мать Акмаля — Салия-хала. Она ничего не принесла поесть.

— Что же ты наделал, сынок? Хотя бы уже приехал твой отец! Что же с нами будет? — причитала она, прильнув к окошку.

Втроем ее еле успокоили. После ее ухода время потянулось медленно. То и дело подходили к окошечку — не идет ли Камил?

Камил не пришел ни в этот, ни на другой день. Следователь тоже не вызывал на допрос, и ребята терялись в догадках: что же такое происходит? А происходило следующее...

В день ареста ребят Инобат в кишлаке не было — она с бригадами-полеводцами была в степи: выбирали поля под озимую пшеницу. Стояли золотые дни ранней осени, мягкие, как шелк. Кончали уборку хлопка. Хотя колхоз и не вышел на первое место, но прочно стоял в числе передовых. После того как в республиканской газете напечатали заметку о том, что колхоз решил внести в фонд Красной Армии пятьсот тысяч рублей и заказать танк, названный по имени колхоза,— слава Инобат в районе и области утвердилась. Но на душе у нее все равно было грустно и беспокойно. Пора было начинать сеять озимые, а семян не хватало. Казахские колхозы, за которых сдали хлеб, не везли долг, и никто не знал, что делать.

Инобат возвращалась в кишлак верхом на лошади, окруженная, как военачальник, своими бригадирами. Она думала, что, если колхозы сами не везут долг, придется, видно, послать к ним караван и получить долг на месте, а пока вести пахоту и посеять те семена, которые есть в закромах. По дороге в кишлак встретили арбакешей, которые везли в город хлопок, и от них Инобат узнала об аресте парней. Это переполнило чашу ее терпения. Она рассчитывала послать их с караваном ишаков в казахские степи.

Инобат оставила ехавших на ишаках бригадиров и поскакала вперед. Она влетела в кишлак на вспененном иноходце, и когда ее увидели на хирмане девушки и женщины, набивавшие мешки хлопком, они обступили тяжело дышащую лошадь и, подливая масла в огонь, запричитали:

— Тут невинных парней арестовывают, а вы где-то пропадаете!

— Что же это такое, раис-апа? Делают в кишлаке, что хотят!..

Инобат с хирмана примчалась в правление и увидела следователя на широкой деревянной кровати под тутовником. Обливаясь потом, следователь пил чай.

— Где вы пропадали, ападжан? Мы к вам, а вас нет,— приветливо спросил он.

Инобат, сдерживая гнев, осторожно присела на край кровати.

— Вы говорите так, словно по доброму делу приехали,— сказала она.

— Ничего не поделаешь, ападжан, такая у нас работа неприятная.

Инобат решила, что нечего играть с ним в прятки.

— Это дело вы всерьез затеяли? — спросила она.

— То есть?

— Без всяких то есть... Вы решили по-настоящему арестовать ребят или только припугнуть?

— Странные вещи говорите, ападжан,— сказал следователь.

— А мне странно, что вы, взрослый человек, можете серьезно заподозрить трех лучших ребят в похищении девушки.

— Я приехал, чтобы установить истину.— Улыбка ис-

чезла с круглого, добродушного лица следователя. Брови, похожие на усы, сошлись над переносицей.

Инобат уже стояла, похлестывая камчой по голенищу сапога.

— Боюсь, что не ту истину ищете, мулла-ака.

Инобат не стала ждать возражений. Она поехала на квартиру к Камилу, но узнала, что он еще не возвращался с гор. Тогда она поскакала в город, забыв, что ночью в райкоме никого не бывает. Переночевав у сестры, утром она пришла в райком.

Умаров куда-то собирался. Стоя в зимней шапке-ушанке и в шинели без погон, он что-то складывал в толстую папку. Секретарь, всегда сдержанный, почти суровый, сегодня не скупился на теплые слова:

— О, Инобатхон! С тех пор как написали о вас в газете, вы совсем нас забыли...

Инобат покраснела, как девушка от похвалы учителя.

— Все время о вас помню, Умаров-ака... Потому и приехала.

— Что случилось? Все ли благополучно? — Умаров снял шапку и пригладил рукой седые волосы, готовясь выслушать Инобат.

— Если бы все было благополучно, зачем бы мне лететь к вам спозаранку, Умаров-ака? В то время, когда у нас каждый человек на вес золота, взяли да арестовали без всякой вины трех лучших работников колхоза.

— Говорите, без вины? А мне докладывали, что они похитили девушку!

— Кто похитил? Они или взбесившийся с жиру сын Чавандаза?

Инобат встала, но тут же снова села. Она видела, что ее слова, вернее, не столько слова, сколько горячность, поколебали, но не убедили секретаря райкома. Тогда она решила пойти напролом.

— Помните, летом нас заставили сдать семенной фонд, обещали, что семена привезут из казахских степей?

Умаров смущенно кашлянул, сказал:

— Да, помню...

— Так вот, зерно нам не привезли и не привезут... Для того чтобы посеять озимые, надо самим ехать за зерном.

Мне позарез нужны эти ребята, колхоз не может обойтись сейчас без них....

Инобат остановилась, не в силах совладать с собой. Умаров медленно прошелся по кабинету, возвратился к столу, взял трубку телефона и попросил прокурора, потом Эртаева: ни того, ни другого на месте не было.

— Хоп, Инобатхон! Я поручу это дело прокурору и Эртаеву. Вопрос решится в ближайшие день-два...

— Только не Эртаеву,— быстро сказала Инобат.

Секретарь посмотрел на нее, помолчал.

— Скажу вам под большим секретом: Эртаева рекомендуют председателем райисполкома. Что вы против него имеете? — спросил он.

Инобат смотрела на усталое лицо секретаря с болезненными мешками под глазами и подумала, что секретарь сейчас видит сильного, молодого, энергичного Эртаева, на которого можно опереться, возложить на него значительную часть работы. А все, что могла сказать Умарову Инобат, вряд ли покажется ему убедительным.

— Все мы люди, Инобатхон! У всех у нас есть недостатки,— как-то устало и грустно сказал секретарь.

Инобат вернулась в кишлак и остаток дня просидела дома. В полдень зашли Гульсум-апа и Серафима Федоровна. Серафима Федоровна вернулась из областного центра. Она разговаривала с помощником секретаря обкома, и тот обещал проконтролировать дело.

— Я не могу себе представить что-либо подобное у нас, в Ленинграде,— возмущенно говорила она.— Я так и сказала в обкоме, что, если кому-нибудь рассказать об этом,— не поверят!

Гульсум-апа казалась печальной, молчаливой, бесконечно усталой. После их ухода Инобат прилегла, чувствуя ломоту во всем теле.

Инобат проснулась от конского топота. Во двор въехал обросший бородой Камил.

— Заходите, Камилджан, заходите. Вы даже не знаете, как вовремя приехали,— сказала в окно Инобат.

Поначалу Камил горячился и хотел поехать прямо в обком, но потом, поговорив с Инобат, решил, что правильнее будет ехать к Умарову, как бы самому

от себя, и тоже требовать немедленного освобождения ребят.

Камил жалел сейчас, что летом согласился замять дело с колосками. Камил решил, что даст бой Эртаеву, и с этим настроением приехал тогда в райком. Но за четверть часа до начала бюро Умаров вызвал Камилу и сказал, что вопрос о колосках будет рассматриваться несколько в иной форме, что Камилу не будет предъявлено никаких обвинений.

— А когда будут предъявлены? — спросил, не поняв, Камил.

Секретарь райкома мягко улыбнулся и, положив руку на плечо Камилу, сказал:

— Никогда... Вообще не будем об этом вспоминать. Конь о четырех ногах и тот спотыкается!..

— Значит, прав Эртаев? — спросил Камил.

Если бы секретарь сказал «да», Камил бы настоял, чтобы бюро обсуждало его персональное дело. Но Умаров ответил уклончиво:

— Я не сказал, что он прав... Не будем открывать здесь второй фронт. Идею с колосками можно повернуть на пользу государству — это же дополнительно сотни пудов зерна!

«Если бы я не смалодушничал тогда, возможно, сейчас не было бы нужды ехать в город», — думал Камил.

Он выехал на буланом иноходце Инобат. На холме Караул-тепа ему вспомнился теплый, звездный вечер, когда он усталый вернулся из города, а потом поехал в кишлак и здесь, не доезжая до вершины, встретил подростков, которые с ребяческой неуклюжестью выразили ему свою любовь и сочувствие. Камил, сам того не замечая, ударил камчой иноходца.

На фронте Камилу и в голову не приходило, что в тылу могут совершаться такие беззакония, как арест ни в чем не повинных ребят. Камилу казалось, что и на фронте и в тылу, стар и млад, мужчины и женщины живут одной мыслью — победить врага. Камил то мысленно доказывал преступность Эртаева всему бюро райкома, то ругал про себя Умарова, который замял назревавший летом скандал. Ветер обвевал разгоряченное скачкой лицо, ныла потревоженная толчками раненая рука.

Когда взмыленный конь влетел на пригородную улицу, окутанную желтоватой осенней дымкой, кругом уже ложились вечерние тени. В здании райкома было безлюдно и тихо. Камил прошел по пустынным коридорам и вышел на крыльцо. Девушка-секретарша, сидевшая под тополями (когда Камил приехал, ее здесь не было), сказала, что все секретари уехали в область, а инструкторы еще не пришли с обеда.

— Можете денек-другой спокойно отдохнуть, Камилджан, — улыбнувшись, сказала она.

Ну что же, сама собой отпала одна инстанция, и можно было ехать прямо в обком. Камил отвязал коня и, ведя его в поводу, пошел по улице. Из-за угла выехал фаэтон Эртаева. Эртаев, как всегда, сам правил лошадыю с заднего сиденья. Он увидел Камила, остановился, даже вышел из фаэтона, выбирая, куда бы ступить начищенным до блеска сапогом.

— Что невеселый, Камилджан? — спросил Эртаев, протягивая руку.

Камил машинально пожал ее и тут же выругал себя за малодушие.

— Веселого мало, если рядом с тобой подлецы ходят по земле, — сказал он.

— Ай, нехорошо! Подлецов надо разоблачать, — сказал Эртаев.

— Попробую. Жаль, секретарей нет...

— Да, с утра уехали в область... Если что срочное, скажите мне. Я завтра тоже еду в обком.

— Нет, Эртаев-ака. Вам я ничего не могу сказать. Вы как раз тот подлец, которого я решил разоблачить.

— Интересно, — сказал Эртаев. — Чем же я вызвал ваше неудовольствие, Камилджан? — Эртаев явно издевался.

Камил понимал, что лучше промолчать, не дать Эртаеву втянуть себя в спор, но молчать он не мог.

— Хотя бы тем, что покрываете воров, угодных вам, и арестовываете ни в чем не повинных ребят...

— При чем тут я, Камилджан? Их арестовали соответствующие органы. Или вы не доверяете нашим следственным органам?!

— Их арестовали не органы, а следователь, по вашему настоянию.

— Но это надо доказать, Камилджан!.. Короче, где ваши факты? Что вы можете конкретно предъявить мне в качестве обвинения?!

— Я... я с вами рядом по земле не могу ходить!..

— Я не возражаю, Камилджан! Ходите по небу. А мне и на нашей советской земле хорошо. Но берегитесь переходить мне дорогу. Растопчу и не посмотрю, что вы фронтовик.— Эргаев уже сидел в фазтоне. Он подобрал вожжи, хлестнул коня.

Камил зажмурился от пыли. Здоровая рука его растеживала и снова застегивала пуговицы гимнастерки на груди, точно Камилу не хватало воздуха. Никогда он не чувствовал себя таким беспомощным. «Но почему? Зачем мне какие-то особые доказательства? Я просто передам весь наш разговор. Кто посмеет мне не поверить? Разве я кого-нибудь когда-нибудь обманул?» — подумал он и решил немедленно ехать в область. Вдохнув полной грудью свежий вечерний воздух, Камил протянул руку к седлу. В это время кто-то тронул его за плечо. Камил оглянулся. Рядом с ним топтался, скрипя протезом, военный комиссар Абубакиров. Узкие глаза его еще больше сузились от улыбки, на широком лице остро выступали скулы.

— Я тебе все утро звоню, Джалалов, а ты, оказывается, здесь. Послезавтра в ваш кишлак выезжает призывная комиссия. Надо подготовить призывников. Сделаешь?

— Надо сделать. Только я сегодня собрался в область. Не знаю, как управлюсь.

— Что за срочные дела в области? Может, мы их здесь решим?

— Да вот такое дело, товарищ капитан! Обижают у нас семьи фронтовиков...

— Как же это так? Это же как раз по моей части. А ну, пойдем, расскажешь!

Рывками переставляя протез, военком пошел через дорогу к военкомату.

Еще один человек остро чувствовал в эти дни свою беспомощность — Муяссар. Как и Машраб, она жила книжными идеалами, с наивной восторженностью меч-

тала быть похожей на любимых героев, как и они, совершать большие дела, быть верной в любви, дружбе, бороться с несправедливостью. И вот когда такая несправедливость была совершена на ее глазах, она не знала что делать. Как комсорг школы, она готова была ехать в райком комсомола, добиваться освобождения Машраба. Но она видела, что взрослые, уважаемые ею люди стараются изо всех сил помочь ребятам, но почему-то не могут. И Муяссар боялась что-нибудь предпринять, чтобы не ухудшить положение Машраба и его друзей. Все дни, пока Машраб сидел под арестом, она не могла пить, есть, спать... Только работа немного отвлекала ее, но уборка хлопка подходила к концу, в третий раз прочесывали поле, добирая остатки коробочек.

С тяжелым чувством в душе шла Муяссар на рассвете в поле. Постояла над арыком за дувалом сада. Сейчас в арыке не было воды, дно его устилали желто-зеленые листья. А она видела другое: серебристые ветви джиды, склоненные к воде, плывущие по воде яблоки с вырезанными на них буквами. Яблоки кружили в заводях, застревали в ветвях, а она и Машраб ловили их и яблоки с инициалами парней, которые были им не по душе, съедали, поглядывая друг на друга, и хохотали. А яблоки плыли и плыли по арыку...

В поле Муяссар шла в междурядье, обирая с кустов хлопчатника остатки белых волокон, а мысли ее были совсем не здесь и, конечно, снова с Машрабом... На дворе воеет буря, дико гудят на ветру деревья, на оконном стекле тают снежинки, будто слезы текут... А они сидят за теплым сандалом — низеньким столиком, под которым в яме тлеют угли. Ноги их под сандалом соприкасаются будто невзначай и тотчас отстраняются. Полутемная комната, освещенная чадающей лампой, кажется им роскошной и веселой. Машраб читает «Как закалялась сталь», и они вместе с Павкой борются за советскую власть и все, что происходит с Павкой, переживают так, будто это происходит с ними...

Все это было тогда, а сейчас идет война, Машраб арестован и заперт в амбаре, стоит осень и приближается зима.

Муяссар шла в междурядье, и слезы падали на ее мокрые руки.

Барно сбоку поглядывала на девушку. Обычно Барно выходила в поле после обеда, вместе с работниками сельпо, но сегодня ей не спалось, и она, прежде чем идти в правление, вышла в поле. Нет, Эртаев не охладел к ней, не бросил ее, как надоевшую любовницу. Наоборот, он все чаще говорит о том, что близок день, когда он сможет развестись с женой... А пока он снял в городе комнату, и они часто встречаются там. Но в его обращении с ней появилась какая-то успокоенность. Успокоенность хозяина. Как это не похоже было на нежную деликатность Ашрафджана, который с благодарностью принимал каждую ее ласку. Барно с ужасом думала, как посмотрит ему в глаза, если им еще доведется встретиться. Барно смотрела на Муяссар. С какой радостью обменяла бы она сейчас свое горе на ее...

— Муяссархон! — позвала Барно.

С соседней грядки оглянулась Лариса.

— Муяссархон! — снова позвала Барно, понизив голос. — Вы говорили с Гульчехрой?

— Нет! — ответила Муяссар и торопливо вытерла слезы.

— Тогда обязательно поговорите. Знающие люди утверждают, что, если Гульчехра будет отрицать похищение и скажет, что ее никто из ребят не уговаривал уйти из дома, мальчиков отпустят. Пусть только не ждет, когда ее вызовет следователь, а сама пойдет к нему.

Барно выпрямилась, грустно посмотрела на Ларису, потом на Муяссар, сказала:

— Я понимаю, вы меня презираете! Это ваше дело. Но вы должны мне верить. Обязательно поговорите с Гульчехрой. — Барно торопливо пошла, то там, то здесь обирая с кустов хлопок.

Муяссар растерянно смотрела ей вслед. Она не знала — поблагодарить ли Барно или промолчать?

— Правда, Муяссар, надо поговорить с Гульчехрой, — сказала Лариса. — От того, что ты гордо от нее отвернулась, ребятам не легче. Если хочешь, я пойду с тобой.

— Конечно, хочу. Скорей бы обед! Сама не пойму, почему я до сих пор с ней не поговорила? Она же комсомолка!..

Калитку открыла мать Гульчехры, болезненно-бледная женщина лет пятидесяти. Она сразу изменилась в лице и хотела закрыть калитку, но Лариса удержала калитку плечом.

— Гульчехра дома? — спросила Муяссар.

— Дома, — сказала женщина и, отодвинув рукой Ларису, закрыла калитку. Во дворе слышался хриплый кашель.

— Кто там? — спросил за калиткой мужчина, откашлявшись.

— Соседская девушка, — сказала мать Гульчехры и, приоткрыв калитку, добавила: — Подождите, сейчас позову.

Сказала она это вовремя, потому что Лариса уже приготовилась барабанить в калитку кулаком.

Гульчехра пришла спустя некоторое время, но вышла не из калитки, а из проулка — наверно, пролезла в дувал.

— Ой, наконец-то дождалась вас, подруженьки мои! — орадованно сказала она, обнимая сначала Муяссар, потом Ларису.

Она была в новой косынке, в цветастом ситцевом платье, радостно улыбалась, словно ничего не произошло. Она только говорила шепотом, поминутно оглядываясь на калитку. Муяссар больше всего возмутила эта улыбка и вороватая манера оглядываться.

— Что ты скалишь зубы? Почему делаешь вид, что не знаешь, что происходит? Ты разве не знаешь, что из-за тебя арестовали ребят?! — спросила Муяссар.

— Знаю...

— Если знаешь, так чего отсиживаешься ваперти?

Гульчехра отвернулась, играя кончиком косынки. Она совсем запуталась. После ареста ребят к ней снова приходил Ядгарбек и сказал, что не может без нее жить. Они целовались в вишневой роще, против пролома в дувале. В подтверждение своих слов Ядгарбек прислал на другой день еще один сундук нарядов. Против такой щедрости Гульчехра не смогла устоять и дала согласие на свадьбу. При всем своем легкомыслии Гульчехра понимала, что не должна говорить об этом Муяссар.

— Ну, что ты молчишь! Язык проглотила? — говорила Муяссар.

— Что я могу сказать? Я же не знаю, что мне делать!

— Еще говорит, что ей делать! Комсомолкой называется. Иди к следователю и расскажи, как все было... Ребята из-за тебя пострадали.— Муяссар вдруг всхлинула, не в силах удержать слез.

Гульчехра тоже заплакала:

— Легко тебе говорить! У тебя отец старый коммунист. Если бы он был такой же несознательный и такой больной, как мой,— посмотрела бы я, как бы ты поступила!

Муяссар растерялась, а Гульчехра еще больше расплакалась. Муяссар, сдерживая слезы, стояла, не зная, что делать. Зато Лариса знала.

— Вот что,— сказала она.— Москва слезам не верит. И отец твой здесь ни при чем. Собой распорядись как хочешь, а мальчиков надо выручать!

Гульчехра перестала плакать.

— Хорошо,— сказала она.— Я пойду к следователю. Только вы тоже пойдете со мной.

Они втроем пришли в правление, но сторож сказал, что следователь уехал в город. Муяссар снова загрустила, а Гульчехра, обрадованная, ушла домой.

— Имей в виду, завтра за тобой зайдем! — крикнула ей вслед Лариса.

Так прошли те два дня, которые казались ребятам такими томительными. Словно их все забыли и они уже никому не нужны.

На третий день их снова вызвал следователь.

Он сидел в кабинете Чавандаза. Несколько дней назад такой веселый и внешне приветливый, он сейчас выглядел строгим и недоступным. Даже брови его, похожие на усы, нависли над глазами сурово и неумолимо. Следователь переложил на столе папку с их делом, сказал:

— На фронте и в тылу не хватает людей, а вы, здоровые парни, прохладаетесь в амбаре. Я советовался с товарищем прокурором, и мы решили, учитывая вашу молодость, а также просьбу руководителей колхоза, освободить вас из-под стражи.— Следователь, через

стол поглядывая на них, сказал после паузы: — Пока...

Машраб быстро переглянулся с Акмалем и Кучкаром. Кучкар с интересом смотрел на следователя.

— Пока или навсегда, следователь-ака?

— Это будет зависеть от вас, дорогой,— сказал следователь и погладил сизую от бритья голову.

— Что значит от нас? — спросил Машраб.

— Это значит не развратничать — раз, не кляузничать на достойных людей — два, идти своей дорогой и не путаться под ногами — три.

Теперь Кучкар переглянулся с Акмалем и Машрабом.

— Короче говоря, увидишь вора — отойди в сторонку, не мешай человеку. Узнаешь о несправедливости большого человека — держи язык за зубами. Так, что ли, следователь-ака?!

— Мое дело посоветовать, ваше — послушаться или нет. У нашего русского брата есть пословица: много будешь знать — скоро состаришься. Зачем вам спешить?

Кучкар хотел еще что-то сказать, но следователь пальцем указал на дверь:

— Иди, дорогой, иди и много не мудрствуй!.. Скажите спасибо, что вас освободили.

Ребята и не думали говорить «спасибо». Когда они вышли, Кучкар сказал:

— Сам скажи спасибо, что цел остался.

— Я думаю, он просто не знал, как от нас избавиться,— добавил Машраб.

Они вышли за ворота правления, поглядели друг на друга и расхохотались. Ребята были очень довольны собой. Их переполняло чувство победы. Прежде всего они отправились к Махире-буви, досыта поели похлебки из очищенной джугары с кукурузными лепешками, снисходительно посмеиваясь над ее причитаниями и слезами радости. Потом посидели у Акмаля, пережидая, пока Салия-хала выплачется и придет в себя. По дороге в поле забежали к Фатиме. Пока Кучкар разговаривал с матерью, Машраб и Акмаль бесцеремонно разгуливали по двору.

Им доставило большое удовольствие пройти по ули-

цам кишлака. На них глазели, как на выходцев с того света. Многие женщины даже вытирали слезы. Ларисы и Муяссар в поле уже не было. Гульсум-апа сказала: — Бегите, бегите в кишлак... Они, наверно, там вас ищут...

Оказывается, весть о том, что их освободили, уже дошла до бригады в поле. Принес ее все тот же «Информбюро», за что получил тюбетейку сушеного урюка.

— За приятную новость приятно получить благодарность,— сказал «Информбюро» и побежал разыскивать ребят.

Он нашел их в кишлаке у клуба.

— Ларисахон получила телеграмму от отца,— сказал он.

Но на этот раз вместо награды он получил щелчок по лбу от Кучкара. Потирая лоб, паренек смотрел, как ребята побежали по улице.

Остаток дня Машраб с приятелями и Лариса с Муяссар гонялись друг за другом. Это потому, что ни у кого не было терпения посидеть на одном месте и подождать. У дома Муяссар ребятам говорили, что она и Лариса побежали к Махире-буви. Мальчики бежали к Махире-буви и узнавали, что подружкам сказали, что видели Машраба возле клуба, и они бежали туда. Это была веселая суматоха, которая завершилась встречей в овраге. Муяссар и Лариса были в белых платьях. Машраб ломал голову, пытаясь понять, когда они успели их надеть. Лариса показывала телеграмму от отца. Ребята никогда не видели ее такой возбужденной и веселой. Она то без всякой видимой причины начинала смеяться, то вдруг принялась выбивать чечетку на деревянном мосту. Муяссар смеялась. Она не стеснялась, когда Машраб брал ее руку и держал на виду у всех. Потом Лариса стала строить планы поездки к отцу в Магнитогорск и этим привела в уныние Кучкара. Об Акмале как-то забыли. Он или молчал, или понуро плелся сзади, пока они его совсем не потеряли. Первым спохватился Машраб.

— Акмаль! — позвал он.

Все притихли, а потом крикнули хором:

— Акмаль!

Слышно было, как шумела под плотиной вода, где-то залаяла собака.

— Нехорошо получилось,— сказал Машраб.

— Я где-то читала: все счастливые люди немного эгоисты. Значит, мы счастливые?! — спросила Лариса.

Все засмеялись. Но каково остаться одному, Машраб понял только на другой день.

Когда Кучкар и Машраб пришли домой (Кучкар пошел ночевать к Машрабу), Гульсум-апа сказала, что приходил Акмаль. Оказывается, ему и Кучкару пришли повестки явиться завтра в клуб на призывную комиссию. Фатима попросила Акмаля найти сына.

На другой день по улицам кишлака потянулись к клубу парни, которым в этом году исполнилось или исполнялось восемнадцать лет.

Машраб решил в этот день не выходить на улицу, но потом не выдержал и пошел в клуб.

На лужайке толпились группами те, кто уже прошел медицинскую комиссию и кто ждал очереди. Парни говорили о том, кого в какой род войск зачисляют, когда возможна отправка. С Машрабом заговаривали, здоровались, но как-то мимоходом, как с человеком, не посвященным в тайнства призыва. Машраб подошел к Кучкару и Акмалю. Те вроде бы обрадовались, увидев его, но тут же про него забыли. Какой-то парень доказывал Акмалю, что людей с его весом не берут в кавалерию. Машраб вдруг представил себя в кишлаке после того, как Акмаль и Кучкар уедут на фронт. Это уже было слишком. Машраб увидел военного комиссара Абубакирова. Тот шел через лужайку, толчками переставляя протез. Машраб не помнил, как очутился перед ним, как заговорил.

— Хоп, джигит! О чем ты хочешь просить? — сказал капитан.

Кучкар потом рассказывал, как Машраб догнал его и закричал тонким голосом:

— Товарищ капитан, если можно, выслушайте меня!..

А может быть, Кучкар это придумал и Машраб на самом деле заговорил с капитаном в обычном тоне — подтвердить или опровергнуть эту версию не мог никто,

так как ребята обступили Машраба и капитана, когда те уже разговаривали.

— Хочу заявить, что я, в общем, одногодок всем этим ребятам. Просто по книгам записали неправильно, на год омолодили. Можно мне пройти комиссию? — говорил Машраб.

— Но как можно установить, что ты им ровесник? — спросил капитан.

Машраб затравленно оглянулся, увидел ехидно улыбающегося Кучкара и выпалил:

— Пусть меня накажет аллах, если я вру.

Машраб чуть не оглох от взрыва хохота. Хохотали все, в том числе Абубакиров.

— Веское доказательство, придется поверить. Откуда ты такой взялся? Чей сын? Как имя, фамилия?

— Имя Машраб. Сын Агзама Ячейки, — сказал Машраб.

Кто-то тут же добавил:

— Машраб Дивана!

— Э-э, это тот Машраб Дивана, который ищет правды? Молодец, джигит! Иди на комиссию, врачи решат.

Машраб поднимался на крыльцо с замиранием сердца. Во время разговора с капитаном он вообразил, что все решит военком сам, единолично. А теперь все зависело от комиссии. Опасения оказались напрасными. Ни один врач даже не спросил, сколько ему лет. Один измерил рост, другой что-то послушал, приложив к груди трубку, третий заставил читать буквы на стене, закрывая Машрабу то один, то другой глаз. Вся процедура заняла пять-шесть минут. А потом началось такое, что Машрабу даже не снилось. Когда он вышел на крыльцо, Абубакиров скомандовал:

— Смирно!

На гузаре — широкой площади перед крыльцом — замерли в строю призывники.

— Машраб сын Агзама, ко мне! — скомандовал капитан.

Машраб, ничего не понимая и на всякий случай улыбаясь во весь рот, подошел. Капитан вывел из строя Ядгарбека и поставил его рядом с Машрабом.

— Посмотрите на этих двух парней,— сказал капитан.— Один, вот этот,— искатель правды, гордо заявляет, что ему уже восемнадцать лет! А на этом жеребце пахать можно, а он льет слезы и говорит, что ему нет еще шестнадцати!

В строю засмеялись, кто-то крикнул:

— Он уже жениться собрался!

— Ему шестнадцать лет три года назад было!

Капитан повернулся к Ядгарбеку.

— Не стыдно? — спросил он.— Женишься, как жене в глаза смотреть будешь, младенец?

В строю снова захохотали, а капитан вдруг крикнул на весь гузар:

— А ну, марш на комиссию!..

Ядгарбек побежал через лужайку к крыльцу, споткнулся о первую ступеньку и весь путь до дверей проделал при помощи рук, а парни в строю умирали от хохота.

После комиссии пошли грузить на арбы последние мешки хлопка. Машраб вернулся домой вечером, еще не утратив радостного возбуждения. На широкой тахте в первой комнате сидела Мастура, а на руках у нее пристроились Фатима и Зухра. Мастура встала, посадив детей на тахту. Глаза ее сверкнули. Машрабу стало страшно от ненависти, которая была в глазах сестры.

— Ты... в своем ли ты уме? Почему ты живешь на небе, а не на земле?! Мало в семье у нас горя?! Негодяй, дурак! — Губы Мастуры тряслись.— Иди, взгляни на маму!

Машраб открыл дверь в комнату матери. Гульсум-апа сидела на кровати против двери, положив руки на колени, и глядела так, словно ждала Машраба. Конечно, Мастура преувеличивала. Гульсум-апа была, как и всегда, задумчивая и сдержанная. Но неужели она и раньше была такой маленькой, сгорбленной? Платок упал на ее узенькие, опущенные плечи, открыв седые волосы. Машраб не помнил, видел ли он раньше у матери так много морщин на лбу и в углах рта?..

— Мама, милая,— сказал Машраб,— прости меня, но я не мог!

● ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Странно устроена жизнь: если человек раз споткнулся, то невезенье следует одно за другим, а если пришла удача, то обязательно ведет за собой другую... Отец Ларисы прислал письмо, что если им хорошо, то пусть пока не трогаются с места. Кучкар ног под собой не чувал от радости. О свадьбе Гульчехры тоже ничего не было слышно. После своего позора Ядгарбек нигде не показывался. Чавандаз при встречах косился на ребят, но ничем иным не проявлял своей ненависти. А Гульчехра даже стала вновь появляться с Ларисой и Муяссар, когда те приходили в овраг.

Наступил конец октября. Казалось, ничто не омрачало жизнь кишлака. Наоборот, стали поступать сообщения о том, что Красная Армия один за другим освобождала города, одерживая победы над фашистами. Матери стали надеяться, что к тому времени, когда настанет очередь сыновей, война окончится. А на тех, кто уже воевал, вот уже месяц как не было ни одной похоронной.

На школьной сцене Машраб репетировал к Октябрьским праздникам третье действие пьесы «Смерть захватчикам».

На одну из репетиций пришел Камил. Он вошел в зал, с минуту постоял, глядя на сцену, пока его не заметили. Машраб подошел к нему со стулом, сказал:

— Садитесь, Камил-ака!

— Некогда сидеть, Машраб. Дело есть...

Оказывается, нечем было завершить сев озимых: кончились семена. Чтобы не сорвать сев, пришлось снова собирать караван ишаков и мобилизовать всех ребят.

На рассвете по-осеннему яркого дня караван вышел в далекий путь.

Кишлак остался позади, и караван растянулся по дороге.

По сути это был тот же караван, который летом перевозил зерно. Только на этот раз ишаки были отборные, примерно одинаковой силы. Камил и Курбан-ата сами

отбирали их на гузаре перед правлением, безжалостно выбраковывая всех, кто, по их мнению, не мог пройти тяжелый путь.

Впереди каравана на буланом иноходце ехал Камил, и рядом с ним, в неизменной фуражке и с кожаной сумкой через плечо, гордо восседал на своем ишаке-самце с обрезанными ушами Курбан-ата. Замыкающими Камил назначил Машраба и Акмаля. Сотня ишаков растянулась по дороге чуть ли не на километр. Дорога шла вдоль горной цепи, по холмам, черным, как опаленные бараньи головы. Солнце только-только взошло, и над холмами до самого подножия гор дрожало теплое марево.

Дорога волновала, как всегда волнует неведомое. Большинство ребят никогда не выезжало дальше районного центра, а были и такие, кто, кроме кишлака, вообще нигде не бывал. Они ехали, покачиваясь в седлах, с приятным сознанием, что в хурджунах у каждого по шесть лепешек, выданных колхозом, два фунта курта, не считая сушеного урюка, жареного ячменя, самсы с тыквой, уложенных заботливыми материнскими руками.

Камил объехал весь караван, оглядывая ребят и предупреждая, чтобы они бережно расходовали продукты. Напрасный труд. Большинство уже сейчас ехало, заложив за одну щеку сушеный урюк, за другую курт и при этом сияя от удовольствия.

Камил сказал Машрабу:

— Приглядывайте за этими цыплятами, особенно когда въедем в горы.

Он пришпорил иноходца и вернулся в голову каравана.

На заседании бюро райкома, на котором обсуждался сев озимых, Камил попробовал схватиться с Эртаевым и потерпел поражение.

Эртаев, как временно исполняющий обязанности председателя райисполкома (ходили слухи, что постоянным председателем его не утвердил обком), докладывал ход посевной по району. Оказалось, что колхоз «Путь Ленина» был на одном из последних мест. Эртаев не удержался, чтобы не сказать:

— Очевидно, после успешной сдачи хлеба государству у руководителей колхоза закружилась голова.

Камил видел, как сжала руки Инобат.

— Вы сорвали нам сев, и вы же нас упрекаете! — с места выкрикнул он.

Эртаев помолчал, сдерживаясь, потом сказал:

— Я не понимаю враждебного выкрика Джалалова. Я вообще вас не понимаю, Камил. Если вы имеете ко мне какие-то претензии, то выскажите их прямо...

Камил понимал, что Эртаев провоцирует его, что надо промолчать, но не смог.

— Да, я имею к вам претензии! Вы вынудили сдать нас семенное зерно в счет дополнительных поставок, а теперь хотите уйти от ответственности?! — Камил вскочил и стоял, пытаясь справиться с волнением.

Эртаев картинно развел руками, как бы призывая всех в свидетели.

— Моя озабоченность тем, чтобы государство получило больше хлеба, вменяется мне как преступление, — сказал он.

Камил хотел возразить, но Умаров нетерпеливо постучал ладонью о стол, сказал:

— Сейчас не время, товарищ Джалалов, искать виновников. Надо думать, как выйти из положения...

...Камилу было невесело. Пожалуй, он один хорошо понимал, как нелегко будет выполнить возложенную на караван задачу. Дорога давно повернула вправо, в горы. Голова каравана достигла высокого каменистого гребня. Внизу открылось желто-зеленое пастбище, белые юрты, похожие на пиалы, опрокинутые вверх дном. Камил остановил головных ишаков, чтобы подтянуть караван.

Курбан-ата, привстав на стременах, громко сказал:

— Вон в том ущелье был тяжелый бой с басмачами. Немало осталось там могил. Прошу снять шапки, товарищи!

Он стоял на стременах, держа руку под козырек.

— Вольно! — скомандовал он и сел в седло, но тут же снова привстал: — Между прочим, отцы этих джигитов, — он указал на Кучкара и подъехавшего Машраба, — тоже были в этих боях.

— Поэтому встать и снять шапки! — крикнул Кучкар.

Курбан-ата не услышал его, опустил голову, о чем-то задумавшись. Кучкар, посмеиваясь, тронул своего ишака.

Старики из аула стояли, опираясь на длинные палки. Они поджидали караван на берегу горной реки, молчаливые и торжественные. Двое стариков, отделившись от остальных, пошли навстречу каравану.

— Салам, Курбан! Давно не виделись, да хранит тебя аллах! — сказал один.

— Пусть продлит аллах годы твои, — добавил другой.

Они помогли Курбану-ата спешиться, поддерживая его под руки.

Женщины из аула принесли в тыквах кислое молоко, курт.

Кучкар сказал:

— Похоже, нашего старика здесь хорошо знают...

Курбан-ата, прохаживаясь, разминая затекшие ноги, говорил:

— Не забывает казах тех, кто делал революцию. Помнит народ добро. А вы кушайте, кушайте — впереди трудный путь...

С привала Курбан-ата поехал вперед — приготовить ночлег. Ребята отяжелели после еды и дремали в седлах.

Солнце клонилось к вершине перевала Рустам-Даван, когда стали попадаться на пути стада баранов. Женщины-пастухи в высоких головных уборах неподвижно сидели на низкорослых лошадках, провожая глазами караван. Потом показались юрты, над которыми из отверстий валил дым, дворы аула. Караван остановился, ишаки сбились в кучу. Машраб и Акмаль выехали вперед. На дороге Курбан-ата и старик казах о чем-то говорили с Камилом. Курбан-ата привстал на стременах, сказал:

— Заночуем в этом ауле, дети мои! Завтра нам предстоит пройти Яманташ — это значит плохой камень! Вы слышали, что такое Яманташ? — Курбан-ата выкрикивал слова так, как будто говорил речь.

Большинство не знало и никогда не слышало про это гибельное место, в котором нашло себе могилу немало путников, но на всякий случай хором ответили:

— Знаем, отец! Слыхали!

— Если слыхали, то накормите досыта своих ишаков и сами хорошенько отдохните.

Тем временем из аула набежали огромные волкодавы. Они ходили вокруг ишаков, скалили зубы, а те прижимали уши, лягались, к полному удовольствию прибежавших ребятишек, крикливых и назойливых. Потом пришли старухи с белыми высокими накидками на головах, молодые женщины и девушки с серебряными украшениями — чулпы, подвешенными к косам. Старик, который молча стоял рядом с Курбаном-ата, пока тот произносил свою речь, что-то сказал женщинам, и те, подгоняя ребятишек, пошли по дороге в аул. Караван тронулся вслед за ними.

В ауле ребят развели по домам. Машрабу, Акмалю и Кучкару достался маленький домик на окраине. Они стреножили своих ишаков и пустили их пастись, а сами вошли во двор, за оградой которого слышался топот телят и голос молодой женщины:

— Перестань брыкаться, шайтан!

Кучкар подмигнул друзьям и первый вошел в калитку. У самого входа тоненькая молодая женщина, больше похожая на девочку-подростка, в красном платье с пуговицами из монет, сдерживала рвущегося к корове теленка. Второй теленок стоял привязанный под навесом и смотрел грустными, блестящими глазами на своего дружка, который то и дело вырывался из рук женщины. Она каждый раз бежала за ним, и тяжелая коса ее билась по спине, а чулпы нежно позванивали. Кучкар молча взял из ее рук аркан, поймал теленка и привязал под навесом рядом с другим.

Женщина, наверно, знала о появлении в ауле нежданных гостей, потому что улыбнулась Кучкару без всякого удивления.

— Спасибо, добрый джигит, — сказала она.

Улыбка женщины, ее кругленькое личико, к которому очень подходили раскосые глаза и маленький нос, очаровали ребят. Женщина, очевидно, поняла, какое впечатление на них произвела. Она засмеялась, повела всех троих в дом. Посмеиваясь и поглядывая на троих друзей, словно изучая, она хлопотала вокруг очага: разожгла огонь, вскипятила молоко и пригласила пить чай.

«Чай» по-казахски оказался легкой закуской из свежего и кислого молока и курта. Кучкар блаженствовал. Машраб и Акмаль тоже чувствовали себя неплохо. То ли оттого, что ребята проголодались, а скорей всего потому, что нехитрая закуска была приготовлена маленькими проворными руками, все казалось очень вкусным.

— Даже в раю такого не бывает,— говорил Кучкар.

— Конечно, ты же только вчера там был,— сказал Машраб.

Женщина порозовела от удовольствия и еще больше похорошела.

Потом появились старуха с девочкой, наверное свекровь с дочкой женщины, потому что девочка тут же подошла к ней и уцепилась за подол платья, положив в рот палец свободной ручки. Старуха принялась стелить постели, искоса ревниво поглядывая на невестку.

Машраб вышел во двор. Было уже темно, как в опрокинутом казане, в котором варят плов. Только в небе сверкали странно белые звезды, похожие на крупные яблоки, рассыпанные на черном бархате. Когда глаза немного привыкли к темноте, Машраб вышел за калитку. Совсем близко проступали черные очертания горных вершин. Они стыли в безмолвии, как вечные стражи этих мест. Где-то близко шумела быстрая горная речка, слышно было, как ишаки с хрустом жевали полынь. «Кто только не проходил по этим дорогам, горам и долинам за все время, пока существует земля!» — подумал Машраб. Он нащупал в темноте камень и присел на берегу, пытаясь представить себе родной кишлак. Что сейчас делали Муяссар, мама, сестра, Махира-буви — все те близкие люди, без которых Машраб не мог жить? А как он будет без них и они без него, когда он уедет на фронт?

Ниже того места, на котором сидел Машраб, по берегу прошел Камил. Машраб услышал его голос.

— Загоните ишаков во дворы. Говорят, в горах появилось много волков. Предупредите всех,— кому-то говорил он.

Через некоторое время послышались топот ног, ги-

канье парней, загоняющих ишаков, лай потревоженных собак.

Машраб отыскал своих ишаков и повел во двор, обмотав за шею веревкой. За оградой Кучкар разговаривал с молодой хозяйкой:

— Эй, отпусти, узбек! Думаешь, только тебя тут и ждали...

Но Кучкар, наверно, не отпускал женщину.

— Послушай, Гульджамал! Какая разница — твое, мое? Дай поцелую разок! — говорил он.

Машраб нарочно громко загремел калиткой, заводя ишаков. Он вошел в дом и ошупью добрался до своей постели: ориентиром ему служил могучий храп Акмаля. Машраб лег рядом. Почти тут же со двора вошел Кучкар.

— Зачем пригнал ишаков? — спросил он.

— Спасал их от волков. Оказывается, ты хуже волка!

— Э-э, Дивана, что ты понимаешь? Надо же кому-то проверить, хранят ли женщины-казашки верность своим мужьям?

— Проверил?

— В этом доме все в порядке! Если у меня ничего не получилось, ни у кого не получится. — Кучкар повернулся на бок, подвинул плечом Акмаля и тут же безмятежно заснул.

Затемно Камил и Карбан-ата обошли аул, подымая ребят. В путь караван вышел на рассвете и к восходу солнца вошел в ущелье Яманташ. Даже в ясный солнечный день ущелье выглядело сырым и мрачным, как подземелье. Высоко, так высоко, что приходилось запрокидывать голову, сияла полоска голубого неба. Где-то там наверху, за нависающей стеной скал, был теплый погожий день, а здесь, в ущелье, знобкий холод пробирался под халаты, студил промокшие ноги.

К полудню, одиннадцать раз перейдя вброд горную речку, караван вышел из ущелья и стал подниматься к перевалу. На солнце все быстро обсохли и обогрелись, поднялись на перевал Рустам-Даван и вместе с солнцем спустились в казахские степи. Быстро вечерело, но на этот раз все опасности были позади.

Выезжая из кишлака, рассчитывали через три-четыре дня вернуться. Но даже такой опытный караван-баши, как Курбан-ата, просчитался. Как говорится, домашние расчеты не подошли к базару. Это стало ясно, как только приехали в аул, где должны были получить зерно. Председатель колхоза опешил от неожиданности, когда Камил и Курбан-ата пришли к нему. Зерно в колхозе было — куда его вывезешь? — но распоряжения отдать его у председателя не было.

На другой день он вместе с Камилом и Курбаном-ата поехал в район. В районе выяснилось, что неправильно оформлены накладные на получение зерна: в накладных было сказано, что колхоз «Путь Ленина» должен получить семена, а казахский колхоз должен был сдавать госпоставки товарным хлебом. С этого дня председатель колхоза, Камил и Курбан-ата потеряли покой. Председатель колхоза готов был отдать зерно, чтобы не числиться в должниках, но отдать его без прямого приказа начальства не решался. Камил и Курбан-ата ездили то в район, то в область, давали телеграммы, звонили по телефону, а время шло и зима приближалась. Правда, дни стояли такие жаркие, что просто не верилось в скорый приход зимы.

Гости в казахских аулах всегда желанны. Иначе ребятам пришлось бы туго. Давно было съедено все, что взяли из дома. Перешли на иждивение хозяев. Жили по двое, по трое в доме, питаясь вместе с приютившей их семьей. Днем пасли ишаков в зарослях камышей, рано ложились спать и уже опухли от безделья. Потом придумали состязаться в борьбе, устраивали на отъевшихся ишаках козлодранье¹ — улак. Но все равно было скучно.

Камил не хотел посвящать ребят в подробности бюрократической волокиты и на вопрос: «Когда поедем домой?» — отвечал:

— Не спешите, дорога трудная. Кормите ишаков!

И ребята кормили...

Как-то под вечер около Машраба остановился знакомый парень-казах. В руке — палка, на плече — домбра.

¹ Козлодранье — спортивная игра, во время которой всадники отнимают друг у друга тушу козла. Выигрывает тот, кто привезет голову козла к финишу.

Он сдвинул на затылок войлочную шляпу, с минуту смотрел, как Акмаль и Кучкар боролись на польном лугу.

— Эй, узбеки! Не надоело безделье? — спросил Калбек и поправил на плече домбру.

Кучкар тотчас отпустил Акмаля, а тот, не поняв, в чем дело, положил его на лопатки и сам лег сверху.

— Какое ты можешь предложить дело, казах? — за-

интересованно спросил Кучкар.— Да отпусти, толстяк, дай с человеком поговорить! — заорал он.

— Я слышал, у вас есть прославленный поэт. У нас тоже кое-кто слагает стихи. Посоревнуемся?

— Поэты есть, а кто их слушать будет? Стихи нашего поэта предназначены только для нежного слуха красавиц,— заявил Кучкар. Он уже отошел от Акмаля и сидел на полевой земле.

— Будут красавицы! — сказал Калбек.

— А где ты их возьмешь, если в вашем ауле ничего нет, кроме овец.

— Где твои глаза, узбек! Сколько дней живешь в ауле, а не видел красавиц? Принимайте вызов, мы вам их сегодня покажем.

Машраб стоял красный, не зная, куда деть руки от волнения. Вызов за него принял Кучкар.

— До вечера,— сказал Калбек и ушел.

Машраб накинулся на Кучкара:

— Ты с ума сошел! А если я провалюсь и стану посмешищем?

— Какой же ты поэт? Ради красавиц можно стать посмешищем,— авторитетно заявил Кучкар.

Машраб в ужасе провел остаток дня, ожидая вечера. Узбеки не знали, что председатель казахского колхоза надоумил свою молодежь развлечь гостей. На этот вечер из колхозной кладовой были выданы продукты для угощения. Если бы Машраб знал еще и это, он бы наверняка куда-нибудь сбежал.

В сумерках во двор пришел, наигрывая на домбре и тихо подпевая, Калбек. Он был в красных сапогах с высокими каблуками и в новом халате.

— Придумали хорошие песни, узбеки? — Он хитро прищурил глаза.— Если придумали, пошли. А там положись, поэт, на свое счастье,— сказал он Машрабу.

В маленьких окошках приземистых домов мерцали огоньки коптилок. Во дворах давно умолк дневной шум. Дворы были раскинуты далеко друг от друга, и поэтому над аулом стояла степная тишина. Степь была рядом, по-ночному таинственная и глухая. Стоило потерять тропку, и можно было идти и идти, и конца не будет этой степи. Но Калбек шел уверенно. Иногда взлаивал волкодав и

тут же умолкал, узнав Калбека. Он остановился у калитки крайнего дома.

Во дворе пылал в очаге огонь, виднелась открытая дверь низенького домика. В дверь входили и выходили, бродили по двору какие-то женщины. Стояло несколько парней.

— Джигиты, узбеки пришли. Принимай гостей, Янгаджон,— сказал Калбек от калитки.

В колеблющемся свете очага к калитке подошла, звеня чулпи, рослая женщина с закрытым платком ртом.

— Добро пожаловать, джигиты,— сказала она, очень мило коверкая узбекские слова.

Машраб и все, кто пришел с ним, протиснулись в узенькую дверь. В темную переднюю открылась и тут же закрылась дверь, и из нее на мгновение выглянули чуть затемненные и от этого особенно красивые и таинственные лица девушек. За закрывшейся дверью послышался сдавленный смех.

— Э-э... не сюда,— сказал Калбек и открыл дверь в комнату направо.

— Жалко, что не туда,— сказал Кучкар.

— Потерпи, узбек! Всею свое время...

Комната была низенькая, но широкая, в трех местах горели светильники. Не только сюзане и ковры, развешанные на стенах, но и тюфяки в тахмане — нише в стене — и разостланные на полу кошмы и паласы — все было ярко-красного цвета. Поэтому комната, освещенная колеблющимся светом, полыхала красными отблесками.

Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге остановился худющий одноногий парень на костылях, в военной гимнастерке.

— Ассалам алейкум, гости! — Парень переставил вперед костыли и одним рывком оказался на середине комнаты. — Как дела? — спросил он, присаживаясь боком на курпачу. Он взял у Калбека домбру, не дожидаясь ответа, стал ее тихонько настраивать.

— Скажи-ка Янге, джигит, пусть ведет своих красавиц, узбеки соскучились в ожидании,— сказал одноногий Калбеку.

В это время снова раскрылась дверь. Янга, а за ней девушки внесли достарханы, уставленные угощениями. Они поставили достарханы перед гостями и, совсем как узбечки, стояли, посмеиваясь и смущаясь, подталкивая друг друга. Почти все были одинаково одеты: на ногах красные сапожки на высоком каблуке, на голове красный цветастый платок, поверх красного шелкового платья бархатный жилет, суженный в талии, а на жилете в два ряда серебряные монеты, наполнявшие комнату звоном при каждом движении девушек.

— Эй, подружки! Можно подумать, что не вы так нетерпеливо ждали встречи с парнями... А вы, пареньки? Если у вас сердца джигитов, докажите это своей любезностью, выбирайте себе подруг! — сказала Янга.

Кучкар тут же схватил ее за руку.

— Я уже выбрал, — сказал он.

Все засмеялись, расселись на одеялах, потянулись за угощениями. Рядом с Машрабом оказалась тоненькая девушка с такой узенькой, обтянутой жилетом талией, что казалось, ее можно обхватить пальцами одной руки. Девушку звали Сулвсач. Она сама назвала свое имя и тут же спросила, как зовут Машраба.

Выпили по пиале чая. Одноногий сказал:

— Убирай достархан, сестра! Все равно барашка не подашь.

— Если бы он был! — сказала Янга и засмеялась. — Потерпи. Когда вернется твой деверь, я, так и быть, дам тебе баранью голову, братишка.

— Не горюй, придет! Тогда я тебе напомним твое обещание, сестра. Ну-ка, запоем для начала «Кара-тургай».

— Опять «Кара-тургай»? — недовольно сказала Сулвсач. — Не надоела вам эта песня?

Одноногий прижал ладонью струны домбры, сказал:

— Милая моя красавица! Побывала бы вдали от родных мест, знала бы цену этой песне. На войне, в окопах, мы мечтали вернуться домой живыми и хоть разок послушать «Кара-тургай», а там и умереть не страшно. Если бы ты знала, сколько парней погибло, мечтая перед смертью увидеть красавицу вроде тебя и услышать «Кара-тургай», курносая моя Сулвсач!

Одноногий громко заиграл на домбре. У него были тонкие, словно у девушки, пальцы.

— Садись рядом, Калбек! Начинай...

Машраб полулежал возле Сулуvsач. Ему казалось, что он попал в какой-то печальный и светлый мир. Но когда он вспоминал, зачем сюда пришел, он сразу приходил в себя, и его обдавало жаром. От этого и потому еще, что понимал не все слова, Машраб уловил только общий смысл песни. Когда он потом пытался припомнить песню, он видел одноногого парня, лежащего ничком, в темной осенней степи, гладившего тонкими, как у девушки, пальцами полынь и жесткую траву, целующего горько-солонуватую землю, выбитую копытами и исхоженную ногами предков. В тот вечер Машраб понял: каждая земля имеет свою прелесть, свои песни, своих красавиц для тех, кто учился по ней ходить...

Одноногий прикрыл струны рукой.

— Хватит! Давайте начинать «айтыс»,— сказала Сулуvsач.

— Ну что же, давайте,— согласился одноногий.— Может быть, гости начнут первыми?

Кучкар толкнул в бок Машраба. Но тот сидел красный и пришибленный, в ужасе оттого, что не может придумать ни одного слова.

— Почему гости? — спросила Янга.— Мы пригласили, мы начнем.

Юноша-узбек, оказывается, как стригунок,
Стан его, оказывается, стройный, он в расцвете сил,
Не говорите, что нет у него песни, домбры,
Милые девушки, стоит нам взглянуть на них с улыбкой.

Янга замолчала, улыбнулась Машрабу. Он лихорадочно припоминал хоть какие-нибудь стихи. Но его опередила Сулуvsач:

Много похвалила ты юношу-узбека,
Наговорила много неправды, не краснея,
Юношу без песни можно ль назвать юношей?
Наш Калбек, курносый, оказывается, лучше их!

— Зульфья. «Разлука»,— сказал Машраб и сам не узнал собственного голоса.

Когда цветы, деревья с пожелтевшими листьями
 Созерцали безмолвно в вечернем тумане,
 Мой милый, любимый мой ушел в бой,
 Мое сердце охватила боль разлуки.
 У владыки моего сердца, любящего меня, есть

любимая Родина!

Любовь всегда согласна на разлуку ради свободы,
 Эта разлука не вечна, есть у нее и свидание,
 Как и лето у суровой зимы.

— Молодец, Машраб Дивана! — закричал Кучкар.
 Но восхищался он один, остальные молчали.

Было так тихо, что все услышали шаги в коридоре. Дверь открылась. На пороге стоял Камил. Он, очевидно, решил, что тишина вызвана его появлением, сказал:

— Прошу прощения, но вынужден вам помешать. На рассвете выступаем, а сейчас надо срочно получать и грузить зерно.

● ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

При свете факелов проработали почти всю ночь. Зерно — всего семь тонн — насыпали в мешки и складывали их у дороги. Тот, кто насыпал свой мешок, уходил, чтобы успеть собраться в дорогу и хоть немного поспать. Последние мешки досыпали в полночь. Пошел дождь, и сразу резко похолодало. Камил ушел с зерносклада последним, бережно поддерживая ноющую руку. Он пожалел сейчас, что не послушал врачей и не согласился на ампутацию. Рука только мешала, напоминая о себе тупой, ноющей болью. Когда Камил добрался до двора, в котором остановился с Курбаном-ата, дождь перешел в снег и стало морозить.

Камилу казалось, что он только задремал, когда его разбудил Курбан-ата, но за окном уже стоял ясный морозный рассвет. Курбан-ата в толстом халате, с кожаной сумкой на боку, в фуражке, надвинутой до бровей, уже совсем был готов в дорогу.

— Разбудил трех джигитов, велел собирать караван. Надо до полудня успеть добраться до Яманташа, — сказал он.

— Как будто прояснилось? — спросил Камил.

— Проясниться прояснилось, но мороз как кинжал. Береги руку, сынок!

Невыспавшиеся ребята подводили к дороге ишаков, седлали, грузили мешки. Камил нервничал, торопил. Ему казалось, что сонные погонщики очень долго возьмется с седлами. От резкого ветра слезились глаза, под ногами поскрипывал снег. Ему жаль было до боли в сердце этих легко одетых пареньков, в тибетейках, с ушами, обвязанными поясным платком, в рваных, латаных-перелатанных сапогах и старых ичигах с калошами, в ботинках с рваными носками. Хорошо еще, что на большинстве была обувь, оставшаяся от отцов, и можно было навернуть на ноги все тряпки, что были под рукой и какие дали гостеприимные хозяева. Как ни медленно, по мнению Курбана-ата и Камилы, грузился караван, из аула выехали, когда на небе еще видны были побледневшие звезды.

Во главе каравана ехал Курбан-ата, посредине — Машраб и Акмаль, в конце — Камил и Кучкар. У каждого под командой было по двадцать погонщиков.

Дорога под снегом странно преобразилась. Пушистый снег висел на ветках чинар, бурные ручьи покрылись у берегов льдом, и над темной полоской чистой воды поднимался пар. На белых скалах стояли зеленые ели в снегу, как в хлопьях ваты. От быстрой ходьбы согрелись. Кое-кто даже снял с головы платок, распахнул.

Дорога поднималась к перевалу. Камил, объезжая караван, с тревогой поглядывал на ноги погонщиков, на их промокшие штанины.

— Быстрей, друзья! Поторапливайтесь, джигиты! — покрикивал он.

На выступе скалы, пропуская караван, стоял Курбан-ата. Он подъехал к Камилу, сказал:

— Взгляни на ишаков, Камилджан, как бы не застряли в Яманташе.

— Что же делать, отец? Нельзя же останавливаться, замерзнем.

— Надо дать ишакам по тибетейке зерна.

Камил поглаживал ноющую руку.

— Обвинят в разбазаривании зерна, — сказал он.

— Кто думает о волосах, когда опасность угрожает голове?

— Вы правы, отец.

Решили подкормить ишаков на перевале. Животные шли, оскользаясь заледеневшими копытами. Курбан-ата, проезжая в голову каравана, покрикивал:

— Вперед, джигиты! Чапаев говорил: пока джигит идет вперед, он джигит!

Верхом на ишаке, в своей неуклюжей фуражке, с покрасневшим от холода мокрым носом, сам Курбан-ата меньше всего был похож сейчас на джигита. Но никому и в голову не пришло посмеяться над этим многое повидавшим на своем веку стариком.

На этот раз Яманташ доказал, что не зря носит такое название. Узкое извилистое ущелье насквозь продувало холодным ветром. После короткой остановки на перевале подкормили ишаков и сами съели по мерзлой лепешке; погонщики немного приободрились. Надолго ли?

Вот и первый брод, о котором со страхом думал Камил. Из-за подтаявшего днем снега вода в речке прибыла и широко разлилась по ущелью. Тонкий лед легко дробился под копытами, и речку удалось перейти, не снимая с ишаков поклажи. Только погонщики, идя по колена в воде и придерживая мешки, так промокли, что у них не попадал зуб на зуб.

Так перешли четыре брода, а дальше пошло еще хуже.

Ущелье сузилось. Стиснутая заледеневшими берегами вода рвалась и редела. Брошенные с размаха камни не разбивали лед — он только трескался. Едва ступив на лед, ишаки падали и дальше ни за что не хотели идти. Нечего было и думать перевести их на ту сторону с грузом. Никто не заметил, что Кучкар оказался в голове каравана. Во всяком случае, Машраб не помнил, чтобы Кучкар его обогнал. Молча сняв мешок с упавшего ишака, Кучкар, оскальзываясь на льду, мокрыми ногами, вошел в воду. Он шел с мешком на плече, крича и поджимая то одну, то другую ногу.

— Ай, ай, ай! Вот это речка — кипит, как самовар! Кто замерз — давай греться...

— Молодец, Кучкар! Молодец! — крикнул Камил.

А когда за Кучкаром в речку полез Акмаль, слегка согнувшись под тяжестью мешка, Машраб тоже не выдержал, взвалив на плечо мешок, пошел к броду.

Какой-то мальчишка перевязал потуже больную руку Камила. Камил здоровой рукой ухватился за мешок с одной стороны, мальчик с другой, и они пошли к воде.

Никто не приказывал, никто никому не давал распоряжений. Сами собой образовывались пары и переносили мешки. Курбан-ата с «Информбюро» набрали сушняку и разожгли костер. Мокрые погонщики, стуча зубами, бежали к огню. Старик смотрел на них слезящимися глазами, потом сказал:

— Идем, сынок, к следующему броду. Разложим джигитам костер.

Но когда подошли к броду и снова увидели прибрежный лед, всем стало ясно, что его не преодолеть. Бодрости и силы не придавал и костер, который уже горел на другой стороне. Кучкар, стуча зубами от холода и отчаянья, неожиданно поднял над головой огромный осколок глыбы.

— Или ты расколешься, или я,— крикнул он и грохнул камень на лед.

Лед треснул. Это был выход. Ишаков перегоняли через брод, поддерживая мешки с двух сторон, а потом бежали, чтобы согреться, до следующего брода. Чем ближе был выход из ущелья, тем мельче становились броды.

При выходе из ущелья горели костры. Их разжег Курбан-ата. Было похоже, что старик просто железный. В фуражке, надвинутой на уши, с покрасневшим от холода носом, он один оставался невозмутимо-спокойным. Неторопливо переходил от костра к костру, подбрасывая в них ветки. Ему помогал Кучкар. Даже Камил захромал и шел через силу, прижав к груди больную руку и покачиваясь. На своего иноходца он давно посадил «Информбюро».

Пламя костров металось на ветру так, что к ним невозможно было подойти. Костры были маленькими, и не было смысла ждать, пока они прогорят, чтобы воспользоваться жаром углей: какие могли быть угли от этих жалких костров? До горного аула, в котором останавливались на ночлег, оставался час хода. Мальчишки беззвучно плакали, даже не пытаясь скрыть слезы, и бежали за ишаками. Ишаки шли и шли, размеренно перестав-

ляя ноги и покачивая в такт головами, точно заведенные. И от этой размерности казалось, не будет конца дороге.

Машраб совершенно выбился из сил. Он то и дело отставал от ишака и тогда бежал, боясь, что не догонит и останется один на дороге. Его качало из стороны в сторону, он падал и с трудом поднимался. Ему не было холодно. Наоборот, жар заливал голову, слепил глаза. Ему начали мерещиться в темноте огоньки аула. Он рвался к ним, но они стояли на месте. Поэтому, когда на дороге появились люди с фонарями, он отнесся к ним совершенно безразлично, как к призракам.

Ноги ишаков по ступицы грузли в морозном месиве. Тополя на плотине, улицы кишлака, плоские крыши домов были присыпаны снегом. Сверху, с дороги, кишлак казался пустынным, словно вымершим. Только от плотины к кладбищу поднималась какая-то процессия — черная на белом снегу. Голова процессии уже приближалась к кладбищу, конец ее был еще на плотине.

— Кто бы это умер? Очень много идет народу,— сказал Курбан-ата.

На таком расстоянии ничего нельзя было разглядеть, кроме арбы в голове процессии.

— Хоронят не узбека,— снова сказал Курбан-ата. Казалось, его одного заинтересовали похороны. Но это только казалось.

Ишаки, почувствовав близость дома, и без того прибавили шаг, а теперь, понукаемые погонщиками, почти бежали. Машраб с Акмалем и Кучкаром, которые шли по бокам, готовые ему помочь, вышли к обочине, повернув на дорогу к кладбищу. Для узбекских похорон процессия шла слишком тихо, и покойника несли не в саване, а везли в гробу, на арбе. Ребята подошли к процессии, когда она уже вошла на кладбище.

— Кого хоронят? — спросил Кучкар.

Люди молча проходили мимо, и Кучкар снова спросил пожилого узбека:

— Кого хоронят, ата?

— Русскую учительницу...

Кучкар и Машраб в это время увидели впереди девчонок из девятого класса и побежали на кладбище. Машраб сразу же запыхался, и его обогнал Акмаль.

— Посиди, Дивана, сейчас вернусь! — крикнул он.

Рядом с Машрабом на камне сидела старуха, она, очевидно, тоже устала и не могла дальше идти.

— Почему же она к мужу не уехала? — спрашивала старуха молодую женщину. Машраб очень хорошо ее знал. Женщина работала в сельпо и была в бригаде «интеллигентов».

— Не успела, — сказала она.

— Не успела! Муж ждет, а она не успела!.. Как болезнь называется? — Старуха говорила так, словно была недовольна поведением умершей.

— Двустороннее крупозное воспаление легких. Организм сильно ослаб от недоедания, она же блокаду перенесла в Ленинграде, — ответила женщина.

Старуха сказала:

— Не слышала такой болезни.

Мимо на кладбище проходили люди. Кто-то сказал:

— Ишак-караван вернулся.

— Когда?

— Сейчас встретил на плотине...

Старуха тяжело поднялась, опираясь на руку молодой, шаркая кавушами, пошла на кладбище.

Машраб окликнул женщину, спросил:

— Кто умер? — ожидая и боясь услышать ответ.

— А, Машрабджан! Вернулись? Гостья вашей бабушки умерла. Серафима Федоровна...

Машраб почувствовал, как у него задрожали ноги, и он как стоял, так и сел на обочине. Ничего неожиданнее и нелепее этой смерти невозможно было придумать. Сидел и подсчитывал, сколько дней они не были в кишлаке. То выходило, неделю, то полторы. Резало глаза, мысли путались, он чувствовал, что возвращается жар. Про себя он твердил одну и ту же фразу: «Вчера была жива, а сегодня умерла». Каким образом неделя в его сознании превратилась в один день, было непонятно.

Машраба нашла Мастура, потом Акмаль привел Муяссар.

Мастура спросила:

— Где Кучкар? Одни мы его не доведем...

— Кучкар остался с Ларисой,— сказала Муяссар.

— Правильно! Нельзя оставлять Ларису одну,— сказал Машраб.— Я тоже пойду к Ларисе.

Он попробовал встать. Его поддержали Мастура и Акмаль.

— Ты пойдешь домой,— сказала Мастура.

Пальцы Муяссар были горячие и чуть влажные, когда она взяла его за руку. Во всем теле была необыкновенная легкость, и ноги были легкие, и Машрабу казалось, что он куда-то летит. А со стороны было похоже, что он пьяный и его ведут по дороге Мастура и Акмаль.

— Не может быть, чтобы вчера человек был живой, а сегодня умер,— сказал Машраб.

— Он бредит,— сказала Муяссар.— Что же будет?

Машраб хотел сказать, что совсем не бредит, но ему лень было ворочать языком. Время от времени Машраб останавливался и делал попытку вернуться на кладбище.

— Зачем было в снег, в слякоть ездить в город? Столько горя, столько горя,— говорила Мастура.

— Она хотела быстрее отправить посылку,— сказала Муяссар.

— Не может быть, чтобы вчера человек был живой, а сегодня умер. Я должен взглянуть.— Машраб хотел повернуть к кладбищу, но Акмаль силой увлек его по дороге в кишлак.

Дома в постели Мастура поила его чаем, обняв одной рукой за плечи.

— Какую посылку отправляла Серафима Федоровна? — спросил Машраб.

Мастура и Муяссар переглянулись.

— В Ленинграде открылся после блокады институт, в котором работала Серафима Федоровна. В кишлаке собрали продуктовую посылку для преподавателей,— сказала Муяссар.

— А что было дальше? — спросил Машраб.

— Дальше? Серафима Федоровна повезла на арбе груз в город. Пока проверяли и оформляли посылку, пока вернулась в кишлак мокрая и продрогшая, простудилась... А сейчас спи! С тобой посидит Муяссар!

После похорон дом Махиры-буви притих. Лариса почти не выходила из комнаты. От отца пришла телеграмма. Он не мог приехать, выслал Ларисе документы и деньги на дорогу. Но ехать у Ларисы не было сил.

Машраб тоже лежал в постели, хотя на другой день после похорон жар спал и он чувствовал себя неплохо, только оставалась слабость. Врач сказал, что ничего страшного, просто сказалось переутомление и сильное нервное напряжение.

Связными между двумя домами были Акмаль, Муясар и Кучар. Кучар появлялся и молча садился у постели Машраба. Он сильно похудел, обветренное, почерневшее лицо его возмужало, и весь он как-то изменился, поугрюмел. Через два дня он собирался проводить Ларису до Ташкента и уже взял у военкома Абубакирова разрешение отлучиться на несколько дней. Акмаль тоже приходил унылый, как в воду опущенный, хотя все складывалось в его семье неплохо: от отца пришло письмо, что документы уже получены и Ларисин отец хлопочет о его демобилизации. Машраб приглядывался к своим друзьям, и ему все казалось, что от него что-то скрывают. Через два дня, выйдя под вечер во двор, он поджидал друзей. Скучая, выглянул за калитку. Где-то в кишлаке наигрывали на бубне: банг, банг, гуж-банг.

Не успел Машраб дойти до айвана, как во двор торопливо вошли Кучкар с Акмалем. Обычно сдержанный, молчаливый, Акмаль был возбужден.

— Где вы пропадали? Что за праздник в кишлаке? — спросил Машраб.

— Свадьба Гульчехры. Этой пустозвонки! — сказал Кучкар.

Акмаль сел, но тотчас вскочил.

— Чего ты мечешься, чего мечешься? — закричал Кучкар. — Или плюнь на нее, или пойдем и отколотим Ядгарбека, тебе же легче будет.

Акмаль схватился руками за голову.

— Глупости — бить Ядгарбека. Это не поможет, да и гости не допустят, — сказал Машраб. — Если уже идти на свадьбу, то с дугаром. Придем и споем вероломной «Айладинг-кетдинг». Если она хоть немного любит Акмалю и у нее есть совесть, мы уведем ее со свадьбы...

Кучкар искоса следил за Акмалем. Тот по-прежнему сидел, обхватив руками голову, но, кажется, внимательно прислушивался к словам Машраба.

— Ты же больной? — не то сказал, не то спросил Акмаль.

— Чепуха, я уже здоров!

— Молодец, Дивана! Хорошо придумал. Сделаем это дело, и я со спокойной душой уеду завтра в Ташкент.

— Я не пойду,— сказал Акмаль и как-то странно пошевелил длинным носом.

— Почему? — крикнул Кучкар. Акмаль молчал.— Ты что, пшена в рот набрал? Боишься обидеть эту вертихвостку?

— Да, боюсь!

— Ну и черт с тобой! Я пошел к Ларисе.

В дом к Махире-буви пошли втроем.

Кучкар хотел пройти прямо к Ларисе, но из гостиной вышла Махира-буви.

— Не ходи, сынок,— сказала она.— Лариса собирала вещи, а сейчас уснула. Пусть отдохнет перед долгой дорогой. Как ты себя чувствуешь, сынок? Не рано ли начал выходить?

— Хорошо, бабушка. Я уже совсем здоров.

— Когда ты уехал, я поставила немного проса на бузу. Думала, приедешь усталый, а буза из проса — лучшее лекарство. Идите в комнату, я сейчас.

Все трое уселись вокруг сандала, грея под одеялом ноги. Махира-буви внесла чугунный котел с дымящейся похлебкой.

— Где же буза, Махира-буви! — разочарованно спросил Кучкар.

— Сначала поешьте, а буза будет.— Она разлила в касы похлебку, вышла и вернулась с кувшином, который тоже поставила на сандал, и подала пиалушки.

Похлебка была горячей, и пили ее, обжигаясь. Кучкар все время косился на кувшин. До этого никому, кроме него, не приходилось пить бузу — этот легко пьянящий напиток. Машраб налил себе пиалу и выпил. Что-то горячее, горячее похлебки, разлилось по телу, согревая душу. Кучкар и Акмаль тоже выпили. После второй пиалушки Машраб слегка захмелел. Если бы не убитый вид Акмаля, ему было бы совсем весело.

Когда он еще не был уверен в любви Муяссар,— а это было совсем недавно,— он любил представлять, как он вернулся с фронта в день свадьбы Муяссар. С верными друзьями и с дутаром он пошел к ней на свадьбу и спел «Айладинг-кетдинг», и зачарованные гости слушали, затаив дыхание, а для Муяссар раскрылась глубина его любви, и она, сбросив венчальную фату, на глазах у всех бросилась в его объятия. После третьей пиалы бузы эта картина показалась Машрабу особенно трогательной.

— Послушай, Акмаль! Пойдем на свадьбу,— сказал Машраб.

— Конечно, толстяк, пойдем! Узнаешь по крайней мере, любит она тебя или нет, и перестанешь мучиться.

Акмаль молчал, но по его блестящим глазам Машраб и Кучкар поняли, что буза сделала свое дело.

Они открыли окно, выходящее в переулок, и тайком от бабушки выбрались на улицу.

Ясное небо усыпали звезды, но все равно было темно. Лишь на дувалах и на крышах белел еще не растаявший снег. Там, где был дом Чавандаза, слышался бубен и шум свадьбы, а весь остальной кишлак точно вымер, будто своей тишиной не одобрял веселья.

Чем ближе подходили к дому, тем слышнее были глуховатые удары бубна: гуж-банг, банг, гуж-банг!

По дороге зашли к Машрабу и взяли дутар. Потом поднялись в центр кишлака и внизу, в проулке, увидели горящий костер.

— Кажется, невесту привезли,— сказал Кучкар и прибавил шагу.

Сад Чавандаза был расположен у подножия холма, вблизи старой крепости. Освещенный фонарями, подвешенными на ветвях деревьев, он выделялся в черном провале ночи. Фонари раскачивались, по саду ходили люди, и тени их метались между деревьями. Машраб спрыгнул в сад и стал настраивать дутар.

— Надо так спеть, чтобы у гостей зарыдала душа, а у Чавандаза пробудилась совесть,— сказал он.

Машраб запел, и голос его, приглушенный волнением, дрожал:

Та бесподобная красавица не оценит меня,
Пока не достигнет совершеннолетия...

Кучкар прибавил грустным басом:

Жестокосердая не поймет горе мое,
Пока сама не влюбится...

Но голос Машраба и Кучкара перекрыл Акмаль: у него неожиданно оказался пронзительный тенорок.

Еще молода, неверна,
В отчаянье я, не взглянет она.
На тысячу моих стонов даже не обернется,
Пока не испытает сама...

Они шли по саду: Машраб, Кучкар и Акмаль. Люди у котлов с пловом приняли их поначалу за приглашенных на свадьбу певцов. Но когда они вышли к свету, откуда-то появился подвыпивший Кур-Шермат и долго смотрел на них.

— Это вы, мошенники? — спросил он.

Друзья не обратили на него внимания. Машраб самозабвенно пел. Он увидел в окне гостиной Барно в платье из хан-атласа, с волосами, заплетенными в одну косу. У Машраба даже пальцы задрожали, когда он ее увидел. Ритмично, с вибрацией щелкали струны дутара.

Заставляют сердце востепениться ее черные глаза,
Очаровывают ее ласковые слова,
Слепит глаз ее личико, пока не закроют его
Спустившиеся мелко заплетенные косички,—

изливался в песне Машраб.

Барно качнулась и отошла от окна. На айван вышел Чавандаз, подошел к перилам.

— Это что такое? Что за безобразие? — крикнул он.

На айване появился Эртаев, а за ним подвыпившие гости. Эртаев подошел к Чавандазу:

— Кто здесь? Что за шум?

— Полюбуйтесь на них... Хотят расстроить свадьбу!

Эртаев слегка наклонился и заглянул вниз. Машраб стоял чуть впереди, задрав голову, а рядом вытягивали шеи, чтобы лучше видеть, Кучкар и Акмаль. Эртаев смотрел на них, они на него.

— А-а... Старые знакомые! Выгнать и составить акт. Привлечем за хулиганство!

— Кучкар! Сыночек! Берегись! — крикнула Фатима.

Со стороны сада во главе с Кур-Шерматом выбежало человек семь. Дутар полетел в сторону. Руки Машраба оказались заломленными за спину. Кучкар кого-то боднул головой. Акмаль перекинул через себя верзилу так, что слышно было, как он плашмя ударился спиной о землю. Но все оказалось напрасным, и друзья опомнились, когда за ними захлопнулась калитка и они оказались в темном переулке между двух высоких дувалов. Каждый из них по очереди пнул калитку ногой.

— Выйдем — ноги переломаем! — пообещал с той стороны Кур-Шермат.

Хмель от бузы выветрился. Слышно было, как уходили от калитки, смеясь и разговаривая, гости во главе с Кур-Шерматом.

Камил и Инобат возвращались из города с заседания райисполкома. Временами срывался снег, засыпал дорогу и таял, перемешиваясь с грязью. За холмом Караул-тепа лежали голые, пустынные поля, белели островками пласты снега, сиротливо стояли в борозде брошенные сеялки, напоминая, что сев озимых еще не окончен.

Об этом говорили и на исполкоме. В сообщении Эртаева это звучало так, что нерадивые, неоперативные руководители колхозов сорвали дело огромной государственной важности. Эртаев все свел к тому, что по вине Камилы и Инобат стране и армии грозил голод. Были колхозы, которые даже не начинали сев из-за того, что не было семян. Но по словам Эртаева выходило, что все зло в колхозе «Путь Ленина».

На заседании исполкома был Умаров.

— Мрачную картину нарисовал нам товарищ Эртаев, — сказал он. — Давайте думать, как выправить положение.

Слово попросил Камил.

— Эртаев,— он нарочно не произнес слова товарищ,— говорил о нерадивых, неоперативных руководителях. Но кто же он сам?

Камил удивлялся спокойствию, с которым произносил слова. Он смотрел прямо перед собой и говорил то, что хорошо продумал и взвесил в эти дни.

— В то время как рядовые люди самоотверженно трудятся, Эртаев только и делает, что понукает их. Люди для него ишаки, которых сколько бьешь, столько едешь. Мне говорят: нужны факты, доказательства. Все у нас в кишлаке знают, что Эртаев развратничает с женой фронтовика. Мне говорят: докажите! Назвать улицу и номер дома, где они встречаются?

— Та, о которой вы говорите, будет моей женой! — крикнул Эртаев.

Умаров бросил на него быстрый взгляд. Камил продолжал, будто ничего не слышал:

— Эртаев поддерживает воров, помогает укрывать от армии нужных ему людей, посылая взамен их других. Мне говорят: это случайная ошибка, к которой Эртаев не имеет прямого отношения. Почему так защищают Эртаева? Говорят, он умеет работать. Что значит работать? Погонять? Многие здесь сидящие помнят, как Эртаев настаивал на дополнительных поставках. Но что он сделал, чтобы вовремя был завезен семенной фонд?

— Надо было раньше поехать за семенами, и вы бы не сорвали посевной, товарищ Джалалов! — крикнул Эртаев.

Камила и Эртаева прервал Умаров:

— То, что вы говорите, очень серьезно, товарищ Джалалов. Бюро райкома обязательно этим займется. Но сейчас поставлен вопрос о срыве сева. Мы не имеем права уклоняться от его решения. В этом товарищ Эртаев прав.— Умаров говорил очень тихо и спокойно, тем самым подчеркивая категоричность сказанного и заранее предупреждая возможную перепалку.

Камил вытер мгновенно вспотевший лоб и сел.

Инобат повернула коня с дороги. Иноходец ступил передними ногами на набухшую влагой пахоту, рванулся и, не слушая повода, вынес Инобат на дорогу. Инобат

и Камил спешились, прошли несколько шагов, увязая в пахоте.

— Что же делать, Камилджан? Сеять нельзя!..

Камил сжал горсть земли, выжимая влагу.

— Может быть, подсушит ветром... Но все равно, если земля не согреется, зерно сгниет...

— Когда всем плохо, сироте хуже всех,— сказала Инобат.— Обычно в это время еще бывает тепло.

Они пошли к дороге, тяжело переставляя ноги с налипшей на сапоги грязью.

Всю дорогу до кишлака ехали молча.

● ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кучкар с Ларисой уехали. Акмаль после неудачной попытки расстроить свадьбу Гульчехры не выходил из дома. Машраб и Муяссар бродили вдвоем по улицам, и кишлак казался им пустым. Стояли ветреные холодные дни. Листья облетели, голые деревья стучались на ветру холодными, мокрыми ветвями. На плотине шумела вода, и в голых тополях чернели пустые гнезда аистов. Машраб и Муяссар чувствовали себя покинутыми.

— Чего мы повесили носы? Бывают же временные неудачи? Сколько месяцев Красная Армия отступала, а зато как теперь рванулась вперед! — говорил Машраб.

— Конечно,— соглашалась Муяссар. Но все равно обоим было грустно.

Когда они приходили к Акмалю, Салия-хала встречала их слезами.

— Что она сделала с моим сыном, проклятая! — говорила она и поднимала к небу худые руки.

Акмаль отмалчивался и только уныло морщил длинный нос. Было непонятно, рад он или не рад приходу друзей. Машраб не выдержал, сказал:

— Что ты раскис? Кроме Гульчехры, девушек нет?

— Наверно, есть,— ответил Акмаль.— Кроме Муяссар тоже есть девушки, но тебе же они не нужны!

Машраб быстро оглянулся: слышала Муяссар или нет? Она играла в другом конце комнаты с младшей сестренкой Акмаля.

— Пройдет год, и ты сам будешь удивляться, что горевал из-за этой пышки,— нарочно громко сказал Машраб.

— Наверное, так и будет,— покорно согласился Акмаль.

От покорности Акмаля Машраб совсем расстроился.

Вышли на улицу. Машраб сказал:

— Теперь я понимаю, почему Кучкар всегда не любил Гульчехру.

— Ты не ответил Акмалю на его вопрос,— сказала Муяссар.

— Ты же не Гульчехра!

— Дура я, совсем дура,— сказала Муяссар.— Упрекаем Акмаля, а сами раскисли...

Она робко притронулась к руке Машраба, и он сжал ее пальцы.

Всю неделю кишлак жил ожиданием: ждали повесток призывникам. Ждали, чем кончатся неприятности, нависшие над Инобат и Камиллом.

Инобат каждое утро уезжала в степь. В степь она ехала рысью, камчой торопя иноходца, а назад возвращалась шагом, и те, кто встречал ее, понимали: сеять нельзя! Прямо из степи она шла к Камилу и только потом приходила в правление.

Камил, с тех пор как вернулся из поездки за семенами, все время побаливал. На совещании в исполкоме он сидел с температурой, пересиливая недуг, но, когда вернулся домой, не выдержал и слег.

Машраб и Муяссар каждый день навещали его. Камил оживлялся, становился веселым.

— А-а, комсомол и поэзия! — говорил он.— Хорошее содружество!

Муяссар сначала смущалась, потом привыкла.

— Камилджан, что же это такое? Эртаев здоровый, а ты больной?! — говорил Машраб.

— Он как яблоко, снаружи здоровое, а внутри червивое. А я только снаружи больной, а внутри здоровый. Меня на трех Эртаевых хватит,— отшучивался Камил.

— Как же так получается? Почему процветают такие люди, как Чавандаз, Эртаев?

— Милые мои, когда народ увлечен тяжелой борьбой, где-то на задворках всегда появляется всякая нечисть: людям не до нее, — сказал Камил. — Погодите, кончится война, вернутся фронтовики, и от Эртаевых пух полетит.

— Когда вернутся и кто? На фронте гибнут лучшие люди! — сказал Машраб.

— Спасибо, Машрабджан. Значит, я — самый худший... — Камил засмеялся.

— Я не так сказал! — Машраб покраснел.

— Ничего, ничего, Машрабджан. Хороших людей больше, чем плохих. Всех не перебеешь!

Ночью Машраб проснулся оттого, что в соседней комнате с кем-то разговаривала Гульсум-апа.

Он лежал и никак не мог догадаться, кто этот человек, который так ласково говорит с матерью.

— Я понимаю, как вам нелегко, Гульсум-апа. Но я никогда не сомневался в вас, — говорил мужчина.

— Разве обо мне речь? Я боюсь за детей. В таком возрасте юноши чутки к малейшей несправедливости.

— Мы были не намного старше их, когда устанавливали здесь советскую власть. А взрослеть всегда трудно. Зато в трудностях вырастают настоящие мужчины!

Машраб появился на пороге комнаты, шурясь от света. За сандалом сидел майор с двумя орденами и держал в руках пиалу с чаем. Из-под воротника гимнастерки выглядывал бинт. Машраб узнал отца Кучкара раньше, чем тот сказал:

— А-а, джигит! Подойди-ка, подойди поближе к свету... Наша порода, Гульсум-апа. Вылитый Агзам! А вы боитесь!..

— Правда, похож на Агзама? Вы тоже это заметили? — спросила Гульсум-апа. Очень довольная, она посмотрела на Машраба.

— А моего, к сожалению, нет. Жаль, я не знал, что он в Ташкенте. Трудно сейчас оттуда выбираться...

— Не беспокойтесь, Клыч-ака. Кучкар не из тех, кто пропадет. Если бы он знал, что вы здесь! — сказал Машраб.

Клыч засмеялся.

— А вот Гульсум-апа за вас боится, — сказал он.

Клыч шел по улице, а у него за плечами, как верные телохранители, маячили Машраб и Акмаль. Весть о том, что с фронта вернулся отец Кучкара, облетела кишлак. Из калиток выглядывали и почтительно здоровались женщины. Старики выходили, чтобы пожать Клычу руку и обменяться словами приветствия. Над дувалами торчали головы ребятишек, они никогда еще не видели майора, самым крупным военным чином, приезжавшим в кишлак, был капитан Абубакиров.

К ночи повернул ветер, и казалось, в кишлак снова вернулось лето с его теплом и солнцем. Только пустые гнезда аистов в голых тополях напоминали о зиме.

Возле плотины Клыч сказал:

— Хоп! Вы, ребята, идите. Я хочу один побродить.

Машраб и Акмаль присели на плотине, греясь на солнце, и смотрели, как Клыч шел по улице в правление колхоза.

Он поравнялся с кладбищем, обогнул мечеть — места, памятные по годам гражданской войны. Вернулся к дому, где провел детство. Прав ли он был, покинув эти места? Сейчас это уже не имело значения. Надо было решать, как поступить теперь, принимать предложение обкома оставаться в районе или нет. Когда-то он уехал отсюда, потому что не мог пережить измену жены. Но то все личное, давно приглушенное временем...

Клыч снова вышел к плотине. Издалека увидел сидящих на солнце Машраба и Акмаля, помахал им рукой, и они вскочили, готовые следовать за ним. Он засмеялся. Эта готовность ребят как-то сразу решила все его сомнения. Он свернул в проулок и вышел к правлению.

В правлении Инобат собрала стариков и советовалась, можно ли начинать сев. Одни старики, во главе с Курбаном-ата, считали, что, раз снег растаял и светит солнце, можно сеять, другие сомневались, говорили, что земля холодная и зерно погибнет.

Инобат обрадовалась приходу Клыча.

— Что вы посоветуете, Клыч-ака? — спросила она и лукаво прищурилась.

— Откуда мне знать такие тонкости, я человек военный, Инобатхон! Наверно, лучше запросить совет районного начальства...

— Вот я и спрашиваю вас, Клыч-ака...

Клыч засмеялся. Кажется, Инобат уже знала о предложении, которое ему сделали в обкоме.

— Я бы подождал пару деньков, пока согреется земля,— сказал он.

— Спасибо, Клыч-ака, так и сделаем. Хочу поделиться с вами радостью. Получила письмо. Через пару дней приезжает Палван.

— Э-э... Это не только ваша радость, Инобат! Слетаются соколы!..

В кабинет вошел Камил. Раненая рука его была туго забинтована, щеки ввалились, а глаза блестели, как бывает при высокой температуре. Увидев майора с золотыми погонами, он смутился.

— Не узнаете, Камилджан?

— Как же не узнаю, Клыч-ака? Здравствуйте. Очень хорошо, что приехали.

Он неловко протянул левую руку, и Клыч долго ее не отпускал.

— Опять ходишь с температурой, Камилджан? Что мне с тобой делать? — спросила Инобат.

Камил достал из кармана гимнастерки сложенное треугольником письмо.

— Как я мог не прийти? Вот, читайте,— сказал он.

Клыч сидел ближе всех к нему и взял письмо. Оно было написано простым карандашом, некоторые буквы стерлись. Клыч некоторое время читал про себя, с трудом разбирая слова, потом сказал:

— Э-э... Такое письмо надо читать вслух...

«Уважаемому и дорогому нашему брату Камилджану Джалалову. Пусть станет известным, что мы, Эшмат сын Мумина, кушая здесь посланный богом хлеб насущный, вот, наконец, прибыли на фронт и просим аллаха, чтобы вы были живы-здоровы.

Дорогой брат мой, Камилджан!

Так уж, видно, на роду написано — сегодня ли, завтра мы идем в самое пекло. Сами вы знаете, что такое война. Вернусь ли живым, увидимся ли мы с вами — суждено знать одному аллаху. Но у меня на душе есть одна невысказанная исповедь.

Пусть простит меня всевышний, братец Камилджан,

сделал я много недобрых дел, много натворил зла. Вместо меня отправили в трудовой батальон Эшмата-ака. А я нужен был здесь. Я занимался воровством колхозного добра, сводничал, жульничал, жил в свое удовольствие. Но сам аллах свидетель, дорогой братец, я делал все не столько для себя, сколько для Эртаева и Чавандаза. Что бы я ни добывал, все уходило в их ненасытную утробу. Мне они обещали: спасем тебя от фронта. А я, смертный, вскормленный на сыром молоке, поверил. Но когда случилась беда, во всем оказался виноват я, они остались беленькими, как хлопок. Вы можете спросить меня, братец Камилджан: какая моя цель? Почему я признаюсь в этом теперь? А вот какая. Если останусь жив, сам поговорю с этими подлецами, а если умру, пусть не останутся злодеи без наказания и пусть не уйдет вместе со мной в могилу моя боль...»

Старики переглядывались, качали головами. Курбан-ата вскочил и снова сел.

— Дальше идут душеспасительные излияния и просьба не оставлять без присмотра детишек,— сказал Клыч и сложил письмо.

— Когда грабили крестьян, Чапаев стрелял за мародерство.— Курбан-ата встал, надел фуражку.— Дай мне письмо, Клыч! Я пойду поговорю с Чавандазом,— сказал он.

Клыч положил письмо в карман гимнастерки.

— Нет, Курбан! С Чавандазом буду разговаривать я! И не только с ним...

Старики еще сидели у Инобат молчаливые и растерянные, а сторож уже докладывал в кабинете Чавандаза:

— Пришел Клыч-ака! Велел доложить.

— Какой еще Клыч-ака?

— Тот самый... Майор, герой войны, о котором весь кишлак говорит...

— Зачем пришел? Что ему надо?

— Это вы у него спросите, раис-ака,— сказал сторож и пошел к двери.

Чавандазу показалось, что сторож усмехнулся. Не надо было, конечно, притворяться, что он не знает, кто такой Клыч, когда со вчерашнего дня только и думал о его приезде.

Чавандаз вышел на середину комнаты в шапке из ко-

ричневой смушки, с камчой в руке. Пусть видит, что для долгих разговоров нет времени.

Клыч вошел, поздоровался, но Чавандаз словно не слышал приветствия, смотрел на ордена и нашивки о ранениях на гимнастерке гостя. «Если бы иметь хоть один орден, одну нашивку, я бы знал, как с тобой разговаривать», — подумал он.

— Я пришел поговорить с тобой, Халмат-бай, — сказал Клыч.

Обращение «бай» немного успокоило. Во всяком случае, Клыч, видимо, понимает, что значит общественное положение председателя кишлачного Совета.

— Очень хорошо, Клыч... Я сам хотел зайти. Потом подумал: будет ли вам это приятно? И Гульсум-апа, у которой вы остановились, не очень меня любит...

— Прошлым делам прощение! — перебил Клыч. — Прочти-ка для начала это письмо...

Клыч бросил письмо Эшмата на стол.

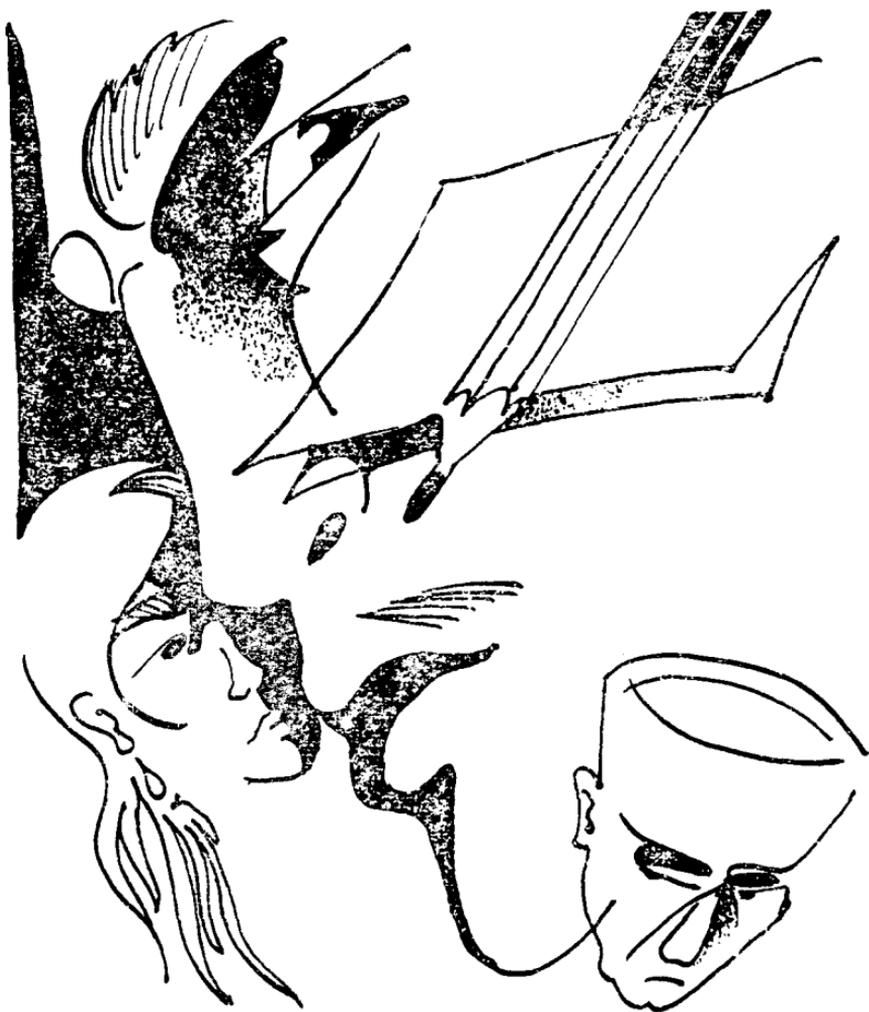
Чавандаз с минуту смотрел на письмо, потом снял шапку, сел за стол. Клыч тоже присел к столу, не спуская с Чавандаза глаз. Чавандаз читал, а Клыч изучал его пополневшее лицо с двойным подбородком, морщины на покато с залысинами лбу. Лицо хмурилось, на мгновение Чавандаз поднял глаза, и Клыч уловил в них выражение затравленности. Чавандаз продолжал читать, и на губах его играла злобная улыбка.

— Ложь, клевета! — крикнул он и хотел разорвать письмо, но Клыч перехватил и сжал его руку.

Оба медленно поднялись, в упор глядя друг на друга. Чавандаз неожиданно усмехнулся.

— Послушай, Клыч-бай! Я не думал, что ты стал за эти годы провокатором. Собираешь мелкие факты? Лучше скажи прямо: мстишь за Фатиму?! — Чавандаз разжал кулак, и письмо упало на стол. — Этим письмом займется прокуратура. Саморазоблачение вора. Он решил оклеветать Эртаева за то, что тот пресек его хищения. Неблаговидными делами занимаетесь, товарищ майор!

— Ловко! — Клыч засмеялся. — Понятно, почему ты столько лет процветаешь! Но теперь все, Халмат-ака, теперь твоя наглость тебя не спасет. В одном могу тебя утешить: отвечать будешь не один, вместе с твоим покровителем Эртаевым!

Когда Клыч вышел, в коридоре почему-то оказался сторож.

— Поговорили, Клыч-ака? — спросил он.

— Поговорили, отец!

— Вот и хорошо, а то они тут совсем распустились.

Из-за дувалов пахло пловом. Все кишлачные собаки бродили по улицам и облизывались. Накануне Седьмого ноября кончили озимый сев, и колхозникам выдали по

килограмму риса и по два килограмма баранины. Призывники получили повестки, и к праздничному настроению прибавилась горечь расставания. Но всю полноту этой горечи испытывали только матери. Сами призывники после проводов, которые устроил колхоз, собрались на свою вечеринку и всю ночь веселой ватагой бродили по кишлаку, пугая собак. Давно уже кишлак не был таким шумным и оживленным.

Махира-буви с молодых лет славилась умением варить плов.

— Я уже забыла, когда в последний раз варила плов,— говорила Махира-буви, помешивая в казане баранину.

Гости собрались в мехмонхане. Пришел Клыч с Кучкаром: после возвращения Кучкар как тень ходил за отцом. Пришла Инобат с приехавшим Палваном. Когда она вошла в гостиную рядом со своим громадным мужем, видно стало, какая она маленькая и худенькая.

Впервые в жизни Машраб и Кучкар сидели вместе со взрослыми. Захмелевший Курбан-ата поманил пальцем Машраба и вышел с ним на айван.

— Ты молодец,— сказал Курбан-ата.— Ты пошел по дороге отца и напомнил мне мою молодость...

Машраб слушал и не мог понять: неужели только для того, чтобы сказать это, старик увел его сюда?

Сердце гулко билось от волнения.

Курбан-ата долго кашлял. На глазах у него выступили слезы. Он глубоко дышал, чтобы успокоиться.

— Ты, кажется, знаешь мою дочь,— сказал он.— Между прочим, она неплохая девушка. Умница, комсорг. Ну и красивая. Так, по крайней мере, мне говорят... Одним словом, запомни: до твоего возвращения буду гнать к шайтану всех сватов.

Машраб не знал, что ответить, а Курбан-ата и не ждал его ответа. Старик повернулся и пошел к гостям.

Муюссар с женщинами обслуживала гостей. Пробегая с подносом мимо Машраба, она не подняла на него глаз.

Когда Машраб вернулся в гостиную, Гульсум-апа спросила:

— Где ты пропадал, сынок? Садись.

Кто-то сказал:

— Клыч-ака хочет говорить...

Клыч поднялся с пиапой мусалласа.

— Друзья мои, давно мы не собирались вместе... Мы уже выпили все, что положено, за наш светлый праздник. Теперь выпьем за здоровье и счастье наших сыновей. Им предстоит трудное испытание. Они будут добивать на фронте врага. Но и мы, их отцы, не будем сидеть здесь без дела. К их возвращению мы должны очистить наш воздух от карьеристов, стяжателей, которые присосались к советской власти, к партии... И мы это сделаем, обещаю это вам, сыновья!..

— Сделаем! — басом крикнул Палван.

Курбан-ата вскочил, расплескивая вино.

— Они доказали, что могут называться даже чапаевцами!

Инобат сказала:

— Спасибо вам, мальчики! Вы уже немало сделали. Теперь вам осталось самое трудное. Пусть вам будет удача...

— Э-э, какие же они мальчики! Они заслужили право называться мужчинами! — крикнул Камил.

Машраб и Кучкар только переглядывались: они никогда не слыхали столько похвал и не знали, как к ним относиться.

Машраб искал повод, чтобы заговорить с Муяссар, но она, появляясь в гостиной, даже на него не смотрела.

Когда внесли плов, пришел Акмаль. Камил увидел его, сказал:

— Вот еще один славный джигит. Иди садись.

Акмаль неуклюже присел, подбирая под себя ноги. Он был грустен, и его длинный нос уныло нависал над губой.

— Хорошо, что ты пришел, Акмальджан,— сказал Камил.— Произошли некоторые изменения. Ты не едешь в армию. Решено тебя послать на курсы механизаторов. Весной предстоит много работы...

— Эту новость надо было говорить не ему, а его матери — смотрите, он совсем нос повесил,— засмеялась Инобат.— Ничего, сынок, во время посевной у трактористов будет работы, как на фронте.

Машраб увидел на айване Муяссар. Она стояла и смотрела во двор, прижавшись лбом к резному столбу.

Воспользовавшись тем, что гости отвлеклись разговором о будущем Акмаля, Машраб вышел.

— Муяс,— тихо позвал он и тронул девушку за плечо.

— Не подходи, ты пьяный!

— Кто пьяный?

— Ты пьяный со вчерашней вечеринки. У тебя не было времени поговорить со мной...

— Хорошо, я виноват, я очень виноват. Но разве время сейчас сердиться? Уйдем отсюда...

Но уйти им не дали. Мастура окликнула Муяссар, и та убежала.

Только на рассвете, когда гости стали расходиться, Машраб увел ее на плотину.

— Послушай, Муяссар, почему ты на меня не смотришь?

— Я вас боюсь...

— С каких это пор ты стала говорить мне «вы»?

— С тех пор, как вы стали на меня так смотреть...

— Как?

— После того как вас назвали мужчиной, вы стали на меня смотреть не так, как раньше...

По дороге проехала арба, вторая... Арбы выезжали из переулка и, скрипя высокими колесами, проезжали к правлению. На этих арбах через два часа должны были везти в город призывников. Машраб увидел испуганные глаза Муяссар. Запершило в горле. Неужели его убьют и он никогда больше не увидит кишлака, не будет стоять на этой плотине под тополями с опустевшими гнездами аистов, никогда больше не увидит Муяссар?.. Машраб вздохнул, будто глотнул воздуха. Нелегко быть мужчиной... Но почему-то все мальчишки торопятся повзрослеть...

● СОДЕРЖАНИЕ

ПТИЦА ЖИВА КРЫЛЬЯМИ	7
НЕЛЕГКО СТАТЬ МУЖЧИНОЙ	195

Адыл ЯКУБОВ

**ПТИЦА ЖИВА КРЫЛЬЯМИ
НЕЛЕГКО СТАТЬ МУЖЧИНОЙ**

Приложение к журналу «Дружба народов»

М., Известия», 1973, 384 стр. с илл.

Редактор приложений **Е. Усыкина**

Оформление «Библиотеки» **А. Гаракина**

Редактор **М. Серебрянникова**

Художественный редактор **И. Смирнов**

Технический редактор **В. Новикова**

Корректор **В. Филимонова**

«Сдано в набор 27/VII 1973 г. Подписано в печать 3/XII 1973 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. печ. № 1. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 19,90.
Зак. 397. Тираж 100 000 экз.

Цена 87 коп.

Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»
Москва, Пушкинская пл., 5.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета
Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли.

Минск, Красная, 23.

В 1973 году
издается 15 книг
библиотеки

«ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

- Анар** — Круг. Перевод с азербайджанского.
- С. Антонов** — Три повести.
- В. Берце** — В этом и моя судьба. Перевод с латышского.
- П. Бровка** — Когда сливаются реки. Перевод с белорусского.
- Е. Воробьев** — Земля, до востребования.
- Б. Горбатов** — Непокоренные. Донбасс.
- Р. Кашаускас** — Глаза моей матери. Перевод с литовского.
- Г. Панджикидзе** — Камень чистой воды. Седьмое небо. Перевод с грузинского.
- М. Петров** — Старый Мултан. Перевод с удмуртского.
- Л. Промет** — Иероглифы жизни. Перевод с эстонского.
- А. Якубов** — Птица жива крыльями. Нелегко стать мужчиной. Перевод с узбекского.
- А. Рыбаков** — Водители. Екатерина Воронина. Незвестный солдат.
- В. Тендряков** — Избранное.
- С. Ханзадян** — Мхитар спарапет. Перевод с армянского.
- Г. Ходжер** — Амур широкий.